РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2022 ГОДУ

В монографии отражены результаты исследований, проведенных сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН в рамках тематики государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и касающихся актуальных проблем социально-демографической ситуации в стране.

Концепция научного труда в части освещения демографической ситуации в России в 2022 году строится на получении достоверного научного знания демографического развития страны с позиции национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления. В этой связи в контексте нынешней демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции, важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политики.

Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-демографических процессов, политикам, управленческому персоналу.

• ПРОСПЕКТ •
Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

9 785392 386291

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

• ПРОСПЕКТ •

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2022 ГОДУ

• ПРОСПЕКТ •

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2022 ГОДУ

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2023

УДК 314/316
ББК 60.5+60.7
Р76

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН.

Рецензенты:
чл.-корр. РАН, д-р филос. наук **В. Н. Иванов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН);
д-р ист. наук, проф. **О. А. Хасбулатова** (Правительство Ивановской области).

Редакционный совет:
чл.-корр. РАН, д-р экон. наук **С. В. Рязанцев** — отв. редактор;
д-р социол. наук, проф. **Т. К. Ростовская** — отв. редактор;
Е. М. Моисеева — отв. секретарь.

Р76 **Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году** : [монография] / С. В. Рязанцев [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. — Москва : Проспект, 2023. — 448 с.
ISBN 978-5-392-38629-1
DOI 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023
EDN GKFMMP

В монографии отражены результаты исследований, проведенных сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН в рамках тематики государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и касающихся актуальных проблем социально-демографической ситуации в стране.

Концепция научного труда в части освещения демографической ситуации в России в 2022 году строится на получении достоверного научного знания демографического развития страны с позиции национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления. В этой связи в контексте нынешней демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции, важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политики.

Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-демографических процессов, политикам, управленческому персоналу.

УДК 314/316
ББК 60.5+60.7

ISBN 978-5-392-38629-1

© Авторы, текст, 2023
© ФНИСЦ РАН, 2023
© Оформление.
ООО «Проспект», 2023

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

С. В. Рязанцев (1.1, 4.6),
Т. К. Ростовская (2.2, 4.3, 4.4, Введение, Заключение),
В. Н. Архангельский (2.3), **В. А. Безвербный** (4.2),
Т. И. Борзунова (4.7), **А. Д. Брагин** (4.6),
С. А. Вангородская (2.5, 2.6), **М. Л. Вартанова** (4.1),
Е. Н. Васильева (4.3), **О. А. Волкова** (3.6),
О. Д. Воробьева (1.3), **В. А. Гневашева** (2.1),
В. Г. Дацышен (3.1), **В. Г. Доброхлеб** (1.2),
О. А. Золотарева (4.4), **А. В. Зубко** (2.6),
А. Е. Иванова (2.6), **С. Ф. Карпова** (4.5),
Е. Ю. Киреев (3.4), **Е. А. Князькова** (2.2),
Е. А. Кублицкая (3.3), **Н. Г. Кузнецов** (1.4),
О. В. Кучмаева (2.2), **В. Ю. Леденева** (3.2, 4.6),
А. С. Лукьянец (1.4), **С. Б. Макеева** (3.1),
Р. В. Маньшин (4.7), **Н. Ю. Микрюков** (4.2),
Т. Р. Мирязов (4.2), **Е. М. Моисеева** (1.4, 4.7),
Г. Ф. Морозова (4.7), **А. Ю. Нестеров** (4.5),
Г. И. Осадчая (3.4, 3.5, 3.6, 4.1), **С. М. Попова** (4.5),
А. Х. Рахмонов (3.2), **Т. П. Сабгайда** (2.6),
В. Г. Семенова (2.6), **С. Ю. Сивоплясова** (2.4),
Е. П. Сигарева (2.4), **С. В. Ткачев** (3.1),
А. В. Топилин (1.3), **А. И. Тышкевич** (1.4),
Н. В. Чернышева (3.1), **С. М. Шахрай** (4.5),
М. Н. Храмова (4.6), **Т. Н. Юдина** (3.5),
А. А. Яник (4.5)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....6

I. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Детерминанты демографического благополучия в системе национальной безопасности России 8

1.2. Гендерный аспект демографической безопасности 21

1.3. Неустойчивость рынка труда России в период пандемии и мирового экономического кризиса 33

1.4. Климатические риски для населения в контексте национальной безопасности России..... 56

II. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СЕМЬЯ, РОЖДАЕМОСТЬ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

2.1. Трансформационные волны воспроизводства и миграции трудовых ресурсов..... 72

2.2. Студенческая семья в России: проблемы, перспективы, стратегия поддержки 86

2.3. Рождаемость в России в 2021 г.....111

2.4. Консервативность и новизна модели репродуктивного поведения молодого поколения в современной России.....140

2.5. Долголетие как социально-демографический феномен 155

2.6. Прогресс в достижении здорового образа жизни и благополучия российского населения 163

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

3.1. Исторический аспект регулирования миграционных процессов в России 182

3.2. Этнические группы мигрантов в России 203
3.3. Этноконфессиональные и социокультурные представления коренного населения и миграционных групп московского мегаполиса (опыт социологических исследований) 217
3.4. Трудовые мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: миграционный опыт и поколенческие особенности 230
3.5. Социально-экономическое самочувствие женщин-мигранток из Киргизии в московском мегаполисе 247
3.6. Социальная адаптация женщин из Узбекистана в Москве и Московской области 263

IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

4.1. Особенности демографической политики России, стран — членов и кандидатов в члены ЕАЭС в период социально-экономической трансформации 280
4.2. Стратегии пространственного развития России: агломерации vs сбалансированное развитие 295
4.3. Семейно-демографическая политика в материалах СМИ 313
4.4. Формирование национальной системы кадрового потенциала в сфере демографического развития 324
4.5. Совершенствование правового регулирования привлечения мигрантов в регионы России 343
4.6. Оценка политики интеграции мигрантов с использованием российского индекса интеграции 375
4.7. Региональные особенности развития рынка труда России как факторы миграции населения 387

Заключение 408

Список использованной литературы 410

Сведения об авторах 443

ВВЕДЕНИЕ

Концепция настоящего научного труда в части освещения демографической ситуации России в 2022 г. строится на получении достоверного научного знания о демографическом развитии России с позиции национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления, которая определена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и представляет собой «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны».

Демографическая безопасность выступает одной из ведущих составляющих национальной безопасности. Не случайно в актуальной версии Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 2 июля 2021 г., к числу национальных интересов на долгосрочную перспективу первым пунктом отнесены «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан».

В этой связи в контексте нынешней демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции, важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политике.

Стабильность демографического развития страны и ее регионов является не просто стержнем национальной безопасности государства, но и фактором, определяющим статус России как ведущей мировой державы в XXI в.

Актуальность достижения демографической стабильности неоспорима. Под влиянием демографических процессов происходит возобновление трудовых ресурсов по различным количественным и качественным характеристикам, что является одним из необходимых условий расширенного воспроизводства. Данные процессы непосредственно воздействуют на результаты экономической дея-

тельности общества, на социальные аспекты развития государства. Сокращение рождаемости означает снижение численности рабочей силы, что приводит в итоге к увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население. В то же время уменьшение численности активной трудоспособной части населения приведет к невозможности не только количественного, но и качественного воспроизводства высоко квалифицированных профессиональных кадров.

По данным Росстата на 1 января 2022 г., численность населения России равна 145 478 097 человек, масштабы общей убыли населения за 2021 г. количественно составили около 693 тыс. человек (на 1 января 2021 г. численность населения была равна 146 238 185 человек). Вторая волна депопуляции или новая «демографическая яма», в которую вошла Россия в 2016–2017 гг. и находится в ней по настоящее время, несет в себе значительную угрозу для экономики государства. В нашей стране пятый год подряд снижается рождаемость. По высокому варианту прогноза Росстата, к 2025 г. число женщин в основном фертильном возрасте предположительно сократиться от их численности на начало 2021 г. на 8,62%, а к 2030 г. — уже на 18,51%. Таким образом, всплеска рождаемости в обозримом будущем (как минимум в ближайшие десять лет) ждать не стоит. Стагнация уровня смертности, которая наблюдалась с 2016 по 2019 г., и ее существенный рост в 2020 г., спровоцированный «излишней» смертностью из-за пандемии COVID-19, а также сокращение рождаемости определили рост естественной убыли населения России на протяжении последних пяти лет. Устойчивое снижение уровня рождаемости в России является причиной не только естественной убыли населения, но и главным фактором демографического старения, будущего сокращения контингента трудовых ресурсов вследствие ссуженного замещения трудовых ресурсов, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное.

Отметим, что в текущем столетии определенно усиливается значимость роли демографического фактора в формировании геополитической обстановки. При этом динамика демографических процессов в России все больше и больше оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие как страны в целом, так и ее отдельных регионов, ряд из которых можно признать вымирающими, что дает основания для присвоения демографическим угрозам статуса серьезных национальных угроз.

Структура и содержание монографии «Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году» задается главными направлениями научных исследований Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Книга будет полезна академическому сообществу и органам управления, заинтересованным в разработке мер семейной и демографической политики, сфере профессионального образования.

I. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Детерминанты демографического благополучия в системе национальной безопасности России[1]

Исторически понятие «благополучие» происходит из психологии. В западной психологии понятие «благополучие» (“well-being”) определяется в самом широком смысле как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Затем понятие «благополучие» вошло в социологию, получив социальное наполнение. Социальное благополучие в зарубежных исследованиях оценивается успешностью физического, психического, социального и экономического функционирования в социуме[2].

Демографическая наука пока не использует понятие «благополучие», хотя определенные признаки его имплементации из психологии и социологии отмечаются. Например, достаточно близок к демографии подход Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В используемой ВОЗ дефиниции здоровья — «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физического дефектов» — понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью. В состояние социального благополучия включаются несколько составляющих, в том числе субъективная оценка физического, психического, духовного, социального благопо-

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07352. В данном разделе монографии использованы переработанные авторами материалы ранее опубликованной научной статьи: *Рязанцев С. В.* Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19.

[2] Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations / Ed. by D. Raphael. Canadian Scholars Press, 2016. 392 p.

лучия. Восприятие личностью своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых она живет, а также в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами ВОЗ характеризует как качество ее жизни[1].

В демографической науке и практике реализации демографической политики за последние десятилетия отмечается эволюция теоретико-методологических подходов к определению векторов и результативности демографического развития государств.

С конца 1940-х гг. вплоть до настоящего времени в демографии доминирует теория демографического перехода, которая увязывает результативность демографических процессов с социально-экономическими трансформациями в обществе, определяя параметры демографического роста и демографического развития обществ и государств, находящихся на разных этапах социально-экономической и демографической трансформации. Появляется понятие «демографического роста», также вводится термин «замещающая миграция». Считалось, что иммиграция, приток иммигрантов, прежде всего трудоспособного возраста, могут заместить демографические потери стран с депопуляцией. Термин «замещающая миграция» впоследствии вызвал критику со стороны некоторых демографов, когда стало очевидно, что большое количество иммигрантов не может быстро быть интегрировано и ассимилировано в принимающих странах с депопуляцией. В результате значительная популяция иммигрантов в буквальном смысле замещала местное население и формировала новое социокультурное пространство в некоторых городах и регионах Европы, вызывая недовольство и конфликты.

С 1990-х гг. становится актуальным концепция демографической безопасности (Concept of Demographic Security), что отражается на секьютеризации демографической и миграционной политики. Все чаще на государственном уровне демографические процессы рассматриваются как составляющая национальной безопасности. В частности, Н. М. Римашевская вводит в научный оборот термин «русский крест», описывая им ситуацию превышения числа умерших над числом родившихся в России в 1990-е гг.[2] По мнению В. Б. Жиромской, депопуляция — это вымирание населения вследствие его суженного воспроизводства[3]. В. А. Ионцев настаивает на термине «демографический кризис», полагая что демографическая ситуация в России характеризуется крайне негативными тенденциями, требу-

---

[1] Клиническая психология. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. Д. Твороговой. 2-е изд. М.: Практическая медицина, 2016. 608 с.

[2] *Римашевская Н. М.* «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.

[3] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

ющими реакции со стороны государства[1]. Л.Л. Рыбаковский оперирует терминами «демографическая безопасность», описывая депопуляцию, и использует применительно к России такие словосочетания как «обезлюживание территорий» (в контексте потерь населения на Дальнем Востоке), «режим воспроизводства населения, характеризующийся африканской смертностью и европейской рождаемостью»[2]. С.В. Соболева под демографической безопасностью понимает состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. По ее мнению, демографические угрозы — это явления, тенденции и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства[3].

Подчеркнем, что все перечисленные выше работы фактически лежат в русле подхода «демографической безопасности», подчеркивая негативный характер демографических процессов в России. С данным направлением полемизирует А.Г. Вишневский в монографии «Русский или прусский?» считая, что негативные демографические процессы, происходящие в России в 1990–2000-е гг. (т.е. ситуация «демографического креста»), являются следствием объективной демографической трансформации, характерной для всех экономически развитых стран мира[4]. В русле данного направления высказывается С.В. Захаров относительно трансформации рождаемости, подчеркивая, что ее снижение является объективным процессом, характерным для большинства экономически развитых стран мира[5]. По сути, авторы данных работ считают, что вложения в демографическую политику не имеют особого смысла, поскольку не могут кардинально изменить объективный характер демографических процессов.

В 2020-е гг. ООН вводится новое понятие «демографическая устойчивость» (Demographic Resilience). Фонд ООН по народонаселению объ-

---

[1] *Ионцев В.А.* Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах / В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102.

[2] *Рыбаковский Л.Л.* Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М.: Экон-Информ, 2003. 55 с.

[3] *Соболева С.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов / С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.

[4] *Вишневский А.Г.* Русский или прусский? Размышления переходного периода. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 384 с.

[5] *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

явил десятилетием демографической устойчивости 2022–2032 гг. В рамках данной инициативы выделены ключевые направления, актуальные на среднесрочную перспективу: демографическое старение населения; оживление сельских районов; поддержка рождаемости; достижение гендерного равенства и проведение семейной политики; поддержка устремлений молодых людей; финансирование социальной политики.

В контексте идеи демографической устойчивости было реализовано несколько крупных проектов, в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В частности, 1–2 декабря 2021 г. крупная международная конференция министров по демографическому развитию "Shaping Europe's Demographic Future: Pathways for Societies to Thrive in a World of Rapid Demographic Change" в Софии (Болгария). Обозначенные социально-демографические проблемы имеют особую актуальность во многих странах Центральной и Восточной Европы (в Беларуси, Болгарии, Венгрии, Молдове, России, Сербии, Украине), которые в последние десятилетия столкнулись с проблемой депопуляции и миграционного оттока населения. Сокращение численности и миграционные потери населения лишают государства региона демографической устойчивости и становятся тормозом социально-экономического развития. В данном контексте становится актуальным нейтрализация рисков демографической устойчивости и обеспечение условий для перехода к концепции демографического благополучия в странах региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии.

В июле 2022 г. после оживленных дискуссий ЮНФПА опубликовал региональную программу демографической устойчивости для Европы и Центральной Азии (Demographic Resilience Programme for Europe & Central Asia), которая направлена на поддержку и укрепление потенциала стран региона в разработке политики и программ в области народонаселения и социальной защиты, нацеленных на реагирование на демографические изменения, усиление человеческого капитала и построение благополучного будущего. Демографическая устойчивость как концепция подчеркивает важность динамики населения для социально-экономического развития и благополучия отдельно взятых людей, а также для политической стабильности и безопасности. Демографическая устойчивость — это цель, которая включает в себя способность предсказывать демографические сдвиги, понимать их последствия и разрабатывать политические меры, основанные на фактических данных с учетом прав человека[1].

[1] Программа демографической устойчивости для стран Европы и Центральной Азии / Региональный офис ЮНФПА для Восточной Европы и Центральной Азии. Стамбул, 2022. 8 с. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf.

Предложенная программа ЮНФПА призвана решить демографические проблемы в регионе Восточной Европы и Центральной Азии, где страны столкнулись с демографическими вызовами. Правительства многих стран Восточной Европе, включая Российскую Федерацию, обеспокоены тем, что низкая рождаемость, миграционный отток, демографическое старение населения и, в некоторых случаях, сокращение населения и глубокая депопуляция окажут негативное влияние на экономику и устойчивость систем социального обеспечения, а также на жизненно важные объекты инфраструктуры и систему услуг в районах с низкой или уменьшающейся плотностью населения. В Центральной Азии демографическая устойчивость связана с наличием относительно большой доли молодежи и возможностью использования демографического дивиденда[1].

В настоящем исследовании не только предложено понятие «демографическое благополучие», но и предпринята попытка разработать методику оценки демографического благополучия на примере регионов (субъектов) Российской Федерации. В качестве источников статистической информации были использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), представленные на ее официальном сайте в разделе «Демография», а также в сборниках «Демографический ежегодник России» и «Численность и миграция населения Российской Федерации». На основе данных официальной демографической статистики построена серия картографических материалов, отражающих региональную дифференциацию демографических показателей, включенных в методику оценки демографического благополучия субъектов Российской Федерации. Картографические материалы составлены с использованием ГИС-технологий, что позволило использовать обширную базу геоданных с возможностью хранения, обновления и редактирования. С помощью ГИС удалось визуализировать данные и определить особенности в географическом распределении регионов с разным уровнем демографического благополучия.

Демографическое благополучие следует рассматривать как минимум с двух точек зрения. Во-первых, с позиции человека и семьи (микроуровень), когда под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации матримониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Во-вторых,

[1] Программа демографической устойчивости для стран Европы и Центральной Азии / Региональный офис ЮНФПА для Восточной Европы и Центральной Азии. Стамбул, 2022. 8 с. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf.

демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т.е. на макроуровне. В этом случае демографическое благополучие можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет.

В связи с формулированием понятия «демографическое благополучие» встает вопрос о критериях и методике оценки данной категории. Для регионов Российской Федерации предлагается следующий перечень позиций (подходов) оценки демографического благополучия.

Во-первых, демографическое благополучие должно характеризоваться положительной или восходящей демографической динамикой численности населения страны или региона, которая должна носить устойчивый характер, т.е. продолжаться в течение нескольких лет.

Во-вторых, демографически благополучными могут считаться страны или регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счет двух компонент: естественного и миграционного прироста населения. Регионы, в которых отмечается миграционная или естественная убыль населения, но при этом имеет место общий прирост, не могут считаться демографическим благополучными. Важным является превышение абсолютных значений рождаемости над смертностью.

В-третьих, важным аспектом благополучия является уровень рождаемости около или выше простого воспроизводства населения: суммарный коэффициент должен быть близок к простому воспроизводству населения, т.е. 2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста.

В-четвертых, демографическое благополучие отличается структурой смертности с отсутствием экстремальных «выбросов» в виде сверхсмертности в различных возрастах, например, трудоспособных, младших, пожилых, а также незначительной (умеренной) доли предотвратимых причин в общей структуре смертности.

В-пятых, важным моментом является качественная составляющая демографического благополучия, например, сбалансированная половозрастная структура населения, характеризующаяся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития страны или региона.

На основе описанных подходов в качестве *показателей оценки демографического благополучия* необходимо выделить следующие: 1) восходящая динамика численности населения; 2) положительный естественный и миграционный прирост; 3) суммарный коэффициент рождаемость более 2,14–2,15 детей на одну женщину; 4) структура смертности с умеренным вкладом внешних (предотвратимых) причин смерти; 5) сбалансированная половозрастная структура населения.

Российская Федерации на протяжении длительного периода своей новейшей истории живет в режиме депопуляции. За тридцать лет естественная убыль населения составила 14,4 млн человек, однако миграция компенсировала примерно 2/3 естественной убыли. В результате население страны сократилось лишь на 4,8 млн человек. Присоединение Крыма в 2014 г. уменьшило эту величину до 2,5 млн человек. Худшим периодом в демографическом развитии России были 1996–2005 гг. До середины 2000-х гг. вследствие роста смертности, начавшимся после дефолта 1998 г., естественная убыль населения держалась на отметке 840–850 тыс. человек в год. Это было самое трудное время депопуляции. Затем последовало десятилетие преодоления депопуляции и «оздоровления» демографической о ситуации в стране. Но улучшение длилось недолго. За ним вновь наступила вторая волна депопуляции. Принципиальным отличием этого этапа демографического развития страны является то, что величина естественной убыли определяется исключительно сокращением числа родившихся, а смертность продолжает снижаться[1] (табл. 1.1.1).

Таблица 1.1.1

Показатели демографического развития России в 2016–2021 гг. (тыс. человек)

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Число родившихся	1 888,7	1 690,3	1 604,3	1 481,1	1 436,5	1 398,3
Число умерших	1 891,0	1 826,1	1 828,9	1 798,3	2 138,6	2 441,6
Естественная убыль	–2,3	–135,8	–224,6	–317,2	–702,1	–1 043,3
Миграционный прирост	262,0	211,9	124,9	285,1	106,5	429,9
Общий прирост населения	259,6	76,0	–99,7	–32,1	–577,6	–613,4
Численность населения на начало года	146 545	146 804	146 880	146 781	146 749	146 171

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

В условиях негативных демографических тенденций давать оценку категории «демографическое благополучие» применительно к субъектам Российской Федерации достаточно сложно, однако возможно на основе анализа данных демографической статистики по обозначенным выше параметрам (табл. 1.1.2).

[1] *Рязанцев С. В.* Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819.

Таблица 1.1.2

Распределение субъектов Российской Федерации по результативности и компонентам демографических процессов в 2020 г.

Субъекты Российской Федерации, в которых население сократилось (67), в том числе за счет:		
естественной убыли и миграционного оттока населения	45	Республики Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия — Алания, Удмуртская, Хакасия и Чувашская; Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края; Амурская, Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Астраханская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская и Еврейская автономная области
превышения естественной убыли над миграционным приростом	19	Республики Крым и Татарстан, Красноярский край, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Свердловская области, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург
превышения миграционного оттока над естественным приростом	3	Республики Бурятия, Карачаево-Черкесская, Чукотский автономный округ
Субъекты Российской Федерации, в которых население увеличилось (16), в том числе за счет:		
естественного и миграционного приростов	5	Республики Ингушетия, Алтай, Саха (Якутия), Тюменская область без автономных округов, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	5	Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Тыва, Чеченская, Ямало-Ненецкий автономный округ
превышения миграционного прироста над естественной убылью	6	Республика Адыгея, Краснодарский край, Калининградская, Ленинградская, Московская области, город федерального значения Севастополь

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

По первому критерию — положительная (восходящая) и устойчивая демографическая динамика — если в 2019–2020 гг. к демографически благополучным регионам можно было отнести девятнадцать регионов (22%), то в 2020–2021 гг. только восемнадцать субъектов Российской Федерации (21% от общего числа регионов страны) (рис. 1.1.1, 1.1.2)[1]. Наиболее благополучными (хотя и относительно) в демографическом отношении можно считать город Севастополь (рост населения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. составил 7,6%), Республику Ингушетию (1,7%), Чеченскую Республику (1,3%), Республику Саха (Якутия) (1,0%), Ленинградскую область (0,9%), Ханты-Мансийский автономный округ (0,8%), Республику Тыва (0,8%), Калининградскую область (0,7%), Ямало-Ненецкий автономный округ (0,7%) и Республику Дагестан (0,7%). В остальных 66 субъектах Российской Федерации отмечалось сокращение населения, т.е. регионы были демографически неблагополучными.

По второму критерию — положительный общий прирост населения за счет естественного и миграционного прироста — демографически благополучными в 2020 г. могли считаться только шесть регионов страны (или 7% от их общего количества) (рис. 1.1.3)[2]. К их числу относились Республика Саха (Якутия) (+12,7 тыс. человек), Тюменская область (+5,1 тыс. человек), Ханты-Мансийский автономный округ (+13,7 тыс. человек), Ненецкий автономный округ (+293 человека), Республика Ингушетия (+8,9 тыс. человек), Республика Алтай (+869 человек). В 2021 г. их численность и состав практически не изменились: только в шести регионах страны (или 7% от их общего количества) отмечался общий прирост населения (рис. 1.1.4)[3]. К их числу относились Ханты-Мансийский автономный округ (+13,8 тыс. человек), Республика Саха (Якутия) (+10 тыс. человек), Республика Ингушетия (+8,5 тыс. человек), Ямало-Ненецкий автономный округ (+3,8 тыс. человек), Кабардино-Балкарская Республика (+1,1 тыс. человек), Ненецкий автономный округ (+215 человек).

Демографически неблагополучными по второму критерию в 2020 г. были 79 субъектов Российской Федерации (93% от их общего количества). Наиболее проблемными оказались Чукотский автономный округ (–988 человек), Смоленская область (–13,27 тыс. человек), Республика Мордовия (–10,64 тыс. человек), Тамбовская область (–10,99 тыс. человек), Владимирская область (–15,22 тыс. человек) (рис. 1.1.3). Все эти регионы потеряли в 2020 г. более 1% населения при отрицательных значениях естественного и миграционного приростов. В 2021 г. демографически неблагополучными в 2021 г. оказа-

[1] Рисунки 1.1.1, 1.1.2 см. на цветной вклейке в конце книги.

[2] Рисунок 1.1.3 см. на цветной вклейке в конце книги.

[3] Рисунок 1.1.4 см. на цветной вклейке в конце книги.

лись уже 79 субъектов Российской Федерации (93% от их общего количества). Наиболее проблемными оказались Еврейская автономная область (−2,2%), Смоленская область (−12,5%), Орловская область (−9,7%), Курганская область (−10,8) (рис. 1.1.4). Все эти регионы потеряли в 2021 г. более 1,3% населения при отрицательных значениях естественного и миграционного приростов. 25 регионов страны за год потеряли более 1% населения.

Следует отметить, что в 2020 г. в естественном движении населения позитивная динамика отмечалась в тринадцати регионах (рис. 1.1.5)[1]. К их числу относятся Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Кабардино-Балкария, Республика Алтай, Бурятия, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкессия и Тюменская область. Максимальные значения коэффициента естественного прироста на 1000 жителей наблюдались в Чечне (13,7), Ингушетии (12,5) и Тыве (более 10,8). Положительные значения естественного прироста в большинстве случаев связаны с высоким уровнем рождаемости, сохраняющемся в национальных республиках Российской Федерации.

В 2021 г. позитивная динамика в естественном движении населения отмечалась только в девяти регионах (рис. 1.1.6)[2]. К их числу относятся Чеченская Республика, Ингушетия, Тыва, Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Кабардино-Балкарская Республика, Ненецкий автономный округ. Максимальные значения коэффициента естественного прироста на 1000 жителей наблюдались в Чечне (14,2), Ингушетии (12,1) и Тыве (10,9). Положительные значения естественного прироста по-прежнему были обусловлены в большинстве случаев высоким уровнем рождаемости в этнических регионах.

Миграционный прирост населения в 2020 г. отмечался в 31 субъекте Российской Федерации (36% регионов) (рис. 1.1.7)[3]. Наиболее привлекательными в миграционном отношении были субъекты с развитой экономикой, высоким уровнем заработной платы и емким рынком труда, которые стягивали на себя населения из прочих регионов России и стран СНГ — Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и другие. Регионы Южного федерального округа привлекают население мягким климатом в сочетании с возможностью ведения бизнеса и трудоустройства. Особенно популярным для мигрантов в 2019–2020 гг. стали агломерации Краснодара и Сочи.

[1] Рисунок 1.1.5 см. на цветной вклейке в конце книги.

[2] Рисунок 1.1.6 см. на цветной вклейке в конце книги.

[3] Рисунок 1.1.7 см. на цветной вклейке в конце книги.

Максимальные значения миграционного прироста на 10 тыс. жителей отмечались в Севастополе (1313), Ленинградской области (168), Калининградской области (101), Калужской области (67), Московской области (65,7), Якутии (61) и Краснодарском крае (55).

В 2021 г. миграционная ситуация значительно улучшилась: положительный миграционный прирост отмечался в 54 регионах страны (63% регионов) (рис. 1.1.8)[1]. По-прежнему, наиболее привлекательными оставались столичные агломерации: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, а также Краснодарский край. Регионы Максимальные значения миграционного прироста в относительном измерении отмечались (на 10 тыс. жителей) отмечались в тех же регионах — картина за год существенно не изменилась. Среди них были Севастополь (298), Калужская область (225) Ленинградская область (200), Адыгея (169), Калининградская область (157), Московская область (146), Чукотский автономный округ (111), Якутия (86) и на Камчатская область (78).

По третьему критерию — суммарному коэффициенту рождаемости близкому к простому воспроизводству населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) — к демографически благополучным в 2020 г. можно было отнести только Республику Тыву (2,97), Чеченскую Республику (2,57) и Ненецкий автономный округ (2,25) (рис. 1.1.9)[2]. Самый низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости характерен для регионов европейской России с преобладанием русского населения и высокой долей численности городского населения. К их числу относятся Орловская область (1,27), Пензенская область (1,23), Саратовская область (1,23), Смоленская область (1,15), Тамбовская область (1,28), Тульская область (1,25) (рис. 1.1.9).

В 2021 г. к демографически благополучным в 2020 г. можно было отнести только Республику Тыву (2,94) и Чеченскую Республику (2,5) (рис. 1.1.9). Самый низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости характерен для регионов европейской России с преобладанием русского населения и высокой долей численности городского населения. К их числу относятся Орловская область (1,22), Республика Мордовия (1,11), Саратовская область (1,24), Смоленская область (1,13), Ленинградская область (1,04), Тульская область (1,22) (рис. 1.1.10)[3].

Четвертый критерий — структура смертности по причинам. Исследования группы демографов под руководством А. Е. Ивановой показывают, что важным элементом демографического благополучия является структура смертности населения. В частности, экстремальные «выбросы» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах свидетельствуют о нарушении «стандартной» структуры

[1] Рисунок 1.1.8 см. на цветной вклейке в конце книги.

[2] Рисунок 1.1.9 см. на цветной вклейке в конце книги.

[3] Рисунок 1.1.10 см. на цветной вклейке в конце книги.

смертности населения, влияя негативно на демографический потенциал регионов[1].

Среднее значение показателя смертности в трудоспособном возрасте по России составляет 497 смертей на 100 тыс. человек в 2020 г. Ниже всего уровень смертности среди трудоспособного населения отмечался в республиках Северного Кавказа: Ингушетия (200,1), Дагестан (222,7), Карачаево-Черкесия (326,8), Республика Кабардино-Балкария (336,1), а также в г. Москве (331,8). Высокая смертность в трудоспособном возрасте в 2020 г. отмечалась в Чукотском автономном округе (780,1), Амурской области (736,4), Республике Тыва (730,5), Иркутской области (685,8) и Еврейской автономной области (680,3).

Уровень младенческой смертности на 100 тыс. новорожденных в 2020 г. в Республике Чувашия (209,71), Республике Коми (232,9), Калмыкии (287,62), Мордовии (296,54) и Адыгее (301,86) в 2020 г. был самым низким в стране (в среднем по России 444,41 младенческая смерть на 100 тыс.). Вместе с тем экстремальные значения по данному показателю наблюдались в Чукотском автономном округе (1 435,64 смертей на 100 тыс. новорожденных). Высокий уровень младенческой смертности фиксировался также в Костромской области (752,08), Республике Алтай (745,97), Дагестане (682,53) и Ненецком автономном округе (674,91).

По пятому критерию — сбалансированности половозрастной структуры населения, характеризующейся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития — наиболее благополучная ситуация в 2020 г. наблюдалась в четырех субъектах Российской Федерации, в том их числе Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Ингушетия.

В сравнении со средними значениями по России в данных регионах наблюдается высокая доля населения младше трудоспособного возраста (табл. 1.1.3). В перспективе это позволит рассчитывать на меньшие потери в численности трудоспособного населения. Вместе с тем доля старшей возрастной группы значительно ниже среднего значения по стране.

Общая картина половозрастной структуры представленных выше территорий схожа (рис. 1.1.11). Данные регионы характеризуются высокой долей сельского населения вместе с выраженной национальной спецификой. Рождаемость в таких субъектах продолжает оставаться на высоком уровне.

---

[1] *Иванова А. Е.* Старт национальных проектов в сфере демографии и здравоохранения: региональные особенности // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 5. С. 4; *Иванова А. Е,* Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России / А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). С. 1.

Таблица 1.1.3

Возрастная структура населения (%)

Возрастная группа	Респ. Ингушетия	Респ. Алтай	Респ. Саха (Якутия)	Ненецкий АО	Российская Федерация
моложе трудоспособного	28,01	27,83	24,52	24,47	18,70
трудоспособного	59,02	53,99	58,59	57,01	56,34
старше трудоспособного	12,96	18,17	16,88	18,52	24,96

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

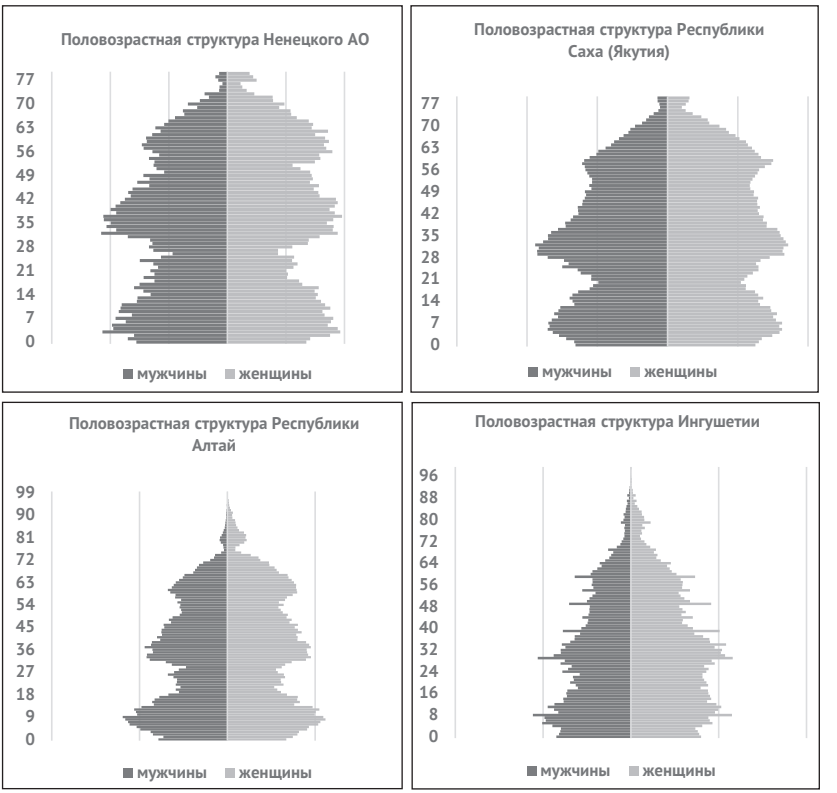

Рис. 1.1.11. *Половозрастная структура Ненецкого автономного округа, Республики Саха (Якутия), Республики Алтай и Республики Ингушетия, 2020 г.*

Наименьшая доля населения младше трудоспособного возраста наблюдается в регионах европейской части России. К ним относятся Тульская область (15%), Тамбовская область (15,1%), Республика

Мордовия (15,1%), г. Москва (15,5%), Смоленская (15,6%), Ленинградская (15,6) и Воронежская (15,9) области.

Наибольшая доля старшей возрастной группы также наблюдается в субъектах центральной России. Это Тамбовская (30,3%), Тульская (29,9%), Рязанская (30,3%), Пензенская (29,4%), Псковская (29,2%) и Новгородская области (29,1%).

Таким образом, в контексте демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политике. Полагаем, что в этой связи целесообразно шире вводить в обиход и активно использовать понятие «демографическое благополучие» при мониторинге и анализе демографической ситуации, а также с целью придания позитивной направленности и социального оптимизма процессам управления демографическими процессами.

Содержание термина «демографическое благополучие» следует рассматривать, как минимум, на двух уровнях: макроуровне (страны, региона) и микроуровне (семьи, домохозяйства, человека). В каждом из подходов имеется собственная специфика, что накладывает отпечаток на подходы к методике и оценке показателя демографического благополучия. В рамках Российской Федерации на демографические процессы оказывают значительное влияние социокультурные, региональные, этнорелигиозные особенности населения. Данные аспекты требуют учета в методике оценке демографического благополучия регионов страны. Требует дальнейшего развития методика оценки демографического благополучия для территорий в части развития показателей и статистических демографических данных, используемых для их характеристики.

1.2. Гендерный аспект демографической безопасности[1]

Обострение демографических вызовов в новых геополитических, экономических и социальных условиях жизни общества требует их углубленного изучения и анализа степени их влияния на проблемы национальной безопасности. При этом значительное воздействие на динамику демографических процессов оказывает гендерный фактор. В социальных науках сформировался гендерный подход, как направление исследований, ориентированных на изучение проблем и факторов достижения равных прав и возможностей женщин и мужчин в обществе, при этом подчеркивается, что признаются биологические различия между полами. Существенное значение придается социо-

[1] В данном разделе монографии использованы переработанные автором материалы ранее опубликованной научной статьи: *Доброхлеб В. Г.* Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС / В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондакова // Женщина в российском обществе. 2022. № S1. С. 4–18.

культурной оценке и интерпретации социальных иерархий, способствующих выстраиванию системы неравенства на основе различий по полу. Данный подход исследователи рассматривают как вариант стратификационного анализа общества. При этом существенным является тезис о неравном распределении ресурсов по признаку пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола[1].

Гендерное равенство и улучшение положения женщин являются признаваемыми целями, выраженными в Декларации тысячелетия[2], Целях устойчивого развития[3] и Документе «20 Ключевых результатов к 2020 г.» Восточного партнерства[4]. Гендерное равенство — это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира, процветания, устойчивого развития демократического общества. Чем выше уровень гендерного равенства, тем больше ответственности, паритетности и результативности в выполнении членами семей своих бытовых, экономических, нравственно-воспитательных, защитных и других важных функций. Гендерное же неравенство тормозит экономическое развитие страны, так как снижает качество человеческого капитала, который является главным фактором и локомотивом развития экономики.

Интересным для научного анализа представляется рассмотрение с позиций гендерного подхода проблем демографической безопасности в ЕАЭС. С 2014 г. по инициативе Республики Казахстан, а также при активном участии России и Республики Беларусь реализуется интеграционный проект «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС). В Союз вошли Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь, Республику Армения, Кыргызская Республика. Основой объединения государств является свобода движения капитала, товаров и услуг, а также рабочей силы. Страны договорились проводить единую политику в ключевых отраслях экономики, в частности, в области человеческих ресурсов. При этом, с учетом демографической динамики каждой из стран, входящих в ЕАЭС, интересы и их острота в решении демографических вопросов различны.

---

[1] Гендерная панорама современной России [монография] / В. Г. Доброхлеб [и др.]; отв. ред. В. Г. Доброхлеб, З. А. Хоткина, М. В. Беликова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с.

[2] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

[3] Цели в области устойчивого развития // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 04.03.2022).

[4] Двадцать ключевых результатов к 2020 г. // EU Neighbours: [сайт]. URL: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2017-11/eap-generic-factsheet-digital_Russian.pdf (дата обращения: 04.03.2022).

На сегодняшний день недостаточно изучены многие аспекты развития систем народонаселения в межгосударственном интеграционном объединении ЕАЭС. Поэтому целью настоящей работы является исследование современной демографической динамики с акцентом на гендерную составляющую в странах Союза. Это важно для понимания исследователями и органами управления того, как создание и функционирование союза может способствовать преодолению современных демографических вызовов.

Демографическая безопасность — это защищенность социально-экономического развития общества от внутренних и внешних демографических угроз, обеспечивающая как минимум сохранение геополитического, экономического, этнического и т.д. статуса государства[1]. Демографические угрозы — тенденции и явления, негативно воздействующие на функционирование демографической сферы и противоречащие выбранным государственным задачам в области демографического развития, нарушающие независимость, целостность и суверенитет страны[2]. Главными угрозами в области демографической безопасности выступают изменение численности, структуры и состава населения; изменение расселения; динамика воспроизводства населения (смертность, рождаемость); миграционные процессы.

Значимым фактором устойчивого функционирования ЕАЭС является численность населения, которая представляет собой не только источник трудовых ресурсов, но и основной элемент в системе обеспечения социально-экономического развития. В 2021 г. численность населения стран, участвующих в ЕАЭС, составляла чуть больше 184 млн человек (табл. 1.2.1). Российская Федерация является бесспорным лидером Союза с точки зрения абсолютной численности населения. Вторым, но гораздо меньшим по численности населения государством является Казахстан (18 879,6 тыс. человек). При этом в совокупности оставшиеся страны составляют чуть больше 10% от общей численности населения данного интеграционного объединения.

Демографические проблемы одних стран ЕАЭС могут обостряют угрозу демографической безопасности Союза в целом. Согласно прогнозным данным ООН, к 2050 г. по сравнению с 2025 г. численность населения в России, Белоруссии и Армении сократится на 9%, 12%, 10% соответственно, тогда как Казахстана и Киргизии увеличится на 16% и 22% соответственно.

---

[1] *Карманов М. В.* Демографическая безопасность: теория, методология, оценка / М. В. Карманов, О. В. Кучмаева, О. Л. Петрякова // Экономика, Статистика и Информатика. Вестник УМО. 2015. № 4. С. 123–128.

[2] *Щелакова В. А.* Оценка демографической ситуации для обеспечения национальной безопасности России / В. А. Щелакова, В. В. Негреева, А. Б. Салманов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 77–92.

Таблица 1.2.1

Численность постоянного населения стран ЕАЭС на начало года (тыс. человек)

Страна ЕАЭС	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Доля населения в интеграционном объединении, %
ЕАЭС	183318,7	183715,4	183960,3	184273,9	184000,4	100
Армения	2986,2	2972,7	2965,3	2959,7	2963,3	1,6
Беларусь	9469,7	9448,3	9429,2	9410,3	9349,6	5,1
Казахстан	17918,2	18157,3	18395,6	18631,8	18879,6	10,3
Кыргызстан	6140,2	6256,7	6389,5	6523,5	6636,8	3,6
Россия	146804,4	146880,4	146780,7	146748,6	146171,1	79,4

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии[1]

Ключевым показателем национальной безопасности является уровень воспроизводства населения. В. Т. Сакаев выделил два типа стран: «европейский тип» (Россия, Беларусь, Армения), характеризующийся практически сопоставимыми уровнями рождаемости и смертности и низким (или нулевым) естественным приростом, и «центральноазиатский тип» (Казахстан, Кыргызстан), характеризующийся высокой рождаемостью, низкой смертностью и высоким естественным приростом[2]. Казахстан и Кыргызстан имеют самые высокие показатели суммарного коэффициента рождаемости (3,126 и 3,044 соответственно) (табл. 1.2.2).

Во всех странах Союза, за исключением Кыргызстана, наблюдается значительная диспропорциональность гендерного состава населения: преобладание численности женщин над мужчинами (табл. 1.2.3). В целом в ЕАЭС женщин в 1,14 раза больше, чем мужчин, наибольшая диспропорция в России (в 1,15 раз).

Анализ возрастной структуры населения показал, что страны ЕАЭС имеют существенные различия. Так, население Республик Казахстан и Кыргызстан почти на треть состоит из возрастной группы младше 15 лет, при этом удельный вес населения старше 65 лет составляет 5–8% В то же время в Российской Федерации и Республике Беларусь доля молодого поколения 17–18%, а пожилого — около 16% (рис. 1.2.1).

---

[1] Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. 460 с.

[2] *Сакаев В. Т.* Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 2 (164). С. 141–153.

Таблица 1.2.2

Показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС в 2016, 2020 гг.

Страна ЕАЭС	Коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 человек населения		Коэффициент смертности, число умерших на 1000 человек населения		Коэффициент естественного прироста, на 1000 человек населения		Суммарный коэффициент рождаемости	
	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.
ЕАЭС*	14,2	11,8*	12,0	11,5	2,2	0,3	—	—
Армения	13,5	12,3	9,4	12,2	4,1	0,1	1,647	1,656
Беларусь*	12,4	9,3*	12,6	12,8	–0,2	–3,5	1,733	1,382
Казахстан	22,5	22,8	7,4	8,6	15,1	14,2	2,77	3,126
Кыргызстан	26,0	24,0	5,5	6,1	20,5	17,9	3,06	3,044
Россия	12,9	9,8	12,9	14,6	0	–4,8	1,762	1,505

*В столбце 2020 г. показатели представлены за 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Таблица 1.2.3

Численность мужчин и женщин на начало года (тыс. человек)

Страна ЕАЭС	2017 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 к 2017 г. (%)	Доля во всем населении (%)
Мужчины						
ЕАЭС	85 552	85 939	86 142	86 022	100,5	47
Армения	14 18,8	1 401,7	1 397	1 398,1	98,5	47
Беларусь	43 77,6	4 358	4 350,5	4 321,1	98,7	46
Казахстан	8 668,5	8 913,2	9 034,1	9 160,4	105,7	49
Кыргызстан	3 042,5	3 169,6	3 237,6	3 294	108,3	50
Россия	68 044,3	68 096,4	68 123,1	67 847,8	99,7	46
Женщины						
ЕАЭС	97 767	98 021	98 132	97 979	100,2	53
Армения	1 567,4	1 563,6	1 562,7	1 565,2	99,9	53
Беларусь	5 092,1	5 071,2	5 059,8	5 028,5	98,8	54
Казахстан	9 249,7	9 482,4	9 597,7	9 719,2	105,1	51
Кыргызстан	3 097,7	3 219,9	3 285,9	3 342,7	107,9	50
Россия	78 760,1	78 684,3	78 625,5	78 323,2	99,4	54

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Эти особенности определяет заинтересованность интегрирующих стран в различных направлениях экономической и социальной политики. Так, важнейшими вопросами последних становятся проблемы функционирования пенсионной системы и системы здравоохранения, для первых — вопросы, связанные в первую очередь с молодежной политикой, образованием и т.д. Отметим, что Белоруссия, Россия и приближающаяся к ним по этому показателю Армения имеют высокий уровень демографического старения населения, который, как и во всех странах с низкой рождаемостью, будет только нарастать.

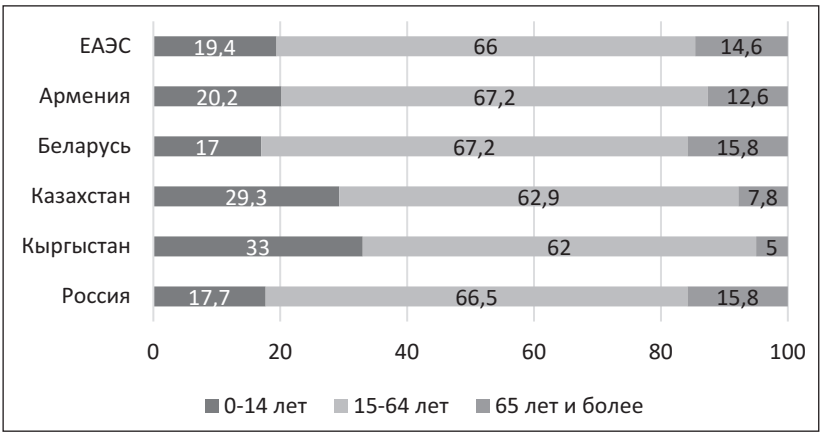

Рис. 1.2.1. *Удельный вес возрастных групп населения на 1 января 2021 г. (% от общей численности)*

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Еще одним важным показателем, характеризующим уровень демографической безопасности, является ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). Ожидаемая продолжительность жизни отражает сумму достижений страны в экономике, социальной сфере, сфере услуг, в политике социальной защиты, а также минимальных государственных гарантий, т.е. весь комплекс качества жизни в стране. Среди всех интеграционных стран ОПЖ при рождении у женщин выше, чем у мужчин, на 10–12 лет (табл. 1.2.4). По данному показателю Армения превосходит остальные страны ЕАЭС.

Одним из индикаторов, характеризующих как уровень развития страны, так и качество ее населения, является индекс человеческого развития (ИЧР)[1], рассчитываемый ПРООН с 1990 г. С момента образо-

[1] С 2010 г. в методику ПРООН были введены Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН), а с 2014 г. Индекс гендерного развития (ИГР).

вания ЕАЭС в мировом рейтинге по Индексу человеческого развития позиции Республики Казахстан и Республики Армения улучшились, позиции России и Республики Беларусь ухудшились, а показатели Кыргызской Республики остались неизменными (табл. 1.2.3). Наиболее высокую позицию среди государств — членов ЕАЭС в 2019 г. занимала Республика Казахстан (51-е место), далее — Российская Федерация (52-е место), Республика Беларусь (53-е место), Республика Армения (81-е место), Кыргызская Республика (120-е место). В ИЧР свои коррективы вносит неравенство, которое снижает показатель России на 10,2%, Армении — 9,9%, Кыргызстана — 9,6%, Казахстана — 7,2, Республики Беларусь — 6,3% (табл. 1.2.5).

Таблица 1.2.4

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах ЕАЭС (лет)

Страны	2016 г.			2020 г.		
	Мужчины	Женщины	Разница, лет	Мужчины	Женщины	Разница, лет
Армения	71,57	78,29	6,7	68,38	78,63	10,3
Беларусь	68,94	78,97	10,0	65,6	77,2	11,6
Казахстан	67,99	76,61	8,6	67,09	75,53	8,4
Кыргызстан	67	75,07	8,1	67,76	75,97	8,2
Россия	66,5	77,06	10,6	66,49	76,43	9,9

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Таблица 1.2.5

Позиция стран ЕАЭС в рейтинге Индекса человеческого развития (ИЧР), 2019 г.

Страна ЕАЭС	Значение ИЧР, 2019	Место страны в рейтинге ИЧР, 2019	Индекс гендерного развития	ИЧР, скорректированный с учетом неравенства	Общие потери, %
Казахстан	0,825	51	0,98	0,766	7,2
Россия	0,824	52	1,007	0,740	10,2
Беларусь	0,823	53	1,007	0,771	6,3
Армения	0,776	81	0,982	0,699	9,9
Кыргызстан	0,697	120	0,957	0,630	9,6

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН[1]

[1] Human Development Report 2020: The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. New York: United Nations Development Programme, 2020. 397 p.

Индекс гендерного развития (ИГР) в России в Республике Беларусь достигает 1,007, что относит их к группе стран с высоким равенством между мужчинами и женщинами в достижениях по ИЧР (абсолютное отклонение составляет менее 2,5%). При этом всего семь стран с очень высоким уровнем развития обгоняют Россию по индексу гендерного развития — это Латвия (1,036), Катар (1,30), Литва (1,030), Панама (1,019), Эстония (1,017), Уругвай (1,016) и Барбадос (1,008).

Примечательно, что в России и Республике Беларусь ИЧР у женщин (0,823 и 0,824 соответственно) превышает ИЧР у мужчин (0,817 и 0,819 соответственно). Прежде всего, у женщин выше ожидаемая продолжительность жизни при рождении, а также ожидаемая продолжительность обучения. Мужчины же выигрывают по показателям средней продолжительности обучения и ВНД на душу населения (табл. 1.2.6).

Таблица 1.2.6

ИЧР стран ЕАЭС и его компоненты для мужчин (М) и женщин (Ж), 2019 г.

Страна ЕАЭС	ИЧР		ОПЖ при рождении, лет		Ожидаемая продолжительность обучения, лет		Средняя продолжительность обучения, лет		Оценочный ВНД на душу населения (в долл. США 2017 г. по ППС)	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Казахстан	0,807	0,823	77,7	69,2	15,8	15,1	10,9	11,9	16,79	29,30
Россия	0,823	0,817	77,8	67,1	15,3	14,8	11,9	12,1	19,69	33,64
Беларусь	0,824	0,819	79,6	69,7	15,7	15,2	12,2	12,4	14,91	22,72
Армения	0,766	0,780	78,5	71,3	13,6	12,6	11,3	11,3	9,737	18,57
Кыргызстан	0,677	0,707	68,7	64,4	12,6	13,4	7,8	9,6	2,971	6,798

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН

По индексу гендерного неравенства (ИГН), отражающего степень расширения прав и возможностей женщин, у России 50 место в мировом рейтинге стран. При этом Республики Беларусь и Казахстан в рейтинге стран занимают более высокие позиции — 30 и 44 место соответственно. По расчетам ИГН, среди стран ЕАЭС «аутсайдером» является Кыргызстан, где примерно 36% человеческого потенциала не используется по причине неравенства между женщинами и мужчинами, тогда как в Республике Беларусь — всего 12% (табл. 1.2.7). Однако, несмотря на кажущееся относительное благополучие в области гендерного равенства в Республике Беларусь, проблемы дискримина-

ции по гендерному признаку, гендерного насилия, неравных условий и возможностей для мужчин и женщин там по-прежнему существуют, что подтверждается исследованиями[1].

Таблица 1.2.7

Индекс гендерного неравенства (ИГН) в ЕАЭС, 2019 г.

Страна ЕАЭС	ИГН		Коэф-т материнской смертности[2]	Коэф-т рождаемости у подростков[3]	Места в национальном парламенте, % женщин	Население, имеющее, как минимум, среднее образование, % лиц в возрасте 25 лет и старше, 2015–2019 гг.		Коэф-т экономической активности населения, % лиц в возрасте 15 лет и старше	
	Значение	Рейтинг				Ж	М	Ж	М
Казахстан	0,19	44	10	29,8	22,1	99,3	99,6	62,7	75,5
Россия	0,23	50	17	20,7	16,5	96,3	95,7	54,8	70,2
Беларусь	0,12	31	2	14,5	34,9	87,2	92,5	57,7	71,8
Армения	0,25	54	26	21,5	23,5	97,3	97,2	47,1	65,9
Кыргызстан	0,37	82	60	32,8	19,2	99,1	98,3	44,8	75,7

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН

Показатель гендерного неравенства состоит из трех индикаторов: репродуктивное здоровье, образование, политическое участие, рынок труда. Среди стран ЕАЭС Республика Кыргызстан сильно отстает по показателю репродуктивного здоровья: коэффициент материнской смертности и рождаемости у подростков в разы выше, чем в других странах. Здоровье и благополучие стран тесно связано с гендерным равенством, так как расширение прав и возможностей женщин способствует снижению материнской и младенческой смертности, повышение доступности контрацептивов и осознанности в их использовании, помогает в борьбе с заболеваниями, передающимися половым

[1] Дискриминация женщин Беларуси в трудовой сфере. Альтернативный отчет о соблюдении Конвенции по ликвидации дискриминации женщин Республикой Беларусь / Подготовлен Антидискриминационным центром «Мемориал» при информационной поддержке центра «Ее права» для 65-й сессии КЛДЖ ООН, 2016. 12 с.

[2] Число случаев смерти на 100 тыс. живорождений.

[3] Число рождений среди женщин в возрасте 15–19 лет в пересчете на 1 тыс. женщин.

путем. В свою очередь повышение уровня образования и дохода женщин позволит снизить смертность от неинфекционных заболеваний и улучшить их психическое здоровье.

Таким образом, в странах ЕАЭС существуют проблемы и угрозы демографической безопасности, обусловленные гендерным фактором. Среди наиболее значимых следует выделить демографический гендерный дисбаланс населения (преобладание численности женщин), гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, снижение показателя ОПЖ при рождении населения за время существования Союза. Для России и Беларуси демографическими вызовами являются депопуляция, низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, невысокий показатель продолжительности жизни, в первую очередь, у мужской части населения и старение населения. В Республиках Армения и Кыргызстан наблюдаются самые высокие показатели материнской смертности и низкий показатель экономической активности среди женщин. В то же время рост численности населения Республики Кыргызстан создает угрозу для нехватки мест комфортного проживания и ведения экономической деятельности.

Неоднородность демографических характеристик предопределяет разнонаправленные векторы социально-экономического развития стран. Также существуют объективные причины, тормозящие евразийскую интеграцию, среди которых важнейшими являются особенности национальных традиций и культур. Проведенный анализ дает ясную картину различия позиций стран Союза в мировых гендерных индексах.

Рассмотрим социальный статус женщин по основным индикаторам, входящим в показатель ИГН. Так, например, рождаемость среди подростков наиболее высока в Республики Кыргызстан (32,8 случая на 1000 населения в возрасте 15–19 лет). Однако в самой Республике данная проблема, также как и материнская смертность, не видится опасной и не рассматривается как социальное явление[1]. Вызывает опасения и распространенность искусственных абортов, которые используется для контроля рождаемости и регулирования размера семьи. В течение последних пти лет в структуре искусственных абортов уменьшается доля т.н. мини-абортов (с 60% до 40% между 2015 и 2020 гг.) и, напротив, увеличивается число и доля искусственных абортов на поздних разрешенных сроках (с 30% до 46%) и т.н. абортов по социальным показаниям (с 8% до 15%). Также в республике сохраняется модель ускоренного формирования семьи с минимальными интервалами между рождением детей (например, между рождениями

[1] *Авдеев А.А.* Демографические вызовы в развитии Кыргызской Республики (анализ демографической ситуации в Кыргызстане: обновление 2020 г.) Бишкек: ЮНФПА, 2021. 45 с.

первого и второго ребенка в среднем проходит 27,5 месяцев), что приводит к ухудшению здоровья женщин и детей, а также к сокращению вовлеченности женщин в производственную деятельность в течение продолжительного периода времени, что выливается в потерю квалификации, уменьшение оплаты труда, и, как следствие, меньшие размеры пенсий по старости.

Особый интерес вызывает показатель доли женщин в национальном парламенте. Женщины широко представлены в высших органах власти Беларуси (35%), аутсайдером является Россия (17%). Высокие показатели Беларуси достигнуты за счет гендерного квотирования. В тоже время выявлено, что в Кыргызстане и Армении даже если женщины и доходят до парламента, это еще не означает, что они получают возможность принимать участие в политических процессах. Распространены случаи, когда через некоторое время после выборов, женщины-депутаты по разным причинам покидали парламент, а на их место снова приходили мужчины. Также партии продвигали на квотированные места жен, сестер, дочерей мужчин-политиков, которые выступали в роли рупора для своих родственников, а не продвигали свою политическую повестку[1].

Проблемы в области преодоления гендерного неравенства в настоящее время находят свое отражение в политике государств ЕАЭС. В России в период 1990–2020 гг. Правительство неоднократно обращалось к вопросу улучшения положения женщин и повышения их роли в обществе, применяя для ее решения технологию разработки и реализации национальных планов действий и целевых программ. Так в 2017 г. принята «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.»[2]. В Белоруссии для внедрения гендерного подхода и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества реализован «Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг.»[3]. Также действует Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь, который осуществляет координацию

---

[1] *Тлегенова А.* Реалии и проблемы гендерной политики в Казахстане // Проект института по освещению войны и мира. URL: https://cabar.asia/ru/realii-i-problemy-gendernoj-politiki-v-kazahstane.

[2] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/5 (дата обращения: 26.02.2022).

[3] Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2017 г. № 149 «Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг.» // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Nats-plan.pdf (дата обращения: 26.02.2022).

проводимой в стране гендерной политики и выработку согласованных действий. В Белоруссии с 1991 г. активно действует Белорусский союз женщин (БСЖ) — самая массовая женская организация в стране, включающая около 4,5 тыс. первичных организаций. В республике Казахстан гендерная политика реализуется одновременно с семейной политикой. В 2016 г. утверждена «Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г.»[1]. Действует Институт гендерной политики — Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан. В Армении приоритеты Правительства в отношении принятия решений по достижению гендерного равенства утверждены в «Стратегии обеспечения гендерного равенства на 2019–2023 гг.», которая устанавливает обеспечение равного участия женщин в науке, образовании и социально-экономической сфере. В качестве координирующего механизма выступает Совет по вопросам женщин Республики Армения. В Республике Кыргызстан разработана «Национальная стратегия по достижению гендерного равенства до 2030 г.»[2]. Документ включает пять приоритетных направлений: расширение экономических возможностей женщин, культурную политику и функциональное образование, защиту от гендерной дискриминации и справедливое правосудие, женское политическое участие, регуляторная политика в целях обеспечения гендерного равенства.

Анализ гендерной политики стран ЕАЭС показал следующее:

— социальное положение женщин, как и социальную политику в отношении женщин, в первую очередь рассматривают через призму семейной политики и интересов семьи;

— одним из наиболее ярких проявлений гендерного неравенства является степень представленности женщин в органах политической власти, поскольку для достижения гендерного равенства в социальной, политической и экономической жизни общества, а также реализации женщинами равных с мужчинами прав и возможностей в управленческой деятельности, необходимо наличие представительства женщин во всех государственных органах и общественных организациях, принимающих важные решения;

---

[1] Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 г. № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г.» // Информационно-правовая система Әділет: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384 (дата обращения: 26.02.2022).

[2] Кыргызстан разработал стратегию по достижению гендерного равенства до 2030 г. // Министерства труда и социального развития Кыргызской Республики: [сайт]. 10.11.2021. URL: https://mlsp.gov.kg/2021/11/10/kyrgyzstan-razrabotal-strategiyu-po-dostizheniyu-gendernogo-ravenstva-do-2030-goda/ (дата обращения: 05.04.2022).

— в странах Союза отсутствуют развернутые статистические данные по деятельности государства в области гендерной политики, а также соответствующей статистической базы данных, позволяющей вести анализ динамики достижений в области равенства прав мужчин и женщин.

Важной целью ЕАЭС как межгосударственного объединения является работа в направлении улучшения качественных характеристик населения, которые находят отражения как в ИЧР, так и в гендерных индексах с учетом увеличения численности и улучшения половозрастной структуры населения. Необходимо учитывать, что залогом успеха ЕАЭС является обеспечение не только экономического роста и увеличение благосостояния населения стран-членов, но и сокращение разрывов в демографическом и социально-экономическом развитии между отдельными странами. В условиях обострения как внешних, так и внутренних вызовов, с которыми сталкивается ЕАЭС, необходимым становится совершенствование гендерного законодательства, которое может стать серьезным фактором развития экономической, социальной, политической и демографической деятельности государства.

В настоящее время углубленных исследований требуют причины и последствия гендерных стереотипов, играющих роль барьеров на пути достижения гендерного равенства во всех сферах частной и общественной жизни. Этот социокультурный феномен практически не меняется или меняется очень медленно, следовательно изучение механизмов его воспроизводства представляет научный и практический интерес.

1.3. Неустойчивость рынка труда России в период пандемии и мирового экономического кризиса

Формирование и функционирование рынка труда в 2020–2022 гг. происходит в условиях неблагоприятного воздействия как внешних, так и внутренних факторов. Распространение пандемии COVID-19 по всей территории России сопровождалось снижением темпов экономического роста и уровня доходов населения, увеличением безработицы. С начала 2022 г. усилилась политика западных стран по введению масштабных антироссийских экономических санкций. Потребовалась мобилизация материальных, финансовых, трудовых ресурсов для противодействия санкционной политике Запада и обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Пандемия коронавирусной инфекции как стихийный фактор оказала сильное дестабилизирующее воздействие на экономику и рынок труда. Потрясения экономики, вызванные пандемией, рассматриваются зарубежными исследователями как глобальный

катаклизм[1]. Рынок труда отреагировал повсеместно и наиболее на него остро. Из-за вынужденного простоя предприятий и организаций в период карантина, нарушения хозяйственных связей, банкротства многих малых и средних предприятий произошло падение производства, ВВП и спроса на рабочую силу. Часть занятого населения была уволена по сокращению штатов, другая отправлена в административные отпуска. С начала пандемии безработица резко возросла — с 3,5 млн человек в марте 2020 г. до 4,5 млн в мае этого же года. Уровень безработицы повысился с 4,7% до 6,4%. Рост безработицы отмечался во всех регионах России.

Проблемы трансформации рынка труда в условиях пандемии и восстановления экономики после кризиса рассматриваются в публикации А. Г. Аганбегяна и соавторов[2], в работах Н. Е. Бондаренко[3], Ю. Г. Одегова и А. Е. Разинова[4]. Региональные аспекты занятости и уязвимости на рынке труда отдельных социально-демографических групп населения, особенно молодежи, исследуются и частично отражены в статьях отечественных ученых (напр., Н. Ю. Ахапкина[5], К. Э. Лайкама)[6] и зарубежных авторов.

В воздействии пандемии на рынок труда и безработицу выделяются три этапа.

---

[1] *Mckibbin W. J.* The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios / W. J. Mckibbin, R. Fernando // CAMA Working Paper. 2020. № 19. 45 p.; *Pinkus G.* The 'War' on COVID-19: What Real Wars Do (and Don't) Teach Us About the Economic Impact of the Pandemic / G. Pinkus, S. Ramaswamy. Mckinsey Global Institute, 2020. 6 p. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-war-on-covid-19-what-real-wars-do-and-dont-teach-us-about-the-economic-impact-of-the-pandemic

[2] *Аганбегян А. Г.* Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А. Г. Аганбегян, А. Н. Клепач, Б. Н. Перфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широв // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18–26.

[3] *Бондаренко Н. Е.* Российский рынок труда в условиях пандемии коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 63–70.

[4] *Одегов Ю. Г.* Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть первая) / Ю. Г. Одегов, А. Е. Разинов // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 9–20; *Одегов Ю. Г.* Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть вторая) / Ю. Г. Одегов, А. Е. Разинов // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 2. С. 216–227.

[5] *Ахапкин Н. Ю.* Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 6. С. 52–65.

[6] *Лайкам К. Э.* Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 5. С. 49–57.

Первый — с марта по август-сентябрь 2020 г., когда уровень безработицы имел пиковые значения в большинстве регионов России — в 68 из 85, т.е. провалы рынка труда достигли максимальных значений. В 17 регионах пиковое значение было достигнуто в IV квартале 2020 г.

Второй, восстановительный этап, начался в сентябре-октябре 2020 г. и еще полностью не завершился. Факторами, которые повлияли на восстановление рынка труда, стали рост деловой активности и увеличение спроса на рабочую силу. Индекс промышленного производства в августе 2021 г. составил к августу 2020 г. 104,7%. Потребность в рабочей силе, заявленная работодателями в государственную службу занятости, увеличилась в июне 2021 г. до 2 190 тыс. вакансий против 1 700 тыс. в ноябре 2020 г.

Третий этап — с начала 2022 г., когда в результате ужесточения санкционной политики Западных стран следует ожидать сокращения числа рабочих мест и роста безработицы. Неустойчивость региональных рынков труда будет усиливаться.

Встает вопрос: как оценить способность региональных рынков труда к восстановлению, т.е. достижению допандемийных значений уровня занятости и безработицы, какова роль государства в этом процессе? В связи с этим предложена гипотеза: рынок труда обладает определенной гибкостью, т.е. способностью восстанавливаться. Отсюда следуют два предположения:

1) чем сильнее сжимается сфера занятости в период распространения пандемии, тем длительнее процесс восстановления рынка труда;

2) продолжительность периода восстановления рынков труда по регионам различна и зависит как от макроэкономических показателей, так и от деятельности местных органов власти в проведении активной политики занятости.

Цикличность рынка труда в условиях пандемии

Рынок труда подвержен циклическим колебаниям, обусловленным состоянием экономики и чередованием подъемов и спадов производства, деловой активности. Рассмотрим три цикла рынка труда как совокупность взаимосвязанных процессов: провалы рынка труда, его восстановление и развитие.

Провалы рынка труда проявляются в неустойчивости механизма обеспечения полной занятости населения, в усилении дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы по видам экономической деятельности и профессионально-квалификационным группам. Для России в силу специфики территориальной организации хозяйства актуальна проблема разбалансированности региональных рынков труда. Рыночные механизмы регулирования спроса и предложения рабочей силы, в том числе через потоки миграции, далеко не всегда приводят к желаемому результату с точки зрения интересов общества.

Под восстановлением рынка труда понимается достижение допандемийных значений показателей занятости и безработицы. Продолжительность восстановительного периода зависит от темпов роста экономики и спроса на рабочую силу, глубины провалов рынка труда, мер государственной поддержки граждан, потерявших работу.

Третий цикл — развитие рынка труда и формирование новых форм занятости, совершенствование социально-трудовых отношений и институциональных преобразований. В период распространения коронавирусной инфекции получили развитие такие формы занятости как удаленная работа[1], платформенная занятость[2].

Для оценки состояния региональных рынков труда нами выбран показатель уровня безработицы, который является своеобразным индикатором, отражающим региональные особенности сферы занятости. В научных исследованиях приводятся различные классификации видов безработицы. Так, Б. Д. Бреев рассматривал фрикционную, структурную и циклическую безработицу. К фрикционным безработным относят уволенных по собственному желанию, к структурным — уволенных в связи с высвобождением, сокращением штатов, ликвидацией предприятия, собственного дела, уволенные в связи с окончанием срока действия срочного трудового договора, а также договоров гражданско-трудового характера. Циклические безработные — это те граждане, которые не имеют опыта работы и уволенные из армии[3].

По данным выборочного обследования рабочей силы за II квартал 2021 г. структура безработных выглядит следующим образом: фрикционная — 27,4%, структурная — 16,3%, циклическая — 23,4%. С учетом распределения численности безработных по другим причинам пропорционально между фрикционной и структурной безработицей[4], окончательное распределение будет таким: фрикционная — 46,3%, структурная — 30,4%, циклическая — 23,3%.

Для оценки уровня фактической безработицы необходимо использовать такую важную категорию как естественная безработица. В зарубежной и отечественной литературе существуют различные подходы к содержанию этой категории. Так, например, Р. Дж. Эренберг и Р. С. Смит полагают, что естественный уровень безработицы складывается тогда,

---

[1] *Логинов Д. М.* Дистанционная занятость в период коронавируса: масштабы распространения и результативность внедрения / Д. М. Логинов, М. В. Лопатина // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 107–121.

[2] *Локтюхина Н. В.* Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России / Н. В. Локтюхина, Е. А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 80–95.

[3] *Бреев Б. Д.* Безработица в современной России. М.: Наука, 2005. 269 с.

[4] *Коровкин А. Г.* Количественные оценки соотношения циклической, фрикционной и структурной безработицы в России / Коровкин А. Г., Шурпиков В. А. // Научные труды ИНП РАН. 2018. Т 16. С. 163–176.

когда любое увеличение совокупного спроса не приводит к сокращению численности безработных[1]. Другие исследователи (К. Р. Макконелл, С. Л. Брю) утверждают, что полная занятость не означает отсутствия безработицы. При полной занятости она равна сумме фрикционной и структурной безработицы[2]. Это и есть естественная безработица.

В качестве условно естественной безработицы принят ее уровень, сложившийся до начала пандемии COVID-19. Все, что сверх этого уровня, отнесено к избыточной безработице, вызванной влиянием распространения коронавирусной инфекции на региональные рынки труда.

Пандемия COVID-19 оказала неодинаковое воздействие на различные виды безработицы. Фрикционная безработица в период первой волны пандемии скорее уменьшалась, чем увеличивалась. Это обусловлено тем, что она по своей сути выступает как добровольная, хотя эта добровольность носит зачастую условный характер. В сложившейся кризисной ситуации работник стремится удержаться на прежнем рабочем месте, чтобы не лишится заработка. Всплеск безработицы в период с марта по август-сентябрь 2020 г. был вызван ростом структурной безработицы в тех видах экономической деятельности, которые наиболее всего пострадали в первую волну распространения инфекции. По данным Росстата, в июле 2020 г. наибольшее сокращение числа замещенных рабочих мест по сравнению с июлем 2019 г. произошло в железнодорожных перевозках — на 14,3%, в водном транспорте — на 5,0%, в сфере гостиничного бизнеса и предприятий общественного питания — на 9,4%, в сфере научных исследований и разработок — на 2,0%, в обрабатывающих производствах и строительстве — на 1,5%[3].

Для анализа трансформации рынка труда авторами выбран показатель уровня безработицы, рассчитанный по методологии МОТ[4]. Уровень безработицы наиболее рельефно отражает состояние региональных рынков труда. В своем исследовании мы исходим из гипотезы о том, что при сильном сокращении, сжатии сферы занятости и высоком росте числа безработных процесс восстановления рынка труда приобретает длительный, затяжной характер. Статистической базой являются данные выборочных обследований рабочей силы.

---

[1] *Эренберг Р. Дж.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика / Эренберг Р. Дж., Смит Р. С.; под науч. ред. Р. П. Колосовой и др. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 777 с.

[2] *Макконелл К. Р.* Экономикс / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю. М.: Республика, 1992. 399 с.

[3] *Левашов В. К.* Российское общество и государство в условиях пандемии / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова, В. А. Афанасьев, О. В. Гребняк, О. П. Новоженина // Россия: Центр и регионы: сборник статей / отв. ред. В. Н. Иванов, Х. В. Дзуцев; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. Вып. 28. С. 7–46.

[4] Key Indicators of the Labour Market, Ninth edition. Geneva: International Labour Office, 2016. 140 p.

Для оценки процессов трансформации рынка труда рассчитаны два показателя. Первый отражает достижение каждым регионом максимальных, пиковых значений уровня безработицы относительно его уровня до начала пандемии. *Индекс провала рынка труда региона (ИПРТ) = максимальный уровень безработицы в регионе (МУБ) / уровень безработицы в период до начала пандемии (ДПУБ) * 100%.*

Второй характеризует степень восстанавливаемости рынка труда и рассчитывается как отношение фактически достигнутого уровня безработицы к его значению до начала пандемии. *Индекс восстановления рынка труда региона (ИВРТ) = уровень безработицы в восстановительный период (ППУБ) / уровень безработицы в период до начала пандемии (ДПУБ) * 100%.*

Для анализа ситуации на региональных рынках труда применяется метод группировок, корреляционный анализ, метод сравнений. Все регионы по показателю восстанавливаемости рынка труда распределены на четыре группы: первые три группы, не достигшие допандемийного уровня безработицы, и различающихся темпами восстановления (высокие, средние и низкие). Четвертая группа объединяет регионы, достигшие до пандемийного уровня безработицы.

В качестве показателей, влияющих на численность и уровень безработицы в регионах, использованы:

— количество вакансий, заявленных работодателями в государственные службы занятости;

— начисленная среднемесячная заработная плата.

Качели региональной безработицы в 2020 – I квартале 2022 г.

Меры, принятые правительством Российской Федерации по поддержке рынка труда, способствовали снижению негативного воздействия пандемии COVID-19 на занятость и доходы населения. Обвала безработицы удалось избежать, однако уровень занятости, имевший место в 2019 г., не был достигнут. После достижения пиковых значений уровня безработицы в августе-сентябре 2020 г. начался процесс восстановления рынка труда. Численность занятых увеличилась с 70,3 млн человек до 71,7 млн в июне 2021 г., т.е. на 1,4 млн, или 2,0%.

Численность безработных уменьшилась до 3,6 млн человек против 4,8 млн в августе 2020 г., а ее уровень снизился с 6,4% до 4,8% (рис. 1.3.1).

Для достижения пиковых значений уровня безработицы в среднем по России потребовалось пять месяцев — с апреля по август 2020 г., а на восстановление допандемийного уровня почти в два раза больше — с октября 2020 г. по июль 2021 г. При этом скорость восстановления рынков труда по регионам неодинакова, что обусловлено разными темпами и масштабами распространения коронавирусной инфекции по регионам. Наибольшему риску подвергается население мегаполи-

сов и крупных городов, курортных зон и приграничных территорий. Среди факторов распространения пандемии коронавируса ряд авторов указывают на повышенную долю в регионе «наиболее активной и часто путешествующей части населения (новаторов, мигрантов), интенсивные связи внутри сообщества и с другими странами и регионами»[1]. Выделяются и такие индикаторы как душевые доходы населения, размер домохозяйства, доля иммигрантов, наличие сети социальной поддержки для пожилых людей[2]. Рассматриваются основные направления миграционной политики в период пандемии[3]. Различными оказались готовность регионов противостоять пандемии и результативность мер, принимаемых местными органами власти по поддержке рынка труда.

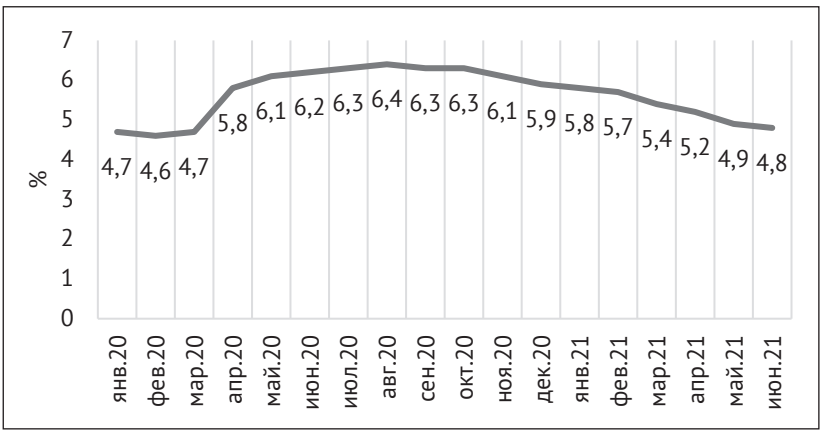

Рис. 1.3.1. *Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше (%)*
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

В результате анализа изменения состояния региональных рынков труда с начала пандемии в марте 2020 г. были выделены четыре группы регионов, различающихся размахом амплитуды колебаний уровня безработицы и темпами восстановления рынка труда (табл. 1.3.1).

Анализ показал, что к середине 2021 г. в большинстве регионов (60 из 85, или 70,6%) рынок труда не восстановился, т.е. в них сохранялся более высокий уровень безработицы, чем был до начала пандемии. Допандмийный уровень безработицы восстановился лишь

[1] *Земцов С. П.* COVID-19. Пространственная динамика и факторы распространения по регионам России / С. П. Земцов, В. Л. Бабурин // Известия Российской академии наук (серия географическая). 2020. Т. 84, № 4. С. 485–505.

[2] *Florida R.* The Geography of COVID-19 in Sweden / R. Florida, C. Mellander // CESIS Electronic Working Paper Series. 2022. Vol. 487. P. 125–150.

[3] *Abella M. I.* Commentary: Labor Migration Policy Dilemmas in the Wake of COVID-19 // International Migration. 2020. Vol. 58. P. 255–258.

в 25 регионах четвертой группы, в 17 из них он стал ниже, чем был до пандемии.

Таблица 1.3.1

Группировка регионов по динамике уровня безработицы

Группы	Количество регионов	Уровень безработицы в апреле–июне 2021 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Уровень безработицы в августе–октябре 2020 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Коэффициент Спирмена
1 группа	20	180,0–120,0	271,4–136,9	+0,503
2 группа	17	120,0–110,0	185,4–119,1	+0,172
3 группа	23	110,0–100,0	168,4–109,9	+0,201
4 группа	25	100,0–67,6	157,4–104,0	–0,077

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата

Выявлена зависимость между провалами рынка труда и способностью их к восстановлению. Чем сильнее сжатие сферы занятости и рост безработицы, тем длительнее период восстановления рынка труда. Наиболее рельефно эта тенденция проявилась в первой группе регионов, в которую вошли 16 регионов Европейской части России, включая Москву и Санкт-Петербург и четыре региона Урала и Сибири. В регионах этой группы отмечаются самые высокие темпы роста уровня безработицы с замедленными темпами восстановления его прежних значений.

В результате уровень безработицы в этих регионах в июне 2021 г. оставался на 20–80% выше, чем был в период до начала пандемии (табл. 1.3.2).

Большинство регионов первой группы (14 из 20) имеют более низкий уровень безработицы по сравнению со среднероссийским уровнем. Обе столицы, Московская, Калининградская области отличаются развитой инфраструктурой, которая пострадала в период пандемии. Для Москвы и Санкт-Петербурга существенную роль сыграло наличие среди занятых внешних трудовых мигрантов, которые остались без работы.

Во вторую и третью группы вошли 13 регионов, в которых пик уровня безработицы сместился с августа-октября 2020 г. на I квартал 2021 г. Среди них девять национальных республик: Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Адыгея, Марий-Эл, Мордовия, Алтай, Тыва, Бурятия, Еврейская автономная область, имеющие более высокие уровни безработицы, чем в других регионах. Повышенные уровни безработицы сложились и в ряде депрессивных регионов: Забайкальский край, Смоленская, Кировская, Курганская области, отличающихся незначительными провалами рынка труда. Противоположная

тенденция наблюдается в промышленно развитых регионах, таких как Ярославская, Волгоградская, Челябинская, Свердловская области, ХМАО и ряд других, которые испытали более глубокие провалы рынка труда, чем слаборазвитые территории (табл. 1.3.3, 1.3.4).

Таблица 1.3.2

Регионы с максимальной амплитудой колебаний уровня безработицы и превышением допандемийного его значения на 20–80%

Регионы	Уровень безработицы в %			Апрель–июнь 2021 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Август–октябрь 2020 г. в % к августу–октябрю 2019 г.
	Август–октябрь 2019 г.	Август–октябрь 2020 г.	Апрель–июнь 2021 г.		
г. Москва	1,5	3,7	2,7	180,0	246,7
г. Санкт-Петербург	1,4	3,8	2,2	157,1	271,4
Удмуртская Респ.	3,3	6,4	4,7	142,4	193,9
Мурманская обл.	4,5	8,1	6,3	140,0	180,0
Новгородская обл.	3,0	6,4	4,2	140,0	213,3
Рязанская обл.	3,4	5,7	4,7	138,2	167,6
Карачаево-Черкесская Респ.	10,1	15,0	13,9	137,6	148,5
Респ. Дагестан	11,9	16,5*	15,8	132,7	138,7
Московская обл.	2,7	4,1	3,5	129,6	151,9
Ямало-Ненецкий АО	1,7	2,7	2,2	129,4	158,8
Томская обл.	5,6	9,7	7,2	128,6	173,2
Респ. Хакасия	6,1	8,9	7,8	127,9	145,9
Вологодская обл.	4,0	7,4	5,0	125,0	185,4
Калининградская обл.	4,1	7,4	5,1	124,4	180,5
Ульяновская обл.	3,7	5,2	4,6	124,3	140,5
Тюменская обл.	3,8	5,2	4,7	123,7	136,9
Кабардино-Балкарская Респ.	9,9	15,3	12,2	123,2	154,5
Ивановская обл.	3,8	6,0	4,6	121,1	157,9
Чеченская Респ.	13,5	23,3	16,3	120,7	172,6
Саратовская обл.	3,9	6,5	4,7	120,5	166,7

* *Примечание:* данные за январь–март 2021 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Таблица 1.3.3

Регионы со средней амплитудой колебаний уровня безработицы и превышением допандемийного его значения на 10–20%

Регионы	Уровень безработицы в %			Апрель–июнь 2021 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Август–октябрь 2020 г. в % к августу–октябрю 2019 г.
	Август–октябрь 2019 г.	Август–октябрь 2020 г.	Апрель–июнь 2021 г.		
Белгородская обл.	3,7	5,3	4,4	118,9	143,2
Ярославская обл.	4,9	7,6	5,8	118,4	155,1
Чувашская Респ.	4,2	6,0	4,9	116,7	142,9
Липецкая обл.	3,7	5,0*	4,3	116,2	135,1
Респ. Ингушетия	26,8	32,4*	31,1	116,0	120,9
Респ. Тыва	13,8	21,5	16,0	115,9	155,8
Омская обл.	5,9	8,9	6,7	113,6	150,8
Курская обл.	3,7	4,7*	4,2	113,1	127,0
Кировская обл.	4,6	5,6*	5,2	113,0	121,7
Курганская обл.	6,9	8,2	7,8	113,0	118,8
Нижегородская обл.	4,0	4,8	4,5	112,5	120,0
Респ. Башкортостан	4,1	6,6	4,6	112,2	161,0
Кемеровская обл.	5,0	7,9	5,6	112,0	158,0
Алтайский край	5,1	6,6*	5,7	118,8	129,4
Респ. Крым	5,3	6,2	5,9	111,1	117,0
Волгоградская обл.	4,8	8,9	5,3	110,4	185,4
Респ. Бурятия	8,9	10,6*	9,8	110,1	119,1

* *Примечание:* данные за январь–март 2021 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

В четвертой группе регионов, в которых провалы рынка труда были минимальными, к середине 2021 г. был достигнут уровень безработицы, равный и даже ниже значений, зафиксированных до начала пандемии. Из 25 регионов этой группы 9 территорий, или 36%, входят в состав Сибири и Дальнего Востока. Это в 2–3 раза больше, чем доля восточных регионов в каждой из первых трех групп. Отсюда вывод, что рынки труда регионов Сибири и Дальнего Востока в целом подверглись меньшей трансформации и восстанавливались быстрее по сравнению с рынками труда регионов центральной части России (табл. 1.3.5).

Таблица 1.3.4

Регионы с незначительной амплитудой колебаний уровня безработицы и превышением допандемийного его значения на 10% и меньше

Регионы	Уровень безработицы в %			Апрель–июнь 2021 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Август–октябрь 2020 г. в % к августу–октябрю 2019 г.
	Август–октябрь 2019 г.	Август–октябрь 2020 г.	Апрель–июнь 2021 г.		
Астраханская обл.	7,1	8,2*	7,8	109,9	115,5
Магаданская обл.	4,5	6,0*	4,9	109,9	150,0
Архангельская обл.	6,1	7,8	6,7	109,8	127,9
Респ. Сев. Осетия – Алания	12,9	14,9*	14,1	109,3	115,5
Респ. Алтай	10,9	15,8	11,9	109,2	145,0
Воронежская обл.	3,4	4,5	3,7	108,8	132,4
Краснодарский край	4,8	5,8	5,2	108,3	120,8
Респ. Марий-Эл	5,2	7,1	5,6	107,7	136,5
Ханты-Мансийский АО	2,6	3,4	2,8	107,7	130,8
Челябинская обл.	5,0	8,0	5,3	106,0	160,0
Сахалинская обл.	5,0	5,7	5,3	106,0	114,0
Калужская обл.	3,8	5,2	4,0	105,3	136,8
Тамбовская обл.	3,8	4,9	4,0	105,3	128,9
Респ. Мордовия	3,9	5,5*	4,1	105,1	141,0
Костромская обл.	4,1	6,0	4,3	104,9	146,3
Респ. Коми	6,6	7,6	6,9	104,5	115,2
Еврейская авт. обл.	5,5	6,4*	5,7	103,6	116,4
Брянская обл.	3,5	4,2	3,6	102,9	120,0
Владимировская обл.	3,8	6,4	3,9	102,7	168,4
Респ. Адыгея	8,1	8,5*	8,3	102,5	104,9
Свердловская обл.	4,0	6,1	4,1	102,5	152,5
Забайкальский край	9,1	10,0	9,3	102,2	109,9
Смоленская обл.	5,0	5,6*	5,1	102,0	112,0

* *Примечание:* данные за январь–март 2021 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Таблица 1.3.5

Регионы с низкой амплитудой колебаний уровня безработицы и достигшие допандемийного его значения

Регионы	Уровень безработицы в %			Апрель–июнь 2021 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	Август–октябрь 2020 г. в % к августу–октябрю 2019 г.
	Август–октябрь 2019 г.	Август–октябрь 2020 г.	Апрель–июнь 2021 г.		
Чукотский АО	3,7	4,2	2,5	67,6	113,5
Хабаровский край	3,7	4,5	2,7	73,0	121,6
Ростовская обл.	4,9	5,3	3,8	77,6	108,2
Самарская обл.	4,2	4,9	3,3	78,6	116,7
Красноярский край	4,5	6,9	3,6	80,0	153,3
Орловская обл.	5,2	6,4	4,2	80,8	123,1
Приморский край	5,0	5,2	4,2	84,0	104,0
Псковская обл.	5,3	6,7	4,5	84,9	126,4
Респ. Карелия	7,7	9,1	6,7	87,0	118,2
Респ. Татарстан	3,1	3,8	2,7	87,1	122,6
Ленинградская обл.	4,2	6,5	3,7	88,1	154,8
Пермский край	5,1	5,7	4,6	90,2	111,8
Ненецкий АО	8,0	8,8	7,3	91,3	110,0
Пензенская обл.	4,4	5,6	4,1	93,2	127,9
Оренбургская обл.	4,7	7,4	4,5	95,7	157,4
Иркутская обл.	6,3	7,7	6,1	96,8	122,2
г. Севастополь	4,2	4,6*	4,1	97,6	109,5
Тульская обл.	3,7	5,1	3,7	100,0	137,8
Тверская обл.	3,7	4,8	3,7	100,0	129,7
Респ. Калмыкия	9,3	10,1	9,3	100,0	108,6
Ставропольский край	4,9	7,2	4,9	100,0	146,9
Новосибирская обл.	6,2	7,3	6,2	100,0	117,7
Респ. Саха (Якутия)	6,7	7,2	6,7	100,0	107,5
Камчатский край	3,3	3,9*	3,3	100,0	118,2
Амурская обл.	5,3	6,4	5,3	100,0	120,8

* *Примечание:* данные за январь–март 2021 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Таким образом, гипотеза о том, что, чем сильнее сжатие сферы занятости и выше темпы роста безработицы в период пандемии, тем длительнее процесс восстановления рынка труда, в целом подтвердилась. Наибольшая теснота связи между провалами рынка труда и скоростью его восстановления обнаружена в первой группе регионов с максимальной амплитудой колебаний уровня безработицы (коэффициент Спирмена +0,503). Во второй и третьей группах с незначительными колебаниями амплитуды рынка труда прямая зависимость между рассматриваемыми показателями выражена гораздо слабее (коэффициент Спирмена составил +0,172 и +0,201 соответственно). В четвертой группе регионов, достигших допандемийного уровня безработицы, выявлена слабая отрицательная связь между провалами рынка труда и его восстанавливаемостью.

В III квартале 2021 г. процесс восстановления рынка труда во многих регионах ускорился. Число регионов, достигших уровня безработицы до начала пандемии, возросло в 2,3 раза — с 25 до 57, а число регионов, не достигших этого уровня, уменьшилось с 60 до 28. При этом вклад отдельных групп регионов в процесс восстановления рынка труда существенно различается. В первой группе, где провалы рынка труда были максимальными, допандемийного уровня безработицы достигло наименьшее число регионов (4 из 20), тогда как в третьей группе с незначительными колебаниями рынка труда улучшение ситуации произошло в 19 регионах из 23. Тем самым подтверждается гипотеза о взаимосвязи глубины провалов рынка труда и скорости его восстановления (табл. 1.3.6).

Таблица 1.3.6

Группировка регионов по степени восстанавливаемости уровня безработицы во II и III кварталах 2021 г.

Группы	Количество регионов	II квартал		III квартал	
		Достигшие допандемийного уровня безработицы	Не достигшие допандемийного уровня безработицы	Достигшие допандемийного уровня безработицы	Не достигшие допандемийного уровня безработицы
1	20	—	20	4	16
2	17	—	17	11	6
3	23	—	23	19	4
4	25	25	—	23	2*
Всего	85	25	60	57	28

**Примечание*: в двух регионах Тверской области и Камчатском крае произошел рост уровня безработицы в III квартале по сравнению со вторым

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Наиболее длительный, затяжной характер восстановления рынка труда наблюдается в следующих регионах (табл. 1.3.7).

Таблица 1.3.7

Регионы не достигшие допандемийного уровня безработицы в III квартале 2021 г.

Группы	Регионы	Уровень безработицы, в %			Избыточная безработица гр. 4 — гр. 3
		Август–октябрь 2019 г.	Июль–сентябрь 2021 г.	Июль–сент. 2021 г. в % к авг. – окт. 2019 г.	
1	1. г. Москва	1,5	2,4	160,0	0,9
	2. Удмуртская Респ.	3,3	4,1	124,2	0,8
	3. Респ. Дагестан	11,9	14,5	121,8	2,6
	4. г. Санкт-Петербург	1,4	1,7	121,4	0,3
	5. Московская обл.	2,7	3,2	118,5	0,5
	6. Ивановская обл.	3,8	4,5	118,4	0,7
	7. Калининградская обл.	4,1	4,8	117,1	0,7
	8. Карачаево-Черкесская Респ.	10,1	11,5	113,9	1,4
	9. Мурманская обл.	4,5	5,1	113,3	0,6
	10. Ямало-Ненецкий АО	1,7	1,9	111,8	0,2
	11. Ульяновская обл.	3.7	4,1	110,8	0,4
	12. Вологодская обл.	4,0	4,4	110,0	0,4
	13. Томская обл.	5,6	6,0	107,1	0,4
	14. Новгородская обл.	3,0	3,2	106,7	0,2
	15. Тюменская обл.	3,8	4,0	105,3	0,2
	16. Рязанская обл.	3,4	3,5	102,9	0,1
2	1. Ярославская обл.	4,9	5,9	120,4	1,0
	2. Ингушская Респ.	26,8	30,4	113,4	3,6
	3. Курганская обл.	6,9	7,6	110,4	0,7
	4. Кемеровская обл.	5,0	5,3	106,0	0,3
	5. Белгородская обл.	3,7	3,9	105,4	0,2
	6. Чувашская Респ.	4,2	4,4	104,8	0,2
3	1. Астраханская обл.	7,1	7,6	107,0	0,5
	2. Архангельская обл.	6,1	6,3	103,3	0,2
	3. Сахалинская обл.	5,0	5,1	102,0	0,1
	4. Респ. Коми	6,6	6,7	101,5	0,1
4	1. Тверская обл.	3,7	3,9	105,4	0,2
	2. Камчатский край	3,3	3,4	103,0	0,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Разная скорость восстановления региональных рынков труда отразилась на территориальной дифференциации уровня безработицы. Наиболее высока амплитуда колебаний уровня безработицы в первой группе регионов, превышая в 2–3 раза соответствующие показатели в других группах (табл. 1.3.8).

Таблица 1.3.8

Соотношения между максимальными и минимальными уровнями безработицы по группам регионов (%)

Группы	Август–октябрь 2019 г.		Август–октябрь 2020 г.		Август–октябрь 2021 г.		Соотношение между минимальным и максимальным уровнями		
	Уровень безработицы		Уровень безработицы		Уровень безработицы				
	Мин.	Макс.	Мин.	Макс.	Мин.	Макс.	Авг.–окт. 2019 г.	Авг.–окт. 2020 г.	Авг.–окт. 2021 г.
1	**1,4** г. Санкт-Петербург	**13,5** Чеченская Респ.	**2,7** Ямало-Ненецкий АО	**23,3** Чеченская Респ.	**2,2** г. Санкт-Петербург	**16,3** Чеченская Респ.	**9,64**	**8,63**	**7,41**
2	**3,7** Белгородская, Курская, Липецкая обл.	**26,8** Респ. Ингушетия	**4,7** Курская обл.	**32,4** Респ. Ингушетия	**4,2** Курская обл.	**31,1** Респ. Ингушетия	**7,24**	**6,89**	**7,40**
3	**2,6** Ханты-Мансийский АО	**12,9** Респ. Северная Осетия – Алания	**3,4** Ханты-Мансийский АО	**15,8** Респ. Алтай	**2,8** Ханты-Мансийский АО	**14,1** Респ. Северная Осетия – Алания	4,96	4,65	5,04
4	**3,1** Респ. Татарстан	**9,3** Респ. Калмыкия	**3,8** Респ. Татарстан	**10,1** Респ. Калмыкия	**2,5** Чукотский АО	**9,3** Респ. Калмыкия	3,00	2,66	3,72

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата

При этом в регионах первой группы дифференциация показателя уровня безработицы последовательно уменьшалась как в период первой волны пандемии в 2020 г. с 9,64 до 8,63 раз, так и в период восстановления рынка труда в первом полугодии 2021 г. с 8,63 до 7,41 раза. В трех же других группах в 2021 г. отмечалась противоположная тенденция увеличения территориальной дифференциации уровня безработицы.

Таким образом, региональная динамика уровня безработицы на большей части пространства России возвращается в общее русло роста территориальных диспропорций макроэкономических показателей. Это свидетельство того, что, во-первых, возможности регионов в восстановлении занятости и сокращения безработицы, структурной перестройки экономики далеко не одинаковы, а, во-вторых, принятые программные документы о стратегическом планировании и стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. не выполняются. Во многих регионах укоренилась практика решения проблем сбалансированности спроса и предложения рабочей силы за счет привлечения иностранных трудовых мигрантов, а не инвестирования средств в создание новых высокопроизводительных рабочих мест.

В I квартале 2022 г. усилилась санкционное давление западных стран на российскую экономику. Восстановление рынка труда замедлилось, уровень безработицы увеличился в 28 регионах (табл. 1.3.9).

Таблица 1.3.9

Регионы, в которых увеличился уровень безработицы в I квартале 2022 г. (%)

Регионы	III кв. 2021 г.	I кв. 2022 г.	Изменение в п.п.
Респ. Северная Осетия – Алания	12,8	14,6	+1,8
Респ. Крым	5,2	6,6	+1,4
Кабардино-Балкарская Респ.	9,8	11,1	+1,3
Ненецкий АО	6,4	7,5	+1,1
Томская обл.	6,0	7,0	+1,0
Омская обл.	5,6	6,5	+0,9
Респ. Коми	6,7	7,5	+0,8
Забайкальский край	9,0	9,7	+0,7
Камчатский край	3,4	4,1	+0,7

Окончание табл. 1.3.9

Регионы	III кв. 2021 г.	I кв. 2022 г.	Изменение в п.п.
Оренбургская обл.	4,2	4,8	+0,6
Пензенская обл.	4,1	4,7	+0,6
Воронежская обл.	3,4	3,9	+0,5
Респ. Саха (Якутия)	6,5	7,0	+0,5
Калужская обл.	3,8	4,2	+0,4
Липецкая обл.	3,7	4,1	+0,4
Респ. Карелия	5,9	6,3	+0,4
г. Севастополь	3,8	4,2	+0,4
Еврейская авт. обл.	4,7	5,1	+0,4
Брянская обл.	3,1	3,4	+0,3
Ульяновская обл.	4,1	4,4	+0,3
Респ. Адыгея	8,1	8,4	+0,3
Респ. Мордовия	3,3	3,6	+0,3
Приморский край	4,0	4,3	+0,3
Нижегородская обл.	3,8	4,0	+0,2
Свердловская обл.	3,7	3,9	+0,2
Тюменская обл.	4,0	4,2	+0,2
Новгородская обл.	3,2	3,3	+0,1
Сахалинская обл.	5,1	5,2	+0,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Под угрозой увольнения оказались многие российские работники, занятые на предприятиях иностранных компаний автомобильной промышленности. Приостановили производство заводы Volkswagen в Калуге и Нижнем Новгороде. В Калужской области переведены в режим простоя суммарно 8 тыс. работников из девяти иностранных компаний. Выплачиваемая им заработная плата составляет от 66 до 80% от средней.

Остановились конвейеры московского завода Renault, автомобильного кластера в Санкт-Петербурге по сборке моделей Toyota, Hyundai, Nissan, Kia. На заводе «Автодор» Калининградской области, где осуществляется сборка моделей BMW и Kia, коллектив компании был отправлен в мае месяце 2022 г. в оплачиваемый корпоративный отпуск.

Некоторые иностранные компании совсем ушли с российского рынка. Британско-нидерландская нефтегазовая компания Shell объявила о выходе из всех совместных проектов, включая «Северный поток-2» и «Сахалин-2». По сообщениям агентства Bloomberg компания Shell инициирует вывод своих работников из России, что отразится на сокращении занятости и россиян.

В результате процесс восстановления рынка труда существенно замедлился. Количество регионов, не достигших в I квартале 2022 г. допандемийного уровня безработицы не только не сократилось, а возросло с 28 в III квартале 2021 г. до 30 (табл. 1.3.10, 1.3.11).

Таблица 1.3.10

Группировка регионов по степени восстанавливаемости уровня безработицы в I квартале 2022 г.

Группы	Кол-во регионов	III кв. 2021 г.		I кв. 2022 г.	
		Достигшие допандемийного уровня безработицы	Не достигшие допандемийного уровня безработицы	Достигшие допандемийного уровня безработицы	Не достигшие допандемийного уровня безработицы
1	20	4	16	9	11
2	17	11	6	11	6
3	23	19	4	15	8
4	25	23	2	20	5
Всего	85	57	28	55	30

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Таблица 1.3.11

Регионы, не достигшие допандемийного уровня безработицы в I квартале 2022 г.

Группы	Регионы	Уровень безработицы, в %			Избыточная безработица гр. 4 — гр. 3
		Август–сентябрь 2019 г.	Январь–март 2022 г.	Январь–март 2022 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	
1	1. г. Москва	1,5	2,1	140,0	0,6
	2. Респ. Дагестан	11,9	14,0	117,6	2,1
	3. г. Санкт-Петербург	1,4	1,6	114,3	0,2

Продолжение табл. 1.3.11

Группы	Регионы	Уровень безработицы, в %			Избыточная безработица гр. 4 — гр. 3
		Август–сентябрь 2019 г.	Август–сентябрь 2019 г.	Январь–март 2022 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	
	4. Московская обл.	2,7	3,0	111,1	0,3
	5. Карачаево-Черкесская Респ.	10,1	11,5	113,9	1,4
	6. Мурманская обл.	4,5	4,9	108,9	0,4
	7. Ульяновская обл.	3,7	4,4	118,9	0,7
	8. Томская обл.	5,6	7,0	125,0	1,4
	9. Новгородская обл.	3,0	3,3	110,0	0,3
	10. Тюменская обл.	3,4	4,2	123,5	0,8
	11. Кабардино-Балкарская Респ.	9,9	11,1	112,2	1,2
2	1. Белгородская обл.	3,7	3,8	102,7	0,1
	2. Липецкая обл.	3,7	4,1	110,8	0,4
	3. Респ. Ингушетия	26,8	29,1	108,6	2,3
	4. Омская обл.	5,9	6,7	113,6	0,8
	5. Курганская обл.	6,9	7,1	102,9	0,2
	6. Респ. Крым	5,3	6,6	124,5	1,3
3	1. Астраханская обл.	7,1	7,3	102,8	0,2
	2. Респ. Северная Осетия – Алания	12,9	14,6	113,2	1,7
	3. Воронежская обл.	3,4	3,9	114,7	0,5
	4. Сахалинская обл.	5,0	5,2	104,0	0,2
	5. Калужская обл.	3,8	4,2	110,5	0,4

Окончание табл. 1.3.11

Группы	Регионы	Уровень безработицы, в %			Избыточная безработица гр. 4 — гр. 3
		Август–сентябрь 2019 г.	Август–сентябрь 2019 г.	Январь–март 2022 г. в % к августу–октябрю 2019 г.	
	6. Респ. Коми	6,6	7,5	113,6	0,9
	7. Респ. Адыгея	8,1	8,4	103,7	0,3
	8. Забайкальский край	9,1	9,7	106,6	0,6
4	1. Пензенская обл.	4,4	4,7	106,8	0,3
	2. Оренбургская обл.	4,7	4,8	102,1	0,1
	3. Тверская обл.	3,7	3,8	102,7	0,1
	4. Респ. Саха (Якутия)	6,7	7,0	104,4	0,3
	5. Камчатский край	3,3	4,1	124,2	0,8

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Процесс восстановления региональных рынков труда еще не завершившись, подвергся в 2022 г. негативному воздействию антироссийских санкций. С уходом иностранных компаний с российского рынка и снижением спроса на рабочую силу возрастают риски увеличения безработицы во II полугодии 2022 г.

Оживление спроса регионов на рабочую силу в постпандемийный период

Изменения, произошедшие в 2021 г. после острой фазы самоизоляции и закрытия ряда предприятий и организаций, коснулись и таких параметров рынка труда как оплата труда и потребность в рабочей силе. Официальные данные Росстата по основным показателям социально-экономического развития за первое полугодие 2021 г. зафиксировали, что уровень оплаты труда восстановился по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. лишь в 38 субъектах Российской Федерации.

В среднем у работников только 12 регионов произошел некоторый рост номинального размера начисленной заработной платы после резкого спада с начала пандемии. Два основных фактора повлияли на рост этого показателя: более значительное, чем в других регионах, падение оплаты труда в период пандемии, т.е. в 2020 г. по

сравнению с 2019 г., и более значительный дефицит рабочей силы, который отмечался на локальных рынках труда в 2021 г., когда рынок труда стал восстанавливаться. Следовательно, произошло сокращение конкуренции между местной и иностранной рабочей силой. Это убедительно отражают данные о региональных различиях в росте потребности в работниках.

Оживление экономики в 2021 г. не вызвало роста потребности в рабочей силе в большинстве дальневосточных регионов и некоторых северокавказских республиках. При этом максимальный уровень дополнительной потребности в рабочей силе демонстрируют как раз республики Ингушетия, Дагестан, Адыгея, Магаданская область и северо-западная Ленинградская (табл. 1.3.12).

Таблица 1.3.12

Регионы с максимальными темпами роста потребности в рабочей силе

Регионы	Потребность в работниках в I полугодии 2021 г. в % к I полугодию 2020 г.	Номинальная среднемесячная зарплата в I полугодии 2021 г. в % к I полугодию 2020 г.
Респ. Ингушетия	в 22 раза	100,1
Ленинградская обл.	в 2,9 раз	102,1
Респ. Дагестан	в 2,6 раз	101,2
Респ. Адыгея	в 2,4 раза	104,9
Магаданская обл.	в 2,3 раза	100,2
Калининградская обл.	195,2	101,4
Ярославская обл.	189,0	101,2
Ставропольский край	175,9	100,8
Респ. Марий-Эл	175,9	100,9
Краснодарский край	174,1	105,2
Ростовская обл.	170,6	104,7
г. Москва	170,6	105,6
Московская обл.	166,9	104,1
Рязанская обл.	166,9	100,1
Респ. Мордовия	163,2	100,8
Челябинская обл.	160,1	100,8
Ямало-Ненецкий АО	158,2	102,8

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Высокие показатели уровня дополнительной потребности в работниках отмечаются также и в некоторых регионах, где в допандемийный период был наиболее высокий уровень использования иностранной рабочей силы: Москва и Московская область, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградская и Астраханская области. Все эти регионы вошли в группу с относительно высоким уровнем роста номинальной начисленной заработной платы, что подтверждает тесную взаимосвязь между дефицитом рабочей силы и ростом оплаты труда (табл. 1.3.13).

Таблица 1.3.13

Регионы с наименьшими темпами роста потребности в рабочей силе

Регионы	Потребность в работниках в I полугодии 2021 г. в % к I полугодию 2020 г.	Номинальная среднемесячная зарплата в I полугодии 2021 г. в % к I полугодию 2020 г.
Кабардино-Балкарская Респ.	78,1	101,9
Еврейская АО	88,3	98,7
Забайкальский край	98,5	98,5
Приморский край	100,4	100,1
Сахалинская обл.	100,8	97,7
Амурская обл.	102,0	100,6
Ненецкий АО	104,2	94,0
Тамбовская обл.	105,2	99,3
Камчатский край	107,0	100,8
Белгородская обл.	107,8	99,8
Тюменская обл. без АО	108,5	100,2
Респ. Коми	111,0	97,2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Таким образом, поддержание темпов роста оплаты труда и благосостояния населения, как одна из приоритетных стратегических социально-экономических задач, представляется выполнимой в случае регулирования ситуации на рынке труда с помощью балансирования спроса и предложения рабочей силы путем регулирования спроса на уровне, обеспечивающем рост производительности труда, конкурентоспособности национальной рабочей силы.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил гипотезу о том, что при сильном сокращении, сжатии сферы занятости и высоком росте числа безработных процесс восстановления рынка труда приобретает длительный, затяжной характер. В III квартале 2021 г. процесс восстановления рынка еще не завершился. В 28 регионах, или в каждом третьем субъекте Российской Федерации, уровень безработицы превышал допандемийный. Меры государственной поддержки занятости в условиях пандемии коронавируса оказались недостаточно неэффективными.

Наиболее сильное воздействие пандемии на рынок труда произошло в регионах, как правило, с развитой инфраструктурой в Европейской части страны. В районах Сибири и Дальнего Востока воздействие пандемии на рынок труда оказалось менее глубоким, а восстановление его проходит быстрее, чем в центральных районах России.

В I квартале 2022 г. положение на рынках труда регионов осложнилось из-за усиления санкционного давления стран Запада на российскую экономику. Восстановление рынка труда замедлилось и в условиях углубляющегося мирового экономического кризиса возрастают риски очередного роста безработицы во второй половине 2022 г. Повысится неустойчивость региональных рынков труда.

Подтвердилась взаимосвязь между дефицитом рабочей силы и ростом заработной платы в ряде регионов, широко использующих внешних трудовых мигрантов в допандемийный период. Социально-экономические потери от неполного использования трудового потенциала в период пандемии оказались значительнее, чем в предыдущие кризисы, а последствия от коронавирусной инфекции будут более продолжительными и тяжелыми.

В условиях усиления неравенства регионов в восстановлении и развитии рынков труда возрастает роль государства в разработке мер поддержки занятости. Необходимо дополнить выплаты безработным и их семьям с детьми, разработкой мер по созданию дополнительных высокопроизводительных рабочих мест, предоставлением льгот работодателям, активно создающим такие рабочие места, государственной поддержкой новых форм занятости, работающих дистанционно, самозанятых. Необходимо вернуться к разработке и реализации генеральных схем развития и размещения производительных сил по территории страны, в которых увязывались во времени и пространстве имеющиеся ресурсы и перспективы роста экономики. Достижение более высокой занятости населения способствует не только росту уровня жизни людей, но и обеспечению демографического благополучия и экономической безопасности России.

1.4. Климатические риски для населения в контексте национальной безопасности России[1]

Теоретические подходы к определению климатических рисков

В настоящий момент экстремальные погодные явления оцениваются ведущими экспертами Всемирного экономического форума[2] и других международных организаций как наиболее серьезный риск для дальнейшего развития общества, способный спровоцировать кризис мирового масштаба. Происходящие климатические процессы ведут к изменению воздействия климатического фактора как на экономику и на социальную сферу, так и на население в целом.

В последнее время проблемам взаимодействия человека и окружающей среды уделяется много внимания, поскольку последствия индустриального развития стали сегодня одной из основных угроз для будущего общества. Нерациональное использование природных ресурсов, наряду с загрязнением окружающей среды и выбросами парниковых газов от двигателей внутреннего сгорания, предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности существенно повлияли на изменение климата на всей планете. Сегодня средняя мировая температура выше доиндустриального уровня примерно на 1 °С, а по прогнозам ученых, данный показатель может увеличиться до катастрофических 2–3 °С[3]. Ущерб от изменения климата продолжает нарастать по мере глобального потепления, поэтому важно не допустить дальнейшего ухудшения положения.

Экстремальные погодные явления оцениваются как явления, несущие наиболее серьезный потенциальный риск для дальнейшего последовательного развития общества, который способен спровоцировать кризис мирового масштаба уже в среднесрочной перспективе. В данном контексте исследование эффектов от изменения климата является чрезвычайно актуальным вопросом для дальнейшей минимизации его негативных последствий. Одной из таких последствий являются климатические риски, затрагивающие не только повседневную жизнь людей, но также являющиеся серьезной угрозой экономической

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-010-01006.

[2] The Global Risks Report 2022, 17th Edition / E. G. Franco, M. Kuritzky, R. Lukacs, S. Zahidi [et al.]; World Economic Forum. Geneva: World Economic Forum, 2022. 116 p.

[3] *Лукьянец А. С.* Социально-экономические и демографические последствия климатических изменений в прибрежных районах Вьетнама / А. С. Лукьянец, Т. Ш. Ле // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 19–20 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Антипова (гл. ред.), А. П. Безрученок, А. В. Дыдышко. Минск: БГУ, 2022. С. 190–192.

безопасности не только отдельных лиц и предприятий, но целых отраслей экономики и государств.

Понятие климатического риска предполагает: а) наличие экстремального природного явления (прогнозируемого или неожиданного); б) человеческую деятельность, подверженную деформации в результате этого события. Следовательно, климатические риски имеют довольно обширную базу для возникновения.

При этом как в научной литературе, так и в отчетах профильных организаций можно встретить несколько трактовок к определению «климатический риск».

Одним из самых простых определений данного понятия является определение, данное Т. Беером в работе «Оценка экологических рисков на примере Австралии»[1], где климатический риск описывается как сочетание вероятности экстремального погодного явления и его опасности, выражающейся в возможных последствиях. Опасность в широком смысле можно определить как любое событие, которое может причинить вред. В таком контексте к опасным климатическим явлениям на местном (локальном) уровне относят явления, связанные с прямым воздействием климата на те или иные негативные природные явления, такие как наводнения и пожары. К опасным климатическим явлениям глобального масштаба относятся повышение уровня мирового океана, таяние ледников и многолетнемерзлых грунтов.

Анализ подходов к определению климатического риска показал, что существует множество порой противоречивых определений этого термина. Основная причина вариабельность трактовок состоит в том, какие научные цели преследуются в том или ином исследовании, и из какой области научного знания происходит то или иное исследование. Так, определение, данное, например, учеными-климатологами, будет отличаться от определений исследователей в области экономики или геофизики. В докладе Росгидромета дано следующее определение: «Климатический риск — вероятность (в течение определенного периода времени) существенных нарушений в нормальном функционировании природных, технических и социальных систем вследствие климатического воздействия (в результате изменений или колебаний климата)»[2]. В данном определении предпринята попытка охватить все

---

[1] *Beer T.* Environmental Risk Assessment: An Australian Perspective. Supervising Scientist Report 102 / T. Beer, F. Ziolkowski // Risk and Uncertainity in Environmental Management. Canberra: Office of the Supervising Scientist for the Alligator Rivers Region, 1995. 125 p. ISBN 0-642-24301-8.

[2] Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации / Е. М. Акентьева, Е. И. Александров, Г. В. Алексеев [и др.]; под ред. В. М. Катцова; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова. Санкт-Петербург. 2017. 106 с.

основные сферы воздействия климатических рисков, начиная от нарушений привычных режимов природных процессов и заканчивая социальными. Однако в данном определении не отражена такая важнейшая составляющая любого, по сути, риска как экономический ущерб, который может быть нанесен в результате реализации этого риска. Определение климатического риска сугубо с экономической точки зрения было дано Д. В. Насоновым, который определил такой риск как вероятность возникновения экстремальных ситуаций, приводящих к недопустимо большим хозяйственным потерям[1]. На наш взгляд, данное определение сужает предметную область исследований, так как не учитывает большинство важнейших составляющих климатических рисков, в том числе и воздействие на человека и общество в целом.

Более полным для нашей предметной области, хотя и далеко неисчерпывающим, вариантом определения может стать следующая его трактовка: «Климатический риск –это определенная временным интервалом вероятность наступления неблагоприятных природных, социально-экономических и социально-демографических условий, вызванных причинами климатического характера». В данном определении сделан упор на социальные, экономические и демографические дефиниции климатических рисков. Тем не менее можно отметить, что до выработки окончательного, общепризнанного научным сообществом определения климатического риска, крайне далеко, что объясняется невысоким уровнем проработанности рассматриваемой проблемы на научно-методологическом уровне и большой степенью неопределенности будущих климатических изменений.

Для расширения теоретических знаний о климатических рисках необходимо выявить их структуру и произвести классификацию по различным критериям.

За последние несколько десятилетий вследствие роста глобальной температуры в мире произошли заметные климатические и социально-экономические и изменения, к которым общество не было готово. Изменение климатических условий в регионах мира уже само по себе является аспектом неопределенности даже в ближайшей перспективе. Оно может привести к увеличению числа и масштабов опасных погодных явлений, а следовательно, потребует быстрого реагирования для предотвращения угроз безопасности населения и развитию экономики.

Различные виды климатических рисков предполагают и дифференцированный подход к их адаптации под новые реалии. Уже сейчас человечеству удается успешно справляться с некоторыми климатическими рисками, носящими локальный сезонный характер. Но эффективность адаптационных стратегий будет выше при условии точной

[1] *Насонов Д. В.* Климатические риски и адаптация земледелия // Сельскохозяйственные вести. 2011. № 1. С. 36–37.

идентификации подобных рисков, которая позволит прогнозировать возможное развитие событий и последствия.

Важным условиям классификации климатических рисков, является выявление группировочного признака или критерия. Нами была разработана классификация климатических рисков, в основу которой были положены такие критерии, как объекты воздействия, масштабность, причинно-следственные связи.

Классификация климатических рисков:

I. По источнику возникновения: 1) природные — вероятность наступления опасных природных явлений, последствия которых угрожают безопасности человека и антропогенных систем: а) геофизические явления (землетрясения, цунами, извержения вулканов); б) метеорологические явления (тропические штормы, внетропические штормы, конвективные штормы, локальные штормы); в) гидрологические явления (речные наводнения, сели и оползни); г) климатические явления (экстремальные температуры, лесные пожары, засухи); 2) природно-техногенные — вероятность наступления аварийной ситуации на инфраструктурных объектах под воздействием опасных природных явлений.

II. По объекту воздействия: 1) риски для физических систем (ледники и многолетняя мерзлота; реки и озера или засухи; изменение уровня моря и эрозия прибрежных зон; и т.д.); 2) риски для биологических систем (наземные экосистемы, морские экосистемы, лесные пожары); 3) риски для человека (жизнь, физическое и психическое здоровье людей); 4) риски для антропогенных систем (экономика, производство, продовольственная безопасность, ресурсы, социальные и политические системы).

III. По масштабу: 1) локальные или местные — в пределах населенного пункта; 2) районные — в пределах муниципального района; 3) региональные — в пределах региона (область, край, штат, провинция и т.д.); 4) межрегиональные; 5) федеральные (национальные); 6) межнациональные; 7) континентальные; 8) межконтинентальные или глобальные.

IV. По времени воздействия: 1) единовременные; 2) периодические; 3) постоянные.

V. По характеру воздействия: 1) прямые (первичные) риски — последствия рисков оказывают прямое воздействия на объект; 2) косвенные (вторичные) риски — риски опосредованно, через другие риски, влияющие на объект. Например, риски, связанные с ростом среднедневной температуры окружающей среды, оказывают прямое воздействия на здоровья человека и косвенное на его уровень жизни.

VI. По степени вероятности (вероятности наступления неблагоприятной ситуации): 1) маловероятные риски — вероятность наступления события не превышает 25%; 2) средневероятные риски — вероятность наступления события не превышает 25–50%; 3) риски с вероятностью выше среднего — вероятность наступления события не превышает

50–75%; 4) высоковероятные риски — вероятность наступления события выше 75%.

VII. По степени допустимости: 1) недопустимые (чрезмерные) риски; 2) приемлемые риски; 3) пренебрежимо малые риски.

VIII. По степени предсказуемости (прогнозируемости): 1) непредсказуемые — невозможно или нет возможности оценить климатический риск; 2) предсказуемые — путем построения моделей происходит имитация наступления неблагоприятной ситуации, вызванной климатическим риском.

IX. По возможности управления, в том числе с позиции снижения негативного эффекта: 1) управляемые; 2) слабоуправляемые; 3) неуправляемые.

X. По составу: 1) простые риски — негативное воздействие оказывается только одним опасным явлением; 2) комплексные риски — совокупное воздействие двух и более опасных явлений, которое может привести к каскадному эффекту с синергетическими или антагонистическими последствиями, нехарактерными для каждого фактора в отдельности.

XI. По характеру (возможности) ликвидации последствий: 1) риски, негативные последствия которых можно устранить (напр., последствия урагана); 2) риски, негативные последствия которых частично можно устранить; 3) риски, негативные последствия которых невозможно устранить (напр., повышение уровня мирового океана, затопление прибрежных территорий).

Представленная классификация охватывает подавляющее большинство климатических рисков. В тоже время в силу сложности, а подчас непредсказуемости как климатических изменений, так и их рисков данная классификация может дополняться и детализироваться.

Опасные гидрометеорологические явления

По данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромета), количество опасных метеорологических явлений (ОЯ) на территории России в последние два десятилетия продолжает возрастать. Так, если в 1996–2000 гг. в среднем фиксировалось 177 ОЯ в год, то в 2015–2019 гг. — в среднем уже 396 ОЯ в год (рис. 1.4.1).

Наибольший ущерб из них наносят сильные осадки и ветер, аномальные холода в зимний период и лесные пожары. Так, по данным МЧС России[1], в 2019 г. чрезвычайные ситуации природного характе-

[1] Государственные доклады «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», 2012–2021 гг. // МЧС России: [сайт]. URL: https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/itogi-deyatelnosti-mchs-rossii/2021-god (дата обращения: 15.03.2022).

ра нанесли материальный ущерб, равный 15019,96 млн руб. Опасные гидрологические явления (наводнения, сели и т.д.) причинили ущерб на сумму 7878,88 млн руб., заморозки и засуха — на 5601,16 млн руб., природные пожары — на 923,29 млн руб., сильные осадки (дождь, снегопад, град) — на 614,01 млн руб.

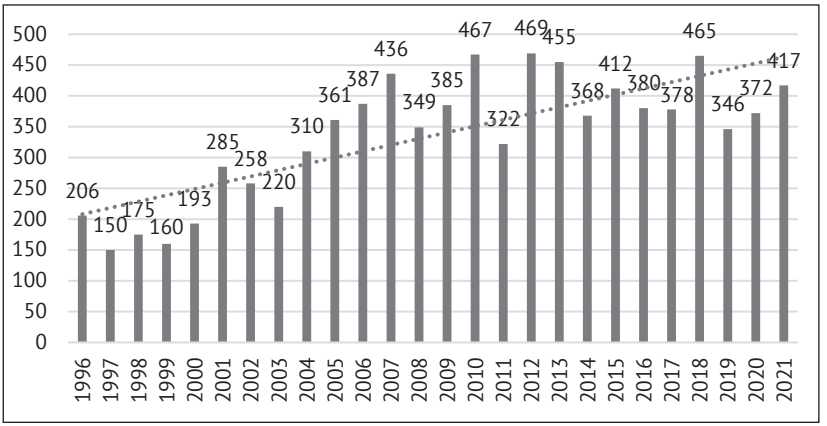

Рис. 1.4.1. *Количество опасных гидрометеорологических явлений, причинивших значительный ущерб, на территории России за 1996–2021 гг.*

Источник: составлено авторами на основе данных Росгидромета[1]

Больше всего опасных метеорологических явлений в 2019 г. было зафиксировано на территории Сибирского федерального округа (СФО) — 86 ОЯ, Дальневосточного федерального округа (ДФО) — 71 ОЯ, и Южного федерального округа (ЮФО) — 62 ОЯ. За ними следуют Приволжский федеральный округ — 43 ОЯ, Северо-Кавказский федеральный округ — 34 ОЯ, Центральный и Северо-Западный федеральный округ — по 17 ОЯ. Меньше всего ОЯ в 2019 г. наблюдалось в Уральском федеральном округе — 16 событий.

В СФО чаще всего случались очень сильный и ураганный ветер (29 ОЯ), агрометеорологические ОЯ, такие как засухи, суховеи, переувлажнение почв, заморозки, ледяная корка и т.д. (10 ОЯ), а также сильные осадки (10 ОЯ). В ДФО самыми частотными ОЯ были очень сильный и ураганный ветер (20 ОЯ), сильные осадки (19 ОЯ), дождевые паводки (18 ОЯ). ЮФО чаще всего страдал также от сильных ветров (18 ОЯ) и сильных осадков (14 ОЯ).

В целом по России за последние пять лет (2015–2019 гг.) самыми частотными опасными природными явлениями были очень сильный

[1] Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2021 год / Е. И. Александров [и др.]; Росгидромет. М., 2022. 104 с.

и ураганный ветер, шквал, сильные метели (в среднем 116 ОЯ в год), сильные осадки (79 ОЯ), различные агрометеорологические опасные явления (31 ОЯ), засухи и суховеи (29 ОЯ), дождевые паводки (24 ОЯ), половодья (23 ОЯ), ситуации чрезвычайной пожарной опасности (20 ОЯ), град (19 ОЯ), переувлажнение почв (14 ОЯ). Больше всего ОЯ регистрировалось в летние месяцы (июнь, июль, август) и в мае.

По оценкам ведущих мировых и российских ученых-климатологов, все вышеупомянутые опасные природные явления потенциально могут быть связаны с изменением климата. Существуют сильные научные доказательства того, что такие стихийные бедствия как экстремально высокие и экстремально низкие температуры, аномальные осадки, наводнения и засухи будут учащаться по мере продвижения глобального потепления. Кроме того, есть ограниченные доказательства того, что изменение климата также влияет на число случаев и интенсивность ураганов и штормов[1].

На территории Российской Федерации, по данным метеонаблюдений, наиболее быстрый рост среднегодовых температур фиксируется в Арктической зоне, в особенности на побережье Северного ледовитого океана. На полуострове Таймыр он достигает +1,1 °С за 10 лет[2]. Интенсивнее всего потепление в арктической части России наблюдается весной и осенью. Зимние температуры растут быстрее всего на севере европейской части России, а летние температуры — на юге европейской части России. Особую опасность рост температур представляет для зон залегания многолетнемерзлых грунтов, где таяние вечной мерзлоты вызывает проседание почв, которое, в свою очередь, вызывает разрушения жилых зданий, промышленных сооружений, транспортных магистралей и способно спровоцировать серьезные техногенные аварии.

По мере потепления наблюдается также сокращение площади и даже полное исчезновение горных ледников. Это касается и оледенения арктических островов России, чье сокращение ведет к заметному возрастанию рисков для судоходства в этой зоне, прежде всего вследствие образования айсбергов. Ко второй половине XX в. ледники уже полностью исчезли на Ямале и Кольском полуострове. Сегодня активно продолжается таяние ледников Таймыра и полярного Урала. Но данный процесс идет не только в северных широтах. Серьезные риски для экономики и населения представляет также таяние ледников Северного Кавказа и Алтая, поскольку приведет к уменьшению

[1] How Can Climate Change Affect Natural Disasters? // United States Geological Survey: [site]. URL: https://www.usgs.gov/faqs/how-can-climate-change-affect-natural-disasters-1 (accessed on 12.08.2021).

[2] Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2021 год / Е. И. Александров [и др.]; Росгидромет. М., 2022. 104 с.

ледникового стока, составляющего значительную часть стока местных горных рек, следовательно, к снижению их водности[1].

С середины 1980-х гг. на территории России в целом отмечается тренд увеличения годовых сумм осадков, хотя он и имеет существенные колебания. Особенно ярко данная тенденция просматривается в Сибири, на Дальнем Востоке и Северном Кавказе. Соответственно, в этих регионах все чаще случаются массивные наводнения, паводки и сели[2].

При этом параллельно увеличивается повторяемость сильных засух, которые с 1980-х гг. усилились в Центральном и Волго-Вятском районах. Засухи в совокупности с возрастанием антропогенной нагрузки, в свою очередь, подталкивают процессы опустынивания на юге европейской части России. Согласно расчетам по различным моделям, эти процессы будут усиливаться в дальнейшем под влиянием глобального изменения климата[3].

Также наблюдается тенденция сокращения продолжительности залегания и толщины снежного покрова в европейской части России и в ряде областей Урала, Сибири и Дальнего Востока. В среднем по России она уже опустилась значительно ниже климатической нормы. Это приводит к сокращению запасов воды в снеге и представляет опасности, в первую очередь, для сельского хозяйства[4].

Согласно докладам МЧС России, на протяжении нескольких последних лет наиболее сложная паводковая обстановка наблюдается на территории Дальневосточного федерального округа, а также в Иркутской и Новгородской областях. Наиболее сложная пожарная обстановка складывается на территориях Забайкальского, Красноярского, Хабаровского краев, республик Бурятия, Саха (Якутия), Иркутской и Амурской областей[5].

Таким образом, в качестве регионов России, наиболее подверженных опасным природным явлениям, можно выделить Дальний Восток, Сибирь и Северный Кавказ. Наблюдаемые здесь стихийные бедствия, согласно имеющимся сценариям изменения климата, будут учащаться в ближайшие несколько десятилетий. Помимо физических разрушений

---

[1] Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: в 3-х т. Т. 1 / В. М. Катцов, С. М. Семенов, А. Н. Кренке [и др.]; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет, 2014. 1008 с.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Государственные доклады «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», 2012–2021 гг. // МЧС России: [сайт]. URL: https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/itogi-deyatelnosti-mchs-rossii/2021-god (дата обращения: 15.03.2022).

и прямого материального ущерба, они могут стать причиной замедления развития некоторых отраслей народного хозяйства (в особенности сельского лесного и рыбного хозяйства), нарушить транспортное сообщение (в особенности по морским путям в арктической части России), спровоцировать разрушительные техногенные катастрофы, а также стать причиной гибели, ухудшения здоровья и миграции населения[1]. Ситуацию осложняет то, что данные территории являются стратегически значимыми для дальнейшего социально-экономического и социально-демографического развития всей страны и ее национальной безопасности. При этом Сибирь и Дальний Восток и без того страдают от проблем, связанных с депопуляцией, сложностями пространственного развития и транспортного сообщения; Северный Кавказ же имеет сравнительно низкие показатели экономического развития. В свете этого повышается актуальность своевременной разработки программ адаптации к изменению климата для этих и прочих регионов России.

Климатические риски, наиболее характерные для регионов России

В соответствие с концепцией климатических рисков, разработанной Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) ООН и разделяемой большинством современных исследователей, риск является результатом не только наступления того или иного опасного природного явления, но и взаимодействия таких факторов как подверженность его воздействию со стороны естественных или антропогенных систем, а также их уязвимость к данному воздействию[2].

Подверженность определяется нахождением на территории воздействия опасного природного явления каких-либо объектов, которые могли бы стать его реципиентами: людей, растений и животных, материальных ресурсов, объектов инфраструктуры различных типов и т.д. Соответственно, подверженность будет повышать климатические риски для густонаселенных районов и экономически развитых районов, где расположено много промышленных, социальных, коммунальных, культурных объектов.

Уязвимость же подразумевает восприимчивость, чувствительность к такому неблагоприятному воздействию. Уязвимость также сокращают имеющиеся у объекта или системы возможности по адаптации к негативным эффектам природно-климатического характера. Так, уязвимость к опасным агрометеорологическим явлениям будет вы-

---

[1] Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации / Е. М. Акентьева, Е. И. Александров, Г. В. Алексеев [и др.]; под ред. В. М. Катцова; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова. СПб., 2017. 106 с.

[2] Climate Change Risk and Vulnerability Promoting an Efficient Adaptation Response in Australia / Allen Consulting Group. Canberra: Australian Greenhouse Office, Department of the Environment and Heritage, 2005. 159 p.

сокой для сельских районов и регионов с высокой долей сельского хозяйства в общем объеме валового регионального продукта.

Климатические риски для населения России и ее регионов носят многоаспектный, неоднозначный и подчас противоречивый характер, вектор которого зависит от двух основных детерминантов. Во-первых, это экономико-географическое расположения территории, включая основные тенденции климатических изменений, протекающих на этой территории. Во-вторых, это социально-экономическая и социально-демографическая обстановка на рассматриваемых территориях, которая во многом определяется режимами воспроизводства населения, этнической, половозрастной структурами населения, а также системой показателей экономической устойчивости региона и его населения к потенциальным угрозам, вызванных климатическими изменениями.

Мы можем предварительно заключить, что помимо регионов России, выделенных нами как наиболее подверженные опасным природным явлениям: Арктическая зона, Сибирь, Дальний Восток и Северный Кавказ. Климатические риски также велики для центральных и южных регионов европейской части России, где опасные природные явления сравнительно менее часты и интенсивны, но высока плотность населения и сети различных инфраструктурных объектов. Последнее также влечет риски наступления комплексных природно-техногенных катастроф, то есть, аварий на объектах антропогенных систем, спровоцированных опасными природными явлениями[1].

Среди климатических рисков, характерных *для физических систем,* как наиболее вероятные можно выделить следующие:

— деградация вечной мерзлоты в Арктической зоне и районах Крайнего Севера России;

— таяние высокогорных ледников в Арктической зоне, горных системах Урала, Алтая и Северного Кавказа;

— снижение водности рек и озер, в том числе за счет сокращение ледникового стока;

— наводнения и паводки вследствие изменения режима осадков, в особенности характерные для Приморья, Приамурья, южной и юго-восточной части Сибири, юга европейской части России, Северного Кавказа;

— засухи, усиливающиеся в Центральном и Волго-Вятском районах, опустынивание в южных областях.

---

[1] Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации / Е. М. Акентьева, Е. И. Александров, Г. В. Алексеев [и др.]; под ред. В. М. Катцова; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова. СПб., 2017. 106 с.

Изменение природно-климатических условий, а также внезапные и медленно прогрессирующие опасные природные явления, в свою очередь, создают климатические риски *для биологических природных систем:*

— сокращение видового разнообразия и исчезновение отдельных видов животных и растений вследствие сдвига природно-климатических зон под влиянием глобального потепления климата;

— изменение видового состава растений, животных, рыб и птиц, замена более ценных пород древесины и промысловых рыб менее ценными, особенно характерные для северных районов, размножение сорняковых растений в южных регионах;

— распространение грызунов и насекомых-переносчиков инфекционных заболеваний, представляющих угрозу для человека и животных, в том числе домашнего скота, на новые территории обитания, смещение ареола их распространения на север;

— ускорение размножения насекомых-вредителей сельскохозяйственных растений, в том числе вредных саранчовых, наносящих урон посевам и урожаю, в особенности на территории Центрального, Приволжского, Уральского федеральных округов;

— учащение лесных пожаров, приводящих к гибели растений и животных на огромных площадях.

Глобальное изменение климата вкупе с его негативными воздействиями на физические и природные биологические системы порождает риски *для человека, общества и антропогенных систем:*

— рост числа смерти и травматизма в ходе внезапных катастрофических природных явлений, таких как лесные пожары, ураганы, наводнения, оползни и сходы лавин и т.д.

— распространение инфекционных заболеваний человека на нехарактерных ранее для их возбудителей территориях из-за изменения ареалов обитания их переносчиков, возможное появление новых заболеваний из-за таяния ледников и вечной мерзлоты;

— смерти и вред здоровью человека от гипертермии либо гипотермии из-за учащения случаев экстремальных температур;

— риски для продовольственной безопасности вследствие снижения продуктивности сельского хозяйства, рост случаев заболеваний, связанных с недоеданием;

— нехватка пресной питьевой воды и распространение заболеваний, вызванных употреблением загрязненной воды, в том числе инфекционных заболеваний;

— снижение продуктивности лесного хозяйства, сокращение площади лесов;

— разрушение объектов энергетической, транспортной, промышленной, социальной, коммунальной и жилищной инфраструктуры

вследствие таяния вечной мерзлоты в Арктической зоне, а также изменения режима температур и осадков в иных регионах;

— затруднения для судоходства в связи с учащением штормов и сильных ветров, изменения морских течений, а также в связи с образованием айсбергов в арктических морях;

— повышение рисков техногенных катастроф, спровоцированных опасными природными явлениями, таких как аварии на объектах энергетики (АЭС, ГЭС), аварии при транспортировке опасных химических веществ, распространение природных пожаров на объекты инфраструктуры и т.д.;

— изменения на рынке труда, снижение численности занятых в сельском, лесном, рыбном хозяйстве из-за невозможности получать привычные доходы, продолжая заниматься данными видами хозяйственной деятельности;

— ускорение процессов урбанизации, более интенсивный отток сельского населения в города в поисках альтернативного заработка;

— миграция населения из угрожаемых районов на более благополучные в природно-климатическом и экологическом отношении территории, в том числе международная миграция;

— макроэкономические риски, вызванные ростом ущерба от внезапных стихийных бедствий и медленно прогрессирующих опасных природных явлений, а также необходимостью реализации и финансирования программ по борьбе с глобальным изменением климата и адаптации к его воздействиям;

— политические и социально-политические риски, связанные с принятием соответствующих решений;

— иски для национальной безопасности вследствие роста вероятности вооруженных столкновений за контроль над природными ресурсами, включая водные ресурсы.

Стоит отметить, что часть этих рисков наблюдается в регионах России уже сегодня, в частности, все перечисленные нами риски для физических и биологических систем. Также в той или иной степени уже сказываются риски, связанные с жизнью и здоровьем человека, сокращением продуктивности сельского, лесного и рыбного хозяйства, сокращением жизненного цикла и ростом аварийности инфраструктурных объектов[1]. Риски, связанные с миграцией населений и изменением спроса и предложения на рабочую силу пока слабо выражены на территории России, но уже стали реальной проблемой для ряда стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной

[1] Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: в 3-х т. Т. 1 / В. М. Катцов, С. М. Семенов, А. Н. Кренке [и др.]; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет, 2014. 1008 с.

Азии, Латинской Америки, Африки южнее Сахары[1]. Макроэкономические и политические риски, а также угрозы национальной безопасности на данном этапе маловероятны и, согласно различным сценариям и оценкам, могут реализоваться лишь в будущем в случае неблагоприятного развития событий, связанного с неспособностью человечества противостоять глобальному изменению климата и своевременно адаптироваться к нему.

С учетом целостного понимания климатического риска как многофакторного явления, порождаемого взаимодействием частоты и масштаба опасных природных явлений, подверженности им различных физических, биологических и антропогенных систем, уязвимости к их негативному воздействию и способности данных систем к адаптации, необходима разработка комплексного подхода к их количественной оценке.

Некоторые климатические риски для здоровья населения

Связь между условиями окружающей среды и состоянием здоровья человека давно и достаточно хорошо изучена[2]. Одним из наиболее опасных явлений в данном отношении является загрязнение воздуха (озоном, твердыми частицами, диоксидом серы, диоксидом азота и монооксидом углерода). Оно приводит к преждевременной смертности, снижению функции легких при аллергических заболеваниях, обострению хронических респираторных заболеваний и их развитию. Рост антропогенной активности и глобальное изменение климата неизбежно усугубляют воздействие загрязненного воздуха на человека. В частности, жаркая погода и экстремальные температуры во время волн жары наносят значимый ущерб здоровью населения, повышая уровень смертности от сердечно-сосудистых и респираторных заболеваний. Исследования показывают, что последствия воздействия экстремальной температуры сказываются на здоровье человека в тот же день или с задержкой от одного до четырех дней[3]. Но взаимосвязь между температурой и заболеваемостью по-прежнему остается неопределенной, поскольку некоторые исследования показывают, что коэффициенты корреляции между загрязнением воздуха, высокой

---

[1] *Rigaud K.* Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration / K. Rigaud, A. de Sherbinin, B. Jones, J. Bergmann, V. Clement, K. Ober, J. Schewe, S. Adamo, B. McCusker, S. Heuser, A. Midgley. Washington, DC: World Bank, 2018. 222 p. DOI: 10.1596/29461.

[2] См., напр., Quantitative Risk Assessment of the Effects of Climate Change on Selected Causes of Death, 2030s and 2050s / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014. 115 p.

[3] *Baccini M.* Heat Effects on Mortality in 15 European Cities / M. Baccini, A. Biggeri, G. Accetta [et al.] // Epidemiology. 2008. Vol. 19. № 5. P. 711–719.

температурой и случаями респираторных заболеваний статистически незначимы[1].

Наибольший ущерб наносит сочетание загрязнения воздуха и высоких температур во время лесных пожаров[2], которые вызваны жаркой погодой и приводят к опасным уровням концентрации в воздухе мелких твердых частиц, что влияет на здоровье органов дыхания. Дым от лесных пожаров представляет собой сложную смесь множества соединений, в первую очередь углекислого газа, углеводородов и оксидов азота, которые приводят к критическому ухудшению качества воздуха на местном и региональном уровнях[3]. Ярким примером являются несколько крупных лесных пожаров беспрецедентного масштаба и продолжительности, которые произошли в последние десятилетия, включая лесные пожары в Европейской части России в 2010 г., в Австралии в 2019 и 2020 гг., в тропических лесах Амазонки в Бразилии в 2019 и 2020 гг., на западе Соединенных Штатов в 2018 и 2020 гг., в Колумбии и Канаде в 2017 и 2018 гг.

Стремительная урбанизация также усугубляет проблемы загрязнения воздуха и тепловых нагрузок. Образование в крупных мегаполисах так называемых «остров тепла» представляют серьезную опасность для здоровья человека. Исследования показывают, что совместное воздействие жары и загрязнения воздуха увеличивает количество случаев респираторной инфекции в больницах и госпитализаций в городских районах[4]. Многочисленные исследования показали, что влияние высоких температур на смертность более выражено в городах, характеризующихся по сравнению с сельской местностью высокой плотностью населения, худшей экологической обстановкой, меньшим количеством зеленых насаждений и перегруженностью медицинских учреждений[5]. Прогнозируемое удвоение численности городского на-

---

[1] *Stafoggia M.* Factors Affecting In-Hospital Heat-Related Mortality: A Multi-City Case-Crossover Analysis // Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. Vol. 62. № 3. P. 209–215.

[2] *Рязанцев С. В.* Демографическая цена лесных пожаров лета 2010 г. России // Сборник научно-популярных статей победителей конкурса РФФИ 2011 года. Выпуск 15 / под ред. чл.-корр. РАН В. А. Шахнова. М.: Молнет, 2012. С. 321–332.

[3] *Ревич Б. А.* Новая эпидемиологическая модель по оценке воздействия аномальной жары и загрязненного атмосферного воздуха на смертность населения (на примере Москвы 2010 г.) / Б. А. Ревич, Д. А. Шапошников, Г. Першаген // Профилактическая медицина. 2015. Т. 18, № 5. С. 29–33. EDN VJGHTR.

[4] *Rizwan A. M.* A Review on the Generation, Determination and Mitigation of Urban Heat Island / A. M. Rizwan, L. Y. C. Dennis, Ch. Liu // Journal of Environmental Sciences. 2008. Vol. 20, № 1. P. 120–128. DOI 10.1016/S1001-0742(08)60019-4.

[5] См., напр., *Sera F.* How Urban Characteristics Affect Vulnerability to Heat and Cold: A Multi-Country Analysis / F. Sera, B. Armstrong, A. Tobias [et al.] // International Journal of Epidemiology, 2019. Vol. 48, № 4. P. 1101–1112.

селения в течение следующих двух десятилетий, непропорциональный рост мегаполисов и связанные с ним проблемы урбанизации делают крайне важным изучение влияния городской среды на здоровье человека в условиях изменения климата.

Кроме того, имеющиеся данные подтверждают, что загрязнение воздуха негативно сказывается на течении респираторных инфекций, к которым относится, в частности, и недавняя пандемия COVID-19. Большинство исследований показывают, что хроническое воздействие загрязнителей воздуха приводит к более тяжелым и летальным формам COVID-19, задерживая выздоровление и осложняя реабилитацию после заболевания[1]. В районах, где загрязнение воздуха превышает безопасные уровни содержания озона или твердых частиц, было зарегистрировано большее количество случаев заболевания и смертей с COVID-19. Таким образом, исследование связей между состоянием окружающей среды и протеканием респираторных инфекций может помочь в борьбе с их эпидемиями.

Некоторые результаты по смертности и госпитализациям с респираторными заболеваниями показали, что длительное воздействие загрязнения воздуха и высоких температур причиняет больший ущерб здоровью людей по сравнению с кратковременным таким воздействием. Это может объясняться тем, что респираторные заболевания развиваются медленнее по сравнению сердечно-сосудистыми заболеваниями, которые могут инициировать острую реакцию организма на неблагоприятные факторы окружающей среды практически моментально[2].

Также исследования показали, что определенные группы населения более уязвимы к воздействию загрязнения воздуха и волн жары[3]. К ним можно отнести пожилых людей и особенно лиц, проживающих в домах престарелых, детей в возрасте до семи лет, лиц, страдающих от сердечно-сосудистых и респираторных заболеваний, астмы, заболеваний почек и диабета, ожирения, а также тех, кто проживает в густонаселенных городских районах. Повышенная чувствительность пожилых людей к факторам окружающей среды может быть обусловлена наличием у них сопутствующих заболеваний (инфаркт миокарда

---

[1] *Bourdrel T.* The Impact of Outdoor Air Pollution on COVID-19: A Review of Evidence from In Vitro, Animal, And Human Studies / T. Bourdrel, I. Annesi-Maesano, B. Alahmad // European Respiratory Review: An Official Journal of the European Respiratory Society. 2021. Vol. 30, № 159. Article № 200242.

[2] *Sexton K.* Assessing Cumulative Health Risks from Exposure to Environmental Mixtures – Three Fundamental Questions / K. Sexton, D. Hattis. Environmental Health Perspectives. 2007. Vol. 115, № 5. P. 825–832. DOI 10.1289/ehp.9333.

[3] См., напр., *White-Newsome J. L.* Climate Change and Health: Indoor Heat Exposure in Vulnerable Populations / J. L. White-Newsome, B. N. Sánchez, O. Jolliet[et al.] // Environmental Research. 2012. Vol. 112. P. 20–27.

в анамнезе, сердечная недостаточность, диабет и т.д.). Кроме того, у пожилых людей снижена способность к терморегуляции, а пороги потоотделения, как правило, повышены по сравнению с молодыми людьми. Риски для детей обусловлены различиями в протекании у них воспалительных и иммунных реакциях по сравнению со взрослыми или пожилыми людьми.

Однако за всплесками избыточной смертности обычно следует снижение количества смертей по сравнению с обычным уровне в течение следующего периода времени, что называется эффектом «сбора урожая» ("harvesting effect"). Установлено, что подобное смещение смертности частично или даже полностью компенсирует повышение показателей во время периодов жары. Таким образом можно заключить, что в большинстве случаев экстремальные температуры становятся причиной преждевременной смерти, а не дополнительных смертей[1].

Почти все опасные погодные явления усугубятся в результате изменения климата, равно как и связанное с этим бремя болезней. Прогнозируется, что колебания в режимах температур и осадков увеличат частоту и интенсивность волн жары и лесных пожаров, а также продолжительность сезонов пыльцы, вызывающей аллергии[2]. Чтобы лучше оценить потенциальное воздействие изменения климата на здоровье человека при различных сценариях, необходимо учитывать эффекты не только отдельных опасных явлений (например, температуры), но синергетические эффекты от их одновременного воздействия.

Стратегии смягчения воздействия климатических изменений на здоровье человека должны разрабатываться с учетом возрастных и иных особенностей различных групп населения, что имеет особую актуальность в условиях демографического старения. Важнейшей мерой является информирование населения о потенциальной опасности жары, плохого качества воздуха, распространении возбудителей инфекционных заболеваний, наличии групп риска и методах его снижения. Поскольку данная проблема является комплексной и глобальной, важно усилить кооперацию между специалистами в различных областях знания, российскими и зарубежными учеными, национальными правительства, международными и общественными организациями, что позволит выработать оперативные и эффективные управленческие решения.

---

[1] *Ko F.W.* Effects of Air Pollution on Asthma Hospitalization Rates in Different Age Groups In Hong Kong / F.W. Ko, W. Tam, T.W. Wong // Clinical and Experimental Allergy: Journal of the British Society for Allergy and Clinical Immunology. 2007. Vol. 37, № 9. P. 1312–1319.

[2] Quantitative Risk Assessment of the Effects of Climate Change on Selected Causes of Death, 2030s and 2050s / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014. 115 p. ISBN 978-92-4-150769-1.

II. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СЕМЬЯ, РОЖДАЕМОСТЬ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

2.1. Трансформационные волны воспроизводства и миграции трудовых ресурсов[1]

Последние несколько лет развития общества как в мировом, так и национальном пространстве были сопряжены со сменой ранее существовавшей парадигмы воспроизводства трудовых ресурсов и миграции населения. Возникают предпосылки существенного пересмотра привычных паттернов формирования, распределения и использования рабочей силы, а также кардинального изменения традиционных логистических путей трудовой миграции.

Современные социально-экономические тенденции развития мирового рынка труда отличаются существенной волатильностью, что, несомненно, оказывает влияние на трансформацию региональных и национальных рынков труда, формируя в том числе и новые тенденции в части процесса воспроизводства трудовых ресурсов. В новых экономических условиях, по прогнозам Международной организации труда (МОТ), по итогам 2022 г. сохранится дефицит рабочей силы, соответствующий 52 млн рабочих мест с полной занятостью, что сопряжено с кризисом и глобальным сбоем на мировом рынке труда.

Несмотря на то, что ситуация улучшается в сравнении с 2021 г., когда объем занятости составил 125 млн рабочих мест (при условии 48-часовой рабочей недели), положение остается крайне нестабильным, а уровень безработицы по-прежнему оценивается высокими показателями. В условиях усиления глобальной нестабильности вряд ли стоит в ближайшие годы ожидать существенного сглаживания процессов на мировом рынке труда.

---

[1] В данном разделе монографии использованы переработанные авторами материалы ранее опубликованной научной статьи: *Гневашева В.А.* Новые режимы воспроизводства и миграции трудовых ресурсов // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 8. Порядковый номер: 37.

В 2022 г. доля занятых в общем объеме экономически активного населения прогнозируется на уровне 55,9%, что на 1,4 п.п. ниже уровня 2019 г.

Многие из тех, кто ушел с рынка труда, не возвращаются, снижая тем самым общий объем экономически активного населения, поэтому уровень безработицы по-прежнему недооценивается, как и влияние современных процессов на кризисное снижение общей занятости. В этой связи и доля занятых в общем объеме экономически активного населения, упав почти на 2 п.п. в период с 2019 г. по 2020 г., прогнозируется к восстановлению лишь частично.

Глобальный уровень безработицы, по прогнозам, останется выше уровня 2019 г. как минимум до 2023 г. Прогнозируется сокращение числа безработных на 7 млн в 2022 г. до 207 млн в сравнении с показателем 2019 г., который составлял 186 млн человек.

Отмечается, что восстановление рынка труда происходит быстрее всего в странах с высоким уровнем дохода. На их долю приходится около половины глобального снижения безработицы в период 2020–2022 гг., вместе с тем занятая там рабочая сила составляет лишь около одной пятой общемирового показателя. Напротив, страны с доходами ниже среднего уровня на начало пандемии оказались в наихудшем положении и демонстрируют сейчас крайне медленные темпы восстановления рынка труда.

Восстановление неравномерно и внутри стран. Непропорционально влияние пандемии на гендерную занятость, а именно на занятость женщин. Прогнозируется существенное сокращение доли занятых женщин и усиление гендерного разрыва занятости.

Подобное неравенство наиболее заметно в странах с доходом выше среднего, где прогнозируется соотношение занятости женщин к численности экономически активного населения в 2022 г. на 1,8 п.п. ниже уровня 2019 г., по сравнению с изменением в 1,6 п.п. для мужчин, несмотря на то, что уровень занятости женщин итак ниже на 16 п.п., чем у мужчин.

Закрытие школ, колледжей и учебных заведений на длительный период во многих странах ослабило качество подготовки рабочей силы, что будет иметь цепные долгосрочные последствия для трудоустройства и возможностей профессионального роста и особенно значимо для процессов развития молодежного сегмента рынка труда, а также для дальнейшего процесса формирования рабочей силы и профессиональной подготовки молодых людей[1].

Пандемия и последующие геополитические шоки сыграли важную роль в стимулировании экономических изменений, которые могут

[1] World Employment and Social Outlook: Trends 2022. Geneva: International Labour Office, 2022. 124 p.

стать структурными, с долгосрочными негативными последствиями для рынка труда.

Объединение разных макроэкономических тенденций создало неопределенность относительно того, будет ли падение количества рабочих мест, занятости и участия в рабочей силе носить временный характер, или последствия пандемии и геополитические явления последних лет будут способствовать значимой структурной трансформации рынка труда, поиску путей трудосберегающих преобразований.

Пандемия в комплексе с геополитическими изменениями усугубили различные формы трудового неравенства от гендерной сегрегации до усиления цифрового разрыва в процессе формирования рабочей силы.

Изменения в составе трудовых отношений, такие как зависимость от неформальной самозанятости для сохранения необходимого заработка, рост удаленных форм занятости, а также различные тенденции в отношении временных работ — все это лишь усиливает риски ухудшения качества условий труда.

До начала пандемии временная занятость как доля от общей занятости увеличивалась, хотя и неравномерно по секторам и странам. Временная занятость в значительной степени носила структурный характер и определялась отраслевой структурой и профессиональным составом рынка труда; однако во время кризисов и как их следствие она склонна служить катализатором негативных социально-экономических тенденций, работодатели сокращают расходы и прекращают найм временных работников.

В долгосрочной перспективе временная занятость может негативно сказаться на производственной цепочке организаций. Вместе с тем в краткосрочном периоде временная занятость позволяет сохранять рабочие места и не прерывать цепочки профессиональной подготовки рабочей силы, хотя условия временной занятости как правило хуже, зачастую характеризуются трудовой незащищенностью, нестабильностью дохода, ограниченным доступом к инструментам социальной защиты.

Показатели временной занятости выше в странах с низким и средним уровнем дохода (чуть более одной трети от общей занятости), чем в странах с высоким уровнем дохода (15%). Однако экономическая составляющая временной занятости варьируется между развитыми и развивающими странами.

Несмотря на то, что временная занятость, как правило, популярна на этапе начала трудовой деятельности, так как позволяет выбрать сферу занятости, поучаствовать в занятости на разных рабочих местах, она представляет собой гибкую форму трудоустройства и мотивирует к выбору постоянного места занятости более осознанно, все же временная занятость не предлагает для работника соответствующих гарантий занятости, регулярного дохода, не всегда соответствует ква-

лификационным требованиям, зачастую ограничена в отношении доступа к мерам социальной защиты.

Для рабочих в развивающихся странах, напротив, временная занятость зачастую представлена как раз формами неформальной занятости и характеризуется максимальной отдаленностью от норм системы социальной защиты и трудовых гарантий работников.

Несмотря на то, что именно временные работники, как правило, потеряли работу в начале пандемии, все же отмечается существенный прирост именно рабочих мест временной занятости как краткосрочное направление выхода из кризиса на современном этапе развития рынка труда.

Чистый экономический эффект подобных тенденций обусловлен относительным сохранением занятости именно на временных рабочих местах в сравнении с прочими формами занятости и, как следствие, частичной стабилизацией рынка труда в целом: сохранение занятости и снижение безработицы, сглаживание структурных диспропорций между формальным и неформальным секторами.

Начало пандемии в большинстве стран характеризовалось формированием дуальности рынка труда, а неформальная занятость перестала играть свою традиционную контрциклическую роль, поглощая исключительно уволенных работников из формального сектора.

Технологические инновации постепенно трансформируют все сферы жизнедеятельности. Способность к быстрому обмену большими объемами данных и информации заложила основы для роста цифровой экономики и цифровых платформ занятости.

Организации как развитых, так и развивающихся стран включились в подобные преобразования, поскольку данная тенденция ведет к существенному удешевлению товаров и услуг, к упрощению логистики. Цифровые трудовые платформы теперь являются частью нашей повседневной жизни. Данная технологическая трансформация все активнее распространяется на сферу труда. Платформы цифровой занятости труда предлагают и новые рынки, и больше возможностей для получения дохода для работников, и привлечение все большего количества людей в состав экономически активных, включая тех, кто ранее находился вне рынка труда.

Широко распространено мнение, что именно пандемия COVID-19 ускорила подобные цифровые инновации, которые до этого уже развивались и в обществе, и в сфере занятости, к ним относятся и облачные технологии, и использование больших данных и алгоритмов. Результатом стали инновационные методы работы и гибкость как для работников, так и для предприятий.

Условия удаленной работы, принятые многими компаниями за последний год, привели к стремительному росту электронной коммерции, электронных услуг и удаленным формам занятости в сети

Интернет. Для многих, кто потерял работу как в развивающихся, так и в развитых странах, цифровые платформы занятости стали возможностью продолжить работу, получать трудовой доход. Многие предприятия и вовсе перешли на цифровые платформы занятости, чтобы иметь возможность продолжать свою деятельность. Для многих это было возможностью выхода на новые рынки, возможностью существенного сокращения затрат.

Однако подобное технологическое развитие как сферы занятости, так и хозяйственной деятельности приводит к возможности производственной организации без необходимости инвестировать в основные средства производства или физический найм сотрудников.

Работники цифровых платформ занятости столкнулись с проблемой найти хорошо оплачиваемую работу, получить достойный уровень трудового дохода, что усилило угрозы бедности и особенно проблему работающих бедных. Занятые в рамках цифровых платформ, как правило, не имеют доступа к системе социальной защиты, они не участвуют в общественных процессах трудового коллектива, не ощущают социальной включенности в трудовое сообщество, что не позволяет им решать проблемы в коллективе, действовать командно, во многом обедняя результаты их труда.

Цифровая экономика приводит к изменению мира сферы занятости, трудовых сообществ, результатов труда. Цифровые платформы занятости являются отличительной и неотъемлемой частью цифровой экономики. Их можно классифицировать по двум категориям: мобильные и со стационарным рабочим местом. На мобильных цифровых платформах занятости рабочие задания выполняются работниками онлайн и / или удаленно. Эти задачи могут включать выполнение переводческих, юридических, финансовых и регистрационных услуг, услуг дизайна и программного обеспечения, фриланса, решение сложного программирования или проблем с анализом данных, а также выполнение краткосрочных задач, таких как аннотирование изображений, модерация контента или расшифровка видео на микрозадачных платформах. На стационарных цифровых рабочих местах задачи выполняются лично в определенных физических местах присутствия работников, и включают такие сферы занятости, как такси, доставку и услуги на дому (в том числе ремонт и коммунальное обслуживание), работа по дому и обеспечение ухода.

Развитие цифровых платформ занятости — это дополнительные возможности обеспечения местами работников, в том числе женщин, людей с ограниченными возможностями, молодежи, определенных квалификационных категорий мигрантов. Возможности, предоставляемые цифровыми платформами занятости, сопряжены и с рядом трудностей регулирования и контроля, но вместе с тем позволяют ориентироваться и на новые направления развития занятости.

Трудовая миграция до пандемии COVID-19 являлась одним из самых массовых и значимых с точки зрения социально-экономических последствий видов миграции в глобальном мире. По оценкам МОМ, в 2019 г. численность трудящихся-мигрантов в мире составляла более 164 млн человек или около 2/3 (64%) общей численности международных мигрантов (258 млн). Среди трудящихся-мигрантов преобладали мужчины: 96 млн мужчин (58%) и 68 млн женщин (42%). Большинство трудящихся-мигрантов — примерно 111 млн (68%) — работали в странах с высоким уровнем дохода, 47 млн (29%) — в странах со средним уровнем дохода. И только около 5,6 млн, или 3,4%, трудящихся-мигрантов работали в бедных странах. Доля трудящихся-мигрантов в общей численности рабочей силы в группах стран с низким и средним уровнем дохода была относительно низкой (около 3,3% и 2,2% соответственно), но в группе стран с высоким уровнем дохода — значительно выше — на 18,5%[1].

В мире остается востребованным низкоквалифицированный и квалифицированный труд мигрантов. Также нарастает конкуренция за высококвалифицированные ресурсы, поскольку высококвалифицированные кадры будут играть все более важную роль в развитии экономики, основанной на цифровых знаниях. Нехватка кадров в машиностроении, информационных технологиях, фармацевтике, здравоохранении и образовании заставляет страны строить свою миграционную политику как более привлекательную для высококвалифицированных категорий мигрантов. Трудовая миграция все больше превращается в циркуляционную трудовую миграцию. Трудящимся-мигрантам свойственна и возвратная миграция, которая становится все более масштабной из-за финансово-экономических кризисов.

Таким образом, для современного мирового рынка труда в условиях постковидных и геополитических преобразований сформировался ряд выраженных новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов, а именно усиление гендерного разрыва занятости, акцент на трудосберегающие преобразования в хозяйственной деятельности, усиление и трансформация процессов дуальности рынка труда, а также форм трудового неравенства, преобразование и специфическая роль временной занятости, формирование и развитие цифровых платформ занятости, развитие кластерных «провалов» рынка, возрастающая роль циркуляционной и возвратной трудовой миграции.

Национальный рынок труда

Рынок труда РФ также описывается рядом сформировавшихся направлений, вызванных как внешними шоками, так и внутренними социально-экономическими изменениями.

---

[1] World Migration Report 2020. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 477 p.

Основные показатели оценки тенденций на рынке труда России за последние десять лет (с 2011 г.) позволяют определить устойчивость наметившихся трендов, частичное сглаживание негативных тенденций, но вместе с тем формирование и новых направлений воспроизводства трудовых ресурсов, значимость которых еще предстоит оценить.

Россия стала крупным центром притяжения трудящихся-мигрантов из ряда сопредельных стран в силу исторических, социокультурных и экономических причин. По разным оценкам, в России трудятся в среднем ежегодно от 2,5 до 3 млн мигрантов. Например, перед пандемией COVID-19 на 1 апреля 2020 г. около 3,2 млн документированных трудовых мигрантов, главным образом из стран Центральной Азии, находились в России. Также около 1,9 млн недокументированных трудовых мигрантов присутствовали в неформальном секторе экономики или не были оформлены должным образом. Международная трудовая миграция для России остается важным потоком пополнения рынка труда, который не только покрывает временный дефицит в условиях нарастающего сокращения трудовых ресурсов, но и превращается во все более значимый феномен, имеющий социально-экономические, демографические, геополитические и социокультурные последствия для общества в целом.

Пандемия короновируса, с одной стороны, вызвала отток трудовых мигрантов из России. По данным МВД, число работающих в России трудовых мигрантов сократилось практически на четверть по сравнению с 2019 г. и составило около 1 млн 376 тыс. человек (вместо 1 млн 744 тыс. человек в 2019 г.). Сокращение произошло по всем категориям работников. Мигрантов, имеющих патенты, стало меньше на 21%, почти на 30% сократилось количество разрешений на работу (86 тыс. вместо 122 тыс. в 2019 г.). Также на 26% снизилось число работающих в России граждан Евразийского экономического союза (333 тыс. человек в 2020 г. вместо 450 тыс. человек в 2019 г.)[1].

В современных условиях высокие показатели уровня дополнительной потребности в работниках отмечаются в некоторых регионах России, где был наиболее высок в допандемийный период уровень присутствия ИРС (иностранной рабочей силы): Москва и Московская область, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградская и Астраханская области. Практически все эти регионы вошли в группу с относительно высоким уровнем роста номинальной начисленной заработной платы, что подтверждает тесную взаимосвязь между дефицитом рабочей силы и ростом оплаты труда.

[1] Количество трудовых мигрантов в России уменьшилось за год почти на четверть // Интерфакс: [сайт]. 06.11.2020. URL: https://www.interfax.ru/russia/735806 (дата обращения: 05.06.2021).

В результате выявлена тенденция усиления дифференциации регионов по степени влияния различных видов миграции на рынки труда за счет возрастающего притяжения внутренней трудовой миграции в столичные и нефтегазовые регионы. С другой стороны, в регионах с высокой безработицей (национальные автономии Северного Кавказа, Поволжья, Сибири) миграция не снижает нагрузку на рынок труда, а в ряде регионов даже ее увеличивает.

Усиление региональных диспропорций рынков труда лежит в русле общей негативной тенденции отставания депрессивных территорий от регионов-лидеров социально-экономического развития. Государство не регулирует должным образом отдельные виды миграции с учетом их влияния на рынок труда. Сложились нерациональные встречные потоки внешней и внутренней трудовой миграции, их масштабы и направления не увязываются с балансовыми расчетами потребности экономики в трудовых ресурсах.

Современная ситуация на рынке труда как России, так и мира характеризуется устойчивым явлением кластерных «провалов» рынка, где миграционные потоки выступают компенсационным явлением частичного сглаживания складывающейся негативной ситуации, в то же время с учетом значимых негативных экстерналий миграционные потоки выполняют функцию усиления положительного общественного эффекта и трансформируют негативные экстерналии в формы положительного воздействия для рынков труда, но требуют более гибкого механизма государственного управления миграцией.

Внутренний рынок труда

На внутреннем рынке труда с 2021 г. начался процесс восстановления — постепенное снижение уровня безработицы, расширение занятости. Возросла деловая активность, увеличилась потребность экономики в дополнительной рабочей силе. Индекс промышленного производства в марте 2021 г. составил по сравнению с мартом предыдущего года 101,1%. По данным государственной службы занятости, дополнительная потребность в рабочей силе, заявленная работодателями, увеличилась в июне 2021 г. до 2 190 тыс. человек против 1 700–1 800 тыс. в ноябре–феврале 2021 г., или на 21,7–28,8% (табл. 2.1.1).

Отдельные индикаторы достойного труда, принятые для определения базовых характеристик развития сферы труда в разных странах, представленные для РФ за период 2011–2020 гг. (табл. 2.1.1), позволяют говорить о наметившихся тенденциях снижения трудовой волатильности, о стабилизации трендов, о сопряженности ситуации российского рынка труда мировым тенденциям. Определяя линейные взаимосвязи панельных данных возможно уточнить наличие и значимых взаимовлияющих отдельных переменных (табл. 2.1.2).

Таблица 2.1.1

Отдельные индикаторы достойного труда

Годы	Доля занятости, % (*Y*)	Молодежь, которая не работает и не учится 15–24 года, % (X_1)	Доля неформального сектора в общей занятости, % (X_2)	Производительность труда (темпы роста) (X_3)	Доля з/п в ВВП, % (X_4)
2011	63,9	12,7	18,2	103,2	49,7
2012	64,9	12,0	19,0	103,8	43,9
2013	64,8	11,8	19,7	103,8	44,3
2014	65,4	12,1	20,2	102,8	46,3
2015	65,3	12,0	20,5	102,8	47,4
2016	65,7	12,4	21,2	98,7	47,8
2017	59,5	10,5	19,8	100,1	48,2
2018	59,8	10,2	20,1	102,1	47,8
2019	59,4	10,6	20,6	103,1	45,3
2020	58,4	10,9	20,0	102,6	46,3

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Таблица 2.1.2

Сравнительная статистика оценок множественной регрессии

	X_1	X_2	X_3	X_4	R^2	*Radj*	*F*знач	*df*
Y_1	3,23*** (0,622)	0,64 (0,875)	0,001 (0,505)	–0,269 (0,386)	0,84	0,72	0,029	9

Примечание: В таблице представлены β-коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость коэффициентов представлены по оценкам *p-value*, при *p-value* < 0,001 — ***, *p-value* < 0,05 — **, *p-value* < 0,1 — *.

Оценки множественной регрессии свидетельствуют о существенной значимости влияния изменения численности молодежи, которая не работает и не учится на долю занятости в целом, причем в положительной корреляции, что подчеркивает факт замещения между категориями работников в возрасте до 25 лет и более старшей по возрасту рабочей силы.

С одной стороны, подобная ситуация приводит к снижению социально-экономической нагрузки на рынке труда и росту занятости среди более старших возрастов, свидетельствует о высокой степени экономической активности работников старше 25 лет, с другой стороны, наличие данной категории рабочей силы в возрасте 15–25 лет,

которая не работает и не учится является фактором риска изменения качества рабочей силы в будущем.

В этой связи важно также обратиться к вопросам подготовки рабочей силы и тенденциям изменения спроса на профессиональное образование в рассматриваемый период (табл. 2.1.3).

Таблица 2.1.3

Отдельные индикаторы формирования рабочей силы

Годы	Число студентов программ СПО (тыс. человек)	Выпуск студентов программ СПО (тыс. человек)	Число студентов по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета (тыс. человек)	Выпуск студентов по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета (тыс. человек)	Валовый коэффициент охвата образовательными программами СПО и ВО (к общей численности населения 15–34 года)
2000	4040	1342	4741	635	20,5
2010	3133	1153	7050	1468	23,8
2018	3006	700	4162	933	19,6
2019	3119	705	4068	909	19,9
2020	3336	695	4049	849	21,3

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Отмеченные тенденции позволяют говорить о наметившемся снижении количества тех, кто поступает на программы среднего профессионального образования и программы высшего образования. Велика также количественная вилка между поступившими на программы профессионального образования и выпустившимися из соответствующих образовательных учреждений, что особенно заметно для программ среднего профессионального образования.

В соответствии с представленными корреляционными оценками (табл. 2.1.4), отмечается высокая положительная корреляция между переменными «доля занятости» и «доля занятых женщин», а также «доля занятости» и «молодежь, которая не работает и не учится». В этой связи важно подчеркнуть высокую степень экономической активности среди трудовых ресурсов старше 25 лет, а также среди женщин и отметить тенденцию ее роста за последние 10 лет.

Практически отсутствие корреляционных связей отражает группа показателей «доля занятости» и «доля неформального сектора в общей занятости (женщины)», что подчеркивает тенденцию роста экономической активности женщин, стремящихся быть занятыми в формальном секторе экономики. Подобные социально-экономические настро-

ения подтверждают стабилизацию рынка труда, усовершенствование механизма его функционирования, формирование устойчивых трудовых гарантий работникам, обеспечение гарантий труда, занятости и социальных условий, а также в целом рост качества жизни трудовых ресурсов, и в этой связи выбор рабочего места не по исключительно экономическим соображениям, а в соответствии с социально-экономической идентификацией себя в системе трудовых отношений.

Таблица 2.1.4

Корреляционные оценки основных индикаторов достойного труда

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}	X_{11}	X_{12}
X_1	1											
X_2	0,99	1										
X_3	0,38	0,44	1									
X_4	0,23	0,29	0,97	1								
X_5	0,88	0,91	0,70	0,57	1							
X_6	0,94	–0,96	0,63	0,48	0,98	1						
X_7	–0,05	–0,12	–0,59	–0,49	–0,27	–0,25	1					
X_8	0,01	–0,06	–0,60	–0,51	–0,21	–0,19	0,99	1				
X_9	0,06	0,12	0,12	0,02	0,08	0,16	–0,53	–0,47	1			
X_{10}	0,77	0,75	0,43	0,37	0,78	0,75	0,19	0,20	–0,36	1		
X_{11}	–0,81	–0,85	–0,59	–0,40	–0,82	–0,88	0,57	0,52	–0,28	–0,50	1	
X_{12}	–0,10	–0,11	0,35	0,40	0,08	–0,01	–0,09	–0,17	–0,50	0,29	0,03	1

X_1	доля занятости, %
X_2	доля занятых женщин, %
X_3	уровень безработицы, %
X_4	уровень безработицы (женщины), %
X_5	молодежь, которая не работает и не учится 15–24 года, %
X_6	молодежь, которая не работает и не учится 15–24 года /(женщины), %
X_7	доля неформального сектора в общей занятости, %
X_8	доля неформального сектора в общей занятости (женщины), %
X_9	производительность труда (темпы роста)
X_{10}	темпы инфляции ИПЦ
X_{11}	доля занятости в секторе услуг, %
X_{12}	доля з/п в ВВП, %

По данным исследования, наблюдается высокая степень обратной корреляции между долей занятости женщин и молодежью (в гендерном распределении — женщин), которая не работает и не учится, что подтверждает социально-экономическую активность женщин всех возрастных групп и усиление их включенности в трудовые отношения.

Дополнительные корреляционные оценки женского сегмента рынка труда (табл. 2.1.5, 2.1.6) позволяют ставить вопросы необходимости детерминации данного явления как социально-экономически обособленного, требующего дополнительного изучения, особенно в контексте общей социально-экономической стратегии развития современного российского общества, действующих национальных проектов, в том числе и национального проекта «Демография», в соответствии с которым предполагается реализация шагов по укреплению здорового образа жизни и стимулированию рождаемости: формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, создание условий для занятий физической культурой и спортом, системную поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения, финансовую поддержку семей при рождении детей, а также содействие занятости женщин[1].

Таблица 2.1.5

Отдельные индикаторы женского сегмента рынка труда

Годы	Доля занятых женщин, % (Y)	Уровень безработицы (женщины), % (X_1)	Молодежь, которая не работает и не учится 15–24 года (женщины), % (X_2)	Доля неформального сектора в общей занятости (женщины), % (X_3)
2011	59,2	6,0	15,1	16,8
2012	60,1	5,1	14,4	17,6
2013	59,8	5,2	14,4	18,2
2014	60,4	4,9	14,8	18,6
2015	60,1	5,3	14,5	18,7
2016	60,4	5,3	14,6	19,4
2017	52,8	5,0	12,0	18,0
2018	53,2	4,7	11,5	18,4
2019	52,9	4,4	12,0	18,9
2020	52,1	5,7	12,2	18,3

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

[1] Национальный проект «Демография» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 05.06.2021).

Таблица 2.1.6

Сравнительная статистика оценок множественной регрессии (отдельные показатели женского сегмента рынка труда)

	X_1	X_2	X_3	R^2	*Radj*	*Fзнач*	*df*
Y_1	–0,268 (0,169)	–0,862 (0,515)	–0,286 (0,272)	0,53	0,29	0,185	9

Примечание: В таблице представлены β-коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость коэффициентов представлены по оценкам *p-value*, при *p-value* < 0,001 — ***, *p-value* < 0,05 — **, *p-value* < 0,1 — *

На современном этапе социально-экономического развития рынка труда России важно подчеркнуть ряд сформировавшихся новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов. Основными направлениями стратегии развития процесса воспроизводства трудовых ресурсов России, отмеченными для современного социально-экономического и трудового пространства, являются следующие:

— в целях сохранения и перспективного выполнения основных положений демографической политики необходимо обоснование, описание и формирование программ регулирования женского сегмента рынка труда;

— усиление мер государственного регулирования рынка труда в части обеспечения российской экономики трудовыми ресурсами, преимущественно, направленных на формирование базовых условий для более свободного развития рыночного механизма;

— усиление практического внедрения механизмов и инструментов регулирования функционирования рынка труда, что будет способствовать формированию более устойчивого базиса процесса воспроизводства трудовых ресурсов и позволит сглаживать определенные диспропорции на рынке труда;

— разработка программы сохранения и создания новых рабочих мест на перспективу, с учетом демографических особенностей рабочей силы на предстоящий период, а также развития цифровых трудовых платформ;

— формирование региональных рынков труда в части корректировки программ миграционной политики и мер по обеспечению сбалансированности спроса и предложения рабочей силы.

— для более углубленного изучения внешней и внутренней трудовой миграции предлагается проводить регулярные выборочные статистические обследования домохозяйств для сбора информации о трудовых мигрантах и условиях использования их труда;

— необходимы таргетивные механизмы воздействия на отдельные сегменты рынка труда с целью усиления сбалансированности рабочей

силы, в том числе минимизации форм дестабилизации, вызванные структурной инфляцией;

— применение превентивной политики выявления степени замещения труда национальных работников внешней иммиграцией с дополнительным определением качества рабочей силы, посредством инструментов оценки уровня квалификации работников, разработки критериев соответствия рабочему месту, формирования программ мотивации внутренних трудовых ресурсов к росту качества рабочей силы, повышения уровня профессиональной подготовки, эффективности перераспределения рабочей силы на внутреннем рынке труда России;

— особенный акцент необходимо сделать на трудовых ресурсах в возрастной группе 15–25 лет с целью их как профессиональной ориентации, так и образовательной мотивации;

— в силу усиления тенденций занятости женщин необходимыми станут и меры дополнительных оценок демографических настроений и социально-экономических ожиданий женской части населения, а также семей с детьми, для сохранения демографической политики, направленной на демографический эффект и поддержку социально-экономического выбора женщин в отношении труда и занятости;

— крайне важно поддерживать инициативы социального диалога для развития и обеспечения мероприятий восстановления человека в системе трудовых отношений, его возвращения в сферу труда, его обеспечение квалифицированным, безопасным и достойным трудом;

— формирование программ целевого регулирования и поддержки отдельных отраслей экономики, так как в силу снижения экономической активности и, как следствие оптимизации затрат организаций, фиксируется сокращение занятости, преимущественно в отраслях, производящих товары и услуги с высокоэластичным потребительским спросом, а также в отраслях международного присутствия иностранных партнеров, где наметились процессы оттока трудовой миграции, увеличения скрытой безработицы (отпуска по инициативе администрации, временное сохранение занятости без осуществления производственной деятельности), снижение уровня трудового дохода;

— формирование дополнительных программ управления монопсониями, так как в современных условиях особенная сложность представляется в части социально-экономической поддержки градообразующих предприятий (монопсоний) особенно тех, которые экспортно-ориентированы, а их деятельность на текущий период сопряжена со снижением занятости и как следствие со снижением уровня жизни регионов в целом, с массовой безработицей, сокращением экономической и трудовой активности в сопутствующих отраслях и сферах деятельности региона (города);

— важна работа на опережение для сохранения рабочих мест, создание импортозамещающих производств, государственное регу-

лирование рынка труда, трансфертная и субсидиарная политика в отношении возникающей безработицы и крупных организаций (как например: субсидии занятости).

— уточнение программ внутренней миграции, поскольку основные потоки «село — город» представленные как тенденции ранее сократятся, так как основная их причина как правило экономическая — занятость с возможностью получения большего дохода. В городах, региональных центрах общий уровень благосостояния определяется крупными бизнес-структурами, градообразующими предприятиями, межнациональными компаниями, деятельность которых на данных момент будет существенно сокращена, как следствие сопутствующие сектора, в том числе сектор услуг будет менее востребован, что приведет к сужению рыночного потенциала, росту региональной безработицы, сокращению спроса на рабочую силу, сокращению межрегиональных миграционных потоков.

Все представленные меры в комплексе со стандартными инструментами регулирования трудовых отношений как правило применимы в процессе выхода из кризисов, реальны при последовательной планомерной политике и при согласованности всех хозяйствующих субъектов.

2.2. Студенческая семья в России: проблемы, перспективы, стратегия поддержки

В контексте реализации современной семейно-демографической политики особого внимания заслуживает устойчивость брачно-семейных отношений в молодежной среде. Российские ученые, изучающие трансформацию института семьи, исходя из понимания семьи как единства отношений, основанных на брачности-супружестве-родительстве-родства, предлагают необходимость проведения научно обоснованной политики в отношении студенческой семьи. Проблемы современной семьи и социального положения студентов вызывают большой интерес российских исследователей. Т. К. Ростовская обращает внимание на студенческую молодежь с позиции главного субъекта общественного воспроизводства, «...так как именно в данной возрастной группе, в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума. <...>. Говоря о репродуктивном потенциале социума, прежде всего необходимо выделить репродуктивный потенциал молодежи как уровень физического и психического состояния молодежи, который позволяет при достижении социальной зрелости воспроизводить здоровое потомство»[1].

[1] *Ростовская Т. К.* Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 73–81.

Формирование государственной демографической и семейной политики не может не учитывать особенности положения молодой семьи. Старение населения страны и неблагоприятные демографические тенденции в сфере рождаемости акцентируют внимание на необходимости более полно использовать репродуктивный потенциал молодежи. Это особенно важно на фоне снижения уровня брачности среди более молодых поколений, старения и снижения уровня рождаемости. Низкая рождаемость сейчас чревата депопуляционными процессами в будущем, проблемами в сфере трудовых ресурсов, зависимостью рынка труда от иностранной рабочей силы. Анализ специфики репродуктивного и брачного поведения студенческой молодежи позволит сформулировать актуальные направления совершенствования семейной и демографической политики.

Проблема исследования студенческой семьи является острейшей вследствие усугубления демографической обстановки в государстве, обращает внимание на усиление значимости молодых поколений в обеспечении демографического потенциала современного социума. Характерной чертой студенческой семьи можно считать то, что данный тип семьи в наибольшей степени чувствителен к проблемам, присущим институту семьи в целом.

Молодое поколение заинтересовано в «приращении своего “человеческого капитала” и его использовании в профессиональной деятельности»[1]. Данную возрастную группу составляют люди, переживающие период получения профессионального образования, становления карьеры. Однако молодость — это возраст, когда люди предпринимают важные шаги для всей своей будущей жизни не только в контексте профессиональной карьеры, саморазвития, дальнейшего образования, но и личной жизни, реализации матримониальных и репродуктивных установок, создания семьи. Стратегии реализации профессиональной и семейно-брачной карьеры подчас вступают в противоречие, на что накладывает отпечаток система доминирующих в обществе ценностей. Это определяет и сложность анализа факторов, определяющих матримониальное и репродуктивное поведение студенческой молодежи, параметры функционирования студенческих семей.

Рассмотрение институциональных основ становления и развития студенческой семьи связано с изучением подходов, методик, статистических данных, связанных с выделением подкатегории «студенческая семья» внутри категории «молодая семья», формулированием индивидуальных специфических черт студенческой семьи, определением ее функций и роли в демографическом развитии государства, рассмотрении притязаний, потребностей, интересов членов студенческой семьи,

---

[1] *Магун В. С.* Молодежь: высокие притязания и новые стратегии / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Менеджер по персоналу. 2008. № 9. С. 6–16.

определением благополучия как целевого ориентира, результата институционализации студенческой семьи, формулированием ключевых целей и задач для достижения благополучия студенческой семьи.

Для более глубокого понимания современных проблем студенческой семьи необходимо иметь развернутую историческую картину явления, рассмотренную в ее предметном разнообразии. И речь идет не только об исторической динамике, но и ее территориально-географических и профессиональном аспектах. Регионы России всегда имели различия в части культуры семьи, специфика содержания и направления высшего образования также накладывала свой отпечаток на отношение к семье студенческой молодежи[1]. Исследования свидетельствуют, что большинство студентов российских вузов, особенно до революции 1917 г., не вступали в брак. В послевоенную эпоху ситуация вокруг студенческих семей несколько изменилась. Пример московских вузов послевоенной эпохи показывает, что в это время студенческие семьи стали обычным явлением. Семейные студенты имели некоторые преимущества. Например, состоявшим в браке студентам выдавали дипломы без обязательного распределения в отдаленные районы Советского Союза, как для прочих выпускников. Успешная карьера и высокие достижения многих китаистов, вступивших в брак будучи студентами, указывает на то, что студенческая семья не была препятствием для учебы и карьерного роста[2].

По данным социологических исследований, создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей занимают лидирующие позиции в структуре ценностных ориентиров молодых россиян, и благополучие семьи и ее членов является главным составляющим успеха современной молодежи.

Российские исследователи подчеркивают значимость проведения мониторинговых исследований семейных стратегий студенческой молодежи, составляющей пятую часть молодого населения страны, что позволит выявить факторы и тенденции трансформации норм, установок, ценностей семейного поведения молодежи, предложить меры по повышению результативности молодежной и семейной политики[3].

---

[1] *Дацышен В. Г.* Проблемы семьи и социального положения студентов на примере советских востоковедов / В. Г. Дацышен, Т. К. Ростовская // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 68–79.

[2] Там же.

[3] *Андрюшина Е. В.* Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. / Е. В. Андрюшина, Н. С. Григорьева, Е. А. Панова // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 99–113; *Панова Е. А.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) / Е. А. Панова, Е. В. Андрюшина, Н. С. Григорьева // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 246–273.

Уже на протяжении нескольких десятилетий исследования свидетельствуют о значительных изменениях в матримониальном и репродуктивном поведении молодежи. Опыт панельных исследований, проведенных в европейских странах, свидетельствует, что намерения молодых людей относительно размера семьи, числа детей, скорее всего, изменятся в результате их опыта в семейной и профессиональной сферах жизни. Если респонденты откладывают рождение детей до тридцати лет, у них гораздо больше шансов скорректировать свои намерения в сторону понижения, чем если бы они начали свою детородную карьеру раньше[1]. Молодые женщины, для которых рождение детей является пока достаточно отдаленной целью, могут впоследствии поменять свои предпочтения в отношении фертильности, причем довольно непредсказуемыми способами[2]. Этот факт также акцентирует внимание на необходимости исследования репродуктивного поведения молодых россиян, находящихся на пути построения семейной и профессиональной карьеры.

В регионах России наблюдаются различные модели молодой семьи — как ориентированные на традиционный уклад семейной жизни, так и характеризующиеся современным распределением ролей[3]. Однако влияние традиций и устоявшихся ценностей на поведение людей, в том числе демографическое, уменьшается под влиянием глобальных и социальных процессов и вызывает значительные изменения в повседневной жизни людей. Эти процессы оказывают влияние на нравственное развитие молодежи, влияют на их систему ценностей и на понимание брака и семьи[4].

Происходящие сегодня изменения в структуре семьи предопределяют и структуру будущих семей, которая будет наблюдаться с течением времени и сменой поколений[5]. Опросы свидетельствуют, что значимая часть молодых респондентов полагают, что необязательно

---

[1] *Liefbroer A. C.* Changes in Family Size Intentions Across Young Adulthood: A Life-Course Perspective // European Journal of Population. 2009. Vol. 25, № 4. Pp. 363–386.

[2] *Yeatman S.* Young Women's Dynamic Family Size Preferences in the Context of Transitioning Fertility / S. Yeatman, C. Sennott, S. Culpepper // Demography. 2013. Vol. 50, № 5. Pp. 1715–1737.

[3] *Верещагина А. В.* Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи / А. В. Верещагина, А. П. Бандурин, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 24–28.

[4] *Ljubinković M.* Values Such as Marriage and Family Among Young People: MA thesis / Marijana Ljubinković; [University of Novi Sad]. Novi Sad, 2014. 108 p. URL: http://research.rs/wp-content/uploads/2015/01/8-Ljubinkovic-engl.pdf.

[5] *Hofferth S. L.* Family Structure and the Transition to Early Parenthood / S. L. Hofferth, F. Goldscheider // Demography. 2010. Vol. 47, № 2. P. 415–437.

создавать семью, чтобы быть счастливым (каждый пятый)[1], молодые люди разделяют любовь как личностные отношения и брак[2]. В системе ценностей молодежи, в том числе студенческой, растет ценность личной свободы, индивидуального самоутверждения[3]. Образование выступает одной из значимых ценностей.

В большинстве своем молодые люди, ориентированные на получение образования, предпочитают сначала завершить обучение, стать экономически независимыми и лишь затем создавать семью. Это отличает их модель поведения в сфере создания семьи от лиц, не нацеленных на получение профессионального образования. По данным исследования, проведенного в 2015–2016 гг. в ряде регионов России, выяснилось, что 80% молодых людей планируют вступить брак после получения высшего образования[4]. Студенты планируют самостоятельно решать возникающие у молодой семьи проблемы[5]. Исследования траекторий создания семьи среди женщин в возрасте 15–30 лет показали, что низкие уровни участия на рынке труда, образования тесно связаны с выбором раннего формирования семьи[6].

На откладывание материнства влияет не только продолжительность обучения, но и содержательный контент. Отсрочка материнства для женщин — выпускниц колледжей меньше, чем среди выпускниц тех программ обучения, у которых преобладают традиционные представления о семейных ролях, и где значительная доля выпускников — женщины. Уровень начальной заработной платы, как и крутизна профиля заработка увеличивают продолжительность откладывания рождения ребенка[7].

---

[1] *Кучмаева О. В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 20 (3). С. 527–545.

[2] *Гольцова Е. В.* Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости / Е. В. Гольцова, Я. А. Лещенко // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130.

[3] *Вишневский Ю. Р.* Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) / Ю. Р. Вишневский, М. В. Ячменева // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141.

[4] *Кучмаева О. В.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 85–90.

[5] *Монастырская Т. И.* Образ молодой семьи в представлении студентов / Т. И. Монастырская, А. В. Цветкова // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–3. С. 91–96.

[6] *Samper Mejia C.* The Interplay Between the Early Work and Family Trajectories of Young Adult Women Born in West Germany: Differences by Parental Origins // International Migration and Integration. 2021.

[7] *Van Bavel J.* Choice of Dtudy Discipline and the Postponement of Motherhood in Europe: The Impact of Expected Earnings, Gender Composition, and Family Attitudes // Demography. 2010. Vol. 47. Pp. 439–458.

Хотя семья остается для молодых людей одной из наиболее значимых ценностей, вступать в брак молодежь не спешит. Наблюдаемая либерализация отношения к регистрации брака сопутствует снижению репродуктивных установок. Брак значительно снижает вероятность добровольной бездетности[1]. На этом фоне происходит усиление психологических мотивов создания семьи[2].

Девушки планируют вступление в брак, создание семьи после 25 лет — по достижению социальной и экономической стабильности, юноши — еще позже[3]. При этом часть молодежи не хочет в будущем заводить детей, добровольная бездетность становится легитимной стратегией репродуктивного поведения[4]. Результаты опроса студенческой молодежи г. Москвы в 2017 г. показали, что в возрасте 20 лет лишь около 18% опрошенных полагают важным для себя в будущем иметь ребенка, и 8,5% — несколько детей[5]. Репродуктивные установки молодежи, которые предполагают рождение двух или трех детей, не соответствуют реальной современной демографической статистике: в реальной жизни имеющиеся репродуктивные установки остаются нереализованными. При этом молодые респонденты не ориентируются на внебрачные рождения[6].

Бóльшая часть молодежи одобряет заключение пробных браков (69,8%), около трети (30,1%) положительно относится к т.н. гражданскому браку[7]. Фактический брак становится все более распространенной формой семейных отношений среди молодежи[8]. Проведенное Росстатом в 2017 г. Выборочное наблюдение репродуктивных планов

---

[1] *Houseknecht S. K.* Voluntary Childlessness // Handbook of Marriage and the Family / Ed. by M. B. Sussman, S. K. Steinmetz. Boston: Springer, 1987. P. 369–395.

[2] *Кучмаева О. В.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 85–90.

[3] *Архангельский В. Н.* Демографическое поведение и его детерминация / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, Н. В. Зверева, Л. Ю. Иванова. М.: Теис, 2005. 352 с.

[4] *Lesthaeghe R.* The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation – A Global Update // Genus. 2020. Vol. 76. Article № 10.

[5] *Кучмаева О. В.* Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН *Рязанцева С. В.*, д.с.н. *Ростовской Т. К.*, д.с.н. *Зубок Ю. А.* М.: Экон-информ, 2019. 325 с.

[6] *Rean A. A.* The Family in the Structure of Values of Young People // Russian Education & Society. 2018. Vol. 60, № 1. Pp. 43–57.

[7] *Кучмаева О. В.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 85–90.

[8] *Рачипа А. В.* «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде / А. В. Рачипа, С. И. Самыгин, А. В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 122–126.

населения[1] демонстрирует, что доля состоящих в незарегистрированных браках в возрастах до 25 лет составляет 38,6% для женщин и 46,7% для мужчин, а в возрастной группе 25–29 лет — соответственно 20,0% и 22,3%.

Для значительной части молодых людей совместное проживание, по-видимому, представляет собой адаптивную стратегию в период карьерной незрелости, в то время как официальный брак выступает более вероятным исходом как для стабильно работающих сожителей, так и для тех, кто еще не жил вместе. Величина заработка положительно влияет на решение вступить в фактические брачные отношения или супружеский союз[2].

На сегодняшний день, категория «студенческая семья» все чаще актуализируется в научной литературе. При этом существуют различные подходы к определению ее социального статуса, возрастного ценза и др.

К сожалению, до настоящего времени на федеральном уровне не установлен правовой статус студенческой семьи. Представляясь одним из существенных институтов социализации молодежи, студенческая семья не является полноправным элементом социальных преобразований, недостаточно введена в процессы разработки и реализации государственной политики в сфере семейных отношений и молодежи, хотя неоднократно на государственном уровне были заявлены меры поддержки студенческой семьи.

Согласно Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, институционализация молодой семьи предполагает стабилизацию ее функционирования от момента создания до рождения и воспитания детей, достижения экономической самостоятельности, создания устойчивого психологического климата, выполнения социальных функций.

Следует особо подчеркнуть, что для институционализации студенческой семьи первоочередную значимость имеет именно зарегистрированный брак, заключенный в органах записи гражданского состояния, союз между мужчиной и женщиной в соответствии с конституционными нормами и на основании Семейного кодекса Российской Федерации. Необходимо принятие во внимание статуса первого зарегистрированного брака в качестве основы, определяющей институционализацию студенческой семьи[3].

---

[1] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2017 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 20.08.2022).

[2] *Rean A. A.* The Family in the Structure of Values of Young People // Russian Education & Society. 2018. Vol. 60. № 1. Pp. 43–57.

[3] *Ростовская Т. К.* Институциональные основы становления и развития студенческой семьи как ресурса демографического развития России / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179.

Становление инфраструктуры для студенческих семей предполагает развитие системы государственных, муниципальных организаций, юридических лиц независимо от организационно-правовых форм, индивидуальных предпринимателей, общественных объединений, образовательных организаций, оказывающих услуги, проводящих мероприятия, направленные на повышение благополучия студенческих семей.

Развитие нормативной правовой базы в отношении категории «студенческая семья», формирование для нее соответствующей инфраструктуры должно происходить на основе региональной специфики с учетом принципа адресности, межсекторного и межведомственного подходов, использованием возможностей образовательных организаций, путем создания центров студенческой семьи.

Эффективность процесса институализации студенческой семьи расценивается с позиции достижения благополучия такого союза, увеличения степени ее субъектности, самостоятельности при урегулировании собственных проблем, а в итоге — наращивания ее социальной статусности. Считаем целесообразным внести дополнение в ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», включив следующее определение студенческой семьи: «Студенческая семья — это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования)». Отмечая факт увеличения среднего возраста материнства за последнее десятилетие, следует обратить внимание, что у женщин старше 35 и мужчин старше 40 лет снижаются шансы стать родителями здорового малыша[1].

При определении студенческой семьи нами принималось во внимание следующее.

Отечественные психологи Б. Г. Ананьев[2], Л. С. Выготский[3] определяли «студенческий возраст» границами от 18 до 25 лет. При этом, если первая фаза студенческого возраста определялась 17–18 годами и граничила с детством, то вторая фаза, от 19 лет, граничила со взрослостью

---

[1] Отсроченное материнство: как возраст влияет на зачатие // Mail.ru: [сайт]. 10.02.2022. URL: https://lady.mail.ru/article/525010-otsrochennoe-materinstvo-kak-vozrast-vliyaet-na-za/ (дата обращения: 12.06.2022).

[2] *Ананьев Б. Г.* К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 280 с.

[3] *Выготский Л. С.* Психология. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 1006 с.

и завершалась к 24–27 годам формированием большинства психических процессов. Другие отечественные психологи, Д. Б. Эльконин[1] и А. Н. Леонтьев[2], в определении студенческого возраста исходили из понимания учебно-профессиональной деятельности в качестве ведущей для этого возрастного периода, определяющей мотивации самоопределения, профессионального определения и самостоятельной жизни.

Выделение институциональных основ студенческой семьи позволит исследовать ее как значимый социальный институт, способствующий общественному развитию, взаимодействующий с другими элементами социальной системы, в первую очередь, с государством, выполняющий значимые общественные функции: жизнеохранительную, связанную с заботой и вниманием о членах семьи, репродуктивную, финансово-материальную, воспитательно-психологическую, хозяйственно-практическую, активизирующую, социокультурную, чувственную и рекреационную функции.

Следует отметить, что современная студенческая семья реализует не только эти функции, но и трудовую функцию, поскольку совмещает учебу и работу, а также функцию, связанную с воспитанием, как правило, одного ребенка.

Примечательно, что в России наблюдается тенденция к увеличению возрастного ценза молодежного возраста: если до 2020 г. он ограничивался 30 годами, то с 2020 г. — 35 годами. Также Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» установил понятие «молодая семья» — «это лица, состоящие в заключенном в установленном законодательстве Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно. Между тем, Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», статьей 100 установлено, что обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по образовательным программам высшего образования проводится все же в отношении лиц в возрасте от 17 до 30 лет.

Поскольку в России существуют устоявшиеся тенденции рождения первенцев матерями в возрасте 26 лет, вторых детей — в возрасте 30 лет, третьих — 31 года, и увеличения почти вдвое интервала между появлением на свет первого и второго детей, необходимо, на наш взгляд, повысить возраст супругов в студенческой семье до 30-летнего возраста в случае, если они реализуют собственный репродуктивный потен-

---

[1] *Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 554 с.

[2] *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. I. М.: Книга по требованию, 2021. 392 с.

циал, получая при этом высшее образование. Данная мера позволит актуализировать репродуктивный потенциал студенческой молодежи, являющимся самым ценным, поскольку его реализация соответствует раннему и среднему значениям фертильности — периоду наилучшей способности организма воспроизводить потомство, рекомендуемым с медицинской и биологической точки зрения — от 20 до 40 лет.

Проблематика студенческой молодой семьи является предметом целого ряда исследований, затрагивающих ее ценностные основания, репродуктивное поведение и обосновывающих перспективные направления целевой демографической и семейной политики[1]. Результаты исследований демонстрируют сложность и неоднородность репродуктивного поведения молодых людей. Желание получить образование, наличие занятости, заработка (как и система ценностей) влияют на создание семьи и ее функционирование. Важной исследовательской задачей выступает получение количественных характеристик положения современной студенческой семьи, выявление информационных лакун и формирование программы выборочного исследования с учетом опыта проводимых опросов для формирования предложений по реализации целевых мер семейной и демографической политики, учитывающих потребности и специфику жизнедеятельности студенческой семьи. Большинство проводимых опросов молодой, студенческой семьи в России основаны на локальных выборках, насчитывающих не более 200 респондентов, что сказывается на достоверности полученных выводов[2].

Данные Росстата не позволяют получить полную характеристику состояния студенческих семей в России: сегодня мы не можем ни определить точные масштабы развития института студенческой семьи, ни выстроить социально-экономический портрет студенческой семьи. Данные текущего учета представляются в виде показателей:

— число браков в России по возрасту жениха в когортах до 18 лет, 18–24 года и 25–34 года (за 2020 г. соответственно возросло на 6,03% и сократилось на 19,10% и 20,54%);

---

[1] *Гареева И. А.* Социальные проблемы современной молодой семьи / И. А. Гареева, С. А. Косойкина, Д. С. Нам, Н. А. Огарева // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Т. 12. № 2. С. 254–259; *Ковальчук О. В.* Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43, № 2. С. 349–360; *Монастырская Т. И.* Образ молодой семьи в представлении студентов / Т. И. Монастырская, А. В. Цветкова // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–3. С. 91–96; *Уварова Н. Н.* Современное студенчество и его ценностное отношение к семье // Прикладная психология и психоанализ. 2012. № 3. С. 11.

[2] *Кучмаева О. В.* Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования / *Кучмаева О. В.*, *Золотарева О. А.* // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 135–149.

— число браков по возрасту невесты (в 2020 г. уменьшение числа браков наблюдалось в каждой из трех выделенных возрастных групп: в возрасте до 18 лет — уменьшение на 11,13%; в возрасте 18–24 года — на 19,35%; в возрасте до 18 лет — на 20,60%)[1]. Возможности оценить масштабность такого социального явления, как студенческая семья, по этим цифрам нет.

Проводимые Росстатом выборочные обследования по социально-демографическим проблемам позволяют в определенной степени дать оценку специфики демографических и социально-экономических характеристик молодых семей, имеющих в своем составе студентов, на основе репрезентативной для населения России выборки и обосновать целевые меры социально-демографической политики в их интересах. Однако программа этих обследований не позволяет получить ответы на все вопросы, касающиеся жизнедеятельности студенческой семьи и брачной стратегии молодых россиян.

Анализ положения студенческой семьи в России в рамках данной работы построен на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения, регулярно проводимого Росстатом (раунд 2020 г.)[2]. Объем выборочной совокупности составляет 127,5 тыс. человек и репрезентирует население России и ее регионов. Подвыборка респондентов — студентов в возрасте 18–30 лет, получающих среднее и высшее профессиональное образование, составила 3227 человек, в том числе 420 человек состоят в браке. Объектом исследования выбраны респонденты в возрасте, соответствующем началу бракоспособного и границам молодежного возраста. Для этого же возрастного интервала характерно максимальное участие в получении профессионального образования.

Из всей совокупности студентов 1,3% пока получают среднее общее образование, 7,0% — профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих, 23,1% — профессиональное образование по программе подготовки специалистов, 68,6% — высшее образование (бакалавриат и магистратура). Среди студентов 77,9% — учащиеся очной формы обучения.

Средний возраст респондентов — 20,5 лет, практически не различаются по возрасту юноши (20,46 лет) и девушки (20,49 лет).

Среди респондентов исследуемого возраста (18–30 лет) лишь немногие состоят в браке: 5,6% мужчин состоят в зарегистрированном браке, еще 4,0% — в незарегистрированном. Для женщин соответствующие показатели выше и составляют 8,9% и 7,3%. Уровень

---

[1] *Ростовская Т. К.* Студенческая семья – ресурс демографического развития России // Ректор ВУЗа. 2022. № 5. С. 4–9.

[2] Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.08.2022).

брачности среди россиян, продолжающих получать образование, значимо ниже, чем в среднем для лиц молодых возрастов: в 2020 г. доля молодых мужчин исследуемого возраста, состоящих в зарегистрированном браке, составляла 22,3%, женщин — 36,4%. Для незарегистрированного брака соответствующие показатели составили 7,1% и 9,4%. Если по распространенности фактических брачных отношений различия не столь значительны, то сравнение данных по официальным бракам демонстрирует значительный разрыв, обусловленный различными жизненными стратегиями, системой ценностей, в частности, значимости получения более высокого уровня образования, позволяющего достичь профессиональных успехов, материального достатка[1].

С учетом того, что студенты, состоящие в зарегистрированном браке, несколько старше тех, кто состоит в фактических брачных отношениях (25,0 лет и 22,2 года соответственно), можно обоснованно предположить, что в значительной части случаев фактические брачные отношения предшествуют официальной регистрации брака. Эту гипотезу подтверждает и тот факт, что средний стаж брака, по данным опроса, составляет 3,0 года, фактических брачных отношений — 2,0 года. Студентки, состоящие в браке, несколько моложе студентов: 23,2 года и 24,7 года.

В целом студенты вступают в брачные отношения (если вступают, в целом вероятность вступления в брак составляет для совокупности российских студентов в 2020 г. 13% для мужчин и 16,2% для женщин), судя по значению среднего возраста, либо на последних курсах бакалавриата, либо при обучении в магистратуре. Пик вступления в фактические брачные отношения приходится на 19–22 года (63,9% мужчин и 71,6% женщин), регистрации официального брака — 21–25 лет (59,3% мужчин и столько же женщин) (табл. 2.2.1).

Однако, если мы выделим только группу студентов очной формы обучения, то нетрудно заметить, что уровень брачности значительно ниже: 3,3% для мужчин и 7,9% для женщин. К сожалению, объем выборки не позволяет получить достоверные распределения для ряда вопросов только для студентов очной формы обучения.

У трети студенческих семей есть дети (по ответам, у 33,3% мужчин и 37,4% женщин) (рис. 2.2.1).

Отдельно стоит обратить внимание на студентов очной формы обучения. Среди них лишь у 14,1% есть дети (7,0% мужчин и 17,2% женщин).

---

[1] *Кучмаева О. В.* Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования / О. В. Кучмаева, О. А. Золотарева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 135–149.

Таблица 2.2.1

Распределение респондентов по возрасту вступления в брак (%)

Возраст, лет	Состоят в зарегистрированном браке		Состоят в незарегистрированном браке	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<18	1,2	3,3	8,2	7,3
19–20	16,3	23,3	34,4	41,5
21–22	30,2	29,3	29,5	30,1
23–25	29,1	30,0	14,8	14,6
26–29	23,2	14,0	13,0	6,5

Источник: составлено авторами на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2020 г.

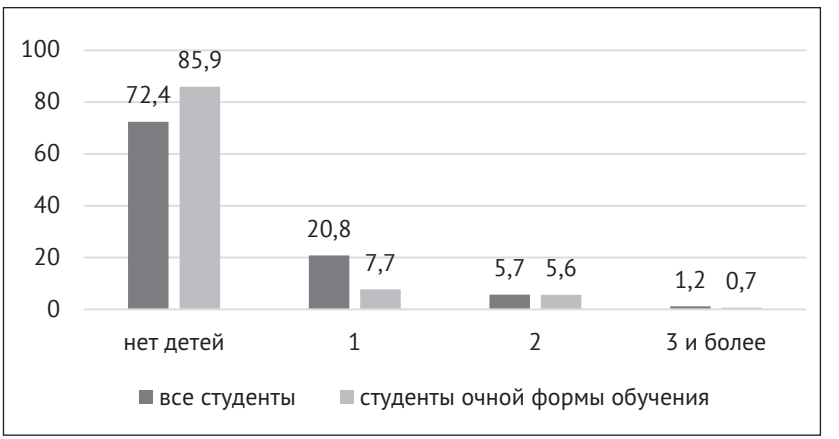

Рис. 2.2.1. *Распределение студентов по числу детей (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2020 г.

Большая часть студенческих семей проживает отдельно от родителей и других родственников. Это касается как супружеских пар без детей (81,8%), так и студенческих семей, имеющих детей (82,1%).

67,7% семей с детьми имеют одного ребенка, 28,4% — двоих детей, 3,9% (шесть семей) — троих-четырех детей. Чаще всего это дети в возрасте до трех лет. 28,5% семей с детьми имеют детей в возрасте до полутора лет, 30,4% — в возрасте от полутора до трех лет, 39.8% — в возрасте от четырех до девяти лет, еще 4,6% — в возрасте старше девяти лет.

Семьи с детьми — это прежде всего семьи, основанные на зарегистрированном браке. Среднее число детей в зарегистрированных браках студентов составляет 0,76, в незарегистрированных — 0,16 (различия статистически значимы, проверка на основе *t*-критерия, $p < 0{,}000$). Официальный брак выступает гарантией прав ребенка, серьезности намерений супругов, либо рождение ребенка выступает фактором, способствующим заключению официального брака.

Детность студенческих семей ниже, чем других семей у лиц такого же возраста. Лишь 36,8% семей лиц в возрасте до 30 лет не имеют детей. 39,8% имеют одного ребенка, 39,8% — двоих. В остальных молодых семьях трое и более детей. Еще одной отличительной особенностью выступает тот факт, что у части молодых россиян (не относящихся к категории студентов), не состоящих в браке есть дети (26,5%). Не тратя время на получение образования и реализуя иные жизненные стратегии, они больше внимания уделяют своей семейной карьере. Среди них, как отмечено ранее, не только выше уровень брачности, но есть и те, у кого брак уже распался (3,3%), и те, кто имеет внебрачного ребенка.

Существуют статистические значимые различия (на основе критерия Краскалла—Уолисса, $p < 0{,}009$) в числе детей в студенческих семьях в зависимости от того, студентами каких образовательных учреждений являются родители (при получении среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих — 0,67 ребенка на одну брачную пару; среди студентов среднего профессионального образования по программе подготовки специалистов — 0,8 ребенка; у получающих высшее профессиональное образование — 0,44 ребенка). При этом средний возраст студентов, создавших семьи при получении среднего профессионального образования и по программе подготовки специалистов и высшего образования, практически не отличается (23,5 и 23,7 года).

Специфика жизнедеятельности студенческих семей, где в значительной степени образ жизни супругов определяется включенностью в образовательную деятельность, накладывает отпечаток на социальные и экономические характеристики семей.

Среди лиц, состоящих в браке, особенно зарегистрированном, выше доля занятых в экономике (табл. 2.2.2). Помимо создания семьи, на рост уровня занятости могут влиять такие факторы, как возраст (как уже отмечалось, лица, состоящие в браке, несколько старше) и наличие детей. 96,9% лиц, получающих образование, заняты в качестве наемных работников.

Уровень занятости мужчин выше. Студенты, состоящие в браке, чаще работают, чем те, кто в браке не состоит (рис. 2.2.2). Создание семьи повышает уровень занятости (потребность в доходе) и студентов очной формы обучения. Особенно значимо влияние наличия детей

на занятость членов студенческих семей — работают практически все мужчины (95,6%) и 35,6% женщин.

Таблица 2.2.2

Занятость в экономике членов студенческих семей (%)

Статус занятости	Семейное положение			Итого
	Состоит в зарегистрированном браке	Состоит в незарегистрированном браке	В браке не состоит	
занятые в экономике (работающие)	62,7	47,8	19,0	23,9
не занятые в экономике (не работающие)	29,7	50,5	80,9	75,5
находящиеся в отпуске по уходу за ребенком от 0 до 3 лет	7,6	1,6	0,0	0,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2020 г.

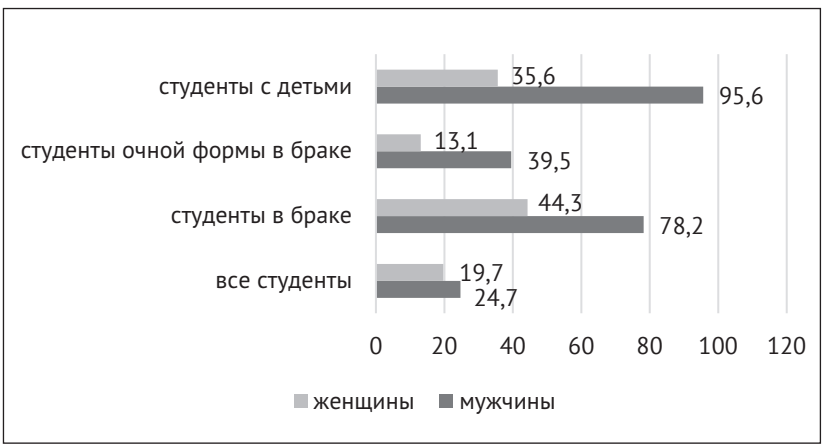

Рис. 2.2.2. *Доля занятых в экономике среди различных групп студентов (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2020 г.

Хотя около 60% студенческих семей с детьми имеют детей в возрасте до трех лет, лишь 13,5% мам находится в отпуске по уходу за ребенком. Это, видимо, обусловлено возможностью сочетать уход за ребенком и образование, а также небольшой долей студенток, которые имеют возможность получить оплачиваемый отпуск в силу предыдущей занятости.

Чаще всего студенты, имеющие семью, работают в качестве специалистов высшего уровня квалификации (26,4% состоящих в зарегистрированном браке и 22,7% — в незарегистрированном), в сфере обслуживания (23,0% и 29,5% соответственно), а также специалистами среднего уровня квалификации (21,6% и 20,5%). Наличие профессиональных навыков и проживание в городской местности (где чаще всего проходит обучение) способствуют занятости в данных секторах. Но, тем не менее, почти 60% семейных студентов работает не по специальности.

Студенты, состоящие в официальном браке (имеющие и не имеющие детей), предпочитают работать в формальном секторе экономики (около 80,0%), где соблюдаются нормы трудового права. Работающие студенты большей частью заняты полный рабочий день (84,2%), лишь 10,0% работают по гибкому графику. Видимо, это связано с желанием получить больший доход и стабильные условия труда, но не только. Незначительная распространенность гибких условий труда на российском рынке — это проблема не только занятости студентов. Необходимость содержать семью и детей и, как следствие, попытки сочетать получение образования и полную занятость может привести к переутомлению и невозможности сочетать семью, образование и работу.

Состояние в браке практически не оказывает влияние на уровень бедности семей. В целом, по данным обследования за 2020 г., среди студентов, состоящих в зарегистрированном браке, 24,2% относятся к категории малоимущих, в незарегистрированном браке — 21,2% (среди всей учащейся молодежи в возрасте 18–30 лет — 27,8%). Данные скорее свидетельствуют о значительном уровне бедности российского населения. Для совокупности студентов, не состоящих в браке, характерен даже больший уровень бедности, обусловленный уровнем доходов родительской семьи, возможно имеющей в своем составе и других детей, а также пожилых родственников. Требует дальнейшего исследования и вопрос о том, не является ли более низкий уровень жизни молодых респондентов или нежелание пока иметь самостоятельный источник дохода причиной невступления в брак.

К сожалению, как и все российские семьи с детьми, студенческие семьи, имеющие детей, испытывают значительные материальные проблемы. Уровень бедности студенческих семей с детьми весьма значителен. В студенческих семьях без детей уровень бедности составляет лишь 15,0%, в семьях с одним ребенком — 28,3%, с двумя детьми — 54,5%.

Расчет статистических показателей взаимосвязи подтвердил зависимость уровня бедности и числа детей в семье (коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,287, $n = 420$, $p = 0,05$). Особенно высок уровень бедности в семьях с детьми в возрасте до трех лет (34,6%).

Среднедушевой доход в домохозяйствах студентов, состоящих в браке, несколько выше — 20,6 тыс. рублей — против 19,2 тыс. рублей у тех, кто в браке не состоит. Однако это не слишком значительная разница. Естественно, что среднедушевой доход выше в тех домохозяйствах, где есть работающие студенты (23,9 тыс. рублей и 17,9 тыс. рублей). Различия статистически значимы (проверка значимости осуществлялась с помощью t-критерия, $p < 0,000$).

Однако лишь 16,9% студенческих семей (очной формы обучения) отметили в качестве доходов подарки и помощь от близких родственников, в т.ч. родителей. Вероятно, создание семьи у современного студенчества происходит в том случае, если супруги достигли определенной экономической независимости, готовы самостоятельно содержать семью.

На величину среднедушевых доходов оказывает влияние наличие детей в семье. В случае, если дети в семье отсутствуют, то среднедушевой доход составляет 24,0 тыс. рублей. При наличии одного ребенка в семье душевые доходы снижаются до 18,4 тыс., двоих детей — 12,4 тыс. рублей.

К сложностям, связанным с реализацией жизненной стратегии, позволяющей сочетать образование, работу и семью добавляется необходимость решать элементарные материальные проблемы. Подобная ситуация вынуждает многих молодых людей отказаться пока от создания семьи, отложить на будущее (а потом возможно и отменить) реализацию своих репродуктивных планов.

Выборка студенческих семьи не содержит респондентов, проживающих отдельно от супругов или студенческие семьи, проживающие вместе с родительской семьей даже при наличии своих детей. Это является подтверждением факта, что молодое поколение реализует свои планы по созданию семьи, предпочитая опираться на свои силы, иметь возможность проживать своей семьей отдельно. 67,6% студентов проживает в отдельных квартирах. Студенты, состоящие в браке, так же в основном проживают в отдельных квартирах (64,3%). Несколько меньшая доля студенческих семей, проживающих в отдельных квартирах, на фоне студентов, не состоящих в браке, обусловлена тем, что студенческие семьи чаще выбирают одноквартирные дома или часть дома для проживания (сельская местность, пригород) — 32,0% и 27,5% соответственно. Подобный выбор связан с наличием детей. 56,9% семей, имеющих двух и более детей, проживает в отдельном доме или части дома. Практически отсутствуют семьи, проживающие в студенческих общежитиях (0,4%).

В большинстве случаев жилье находится в собственности семей (82,5%), еще 6,2% воспользовались возможностями ипотеки. У остальных семей жилье находится в государственной или муниципальной собственности.

Члены студенческих семей редко жалуются на стесненность жилищных условий — 14,7%. Тем не менее 24,5% студенческих семей хотели бы улучшить свои жилищные условия (15,5% хотели бы сделать это в течение ближайших 2–3 лет), показатель увеличивается до 28,6% среди имеющих двух и более детей. Однако большая часть респондентов не может дать четкий ответ, каким способом они планируют это сделать. Можно предположить, что, с учетом не слишком высоких доходов, покупка жилья только за счет собственных средств большинству семей пока не под силу.

Данные являются подтверждением утвердившейся в общественном мнении тенденции, что дети старше 18 лет, не состоящие в браке, должны жить отдельно от родителей. Так, по данным мониторинга Левада-центра, в 2003 г. такого мнения придерживались 52% россиян, в 2019 — уже 2/3 опрошенных[1]. Самостоятельное проживание, уход из родительской семьи, особенно в случае вступления в брак, выступает одним из ведущих критериев взросления.

Проведенный анализ данных выборочного обследования, проводимого Росстатом во всех регионах России, свидетельствует, что значительная часть молодых людей, которые в настоящее время заняты получением профессионального образования, пока не стремятся вступить в брак и создать семью.

Уровень брачности современного российского студенчества незначителен, однако для женщин показатели состояния в браке выше, чем у мужчин. При этом, видимо, фактические брачные отношения предшествуют официальной регистрации брака. Данные подтверждают взаимосвязь между официальной регистрацией брака и детностью семей. Однако детность в студенческих семьях значительно ниже, чем в среднем у молодого поколения, а наименьший уровень детности характерен для лиц, получающих высшее образование.

Показатели детности студенческих семей позволяют говорить о вероятности снижения уровня рождаемости в будущем, а также о значительной дифференциации моделей детности: среди молодых людей есть как сторонники многодетности, так и не считающие нужным иметь детей вообще.

Можно выделить ряд проблем, с которыми молодая семья сталкивается в процессе жизнедеятельности: сложное материальное по-

[1] Родители и дети // Левада-Центр (организация внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента): [сайт]. 28.01.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/01/28/roditeli-i-deti (дата обращения 20.08.2022).

ложение, во многом связанное с рождением детей; жилищные проблемы, которые далеко не всегда семья может решить самостоятельно; начальный этап становления профессиональной карьеры, сочетание семейных и внесемейных ролей. Все это обуславливает нуждаемость в государственной поддержке.

Студенты, вступающие в брак, стремятся опираться на свои силы, не рассчитывают на помощь родителей, предпочитают жить отдельно. Это говорит об осознанном подходе к принятию решения о создании семьи.

Масштабы занятости членов студенческих семей свидетельствуют о необходимости поддержки молодежи на рынке труда: обеспечении гарантий студентов при трудоустройстве, расширении масштабов гибких форм занятости.

Проведенный анализ имеющихся данных доказывает необходимость проведения опроса студентов (состоящих и не состоящих в браке) на репрезентативной выборке, учитывающей региональную представительность, формы и направления подготовки. Обследования Росстата позволяют получить интересный материал, характеризующий существующее положение дел в совокупности студенческих семей (их демографические, экономические, социальные характеристики). Однако мы не имеем возможности проверить гипотезы о влиянии ценностных параметров на принятие решений членами студенческих семей, о роли взаимоотношений, в том числе с родительской семьей, в формировании моделей поведения.

В 2022 г. Институтом демографических исследований РАН под руководством профессора Т. К. Ростовской было проведено Всероссийское межвузовское социологическое исследование «Студенческая семья России», включающее:

— массовый опрос среди студенческой молодежи (в возрасте от 18 до 25 лет) по вопросам мотивации к созданию семьи в студенческой среде, формирования позитивного «просемейного» общественного мнения, пропаганды семейного образа жизни, повышения престижа социально благополучной детной (многодетной) семьи, выявления ключевых вызовов, направленных на разрушение брачно-семейных отношений в молодежной среде;

— глубинное интервью с членами студенческих семей с целью изучения особенностей мотивации к созданию студенческой семьи, их репродуктивного и самосохранительного поведения;

— экспертный опрос руководителей образовательных организаций высшего образования по проблемным аспектам формирования института студенческой семьи, разработке и реализации комплекса мер поддержки студенческих семей. Программа исследования включает такие блоки, как система ценностей, взаимоотношения в семье (семейной группе), образ жизни, модель брака, репродуктивные ори-

ентации, экономическое положение, потребность в мерах поддержки (в том числе со стороны образовательного учреждения, работодателя).

Это даст возможность определить всю совокупность факторов, определяющих положение студенческих семей и стратегии поведения молодых супругов, выявить типологические группы респондентов с точки зрения потребности в мерах поддержки. Результаты исследования позволят ликвидировать информационные лакуны в описании проблем жизнедеятельности студенческой семьи.

Данное исследование является частью большого проекта по совершенствованию семейно-демографической политики в Российской Федерации и направлено на реализацию следующих ключевых национальных задач: повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности, самосохранительного поведения российского населения.

Рассмотрение специфики функционирования молодых семей, супруги в которых продолжают образование, дает возможность детально исследовать особенности их репродуктивного поведения, а также проблемы жизнедеятельности, позволяет получить обоснованное представление о способах и мерах адресной семейной и демографической политики в их интересах. Молодые студенческие семьи — это семьи, создаваемые людьми, в системе ценностей которых значимое место принадлежит профессиональному образованию, как следствие — относительно более высокому социально-профессиональному будущему, а также браку и семье. Стратегия их поведения формирует демографический и социально-экономический потенциал страны.

Выделяют характерные особенности, присущие студенческим семьям, связанные с их особыми потребностями, исключительно характерными для данной категории семей. Данные потребности, на наш взгляд, обусловлены прежде всего особым социально уязвимым положением студенческой семьи в обществе, выраженным в ее зависимости от многих факторов: стартовых возможностей родительских семей, степеньи их поддержки молодой семьи, отношения к студенческим семьям в образовательных организациях, обществе, государстве.

Анализ существующих подходов к выделению проблем студенческих семей позволил обобщить их, выделить существенные, характерные для этой категории семей. Прежде всего, появление этих проблем связано с переходом во «взрослую жизнь», изменением социального статуса членов студенческой семьи, прохождением определенных вех, этапов: поступление в образовательную организацию высшего образования, вступление в зарегистрированный брак, решение жилищной проблемы молодой семьи, трудоустройство членов студенческой семьи, рождение ребенка, получение высшего образования.

Социально-экономические проблемы студенческой семьи связаны прежде всего с ее финансовой обеспеченностью. Молодая семья ис-

пытывает на себе сложности перехода от экономического состояния, формирующегося родителями, к состоянию, формируемому с помощью самостоятельного получения денежной прибыли. Между тем возможностей для этого значительно меньше именно у студенческих семей, поскольку их члены, как правило, еще не трудоустроены по специальности на полную ставку. Крайне низкий уровень стипендии или ее отсутствие ставят под сомнение возможность занятости супругов — членов студенческой семьи исключительно учебой. Значимой для студенческой семьи остается жилищная проблема, которая возникает сразу после свадьбы. Вариантами решения данной проблемы становятся проживание совместно с родителями одного из супругов, проживание на частной съемной квартире или в студенческом общежитии, проживание в отдельной собственной квартире или покупка в ипотеку собственного жилья. Отмечаем, что выбор того или иного способа проживания студенческой семьи влечет за собой возможности появления новых проблем, связанных с ростом числа конфликтов, необходимостью адаптации супругов не только друг к другу, но и к родителям, их правилам жизнеустройства, ведения быта, в том случае, если студенческая семья проживает вместе с родителями одного из супругов. Если жилищная проблема решается с помощью ипотеки, или аренды комнаты или квартиры, усугубляются финансовые проблемы студенческой семьи. Таким образом, если в собственности у членов студенческой семьи нет жилья, приобретение его на специальных льготных условиях кредитования или получение из жилищного фонда образовательных организаций высшего образования — мера, необходимая для формирования социально-экономического базиса студенческой семьи.

Социально-психологические проблемы студенческой семьи обусловлены, во-первых, сложностями адаптации ее членов к новым для себя условиям совместного проживания, ведения быта, совмещения учебной и трудовой занятости и семейных обязанностей. Во-вторых, социально-психологические проблемы студенческой семьи обостряются в связи с рождением ребенка, появлением обязанностей по его жизнеобеспечению, здоровьесбережению, воспитанию, образованию и др. Как правило, молодые матери во время отпусков по беременности и родам, уходу за ребенком, становятся полностью зависимыми от супруга, а также от родительских семей, испытывая сложности с продолжением учебы, финансовые затруднения. Таким образом, чрезвычайно актуальны для студенческих семей услуги по уходу и присмотру за детьми, а также возможность посещения их ребенком яслей и детского сада.

Широкий спектр социально-экономических и социально-психологических проблем студенческих семей нередко заставляет их членов — молодых женщин и мужчин — отказываться от получения

образования в пользу полной трудовой занятости. Данная мера, на первый взгляд, обнаруживает свою состоятельность как экстренный способ улучшения социально-экономических проблем молодой семьи. Между тем, последствия этого решения имеют явно негативный характер: молодые люди ограничивают возможности своего трудоустройства, вынуждены отказаться от карьерного роста, становятся менее профессионально востребованы и по-прежнему остаются зависимыми от финансовой помощи со стороны родительских семей.

Таким образом, специфика социальной проблематики студенческих семей связана как с наличием типично «молодежных» проблем, так и с появлением новых проблем, свойственных более старшим возрастным категориям, имеющим семьи и детей.

Социальное неравенство студенческих семей обусловлено неравными стартовыми возможностями их родительских семей, неравномерностью возможностей для решения студенческими семьями собственных проблем, степенью социальной активности и включенностью членов студенческой семьи в социальную структуру для улучшения своего положения. Как и для других социальных категорий, основаниями неравенства студенческих семей являются наличие собственности, уровень доходов, степень властных полномочий, уровень образования, квалификационные возможности, регион проживания, тип муниципального образования (городское или сельское поселение), показатели здоровья и др. Таким образом, важным для институциональной основы становления и развития студенческой семьи представляется изучение ее социальной стратификации, обусловленной социальным неравенством, выделением ее показателей, степеней, форм, коэффициентов.

Концепция государственной политики в отношении молодой семьи предлагает следующую типологизацию молодых семей: полные и неполные; процветающие, благополучные, кризисные и маргинальные; семьи военнослужащих и сотрудников других силовых структур; семьи с малолетними детьми; многодетные семьи; студенческие семьи с детьми; семьи с детьми-инвалидами и др.

Между тем в качестве целевого ориентира институционализации студенческой семьи необходимо видеть тип благополучной студенческой семьи с соответствующими ей критериями благополучия (табл. 2.2.3), взяв за основу модель благополучной молодой семьи, которая была нами разработана при подготовке Концепции государственной политики в отношении молодой семьи[1].

---

[1] Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 мая 2007 г. № АФ-163/06 «О концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // Гарант: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/191723/?ysclid=l92u3vc4mp511440526 (дата обращения: 05.08.2022).

Таблица 2.2.3

Критерии благополучия студенческой семьи

Критерии благополучия студенческой семьи	Описание сформированности критерия
Юридическая оформленность	Наличие зарегистрированного брака между супружеской парой.
Ценностные ориентации членов студенческой семьи	Мотивация вступления молодежи в брак. Традиционные морально-нравственные ценности целомудрия, брака, семьи, детности, детства, материнства, отцовства, сохранения брака (профилактика конфликтов, разводов), сохранение и укрепление института многопоколенной семьи.
Полнота семьи	Семья должна состоять из супружеской пары (родителей) и детей.
Детность семьи	Наличие детей в студенческой семье, либо установки на их рождение.
Образование и квалификация	Ориентация членов студенческой семьи на повышение имеющегося уровня образования, успешное обучение в организациях среднего профессионального образования, высшего, дополнительного к высшему, своевременное повышение квалификации, участие в программах по подготовке кадров высшей квалификации (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура).
Доход и материальное благосостояние	Уровень доходов студенческих семей, объем приобретения товаров и услуг, обеспеченность материальным и духовными благами.
Труд и быт	Санитарно-эпидемиологическое благополучие студенческих семей, благоприятные условия их жизнедеятельности, особенности питания, условий быта, труда, отдыха, наличие условий для совмещения учебы и работы.
Жилищные условия	Возможность студенческой семьи улучшить жилищные условия, наличие жилья в собственности членов студенческой семьи, общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного члена студенческой семьи.
Личная безопасность и безопасность всех членов семьи	Возможность достижения безопасности членов студенческой семьи, отсутствие производственных и непроизводственных аварий, стихийных бедствий, опасных факторов, вызывающих травмы, ухудшение здоровья, заболевания и снижающих работоспособность.

Окончание табл. 2.2.3

Критерии благополучия студенческой семьи	Описание сформированности критерия
Социальная активность	Возможность студенческой семьи самостоятельно решать свои проблемы при получении ею законодательно закрепленных мер государственной поддержки. Члены студенческой семьи проявляют политическую активность, решительность, динамичность, артикулируя собственные интересы, в том числе, через некоммерческие организации, молодежные общественные объединения.
Социальная направленность	Основные направления и содержание жизнедеятельности студенческой семьи совпадают с тенденциями развития российского государства и общества, соответствуют нормам нравственности и ценностям культуры, способствуют формированию российского самосознания, гражданственности, преемственности национальных и народных социокультурных ценностей у своих детей.
Ориентация на защиту прав и законных интересов детей, осуществление родительских прав.	Ответственность родителей за воспитание, образование, обучение и развитие, социализацию своих детей. Забота родителей о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.
Обеспечение реализации личных интересов каждого члена семьи	Ориентация супружеской пары — членов студенческой семьи — на успешное обучение в образовательных организациях, профессиональный и карьерный рост, повышение квалификации в их сочетании с реализацией семейных функций и выполнением обязанностей. Наличие возможностей для использования членами студенческой семьи услуг по уходу и присмотру за ребенком (детьми).
Обеспечение условий для укрепления здоровья, организации полноценного досуга и отдыха всех членов семьи	Возможность сохранения и укрепления здоровья членами студенческих семей, занятий спортом, организации досуга и отдыха.
Обеспечение эмоциональной и психологической устойчивости	Ориентация на профилактику внутрисемейных конфликтов, их разрешение своими силами без ущерба для каждого члена семьи, включая детей. Развитие взаимоотношений с родительскими семьями, возможность для формирования устойчивых связей и позитивных межличностных отношений внутри многопоколенной семьи.
Субъективная оценка благополучия	Самооценка членами студенческой семьи качества их жизни.

Источник: составлено авторами

Утвержденная в 2007 г. модель благополучной молодой семьи является ключевым достижением представителей российской школы фамилизма (Т. К. Ростовская, А. И. Антонов, Г. И. Климантова, О. В. Кучмаева и др.), которые сумели отстоять пронаталистскую парадигму, направленную на укрепление института брака и семьи в Российской Федерации. Впервые в основу реализации государственной семейной политики был положен принцип создания условий для устойчивого семейного благополучия. Предложенная модель благополучной семьи может быть основой для субъективных и социальных отношений, а также отражается на таких направлениях, как:

— юридическое оформление (регистрация);

— полная семья (родители и потомство);

— количество детей (данный факт обеспечивает увеличение численности населения в конкретном регионе);

— экономическое обеспечение (средний доход на душу населения);

— социальная активность (способность самостоятельно решать собственные проблемы с применением законодательных норм и мер государственной политики);

— социальная направленность (деятельность семьи совпадает с системой и ценностями общества, моральным нормам).

Не вызывает сомнений тот факт, кто каждый из критериев благополучия студенческой семьи нуждается в системном анализе, выделении показателей, индикаторов и индексов, позволяющих оценить его сформированность, а в целом — достижение высокой степени благополучия российскими студенческими семьями. Кроме того, оценка уровня благополучия студенческой семьи позволит разработать комплексные меры по работе со студенческими семьями, консолидировать усилия всех элементов социальной инфраструктуры по его повышению.

Студенческая семья представляет собой определенный тип молодой семьи, находящийся в специфических условиях, связанных с необходимостью получения образования и реализацией типично семейных функций. Социальные трансформации в обществе, экономические кризисы, в том числе обусловленные новой, т.н. «постковидной реальностью» представляются, с одной стороны детерминантами усиления семейной проблематики в обществе, поисков решения ключевых проблем в этой сфере, а с другой стороны, служат катализатором для выявления новых «точек роста» для обеспечения ключевых национальных интересов Российской Федерации, к которым можно отнести и обеспечение демографической безопасности. В данной связи актуальны научные исследования оценки реального и прогнозируемого вклада студенческой семьи в демографическое и социально-экономическое развитие России, выявления способов повышения благополучия российских молодых семей, повышения престижа и благополучия студенческой семьи.

Институциализация студенческой семьи предполагает процесс формирования структуры формальных и неформальных регламентов — основы для социальных практик, содействующих выполнению студенческой семьей ее функций, что предусматривает введение данного института в социокультурную и юридическую сферы.

Основополагающим звеном процесса институализации студенческой семьи должно стать государство, устанавливающее специальные юридические и социальные предписания, выделяющее средства, предоставляющее различные меры помощи студенческим семьям. Немаловажная роль в процессе институализации студенческой семьи принадлежит руководителям образовательных организаций высшего образования, от степени поддержки которых многое зависит.

Необходимо сформировать социальный запрос — «моду» на студенческие семьи, пропагандировать в вузовской среде создание благополучной детной семьи в возрасте до 25 лет (с привлечением к информационной кампании различных субъектов социальной политики, СМИ, телевидения, интернет-ресурсов).

В обществе должна получить распространение идея о том, что студенческая семья — явление не новое для российского общества, однако актуальное и востребованное государством, обществом, образовательными организациями, семьями.

2.3. Рождаемость в России в 2021 г.

Число родившихся в России в 2021 г. составило 1 398,3 тыс. человек и было наименьшим за период с 2003 г. По сравнению с 2020 г. оно сократилось на 2,7%. Общий коэффициент рождаемости в 2021 г. составил 9,6 на 1000 населения и был наименьшим за период с 2002 г. По сравнению с 2020 г. он снизился на 2,3%. Это сокращение было относительно несколько меньшим, чем абсолютного числа родившихся, так как одновременно сократилась численность населения.

Снижение общего коэффициента рождаемости в России в 2021 г. было полностью обусловлено изменениями в половозрастной структуре населения. В активный репродуктивный возраст входят малочисленные поколения родившихся в 1990-е гг. Негативное влияние структурных сдвигов на динамику общего коэффициента рождаемости в России сохранится на протяжении всех 2020-х гг. Прогнозные расчеты показывают, что наибольшим это влияние будет в 2022 и 2023 гг., когда изменения в половозрастной структуре населения могут способствовать снижению общего коэффициента рождаемости, соответственно, на 2,7% и 2,6%. В последующие годы их отрицательное влияние будет меньшим, а в 2030-х гг. и самом начале 2040-х гг., наоборот, изменения в половозрастной структуре населения будут способствовать некоторому повышению общего коэффициента рождаемости.

В отличие от общего коэффициента, суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. в России (1,505) был практически таким же, как в 2019 (1,504) и 2020 (1,505) гг. (табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.1

Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в России в 2015–2021 гг.

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Все рождения	1,777	1,762	1,621	1,579	1,504	1,505	1,505
Первые	0,787	0,764	0,705	0,664	0,638	0,625	0,609
Вторые	0,688	0,686	0,604	0,582	0,531	0,523	0,524
Третьи и последующие	0,302	0,312	0,312	0,332	0,335	0,356	0,372

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Если в 2020 г. неизменность суммарного коэффициента рождаемости по сравнению с 2019 г. (точнее, его повышение на 0,001) обеспечивалась тем, что прирост этого показателя по третьим и последующим рождениям компенсировал его снижение по первым и вторым рождениям, то в 2021 г. снижение суммарного коэффициента рождаемости продолжилось только по первым рождениям, а по вторым рождениям впервые с осени 2016 г. его не было (он повысился на 0,001) (табл. 2.3.1).

Прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. имел место в 30 регионах России. В Кировской области его величина не изменилась по сравнению с 2020 г., а в 54 регионах он снизился (табл. 2.3.2). Для сравнения, в 2020 г. прирост суммарного коэффициента рождаемости был в 34 регионах.

Таблица 2.3.2

Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2019–2021 гг.

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Белгородская область	1,287	1,238	1,267	0,029
Брянская область	1,322	1,309	1,280	–0,029
Владимирская область	1,355	1,268	1,277	0,009
Воронежская область	1,267	1,275	1,287	0,012
Ивановская область	1,270	1,239	1,261	0,022
Калужская область	1,432	1,479	1,440	–0,039

Продолжение табл. 2.3.2

Регионы	2019 г.	2020 г.		Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Костромская область	1,543	1,464	1,383	–0,081
Курская область	1,339	1,353	1,341	–0,012
Липецкая область	1,392	1,383	1,340	–0,043
Московская область	1,371	1,534	1,460	–0,074
Орловская область	1,268	1,272	1,221	–0,051
Рязанская область	1,345	1,314	1,236	–0,078
Смоленская область	1,212	1,158	1,130	–0,028
Тамбовская область	1,297	1,281	1,284	0,003
Тверская область	1,401	1,361	1,311	–0,050
Тульская область	1,264	1,249	1,224	–0,025
Ярославская область	1,373	1,364	1,356	–0,008
г. Москва	1,505	1,473	1,597	0,124
Республика Карелия	1,425	1,401	1,428	0,027
Республика Коми	1,572	1,571	1,527	–0,044
Архангельская область	1,488	1,427	1,390	–0,037
Ненецкий автономный округ	2,173	2,260	2,072	–0,188
Вологодская область	1,529	1,528	1,521	–0,007
Калининградская область	1,392	1,403	1,383	–0,020
Ленинградская область	1,075	1,061	1,040	–0,021
Мурманская область	1,436	1,450	1,389	–0,061
Новгородская область	1,442	1,379	1,346	–0,033
Псковская область	1,473	1,429	1,488	0,059
г. Санкт–Петербург	1,396	1,371	1,379	0,008
Республика Адыгея	1,375	1,454	1,525	0,071
Республика Калмыкия	1,530	1,533	1,518	–0,015
Республика Крым	1,583	1,600	1,584	–0,016
Краснодарский край	1,618	1,613	1,637	0,024
Астраханская область	1,666	1,730	1,743	0,013
Волгоградская область	1,287	1,250	1,282	0,032

Продолжение табл. 2.3.2

Регионы	2019 г.	2020 г.		Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Ростовская область	1,349	1,346	1,355	0,009
г. Севастополь	1,404	1,285	1,246	–0,039
Республика Дагестан	1,800	1,868	1,759	–0,109
Республика Ингушетия	1,827	1,847	1,868	0,021
Кабардино-Балкарская Республика	1,514	1,644	1,669	0,025
Карачаево-Черкесская Республика	1,475	1,534	1,351	–0,183
Республика Северная Осетия — Алания	1,750	1,716	1,706	–0,010
Чеченская Республика	2,576	2,566	2,503	–0,063
Ставропольский край	1,419	1,430	1,424	–0,006
Республика Башкортостан	1,511	1,525	1,494	–0,031
Республика Марий Эл	1,520	1,549	1,531	–0,018
Республика Мордовия	1,171	1,120	1,108	–0,012
Республика Татарстан	1,543	1,540	1,567	0,027
Удмуртская Республика	1,498	1,521	1,544	0,023
Чувашская Республика	1,465	1,469	1,481	0,012
Пермский край	1,556	1,529	1,558	0,029
Кировская область	1,488	1,444	1,444	0,000
Нижегородская область	1,354	1,352	1,324	–0,028
Оренбургская область	1,585	1,549	1,545	–0,004
Пензенская область	1,263	1,228	1,237	0,009
Самарская область	1,409	1,383	1,417	0,034
Саратовская область	1,282	1,231	1,244	0,013
Ульяновская область	1,418	1,390	1,397	0,007
Курганская область	1,642	1,631	1,629	–0,002
Свердловская область	1,616	1,598	1,617	0,019

Окончание табл. 2.3.2

Регионы	2019 г.	2020 г.		Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Тюменская область	1,757	1,786	1,769	–0,017
Ханты-Мансийский автономный округ	1,764	1,785	1,737	–0,048
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,825	1,902	1,894	–0,008
Челябинская область	1,476	1,475	1,533	0,058
Республика Алтай	2,114	2,086	2,080	–0,006
Республика Тыва	2,724	2,971	2,942	–0,029
Республика Хакасия	1,594	1,573	1,587	0,014
Алтайский край	1,459	1,417	1,400	–0,017
Красноярский край	1,510	1,495	1,509	0,014
Иркутская область	1,723	1,697	1,692	–0,005
Кемеровская область	1,400	1,367	1,339	–0,028
Новосибирская область	1,556	1,550	1,571	0,021
Омская область	1,479	1,449	1,457	0,008
Томская область	1,305	1,267	1,250	–0,017
Республика Бурятия	1,890	1,951	1,872	–0,079
Республика Саха (Якутия)	1,822	1,863	1,727	–0,136
Забайкальский край	1,741	1,756	1,737	–0,019
Камчатский край	1,650	1,678	1,596	–0,082
Приморский край	1,488	1,518	1,513	–0,005
Хабаровский край	1,587	1,587	1,580	–0,007
Амурская область	1,532	1,541	1,508	–0,033
Магаданская область	1,418	1,509	1,414	–0,095
Сахалинская область	1,955	1,970	1,943	–0,027
Еврейская автономная область	1,728	1,711	1,660	–0,051
Чукотский автономный округ	1,680	1,762	1,656	–0,106

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

В большинстве регионов, в которых в 2020 г. произошло повышение суммарного коэффициента рождаемости, в 2021 г. он несколько снизился. Наоборот, повышение этого показателя в 2021 г. имело место, в основном, в тех регионах, в которых в 2020 г. он снизился. Прирост суммарного коэффициента рождаемости и в 2020, и в 2021 гг. был только в республиках Адыгее, Ингушетии, Удмуртской и Чувашской, в Астраханской и Воронежской областях. В Республике Ингушетия он повышается ежегодно с 2017 г.

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. был в Москве. Он составил 0,124. Однако следует иметь в виду, что на динамику показателей рождаемости в столице существенное влияние оказывает изменение доли родившихся у иногородних. Например, в 2019 г. суммарный коэффициент рождаемости в повысился с 1,407 в 2018 г. до 1,505, а доля родившихся, зарегистрированных в Москве, у кого мать проживала в другом субъекте Российской Федерации, возросла с 25,3% в 2018 г. до 28,5% в 2019 г. В 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,473, а доля родившихся у иногородних — до 22,9%. В 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости в Москве (1,597) был самым высоким за период, по крайней мере, с 1990 г. и существенно выше, чем в целом по России. Доля родившихся у иногородних возросла по сравнению с 2020 г. почти на 3 п.п., составив 25,8%.

Значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. имело место в Республике Адыгея (на 0,071). Еще несколько большим оно было в 2020 г. (на 0,079). В результате суммарный коэффициент рождаемости в Республике Адыгея в 2021 г. (1,525) был выше, чем в 2017 г. (1,518).

В Псковской области прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. составил 0,059. Почти таким же он был в Челябинской области (0,058).

Более, чем на 0,03, суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. увеличился в Самарской (на 0,034) и Волгоградской (на 0,032) областях. От 0,02 до 0,03 его прирост в 2021 г. составил в республиках Ингушетии, Кабардино-Балкарской, Карелии, Татарстане и Удмуртской, Краснодарском и Пермском краях, Белгородской, Ивановской и Новосибирской областях; от 0,01 до 0,02 — в республиках Хакасии и Чувашской, Красноярском крае, Астраханской, Воронежской, Саратовской и Свердловской областях. Менее, чем на 0,01, суммарный коэффициент рождаемости повысился в 2021 г. во Владимирской, Омской, Пензенской, Ростовской, Тамбовской и Ульяновской областях, в Санкт-Петербурге.

В 16 регионах из 30, в которых в 2021 г. был прирост суммарного коэффициента рождаемости, имело место его повышение по вторым

и третьим и последующим рождениям, тогда как по первым рождениям он снизился: республики Ингушетия, Татарстан, Удмуртская, Хакасия и Чувашская, Краснодарский, Красноярский и Пермский края, Белгородская, Воронежская, Новосибирская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Тамбовская и Ульяновская области.

Из числа регионов, в которых в 2021 г. имел место прирост суммарного коэффициента рождаемости, по первым и третьим рождениям он произошел в республиках Адыгея и Карелия, Свердловская область, Санкт-Петербург. По вторым рождениям он снизился или не изменился (Свердловская область). По первым и вторым рождениям суммарный коэффициент рождаемости повысился во Владимирской области, только по третьим — в Кабардино-Балкарской Республике, Астраханской, Омской и Пензенской областях.

По всем очередностям рождения суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. повысился в Москве, Волгоградской, Ивановской, Псковской и Челябинской областях.

Наибольшее снижение суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. произошло в Карачаево-Черкесской Республике (на 0,183) и Ненецком автономном округе (на 0,188). В обоих регионах в 2020 г., наоборот, имел место его прирост.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. после его повышения в 2020 г. имело место также в республиках Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Крым, Марий Эл, Саха (Якутия) и Тыва, Забайкальском, Камчатском, Приморском и Ставропольском краях, Амурской, Калининградской, Калужской, Курской, Магаданской, Московской, Мурманской, Орловской, Сахалинской и Тюменской областях, Ханты-Мансийском — Югре, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах.

В большинстве этих регионов суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. был самым низким за рассматриваемый период с 2015 г. Исключение составили только республики Крым, Марий Эл и Тыва, Приморский и Ставропольский края, Калужская, Курская, Московская и Тюменская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, где в 2021 г. он был выше, чем в 2019 г. Следует иметь в виду, что в динамике этого показателя в Московской области есть колебания, связанные, вероятно, с колебаниями доли родившихся, зарегистрированных в Москве жительницами Московской области.

В других 27 регионах, в которых в 2021 г. произошло снижение суммарного коэффициента рождаемости, оно имело место и в 2020 г.: республики Алтай, Коми, Мордовия, Северная Осетия — Алания и Чеченская, Алтайский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Оренбург-

ская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская и Ярославская области, Еврейская автономная область, г. Севастополь.

В большинстве регионов, в которых в 2021 г. снизился суммарный коэффициент рождаемости, его сокращение имело место по первым и вторым рождениям, тогда как по третьим и последующим рождениям он повысился. К их числу относятся республики Башкортостан, Бурятия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия — Алания, Тыва и Чеченская, Забайкальский, Камчатский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Иркутская, Кемеровская, Курская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Сахалинская, Тверская, Тульская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Чукотский автономный округ.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости только по первым рождениям имело место в Республике Алтай, Вологодской, Калужской, Курганской, Ленинградской и Тюменской областях, Еврейской автономной области, Ямало-Ненецком автономном округе; по первым и третьим рождениям — в Республике Саха (Якутия), Томской области и Ненецком автономном округе; по вторым и третьим рождениям — в г. Севастополе.

В 12 регионах суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. снизился по всем очередностям рождения: республики Дагестан, Калмыкия и Карачаево-Черкесская, Алтайский край, Амурская, Калининградская, Костромская, Магаданская, Мурманская, Орловская, Рязанская и Смоленская области.

Наибольшая величина суммарного коэффициента рождаемости среди субъектов Российской Федерации в 2021 г. была в Республике Тыва (2,942). В Чеченской Республике он был равен 2,503. Еще в двух регионах суммарный коэффициент рождаемости был выше 2,0: Республика Алтай и Ненецкий автономный округ.

Среди не национальных административно-территориальных единиц самый высокий суммарный коэффициент рождаемости в Сахалинской области (1,943). В трех регионах его величина в 2021 г. в диапазоне от 1,85 до 1,9: республики Бурятия и Ингушетия, Ямало-Ненецкий автономный округ.

В семи регионах его величина в диапазоне от 1,7 до 1,8: республики Дагестан, Саха (Якутия) и Северная Осетия — Алания, Забайкальский край, Астраханская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.

В таком же количестве регионов суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. был в диапазоне от 1,6 до 1,7: Кабардино-Балкарская Республика, Краснодарский край, Иркутская, Курганская и Свердл-

ловская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

В 19 регионах суммарный коэффициент рождаемости превышает общероссийский показатель (1,505), но ниже 1,6: республики Адыгея, Калмыкия, Коми, Крым, Марий Эл, Татарстан, Удмуртская и Хакасия, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Вологодская, Новосибирская, Оренбургская и Челябинская области, Москва.

В 12 регионах его величина в 2021 г. была в диапазоне от 1,4 до 1,5: республики Башкортостан, Карелия и Чувашская, Алтайский и Ставропольский края, Калужская, Кировская, Магаданская, Московская, Омская, Псковская и Самарская области.

В 15 регионах суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. составлял от 1,3 до 1,4 (Карачаево-Черкесская Республика, Архангельская, Калининградская, Кемеровская, Костромская, Курская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Ростовская, Тверская, Ульяновская и Ярославская области, Санкт-Петербург); в 14 регионах — от 1,2 до 1,3 (Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Томская и Тульская области, Севастополь).

Наименьшая величина суммарного коэффициента рождаемости в 2021 г. была в Республике Мордовии (1,108), Смоленской (1,130) и Ленинградской (1,040) областях.

Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в России снижается с 2014 г. Его снижение очень значительное (в 2021 г. он был на 0,2 меньше, чем в 2013 г.) и его величина (2021 г. — 0,609) в России очень низкая (табл. 2.3.1). Это намного меньше аналогичного показателя для реальных поколений — итоговое среднее число первых рождений в поколениях, находящихся сейчас в активном репродуктивном возрасте, будет, по крайней мере, не меньше 0,85. Вероятно, имеют место таймингговые сдвиги, проявляющиеся в откладывании первых рождений во взаимосвязи с откладыванием первых браков.

Об откладывании первых рождений и его влиянии на динамику суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям свидетельствуют данные по реальным поколениям, рассчитанные на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения (такой расчет, в отличие от данных переписи населения, позволяет оценивать не только среднее число рожденных детей на данный момент времени, но и его распределение по возрастным периодам) (табл. 2.3.3).

Таблица 2.3.3

Среднее число первых рождений в реальных поколениях женщин в России (оценка на начало 2022 г.)

Годы рождения женщин	Среднее число первых рождений		
	к 25 годам	в 25–29 лет	в 30–34 года
1970	0,73	0,13	0,05
1971	0,71	0,14	0,05
1972	0,69	0,14	0,05
1973	0,66	0,15	0,06
1974	0,65	0,16	0,06
1975	0,63	0,17	0,06
1976	0,60	0,18	0,07
1977	0,58	0,19	0,07
1978	0,56	0,20	0,08
1979	0,55	0,21	0,08
1980	0,54	0,21	0,08
1981	0,52	0,22	0,09
1982	0,51	0,23	0,10
1983	0,49	0,24	0,10
1984	0,48	0,25	0,10
1985	0,47	0,25	0,10
1986	0,47	0,25	0,09
1987	0,47	0,27	0,09
1988	0,46	0,26	–
1989	0,45	0,25	–
1990	0,44	0,23	–
1991	0,43	0,22	–
1992	0,42	0,21	–
1993	0,40	–	–
1994	0,40	–	–
1995	0,38	–	–
1996	0,36	–	–
1997	0,35	–	–

Источник: рассчитано автором на основе данных Human Fertility Database[1] и Росстата

[1] Human Fertility Database: [site]. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si (accessed on: 10.08.2022).

В поколениях 1960-х гг. р. среднее число первых рождений к 25 годам мало менялось на уровне 0,72–0,74. В более молодых поколениях происходили существенные изменения, связанные с откладыванием первых рождений. Если у женщин 1970 г.р. среднее число первых рождений к 25 годам составляет 0,73, то в поколении 1975 г.р. — 0,63, 1980 г.р. — 0,54, 1985 г.р. — 0,47. Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям снизился с 0,953 в 1991 г. до 0,678 в 1999 г. В реальных поколениях такого значительного снижения среднего числа первых рождений не было. По оценке на начало 2022 г., у женщин 1970 г.р. оно составляет 0,92, 1975 г.р. — 0,89, 1980 г.р. — 0,87, 1985 г.р. — 0,83. Происходил сдвиг первых рождений к более старшим возрастам: у женщин 1970 г.р. среднее число первых в возрасте 25–29 лет составляет 0,13, 1975 г.р. — 0,17, 1980 г.р. — 0,21, 1985 г.р. — 0,25; в возрасте 30–34 года — соответственно, 0,05, 0,06, 0,08 и 0,10. Реализация отложенных первых рождений в более старших возрастах проявилась в повышении суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям с 0,678 в 1999 г. до 0,801 в 2009 г.

У женщин 1985–1987 гг. р. среднее число первых рождений к 25 годам не менялось, оставаясь на уровне 0,47. Но в более молодых поколениях оно вновь начало снижаться и у женщин 1997 г.р. составляет 0,35 (более молодые поколения к началу 2022 г. еще не достигли 25 лет). Однако, в отличие от поколений 1970—1980-х гг. р., пока нет оснований говорить о реализации отложенных рождений в более старших возрастах: начиная с поколения 1988 г.р. снижается среднее число первых рождений и в возрасте 25–29 лет (если у женщин 1987 г.р. оно составляет 0,27, то у женщин 1992 г.р. — 0,21) (табл. 2.3.3). В большинстве регионов, как и в целом по России, в 2021 г. продолжил снижаться суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям (табл. 2.3.4).

Только в 11 регионах в 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям был больше, чем в 2020 г. Причем в трех регионах (Челябинская область, г. Санкт-Петербург и г. Севастополь) его прирост составил лишь 0,001. А в г. Москве прирост этого показателя (на 0,044), видимо, в какой-то мере связан с увеличением в 2021 г. доли родившихся у иногородних.

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2021 г. был в Республике Адыгея (на 0,052). На 0,012 он повысился в Ивановской и Псковской областях, на 0,011 — во Владимирской области, на 0,010 — в Республике Карелии, на 0,005 — в Волгоградской области, на 0,004 — в Свердловской области.

Для сравнения, в 2020 г. прирост суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям также имел место в 11 регионах (республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская, Камчатский и Хабаровский края, Магаданская, Московская (здесь было значительное снижение этого показа-

теля в 2019 г. в какой-то мере, видимо, связанное с увеличением доли регистрации родившихся у жительниц Московской области в Москве) и Ярославская области, Ямало-Ненецкий автономный округ). Только в Республике Адыгея он имел место и в 2020 г., и в 2021 г.

Таблица 2.3.4

Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в регионах России в 2019–2021 гг.

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Белгородская область	0,603	0,575	0,560	–0,015
Брянская область	0,584	0,574	0,546	–0,028
Владимирская область	0,567	0,516	0,527	0,011
Воронежская область	0,605	0,594	0,582	–0,012
Ивановская область	0,572	0,521	0,533	0,012
Калужская область	0,580	0,573	0,517	–0,056
Костромская область	0,630	0,568	0,520	–0,048
Курская область	0,602	0,589	0,581	–0,008
Липецкая область	0,592	0,571	0,547	–0,024
Московская область	0,626	0,703	0,643	–0,060
Орловская область	0,570	0,551	0,518	–0,033
Рязанская область	0,591	0,560	0,517	–0,043
Смоленская область	0,552	0,506	0,498	–0,008
Тамбовская область	0,564	0,544	0,535	–0,009
Тверская область	0,596	0,561	0,507	–0,054
Тульская область	0,578	0,544	0,520	–0,024
Ярославская область	0,591	0,600	0,567	–0,033
г. Москва	0,764	0,746	0,790	0,044
Республика Карелия	0,592	0,559	0,569	0,010
Республика Коми	0,595	0,588	0,557	–0,031
Архангельская область	0,582	0,552	0,522	–0,030
Ненецкий автономный округ	0,724	0,719	0,634	–0,085
Вологодская область	0,629	0,624	0,591	–0,033
Калининградская область	0,625	0,613	0,612	–0,001
Ленинградская область	0,472	0,461	0,427	–0,034

Продолжение табл. 2.3.4

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Мурманская область	0,642	0,618	0,594	–0,024
Новгородская область	0,586	0,523	0,501	–0,022
Псковская область	0,620	0,589	0,601	0,012
г. Санкт-Петербург	0,700	0,682	0,683	0,001
Республика Адыгея	0,541	0,543	0,595	0,052
Республика Калмыкия	0,480	0,447	0,446	–0,001
Республика Крым	0,695	0,676	0,645	–0,031
Краснодарский край	0,710	0,692	0,688	–0,004
Астраханская область	0,654	0,653	0,644	–0,009
Волгоградская область	0,541	0,512	0,517	0,005
Ростовская область	0,607	0,598	0,582	–0,016
г. Севастополь	0,686	0,615	0,616	0,001
Республика Дагестан	0,588	0,607	0,560	–0,047
Республика Ингушетия	0,410	0,445	0,431	–0,014
Кабардино-Балкарская Республика	0,521	0,555	0,537	–0,018
Карачаево-Черкесская Республика	0,479	0,513	0,402	–0,111
Республика Северная Осетия — Алания	0,639	0,609	0,597	–0,012
Чеченская Республика	0,651	0,642	0,604	–0,038
Ставропольский край	0,582	0,571	0,551	–0,020
Республика Башкортостан	0,611	0,589	0,557	–0,032
Республика Марий Эл	0,585	0,574	0,550	–0,024
Республика Мордовия	0,504	0,459	0,435	–0,024
Республика Татарстан	0,673	0,673	0,666	–0,007
Удмуртская Республика	0,597	0,593	0,568	–0,025
Чувашская Республика	0,567	0,564	0,539	–0,025
Пермский край	0,627	0,595	0,584	–0,011
Кировская область	0,620	0,574	0,563	–0,011
Нижегородская область	0,614	0,606	0,583	–0,023
Оренбургская область	0,641	0,609	0,597	–0,012
Пензенская область	0,562	0,550	0,544	–0,006
Самарская область	0,635	0,610	0,605	–0,005

Окончание табл. 2.3.4

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Саратовская область	0,566	0,531	0,523	–0,008
Ульяновская область	0,620	0,587	0,563	–0,024
Курганская область	0,594	0,584	0,557	–0,027
Свердловская область	0,660	0,646	0,650	0,004
Тюменская область	0,692	0,691	0,650	–0,041
Ханты-Мансийский автономный округ	0,691	0,675	0,620	–0,055
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,678	0,686	0,636	–0,050
Челябинская область	0,621	0,602	0,603	0,001
Республика Алтай	0,684	0,663	0,630	–0,033
Республика Тыва	0,771	0,762	0,733	–0,029
Республика Хакасия	0,650	0,605	0,591	–0,014
Алтайский край	0,589	0,555	0,553	–0,002
Красноярский край	0,656	0,630	0,611	–0,019
Иркутская область	0,682	0,656	0,640	–0,016
Кемеровская область	0,560	0,553	0,518	–0,035
Новосибирская область	0,672	0,663	0,650	–0,013
Омская область	0,613	0,593	0,589	–0,004
Томская область	0,549	0,539	0,524	–0,015
Республика Бурятия	0,662	0,626	0,593	–0,033
Республика Саха (Якутия)	0,618	0,588	0,518	–0,070
Забайкальский край	0,658	0,621	0,614	–0,007
Камчатский край	0,713	0,728	0,637	–0,091
Приморский край	0,659	0,650	0,639	–0,011
Хабаровский край	0,661	0,678	0,659	–0,019
Амурская область	0,642	0,624	0,615	–0,009
Магаданская область	0,582	0,626	0,581	–0,045
Сахалинская область	0,805	0,798	0,754	–0,044
Еврейская автономная область	0,693	0,661	0,562	–0,099
Чукотский автономный округ	0,652	0,606	0,532	–0,074

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Менее, чем на 0,005 снизилась величина суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2021 г. в пяти регионах: Республика Калмыкия, Алтайский и Краснодарский края, Калининградская и Омская области.

От 0,005 до 0,010 его снижение в 2021 г. составило в 10 регионах (Республика Татарстан, Забайкальский край, Амурская, Астраханская, Курская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Смоленская и Тамбовская области); от 0,010 до 0,020 — в 17 регионах (республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия — Алания и Хакасия, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Белгородская, Воронежская, Иркутская, Кировская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская и Томская области); от 0,020 до 0,030 — в 12 регионах (республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртская и Чувашская, Брянская, Курганская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Тульская и Ульяновская области); от 0,030 до 0,040 — в 13 регионах (республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Коми, Крым, Тыва и Чеченская, Архангельская, Вологодская, Кемеровская, Ленинградская, Орловская и Ярославская области); от 0,040 до 0,050 — в шести регионах (Республика Дагестан, Костромская, Магаданская, Рязанская, Сахалинская и Тюменская области).

В Калужской и Тверской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Ямало-Ненецком автономном округе снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2021 г. составило от 0,50 до 0,56, в Московской области — 0,060, Республике Саха (Якутия) — 0,070, в Чукотском и Ненецком автономных округах — соответственно, 0,074 и 0,085.

Наибольшее его снижение в 2021 г. произошло в Камчатском крае (на 0,091), Еврейской автономной области (на 0,099) и Карачаево-Черкесской Республике (на 0,111) (табл. 2.3.4).

Только в трех субъектах Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в 2021 г. превышал 0,7: Москва (0,790), Сахалинская область (0,754), Республика Тыва (0,733).

В диапазоне от 0,65 до 0,70 суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в семи регионах: Республика Татарстан, Краснодарский и Хабаровский края, Новосибирская, Свердловская и Тюменская области, г. Санкт-Петербург.

В 19 регионах этот показатель в 2021 г. составлял от 0,60 до 0,65: республики Алтай, Крым и Чеченская, Забайкальский, Камчатский, Красноярский и Приморский края, Амурская, Астраханская, Иркутская, Калининградская, Московская, Псковская, Самарская и Челябинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Севастополь.

Наибольшее количество регионов (28) входят в группу с величиной суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям

от 0,55 до 0,60: республики Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Коми, Марий Эл, Северная Осетия — Алания, Удмуртская и Хакасия, Алтайский, Пермский и Ставропольский края, Белгородская, Вологодская, Воронежская, Кировская, Курганская, Курская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Ульяновская и Ярославская области, Еврейская автономная область.

Несколько меньше регионов (22), в которых его величина составляет от 0,50 до 0,55: республики Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия) и Чувашская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Липецкая, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тверская, Томская и Тульская области, Чукотский автономный округ.

В шести регионах суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в 2021 г. был менее 0,5. Такая величина, по сути дела, аналогичного показателя для реальных поколений — доли родивших хотя бы одного ребенка к завершению репродуктивного периода — означала бы, что свыше половины женщин не имеют к концу репродуктивного периода ни одного рожденного ребенка. В Смоленской области суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям составил в 2021 г. 0,498, в Республике Калмыкия — 0,446, в Республике Мордовия — 0,435, в Республике Ингушетия — 0,431 (здесь, вероятно, имеет место некоторое завышение численности населения, в т.ч. женщин репродуктивного возраста, и, соответственно, занижение показателей рождаемости), в Ленинградской области — 0,427 (часть родившихся у жительниц Ленинградской области, вероятно, регистрируются в г. Санкт-Петербурге, что занижает показатели рождаемости в Ленинградской области), в Карачаево-Черкесской Республике — 0,402 (табл. 2.3.4).

Динамика суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям, видимо, тоже связана с тайминговыми сдвигами, но иными, чем по первым рождениям. Существенное его повышение в 2014, 2015 и первой половине 2016 г. (большим оно было только в первые два года реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (2007 и 2008 гг.) и в 2012 г.), видимо, отчасти, было связано с тайминговыми сдвигами, более ранним рождением второго ребенка из-за приближавшегося первоначально установленного срока завершения этой программы (конец 2016 г.). Снижение рождаемости началось в сентябре-октябре 2016 г. Учитывая это, есть основания полагать, что, по крайней мере, одной из основных причин была информация о продлении сроков реализации программы федерального материнского (семейного) капитала, о чем сказал В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря

2015 г. После тайминговых сдвигов был неизбежен таймингoвый провал в связи с тем, что вторые дети, которые могли бы родиться, уже родились раньше. В пользу такого предположения свидетельствует и то, что суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям продолжал повышаться. Таймингoвые сдвиги по ним в 2014–2016 гг. крайне маловероятны. Чтобы воспользоваться материнским (семейным) капиталом при рождении третьего или последующего ребенка, предыдущий ребенок должен был родиться до 2007 г., т.е. тогда, когда на него еще нельзя было получить этот капитал. Рождения детей с таким большим интервалом в эти годы при ориентации на получение материнского (семейного) капитала маловероятны.

Среднее число вторых рождений к 30 годам у женщин 1987–1988 гг. р. (0,34) существенно выше, чем в более старших поколениях (табл. 2.3.5).

У более молодых женщин этот показатель несколько ниже (1990–1991 гг. р. — 0,31). О таймингoвых сдвигах в этом случае может свидетельствовать то, что в поколениях женщин с существенно более высоким средним числом вторых рождений к 30 годам в последующие годы возраста оно меньше, по сравнению с другими поколениями. У женщин 1987 и 1988 гг. р. среднее число вторых рождений в возрасте 30–31 год составляет 0,08, а в поколениях 1989 и 1990 гг. р. — 0,07. Это меньше, чем у женщин 1984 и 1985 гг. р. (0,10). В возрасте 30–32 года среднее число вторых рождений у них 0,14. В более молодых поколениях оно меньше: 1986 г.р. — 0,13, 1987 г.р. — 0,12, 1988 г.р. — 0,11, 1989 г.р. — 0,10.

Прекращение таймингового провала будет происходить по мере того, как возраста активного деторождения вторых детей будут достигать поколения, которые не были затронуты таймингoвыми сдвигами.

В 2020 г. снижение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в России было совсем небольшим (на 0,008), а в 2021 г. формально можно говорить даже о его повышении на 0,001, впервые с осени 2016 г. (табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.5

Среднее число вторых рождений в реальных поколениях женщин в России (оценка на начало 2022 г.)

Годы рождения женщин	Среднее число вторых рождений		
	к 30 годам	в 30–31 год	в 30–32 года
1980	0,27	0,08	0,12
1981	0,28	0,09	0,12
1982	0,28	0,09	0,13

Окончание табл. 2.3.5

Годы рождения женщин	Среднее число вторых рождений		
	к 30 годам	в 30–31 год	в 30–32 года
1983	0,29	0,09	0,14
1984	0,30	0,10	0,14
1985	0,30	0,10	0,14
1986	0,32	0,09	0,13
1987	0,34	0,08	0,12
1988	0,34	0,08	0,11
1989	0,33	0,07	0,10
1990	0,31	0,07	–
1991	0,31	–	–
1992	0,31	–	–

Источник: рассчитано автором на основе данных Human Fertility Database и Росстата

В 2019 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям повысился в 4 регионах, в 2020 г. — в 25, в 2021 г. — в 33 (табл. 2.3.6).

Таблица 2.3.6

Суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в регионах России в 2019–2021 гг.

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Белгородская область	0,476	0,447	0,479	0,032
Брянская область	0,505	0,485	0,473	–0,012
Владимирская область	0,517	0,470	0,474	0,004
Воронежская область	0,451	0,455	0,468	0,013
Ивановская область	0,466	0,468	0,469	0,001
Калужская область	0,535	0,537	0,538	0,001
Костромская область	0,589	0,553	0,539	–0,014
Курская область	0,495	0,505	0,480	–0,025
Липецкая область	0,519	0,513	0,491	–0,022
Московская область	0,494	0,538	0,520	–0,018
Орловская область	0,454	0,461	0,452	–0,009
Рязанская область	0,492	0,483	0,454	–0,029

Продолжение табл. 2.3.6

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Смоленская область	0,450	0,429	0,417	–0,012
Тамбовская область	0,474	0,458	0,468	0,010
Тверская область	0,508	0,484	0,476	–0,008
Тульская область	0,449	0,440	0,427	–0,013
Ярославская область	0,518	0,495	0,494	–0,001
г. Москва	0,498	0,477	0,524	0,047
Республика Карелия	0,526	0,541	0,523	–0,018
Республика Коми	0,608	0,608	0,561	–0,047
Архангельская область	0,572	0,545	0,523	–0,022
Ненецкий автономный округ	0,736	0,752	0,755	0,003
Вологодская область	0,573	0,549	0,556	0,007
Калининградская область	0,501	0,503	0,496	–0,007
Ленинградская область	0,391	0,371	0,376	0,005
Мурманская область	0,521	0,543	0,512	–0,031
Новгородская область	0,512	0,511	0,495	–0,016
Псковская область	0,523	0,506	0,533	0,027
г. Санкт-Петербург	0,480	0,461	0,459	–0,002
Республика Адыгея	0,469	0,495	0,485	–0,010
Республика Калмыкия	0,499	0,495	0,455	–0,040
Республика Крым	0,565	0,570	0,568	–0,002
Краснодарский край	0,582	0,576	0,584	0,008
Астраханская область	0,575	0,591	0,585	–0,006
Волгоградская область	0,462	0,445	0,459	0,014
Ростовская область	0,487	0,482	0,496	0,014
г. Севастополь	0,510	0,479	0,441	–0,038
Республика Дагестан	0,526	0,547	0,514	–0,033
Республика Ингушетия	0,377	0,377	0,384	0,007
Кабардино-Балкарская Республика	0,458	0,498	0,487	–0,011
Карачаево-Черкесская Республика	0,438	0,457	0,402	–0,055

Продолжение табл. 2.3.6

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Республика Северная Осетия — Алания	0,554	0,545	0,529	–0,016
Чеченская Республика	0,592	0,595	0,567	–0,028
Ставропольский край	0,482	0,483	0,481	–0,002
Республика Башкортостан	0,543	0,541	0,526	–0,015
Республика Марий Эл	0,564	0,555	0,548	–0,007
Республика Мордовия	0,456	0,442	0,429	–0,013
Республика Татарстан	0,572	0,551	0,571	0,020
Удмуртская Республика	0,549	0,544	0,552	0,008
Чувашская Республика	0,550	0,518	0,522	0,004
Пермский край	0,571	0,537	0,560	0,023
Кировская область	0,558	0,534	0,544	0,010
Нижегородская область	0,503	0,495	0,482	–0,013
Оренбургская область	0,584	0,570	0,558	–0,012
Пензенская область	0,476	0,458	0,457	–0,001
Самарская область	0,515	0,502	0,519	0,017
Саратовская область	0,471	0,449	0,451	0,002
Ульяновская область	0,522	0,509	0,514	0,005
Курганская область	0,585	0,558	0,573	0,015
Свердловская область	0,581	0,561	0,561	0,000
Тюменская область	0,632	0,618	0,619	0,001
Ханты-Мансийский автономный округ	0,653	0,633	0,622	–0,011
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,633	0,651	0,660	0,009
Челябинская область	0,544	0,529	0,544	0,015
Республика Алтай	0,639	0,613	0,618	0,005
Республика Тыва	0,819	0,783	0,775	–0,008
Республика Хакасия	0,561	0,561	0,568	0,007
Алтайский край	0,509	0,501	0,493	–0,008
Красноярский край	0,544	0,533	0,538	0,005

Окончание табл. 2.3.6

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Иркутская область	0,612	0,604	0,591	–0,013
Кемеровская область	0,516	0,479	0,474	–0,005
Новосибирская область	0,549	0,537	0,548	0,011
Омская область	0,521	0,507	0,500	–0,007
Томская область	0,460	0,436	0,439	0,003
Республика Бурятия	0,625	0,659	0,600	–0,059
Республика Саха (Якутия)	0,590	0,594	0,539	–0,055
Забайкальский край	0,621	0,632	0,615	–0,017
Камчатский край	0,608	0,588	0,582	–0,006
Приморский край	0,550	0,562	0,551	–0,011
Хабаровский край	0,573	0,551	0,544	–0,007
Амурская область	0,564	0,563	0,547	–0,016
Магаданская область	0,529	0,537	0,497	–0,040
Сахалинская область	0,715	0,711	0,681	–0,030
Еврейская автономная область	0,652	0,617	0,647	0,030
Чукотский автономный округ	0,511	0,674	0,631	–0,043

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. был в Москве (на 0,047). Но, оценивая это изменение показателя, нужно иметь в виду влияние на него увеличения в 2021 г. доли родившихся зарегистрированных в Москве у иногородних.

В Белгородской области суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. повысился на 0,032, в Еврейской автономной области — на 0,030, в Псковской области — на 0,027, в Пермском крае — на 0,023, в Республике Татарстан — на 0,020, в Самарской области — на 0,017, в Курганской и Челябинской областях — на 0,015, в Волгоградской и Ростовской областях — на 0,014, в Воронежской области — на 0,013, в Новосибирской области — на 0,011, в Кировской и Тамбовской областях — на 0,010. Менее, чем на 0,01, этот показатель увеличился в республиках Алтай, Ингушетии, Удмуртской, Хакасии и Чувашской, Краснодарском и Красноярском краях, Владимирской, Вологодской, Ивановской, Калужской, Ленинградской, Саратовской,

Томской, Тюменской и Ульяновской областях, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

Второй год подряд (2020 и 2021 гг.) суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям повышался в Воронежской, Ивановской и Калужской областях, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

В Свердловской области суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. был таким же, как в 2020 г.

В 51 регионе суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. был меньше, чем в 2020 г. Наибольшее его снижение произошло в Республике Калмыкии и Магаданской области (на 0,040), Чукотском автономном округе (на 0,043), Республике Коми (на 0,047), республиках Карачаево-Черкесской и Саха (Якутия) (на 0,055), Республике Бурятии (на 0,059).

В республиках Марий Эл, Мордовия и Тыва, в Камчатском и Хабаровском краях, в Архангельской, Брянской, Кемеровской, Костромской, Омской, Оренбургской, Пензенской, Смоленской, Тверской и Ярославской областях, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, в г. Санкт-Петербурге снижение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. было меньше, чем в 2020 г. В Алтайском крае оно было одинаковым в 2020 и 2021 гг.

В то же время в ряде регионов повышение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2020 г. сменилось его снижением в 2021 г.: республики Адыгея, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Карелия, Саха (Якутия) и Чеченская, Забайкальский и Приморский края, Астраханская, Калининградская, Курская, Магаданская, Московская, Мурманская и Орловская области, Чукотский автономный округ.

Формально о повышении суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2020 г. и снижении его в 2021 г. можно говорить в отношении Республики Крым (2019 г. — 0,565, 2020 г. — 0,570, 2021 г. — 0,568) и Ставропольского края (2019 г. — 0,482, 2020 г. — 0,483, 2021 г. — 0,481), но, по сути дела, величина этого показателя в них в эти годы почти не менялась.

Наибольшая величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. была в Республике Тыва (0,775) и Ненецком автономном округе (0,755).

В девяти регионах величина этого показателя в диапазоне от 0,6 до 0,7 (республики Алтай и Бурятия, Забайкальский край, Сахалинская и Тюменская области, Ханты-Мансийский — Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Еврейская автономная область); в 16 регионах — от 0,55 до 0,60 (республики Коми, Крым, Татарстан, Удмуртская, Хакасия и Чеченская, Камчатский, Краснодарский, Пермский и Приморский края, Астраханская, Вологод-

ская, Иркутская, Курганская, Оренбургская и Свердловская области); в 23 регионах — от 0,50 до 0,55 (республики Башкортостан, Дагестан, Карелия, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания и Чувашская, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Калужская, Кировская, Костромская, Московская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Псковская, Самарская, Ульяновская и Челябинская области, г. Москва).

Наибольшее количество регионов (27) входит в группу с величиной суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. от 0,45 до 0,50: республики Адыгея, Кабардино-Балкарская и Калмыкия, Алтайский и Ставропольский края, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Кемеровская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тверская и Ярославская области, г. Санкт-Петербург.

В шести регионах величина этого показателя в диапазоне от 0,40 до 0,45: республики Карачаево-Черкесская и Мордовия, Смоленская, Томская и Тульская области, Севастополь.

Наименьшая величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. была в Республике Ингушетия (0,384) и Ленинградской области (0,376), но выше уже говорилось о вероятном занижении показателей рождаемости в этих регионах.

В большинстве регионов в 2021 г. продолжилось повышение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям. Только в 16 регионах он снизился (табл. 2.3.7).

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. имел место в Кабардино-Балкарской Республике (на 0,053). Примерно таким же (на 0,057) он был и в 2020 г.

В Сахалинской области суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. увеличился на 0,047, в Челябинской области — на 0,043, в Удмуртской Республике — на 0,040, в республиках Карелии и Коми — на 0,035, в Чувашской Республике — на 0,033, в Москве и Ямало-Ненецком автономном округе — на 0,032.

В Ямало-Ненецком автономном округе был один из самых больших приростов суммарного коэффициента рождаемости за 2020–2021 гг. Он составил 0,084 (большим он был только в республиках Кабардино-Балкарской (0,110) и Тыве (0,300)). Возможно, в какой-то мере, это связано с тем, что Законом Ямало-Ненецкого автономного округа № 87-ЗАО от 29 ноября 2019 г. «О внесении изменений в Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О материнском (семейном) капитале в Ямало-Ненецком автономном округе» был повышен размер регио-

нального материнского (семейного) капитала при рождении третьего ребенка и последующих детей с 350 тыс. рублей до 500 тыс. рублей. Это самая большая сумма регионального материнского (семейного) капитала среди субъектов Российской Федерации.

Таблица 2.3.7

Суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в регионах России в 2019–2021 гг.

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Белгородская область	0,208	0,216	0,229	0,013
Брянская область	0,232	0,251	0,260	0,009
Владимирская область	0,270	0,282	0,276	–0,006
Воронежская область	0,211	0,226	0,237	0,011
Ивановская область	0,232	0,249	0,259	0,010
Калужская область	0,317	0,369	0,385	0,016
Костромская область	0,324	0,344	0,323	–0,021
Курская область	0,242	0,260	0,281	0,021
Липецкая область	0,281	0,299	0,302	0,003
Московская область	0,250	0,293	0,298	0,005
Орловская область	0,243	0,260	0,251	–0,009
Рязанская область	0,261	0,271	0,265	–0,006
Смоленская область	0,210	0,222	0,215	–0,007
Тамбовская область	0,259	0,279	0,281	0,002
Тверская область	0,297	0,316	0,328	0,012
Тульская область	0,237	0,265	0,278	0,013
Ярославская область	0,264	0,268	0,295	0,027
г. Москва	0,243	0,251	0,283	0,032
Республика Карелия	0,307	0,301	0,336	0,035
Республика Коми	0,368	0,374	0,409	0,035
Архангельская область	0,334	0,330	0,344	0,014
Ненецкий автономный округ	0,713	0,788	0,683	–0,105
Вологодская область	0,327	0,355	0,374	0,019
Калининградская область	0,266	0,286	0,275	–0,011
Ленинградская область	0,212	0,229	0,237	0,008
Мурманская область	0,273	0,288	0,283	–0,005

Продолжение табл. 2.3.7

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Новгородская область	0,344	0,345	0,350	0,005
Псковская область	0,330	0,334	0,353	0,019
г. Санкт-Петербург	0,215	0,224	0,235	0,011
Республика Адыгея	0,365	0,417	0,445	0,028
Республика Калмыкия	0,551	0,591	0,617	0,026
Республика Крым	0,323	0,354	0,371	0,017
Краснодарский край	0,326	0,345	0,364	0,019
Астраханская область	0,437	0,486	0,514	0,028
Волгоградская область	0,283	0,294	0,305	0,011
Ростовская область	0,256	0,266	0,278	0,012
г. Севастополь	0,207	0,190	0,188	–0,002
Республика Дагестан	0,687	0,714	0,684	–0,030
Республика Ингушетия	1,039	1,025	1,053	0,028
Кабардино-Балкарская Республика	0,534	0,591	0,644	0,053
Карачаево-Черкесская Республика	0,559	0,564	0,546	–0,018
Республика Северная Осетия — Алания	0,557	0,561	0,580	0,019
Чеченская Республика	1,333	1,329	1,333	0,004
Ставропольский край	0,355	0,376	0,392	0,016
Республика Башкортостан	0,356	0,395	0,411	0,016
Республика Марий Эл	0,371	0,420	0,433	0,013
Республика Мордовия	0,211	0,220	0,243	0,023
Республика Татарстан	0,298	0,316	0,331	0,015
Удмуртская Республика	0,351	0,384	0,424	0,040
Чувашская Республика	0,348	0,386	0,419	0,033
Пермский край	0,358	0,397	0,414	0,017
Кировская область	0,311	0,336	0,338	0,002
Нижегородская область	0,237	0,250	0,259	0,009
Оренбургская область	0,360	0,370	0,390	0,020
Пензенская область	0,225	0,220	0,236	0,016
Самарская область	0,258	0,270	0,294	0,024

Окончание табл. 2.3.7

Регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение в 2021 г. по сравнению с 2020 г.
Саратовская область	0,245	0,251	0,269	0,018
Ульяновская область	0,275	0,294	0,321	0,027
Курганская область	0,463	0,488	0,499	0,011
Свердловская область	0,375	0,390	0,406	0,016
Тюменская область	0,434	0,477	0,499	0,022
Ханты-Мансийский автономный округ	0,421	0,476	0,496	0,020
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,514	0,566	0,598	0,032
Челябинская область	0,311	0,344	0,387	0,043
Республика Алтай	0,790	0,809	0,832	0,023
Республика Тыва	1,133	1,425	1,433	0,008
Республика Хакасия	0,383	0,407	0,428	0,021
Алтайский край	0,362	0,361	0,355	–0,006
Красноярский край	0,310	0,332	0,361	0,029
Иркутская область	0,429	0,437	0,462	0,025
Кемеровская область	0,324	0,335	0,347	0,012
Новосибирская область	0,335	0,350	0,374	0,024
Омская область	0,345	0,349	0,368	0,019
Томская область	0,297	0,292	0,288	–0,004
Республика Бурятия	0,603	0,665	0,679	0,014
Республика Саха (Якутия)	0,614	0,681	0,670	–0,011
Забайкальский край	0,461	0,502	0,506	0,004
Камчатский край	0,329	0,361	0,378	0,017
Приморский край	0,278	0,305	0,321	0,016
Хабаровский край	0,354	0,357	0,377	0,020
Амурская область	0,325	0,353	0,346	–0,007
Магаданская область	0,306	0,347	0,336	–0,011
Сахалинская область	0,434	0,461	0,508	0,047
Еврейская автономная область	0,383	0,433	0,451	0,018
Чукотский автономный округ	0,516	0,481	0,492	0,011

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

От 0,02 до 0,03 прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям составил в 2021 г. в республиках Адыгея, Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Мордовия и Хакасия, Красноярском и Хабаровском краях, Астраханской, Иркутской, Курской, Новосибирской, Оренбургской, Самарской, Тюменской, Ульяновской и Ярославской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре; от 0,01 до 0,02 — в республиках Башкортостан, Бурятия, Крым, Марий Эл, Северная Осетия — Алания и Татарстан, Камчатском, Краснодарском, Пермском, Приморском и Ставропольском краях, Архангельской, Белгородской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Кемеровской, Курганской, Омской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Саратовской, Свердловской, Тверской и Тульской областях, Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе, г. Санкт-Петербурге; менее 0,01 — в республиках Тыва и Чеченская, Забайкальском крае, Брянской, Кировской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Новгородской и Тамбовской областях.

В большинстве регионов, в которых произошло сокращение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г., оно не превысило 0,01. Наиболее значительным оно было в Карачаево-Черкесской Республике (на 0,018), Костромской области (на 0,021), Республике Дагестан (на 0,030) и Ненецком автономном округе (на 0,105).

В трех регионах суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. был больше 1,0. В отличие от первых и вторых рождений, по которым величина этого показателя может быть больше 1,0 только при наличии тайминговых сдвигов, по третьим и последующим рождениям она вполне логична, так как включает не только третьи рождения, но и четвертые, пятые и последующие. Наибольшая величина суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. была в республиках Тыва (1,433), Чеченская (1,333) и Ингушетия (1,053). В Республике Алтай она составила 0,832.

В диапазоне от 0,6 до 0,7 суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. был в 5 республиках (Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия и Саха (Якутия)) и Ненецком автономном округе.

Также в шести регионах величина этого показателя была в диапазоне от 0,5 до 0,6: республики Карачаево-Черкесская и Северная Осетия — Алания, Забайкальский край, Астраханская и Сахалинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ.

В 15 регионах суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2021 г. составлял от 0,4 до 0,5: республики Адыгея, Башкортостан, Коми, Марий Эл, Удмуртская, Хакасия

и Чувашская, Пермский край, Иркутская, Курганская, Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область.

Почти вдвое больше регионов (28) входят в группу с величиной суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям от 0,3 до 0,4: республики Карелия, Крым и Татарстан, Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Волгоградская, Вологодская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Липецкая, Магаданская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Псковская, Тверская, Ульяновская и Челябинская области.

В 25 регионах этот показатель в 2021 г. был в диапазоне от 0,2 до 0,3: Республика Мордовия, Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Курская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Томская, Тульская и Ярославская области, г. Москва и г. Санкт-Петербург. В эту группу входит и Смоленская область с одним из самых низких суммарных коэффициентов рождаемости по третьим и последующим рождениям (0,215). А ниже всего величина этого показателя была в 2021 г. в Севастополе (0,188) (табл. 2.3.7).

Оценка показателей рождаемости в реальных поколениях женщин в России на начало 2022 г. показывает, что среднее число рожденных детей, после существенного снижения (с 1,90 у женщин 1952 г.р. до 1,58 у женщин 1973 г.р.), повышается в более молодых поколениях и достигает пока максимума у женщин 1979 г.р. (1,68). Такое же оно и в поколении 1982 г.р. (табл. 2.3.8). На начало 2022 г. им было 39 лет и среднее число рожденных детей у них еще возрастет.

Изменение среднего числа рожденных детей в реальных поколениях происходит под влиянием двух разнонаправленных трендов. Уменьшается среднее число первых рождений или доля родивших хотя бы одного ребенка. В то же время возрастают показатели рождаемости по вторым и третьим рождениям.

Если в большинстве поколений женщин 1960-х гг. р. среднее число первых рождений составляет 0,92, то, начиная с поколения 1973 г.р. оно не превышает 0,90, а у женщин, родившихся в конце 1970-х гг., составляет 0,88. У женщин 1980-х гг. р. оно будет в итоге еще несколько меньше.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого значительно снижалась в поколениях второй половины 1950-х — 1960-х гг. р., достигнув минимума у женщин 1971 г.р. (54,2%). В более молодых поколениях она повышается и максимальная (пока) у женщин 1983 г.р. — 65,8%. Вероятность рождения второго ребенка у них

выше, чем первого, и, следовательно, доля родивших второго ребенка среди родивших первого у них еще возрастет.

Таблица 2.3.8

Показатели рождаемости в реальных поколениях в России (оценка на начало 2022 г.)

Годы рождения женщин	Среднее число рожденных детей	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка)	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)
1960	1,86	0,95	70,0	25,5
1961	1,83	0,94	68,9	25,0
1962	1,77	0,92	68,0	24,5
1963	1,74	0,92	66,4	24,1
1964	1,71	0,92	64,4	24,3
1965	1,69	0,92	62,4	23,9
1966	1,67	0,92	60,5	24,0
1967	1,65	0,92	58,6	24,3
1968	1,63	0,92	57,2	24,5
1969	1,63	0,93	56,1	24,7
1970	1,61	0,92	54,5	25,0
1971	1,60	0,92	54,2	25,4
1972	1,59	0,91	54,9	25,8
1973	1,58	0,89	55,7	26,6
1974	1,61	0,90	56,9	27,4
1975	1,62	0,89	58,0	28,3
1976	1,63	0,89	59,2	29,1
1977	1,64	0,88	60,6	30,1
1978	1,66	0,88	61,9	30,9
1979	1,68	0,88	62,7	31,5
1980	1,66	0,87	63,1	31,8
1981	1,66	0,86	63,9	32,0
1982	1,68	0,86	65,0	32,0
1983	1,66	0,85	65,8	31,4
1984	1,64	0,85	65,5	30,8
1985	1,59	0,83	64,3	30,3

Источник: рассчитано автором на основе данных Human Fertility Database и Росстата

С. В. Захаров отмечает, что вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е гг. поколениями 1950—1960-х гг. р.[1]

Конечно, доля родивших второго ребенка даже в поколении 1983 г.р. с максимальной ее величиной (65,8%) далека от уровня, имевшего место у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно 72,9 и 72,7%). Но, видимо, следует учитывать, с какого уровня в реальных поколениях повышалась доля родивших второго ребенка тогда и с какого уровня она повышается сейчас. У женщин 1946 г.р. величина этого показателя составляет 64,3%, а у тех, кто моложе на 10 лет (1956 г.р.) она поднялась до 72,9%, т.е. возросла на 8,6 п.п. У женщин 1971 г.р. она составляет 54,2% (точка минимума), а у женщин 1983 г.р. — 65,8%, т.е. прирост равен 11,6 п.п. Таким образом, прирост этого показателя сейчас больше, чем был в поколениях второй половины 1950-х гг. р.

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго снижалась с 28,0% у женщин 1954 г.р. до 23,9% у женщин 1965 г.р. В более молодых поколениях она возрастает и достигает пока максимума у женщин 1981–1982 гг. р., составляя 32,0%. К концу репродуктивного периода она у них и более молодых женщин еще возрастет, но уже сейчас можно отметить, что столь высокой величины этого показателя в России не было с поколения 1938 г.р. (31,8%).

2.4. Консервативность и новизна модели репродуктивного поведения молодого поколения в современной России

В настоящее время в России в медийном и научном пространстве довольно часто обсуждается проблема трансформации ценностных установок населения. Как правило, данная проблема включает в себя два аспекта: с одной стороны, спикеров настораживает активное проникновение и укоренение иных ценностей, существенным образом отличающихся от российских, а следовательно, порождающих риски утраты культурной идентичности страны; с другой стороны — поднимается вопрос о сложностях возвращения традиционных российских ценностей. В контексте данной проблемы активно обсуждается дилемма о выборе ценностного пути государства. Заявляется либо о необходимости формирования собственного независимого от других стран и культур курса, либо об активном присоединение к западным культурам и «движение по европейскому маршруту».

[1] *Захаров С. В.* Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 12–13.

Следует отметить, что в современных геополитических условиях, выбор все чаще падает на первый вариант, т.е. в пользу суверенизации ценностей. Так, Президент РФ В. В. Путин регулярно в своих выступлениях акцентирует внимание на необходимости сохранения традиционных ценностей и видит в этом залог успешного развития России. Выступая на параде Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2022 г., он заявил: «Мы другая страна. У России другой характер. Мы никогда не откажемся от любви к Родине, от веры и традиционных ценностей, от обычаев предков, от уважения ко всем народам и культурам. А на Западе эти тысячелетние ценности, судя по всему, решили отменить»[1]. В обращении по случаю Дня Государственного флага России 22 августа 2022 г. Президент сказал, что «Государственный флаг символизирует верность нашим традиционным ценностям, от которых мы никогда не отступим. <...> Поэтому стремление жить по собственной воле, самим сделать выбор своего пути и идти по нему стало частью генетического кода нашего народа»[2]. В своей речи на третьем Евразийском женском форуме в Санкт-Петербурге 14 октября 2021 г. отметил: «Для нашей страны, для всего российского общества дороги, крайне значимы традиционные семейные ценности. <...> Я убежден, что традиционные семейные ценности — это важнейшая нравственная опора и залог успешного развития и в настоящем, и в будущем»[3].

Тот факт, что традиционные ценности в настоящее время рассматриваются в качестве стратегического ориентира развития страны и общества, подтверждается попытками закрепления данной цели на законодательном уровне. Например, в числе поручений Президента России по итогам заседания Президиума Госсовета, состоявшегося 25 мая 2022 г., содержится: «2. Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации: а) обеспечить проведение информационной кампании, включая размещение социальной рекламы, направленной на популяризацию традиционных семейных ценностей и создание многодетной семьи»[4]. Более того, защита традиционных ценностей является одной из ключевых задач, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.: «На фоне реализации

---

[1] Парад Победы на Красной площади // Президент России: [сайт]. 09.05.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/68366 (дата обращения: 18.09.2022).

[2] Обращение по случаю Дня Государственного флага России // Президент России: [сайт]. 22.08.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69189/videos (дата обращения: 19.09.2022).

[3] Третий Евразийский женский форум // Президент России: [сайт]. 14.10.2021. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66924 (дата обращения: 19.09.2022).

[4] Перечень поручений по итогам заседания Президиума Госсовета // Президент России: [сайт]. 14.06.2022. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/68659 (дата обращения: 19.09.2022).

целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. <...> Сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру»[1].

В контексте данной проблематики заслуживает внимания исследование, проведенное редакцией журнала «Эксперт» летом 2022 г.[2] Была проведена серия интервью среди пассионарных современников — топ-менеджеров, предпринимателей, чиновников и священнослужителей. Респондентам задавались вопросы, что они думают о России: ее истории, символах, месте в мире и будущем. Современные лидеры согласились с идеей о важности формирования и следования в развитии страны собственным путем, однозначно отвергли попытки государства стать «членом в концерте европейских стран».

Например, директор национальной ассоциации участников рынка ассистивных технологий «Аура-Тех» Иван Бирюков сказал: «Нас этому не учили — быть частью одного или частью другого. ... [Я бы лично хотел, чтобы Россия стала единым оркестром] с мировой [цивилизацией]. Мне бы не хотелось, чтобы выбор был в пользу чего-то одного. <...> Я бы точно хотел, чтобы мы брали лучшее, но все-таки плюс-минус на своих правилах»[3]. Андрей Давыдов, генеральный директор крестьянского (фермерского) хозяйства «ДИК» (Калужская область), пояснил: «Россия — это государство, которое способно громко сказать на весь мир, что мы защищаем традиционную семью»[4]. Наместник Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптина пустынь, епископ Можайский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси епископ Иосиф выразил мнение, что «Россия — самобытная страна, она не должна сливаться с Европой,

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 19.09.2022).

[2] *Гурова Т.* Иные мы // Эксперт. 2022. № 30–33 (1262). С. 4–5. URL: https://expert.ru/expert/2022/30/inyye-my/ (дата обращения: 19.09.2022).

[3] *Гурова Т.* «Не вся Россия – подвиг, но суть России – это подвиг» // Эксперт. 2022. № 30–33. С. 15–19. URL: https://expert.ru/expert/2022/30/ne-vsya-rossiya-podvig-no-sut-rossii-eto-podvig/ (дата обращения: 19.09.2022).

[4] *Краснова В.* «Мы живем в самой лучшей стране мира» // Эксперт. 2022. № 30-33. С. 20–24. URL: https://expert.ekiosk.pro/982604 (дата обращения: 19.09.2022).

у которой свои представления о ценностях и идеалах, и также не должна становиться частью Азии, у которой свой вектор развития. Об этом говорили многие русские мыслители и писатели, сходясь во мнении, что у России особый путь и наша страна не должна кому-то подражать. <...> Сейчас нравственная деградация Запада и категорическое неприятие русскими людьми навязываемых либеральных ценностей становятся особенно очевидными. Надеюсь, появятся и рычаги защиты русского народа от этих разрушающих воздействий. <...> Семейные ценности должны выйти на первое место»[1].

Анализ высказываний о традиционных ценностях дает понять, что прежде всего проблема их сохранения заключается в защите ценностей семейных. Однако неизменно в таких дискуссиях встает вопрос, какие модели следует рассматривать в качестве традиционных. В этом контексте также интересны результаты исследования редакции журнала «Эксперт». Респондентам был задан вопрос: «Какие события и фигуры определили логику российской истории в наибольшей степени?» Выстраивая популярные ответы на временно́й прямой, возможно предположить, какие исторические эпохи могут быть рассмотрены в качестве ориентиров для определения набора характеристик традиционности, либо в качестве таковых могут быть рассмотрены черты, которые оказываются неизменными на протяжении веков. Пассионарии в качестве ключевых событий и фигур отметили: Крещение Руси, Александра Невского, Ивана III, Ивана Грозного, битву при Молодях, покорение Сибири, Смутное время, ополчение Минина и Пожарского, Петра I, Екатерину II, Александра Суворова, Отечественную войну 1812 г., Александра II, Николая II, Петра Столыпина, Владимира Ленина, события начала XX в., Иосифа Сталина, Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., распад СССР, реформы Е. Т. Гайдара, В. В. Путина[2]. В данном историческом ряду обращает на себя внимание два момента. Во-первых, большая длина временного континуума, составляющая более тысячи лет; во-вторых, выпадение из общего ряда полувекового периода второй половины XX в. Из этого можно сделать вывод, что традиционная модель в современном обществе, вероятнее всего, будет содержать элементы, неизменные на довольно длительном временном промежутке, составляющем как минимум несколько столетий.

---

[1] *Рогожников М.* Епископ Иосиф: «Если весь мир сойдет с ума, то мы будем заповедником» // Эксперт. 2022. № 30–33. С. 28–32. URL: https://expert.ru/expert/2022/30/yepiskop-iosif-yesli-ves-mir-soydet-s-uma-to-my-budem-zapovednikom/ (дата обращения: 19.09.2022).

[2] *Скоробогатый П.* 15 интервью о судьбах России // Эксперт. 2022. № 30–33. С. 6–13. URL: https://expert.ru/expert/2022/30/15-intervyu-o-sudbakh-rossii/ (дата обращения: 19.09.2022).

Именно эти элементы могут быть рассмотрены как традиционные ценности, требующие соблюдения и защиты, и составляющие культурный код страны. Они же будут актуальны для многих поколений, в том числе, современной молодежи и их родителей, а, следовательно, в настоящем исследовании могут представлять собой консервативную модель.

«Консервативность» в различных словарях трактуется по-разному и имеет в значительных случаях негативную оценку. Его синонимами выступают понятия «рутина», «косность», «домострой», «патриархальность» и др. В нейтральном смысле «консервативность» представляет собой стремление сохранить политические, культурные и социальные институты, традиционные ценности. По определению русского философа Н. А. Бердяева, истинный консерватизм есть борьба вечности со временем. Сам термин «консервативность» произошел от латинского слова "conservo", которое означает «охраняю, сохраняю». В нашем случае мы используем понятие консервативность как способность молодого поколения России придерживаться в своих семейных и репродуктивных установках позиции своих родителей. Понять, насколько это возможно, и стало задачей данного исследования.

Исследование основывалось на результатах социологического опроса образованной молодежи в 20 городах различных регионов России[1]. Общий объем выборки составил 2135 человек. Возраст респондентов характеризовался наиболее молодежной составляющей: 97% опрошенных входили в возрастную категорию до 30 лет. Пропорция женщин и мужчин в совокупности опрошенных составляла 61% к 39% и в целом была близка к гендерной структуре обучающихся студентов по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2019 г.[2] Среди указавших свое семейное положение респондентов 85,5% не состояли в браке, 7,2% были замужем или женаты, 5,3% находились в «гражданском браке», 1,1% респондентов пережили развод и 0,8% были вдовцом или вдовой. Данные показатели выборочной совокупности позволяют делать выводы об особенностях модели перспективного репродуктивного поведения молодой части современного российского общества в сравнении моделью уже реализованных репродуктивных планов их родителей в отношении ряда показателей (возраста рождения первенца и детности).

Для лучшего разделения реальной модели репродуктивного поведения родителей респондентов и модели, реализация которой пока еще

---

[1] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621951 Российская Федерация. Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения: № 2021621841: заявл. 30.08.2021: опубл. 14.09.2021 / С. Ю. Сивоплясова, Е. П. Сигарева.

[2] Женщины и мужчины России 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 239 с.

планируется молодым поколением, мы ввели новые определения. Так, родительская модель нами обозначена как приорная. Это название применяется на основе толкования данного термина как «предшествующая» (от лат. prior — «первый; старший, предшествующий»). Соответственно, модель репродуктивного поведения молодого поколения в данной работе обозначена как постериорная (от лат. posterior — «последующий, младший, поздний»).

Первое, что следует отметить, это высокую приверженность российской молодежи традициям в создании семей (табл. 2.4.1). Почти 80% опрошенных позитивно относятся к традиционным бракам и, наоборот, более 75% из них — негативно к нетрадиционным бракам. Это свидетельствует о высокой степени консервативности молодого поколения в области семейно-брачных отношений, даже несмотря на собственное индивидуальное понимание того, что является традиционным или нетрадиционным семейным союзом.

Таблица 2.4.1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, влияют следующие явления на формирование российских семей и воспитание в них детей?» (%)

Формы брака	Позитивно	Негативно	Нейтрально
Нетрадиционные браки	2,34	75,22	22,44
Традиционные браки	79,56	4,28	16,17
Гражданские браки	22,60	29,13	48,27

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Вместе с тем среди респондентов существует мизерный потенциал противников традиционных браков (4,28%) и апологетов нетрадиционных браков (2,34%). К тому же наблюдается достаточно существенные доли выборки респондентов, которые выразили нейтральную позицию как в отношении традиционных браков (16,17%), так и в отношении к нетрадиционным бракам (22,44%). Это можно интерпретировать как элемент формирования новых «толерантных» взглядов российской молодежи на сферу семейно-брачных отношений.

Заметим также, что отношение к быстро развивающейся форме партнерских союзов, которые озвучиваются в общественном пространстве как «гражданские браки», «пробные браки», «внебрачная семья» или «сожительство», у подавляющей доли молодежи оказалось нейтральным (48,27%). Негативное влияние таких союзов на семейно-брачные отношения было отмечено среди большего числа респондентов, нежели позитивное влияние (29,13% против 22,60% соответственно). Это также дает основание сделать вывод, о том, что

в представлениях значительной части молодого поколения сохраняются консервативные взгляды, однако не без успеха внедряются новые взгляды на модернизированные семейно-брачные отношения.

Межпоколенческое различие в моделях репродуктивного поведения, на которое указывают современные демографы, и которое фиксируется в статистических данных, касается, во-первых, возраста матери при рождении первенца. Сравнивая ответы респондентов о возрасте их матерей, при рождении первого ребенка, и ответы о наиболее благоприятном возрасте для рождения первенца, заметим, что современная репродуктивная модель (касающаяся возраста рождения детей) молодежи имеет и элементы консервативного «оттенка», и элементы модернизации. Так, на рис. 2.4.1 показано, что, как в реальной модели матерей респондентов, так и в модели современной молодежи наибольший выбор для рождения первенца стал возраст от 21 года до 25 лет. Однако в случае с приорной материнской моделью в этом возрасте были рождены первенцы у 48%. В постериорной модели молодежи этот выбор более выразителен — более 60%. Возможно, в реализации репродуктивных планов это идеальное представление о наиболее благоприятном возрасте для рождения первенца также скорректируется в сторону увеличения. Но все же это свидетельствует о влиянии приорной материнской модели в отношении возраста реализации репродуктивных планов на постериорную молодежную модель.

В то же время данное сопоставление также демонстрирует и смещение постериорной возрастной модели для рождения первенца. Так, значительная часть родительниц респондентов произвели на свет первого ребенка в значительно более раннем возрасте, чем возраст, который молодежь считает благоприятным для рождения первенца (рис. 2.4.1).

В приорной модели 6,4% матерей родили первого ребенка до 18 лет включительно, еще 26,4% из них впервые стали мамой в период между 19 и 20 годами, т.е. почти каждая третья женщина в приорной модели стала родительницей впервые до 20 лет включительно. В постериорной модели этот возраст выбирают в качестве наиболее благоприятного для рождения первенца лишь 5,3%, т.е. в шесть раз реже, чем это произошло в реальной жизни родителей. Отметим, что наиболее существенное расхождение между приорной и постериорной моделями в отношении рождения первенца заметно в возрасте 19–20 лет, когда выбор респондентов отличался от выбора их матерей более чем на 20 п.п.

Напротив, в постериорной модели в два раза чаще выбирается в качестве наиболее благоприятного для рождения первенца возраст в пределах 26–30 лет, чем это было реализовано в приорной модели (28,9% против 14,7% соответственно). Менее популярны у респонден-

тов старшие возраста для рождения первенца, чем это было в реальной родительской модели, т.е. постериорная модель наиболее благоприятного возраста для рождения первенца является более «сконцентрированной»: почти девять из десяти респондентов возраст от 21 до 30 лет считает наиболее благоприятным для появления в семье первого ребенка. В реальной родительской модели первенец появился в данном промежутке жизни лишь у 63% матерей. В приорной модели рождение первенца у девяти из десяти женщин «растянулось» от 19 до 30 лет. Таким образом, наблюдая и сходства и развличия между приорной и постериорной моделями репродуктивного поведения в отношении возраста рождения первенца, можно говорить о наличии и консервативных элементов и о новшествах в процессах рождаемости современного поколения молодых людей.

Рис. 2.4.1. *Распределение ответов респондентов о возрасте рождения мамой первого ребенка и наиболее благоприятном возрасте рождения первенца (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Кроме того, оценив меру взаимосвязи между этими данными, заметим, что она достаточно выразительна и характеризуется сильным влиянием приорной модели на постериорную модель. Коэффициент корреляции в данном случае имеет положительный знак и составил $p = 0{,}876$.

Второй важный признак межпоколенческого различия в моделях репродуктивного поведения многие исследователи связывают с рас-

пространением малодетной семьи. В нашем исследовании этот аспект рассматривался на основе сопоставления результатов ответов на вопросы о детности родительской семьи и об установках молодого поколения на рождение определенного числа детей.

Показательные результаты были получены на основе анализа абсолютных данных исследования. Так, общее количество детей, которые были рождены в приорной (родительской) группе составило 4739 человек. Эта сумма получена путем произведения (умножения) числа респондентов на указанный показатель детности в родительской семье. В постериорной группе общее число детей, которое намерены родить респонденты, составило 4663 человек. Как видно, современное молодое поколение, участвовавшее в опросе, не восполнит численность детей, которые были рождены в семьях родительского поколения. Однако разница между этими данными не столь значительна и составляет менее 2%.

Если рассчитать средний показатель числа детей в приорной и постериорной модели, окажется, что в первой среднее число детей на каждую родительскую семью составило 2,28 ребенка, а во второй — 2,24 ребенка на одного респондента. Таким образом, уже в репродуктивных намерениях молодого поколения заложен вектор на невозможность полного «замещения» детским поколением поколения родителей (относительно постериорной модели).

Следует учесть, что среди респондентов оказалось 62 человека, которые заявили об отсутствии намерений родить ребенка, это составило около 3% опрошенных. Понятно, что в нашем исследовании в приорной модели такой категории быть не могло. Но, если предположить, что бездетный выбор у этой группы респондентов мог бы смениться хотя бы на однодетную альтернативу, то вместо 2%-й разницы в числе детей между приорной и постериорной моделями, была бы получена мизерная величина различий — 0,3%. Таким образом, сознательная бездетность молодого поколения должна стать особым объектом демографической политики в России.

В приорной модели дети, родившиеся в многодетных семьях (от трех детей и более), составили 2312 человек или 48,8%. В постериорной модели в случае, если респонденты планируют создать многодетную семью, планируемое число детей предположительно составит 2297 человек или 49,2% от всей совокупности, т.е. в перспективе когорта детей из многодетных семей уменьшится, примерно, на 0,7%, но их доля в детском поколении может стать больше. Заметим, что межпоколенческие различия моделей в количественном выражении, полученные на основе результатов социологического исследования невелики, что свидетельствует о достаточно консервативном характере постериорной модели, которая, вместе с тем, включает и некоторые модернизации. Они заключаются в том, что в поколении молодежи

есть группа «чайлдфри», а также в том, что в ней отсутствуют лица, планирующие более десяти детей. Хотя в родительской модели такие семьи присутствовали.

О высоком уровне консервативности постериорной модели свидетельствуют и относительные данные о предполагаемой детности молодого поколения в сравнении с детностью в родительских семьях. Так, коэффициент корреляции между этими величинами оказался не только положительным, но и показал высокую степень зависимости: $p = 0{,}965$.

На рис. 2.4.2 видно, что набольший «драматизм», т.е. конфликтность, между приорной и постериорной моделями репродуктивного поведения отмечался в интервале от 0 до 3 детей. Во-первых, как уже было указано, в модели респондентов образовалась группа «чайлдфри», составляющая примерно 3%. Во-вторых, однодетная семья менее распространена в постериорной модели, чем в приорной. Если среди респондентов каждый четвертый (25,34%) был единственным ребенком в семье, то выбор однодетной семьи в качестве установки был характерен только у каждого седьмого респондента (14,78%), т.е., различие в приорной и постериорной моделях в отношении однодетного репродуктивного выбора составило более 10 п.п. Это самая выразительная разница, имеющая позитивное значение, которая зафиксирована в данном исследовании: респонденты меньше ориентируются на однодетную модель семьи, чем это было в поколении их родителей. В-третьих, молодое поколение также в большем размере, чем это наблюдалось в родительской семье, планируют двухдетность и трехдетность. Если в двухдетной семье родилось 44,18% респондентов, а в трехдетной — 19,47%, то установки родить двух детей выразили 49,54% молодежи, а трех детей — 24,51%. Отметим, что эти различия, хотя и позитивны, но невелики и составляют в первом и во втором случае, примерно 5 п.п. (рис. 2.4.2).

В-четвертых, сравнение моделей в контексте большей детности показывает снижение выбора в постериорной модели рождения четырех, пяти, шести, семи и восьми детей, относительно приорной модели родителей. Но эта разница не достигает и 1 п.п. Некоторое, совсем мизерное, отклонение постериорной модели в пользу предстоящего репродуктивного выбора показали опрошенные в отношении рождения девяти и десяти детей (в размере сотых п.п.). Вместе с тем желающих стать родителями с одиннадцатью или двенадцатью детьми в совокупности респондентов никого не оказалось, хотя некоторые из них были рождены в таких ультрамногодетных семьях.

В то же время, если аккумулировать весь многодетный выбор, т.е. выбор от трех детей и больше, окажется, что в таких семьях рождены 30,49% респондентов, а планируют в целом такую семью уже 32,69%, почти каждый третий опрошенный. Понятно, что общий результат

получен за счет различий, главным образом, в трехдетном выборе, но это также доказывает консервативный характер постериорной модели современной молодежи. Новым в ней является больший акцент на менее детных показателях проективного репродуктивного поведения относительно родительской семьи особенно после трехдетного выбора.

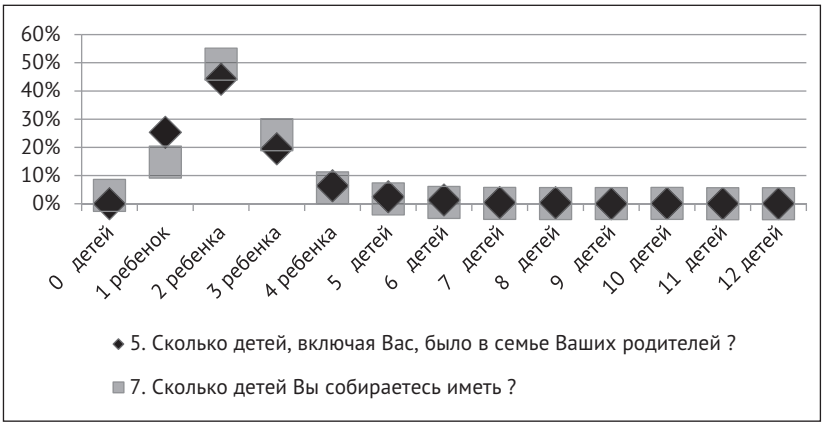

Рис. 2.4.2. *Распределение ответов респондентов о числе детей в родительской семье и собственных репродуктивных планах (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Еще одним итогом нашего исследования стала оценка уровня консервативности и новизны репродуктивных моделей респондентов относительно их родителей в зависимости от масштабов населенных пунктов. Для этого была произведена группировка городов, где были проведены социологические опросы. В результате были сформированы пять групп территорий, среди которых был реализован сравнительный анализ приорной и постериорной моделей детности (табл. 2.4.2).

Используя данные ответов на вопросы «Сколько детей, включая Вас, было в семье Ваших родителей?» и «Сколько детей Вы собираетесь иметь?», были определены рейтинги репродуктивного выбора родителей и респондентов в зависимости от наиболее предпочитаемого числа детей. Результаты показали следующие особенности (табл. 2.4.3). Во-первых, в четырех группах городов с различными масштабами численности населения приорная (родительская) модель детности имела следующую рейтинговую последовательность: два ребенка — один ребенок — три ребенка, т.е. обследованная совокупность респондентов была воспитана в значительной степени в двухдетной семье, часть в однодетной семье и еще часть трехдетной семье. Такое распределение было массовым и составило в разных группах городов

от почти 90% до 95%. Исключением является пятая группа территорий, где большинство респондентов воспитывалось в трехдетной семье, часть — в двухдетной и часть — в однодетной семье. Этот факт свидетельствует, что наиболее многодетные приорные семьи наблюдаются в городах, насчитывающих менее 100 тыс. человек.

Таблица 2.4.2

Группировка регионов проведения социологического опроса

Группы	Масштаб	Города
1 группа	свыше 1 млн человек	Москва, Уфа
2 группа	от 500 тыс. человек до 1 млн человек	Махачкала, Владивосток, Севастополь, Калининград
3 группа	от 300 тыс. человек до 500 тыс. человек	Ставрополь, Курск, Улан-Удэ, Белгород, Вологда
4 группа	от 100 тыс. человек до 300 тыс. человек	Йошкар-Ола, Псков, Майкоп, Серпухов, Муром, Ханты-Мансийск
5 группа	менее 100 тыс. человек	Буденновск, Кизляр, Карачаевск

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Во-вторых, переходя к анализу постериорной модели, заметим, что, хотя на первом месте рейтинга, также как и у родителей, стоит выбор двухдетной модели семьи, на втором месте рейтинга респонденты во всех четырех группах городов указали выбор трехдетной семьи. Однодетная семья в репродуктивных планах молодого поколения стоит на третьем месте. Однако в пятой группе городов, т.е. с наименьшей численностью населения, постериорная модель полностью совпала с приорной (родительской) и существенным образом отличалась от моделей детности в более крупных городах. На первом месте рейтинга стоит репродуктивный выбор трехдетной семьи, на втором — двухдетной, а на третьем — (внимание!) четырехдетной семьи. Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее перспективными в демографическом смысле являются малые города, где консервативность постериорной модели очень высока и значительным образом связана с родительской моделью репродуктивного выбора детности. Этот вывод важен для формирования мер демографической политики в отношении населения, проживающего в таких населенных пунктах. Именно здесь возможна наиболее результативная реакция молодого поколения на меры, формирующие позитивный тренд рождаемости.

Таблица 2.4.3

Распределение рейтинга детности по моделям репродуктивного поведения и масштабам городов

Группы	Масштаб городов	Модели	Рейтинг детности (первые три)	Доля выбора первых трех рейтингов (%)
1 группа	свыше 1 млн человек	приорная	2–1–3	95,60
		постериорная	2–3–1	91,15
2 группа	от 500 тыс. человек до 1 млн человек	приорная	2–1–3	89,69
		постериорная	2–3–1	85,87
3 группа	от 300 тыс. человек до 500 тыс. человек	приорная	2–1–3	90,41
		постериорная	2–3–1	92,93
4 группа	от 100 тыс. человек до 300 тыс. человек	приорная	2–1–3	94,90
		постериорная	2–3–1	88,22
5 группа	менее 100 тыс. человек.	приорная	3–2–4	75,81
		постериорная	3–2–4	86,08

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Такой же вывод можно сделать при корреляционном анализе приорной и постериорной моделях детности, иллюстрация которого дана на рис. 2.4.3.

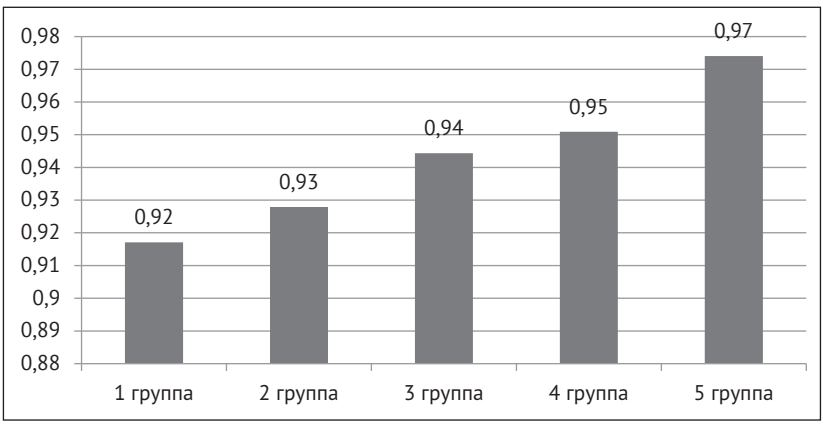

Рис. 2.4.3. *Уровень корреляции приорной и постериорной моделей детности в зависимости от масштабов населенных пунктов*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса

Отметим, что в целом сходство двух моделей очень высоко. Показатель корреляции в зависимости от масштаба городов варьируется от $p = 0{,}917$ в городах-миллионерах до $p = 0{,}974$ в малых городах численностью до 100 тыс. человек. При этом наблюдается прямая зависимость сходства приорной и постериорной моделей, связанная с величиной города. Это означает, что чем меньше масштабы городов, тем больше подобие детной модели молодого поколения родительской репродуктивной модели. Традиции семьи в малых городах наиболее сохранны. Напротив, если говорить отдельно о Москве, то здесь показатель корреляции приорной и постериорной моделей детности самый низкий и составляет $p = 0{,}886$.

Подводя итоги исследования, следует выделить некоторые аспекты конервативности и новизны модели репродуктивного поведения молодого поколения современной России.

Во-первых, суверенизация духовно-нравственных ценностей, которая официально оформилась в третьем десятилетии нового века, и которая заложила тектоническое расхождение с «западными» ценностями в семейно-брачной сфере соответствует современным взглядам молодого поколения и уверенно подтверждается результатами социологического исследования. Консервативность мнения молодежи в отношении создания семьи и рождения детей имеет высокие показатели и характеризуется сильной корреляцией с моделью поколения своих родителей.

Во-вторых, заметим, что универсальной модели для такой обширной в территориальном смысле и разнообразной в этнокультурном смысле страны, как Россия, нет и не было. Начиная с дореволюционного времени традиции семейно-брачного и репродуктивного поведения серьезным образом различались. Об этом свидетельствуют, например, работы дореволюционных этнографов[1] и современных исследователей русского образа жизни[2]. В советский период это разнообразие моделей семейно-брачных отношений и особенностей репродуктивного поведения также признавалось даже на законодательном уровне. Например, на Украине, в Молдавии и Армении брачный возраст был снижен до 16 лет, тогда как в остальных республиках СССР он составлял 18 лет.

---

[1] *Смирнов А. Г.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. 259 с.; *Смирнов А. Г.* Народные способы заключения брака: Чит. в заседании юрид. о-ва 28 марта 1878 г. М.: Типография К. Индриха, ценз. 1878. 33 с.

[2] Святая Русь. Русская литература: большая энциклопедия русского народа / гл. ред. и сост. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2004 (ПФ Красный пролетарий). 1101 с.

В-третьих, именно глобальные катаклизмы, происходившие на территории нашей страны (революции, распад СССР), подвергали традиции в семейно-брачном и репродуктивном аспекте серьезному слому. Известная теория «стакана воды» пыталась внедрить в сознание населения нового советского государства радикальные взгляды на отношения между мужчиной и женщиной, на семью, рождение и воспитание детей. Можно вспомнить также распространение в СССР почти столетие назад движения «Долой стыд»[1]. Попыткой упорядочить сексуальный радикализм стал кодекс «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» А. Б. Залкинда[2], который впоследствии подвергся критическому забвению. Но с течением времени, а также с формированием государственной идеологии, которая была направлена на унификацию семейно-брачных отношений, модель семьи и репродуктивного поведения стала приобретать формы, более отвечающие глубинным традициям, т.е. происходит ренессанс духовных ценностей в семейных отношениях и, соответственно, репродуктивном поведении. Такой же слом происходил и в постсоветский период не без участия западной идеологии, внедряющей радикальную трансформацию ценностей, которые и население зарубежных стран не вполне поддерживает. Современная ситуация также характеризуется наличием некоторого «разброда» с попытками возврата к «домострою»[3].

В-четвертых, наше исследование подтвердило высокий уровень консервативности постериорной модели относительно приорной. Меньшее, хотя и достаточно высокое, сходство мнения молодого поколения с родительской моделью было зафиксировано в отношении возраста начала реализации репродуктивных планов. Коэффициент корреляции двух моделей составил $p = 0{,}876$, т.е. молодежь современной России планирует несколько позже, чем поколение родителей родить первого ребенка. В отношении детности, как было уже указано, наблюдается более сильная связь между приорной и постериорной

---

[1] *Терновский И.* В Советском Союзе в 20-е годы вполне легально существовало движение «Долой стыд» // Троицк литературный: литературно-критический журнал / ред. кол.: А. Мильков и др. Троицк: Трован, 2007. № 2. 28 с.

[2] *Залкинд А. Б.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви: В 2 т. / Сост. А. А. Ивин; Предисл. Д. П. Горского, А. А. Ивина. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. С. 224–255.

[3] Жириновский призвал частично восстановить домострой // РИА Новости: [сайт]. 15.10.2021. URL: https://ria.ru/20211015/zhirinovskiy-1754773061.html (дата обращения: 3.08.2022); Глава РПЦ на Урале: молодежи нужен Домострой // 66.ru: [сайт]. 15.07.2009. URL: https://66.ru/news/society/42582/ (дата обращения: 14.09.2022); Святейший Патриарх Кирилл: «Пришло время возрождать истинные традиции Добротолюбия и Домостроя» // Православная газета: [сайт]. 15.02.2009. URL: https://orthodox-newspaper.ru/numbers/at48536 (дата обращения: 18.09.2022).

моделями. Однако заметим, что эта корреляция опирается на планируемую молодым поколением детность. А чтобы она была реализована на практике и доказала преемственность традициям своих родителей, необходимо еще многое изменить в подходах демографической политики. Например, современная жилищная политика ориентирована на сокращение жилой площади[1], и, таким образом, на сдерживание уже имеющихся у молодежи репродуктивных планов. Как показали результаты исследования, консервативность или следование традициям родительского поколения увеличивается с уменьшением масштаба населенного пункта. Значит урбанизация и особенно идея о создании агломераций в «Стратегии пространственного развития России до 2025 г.»[2] имеет риски разрушительным образом влиять на сохранение традиций в семейно-брачной сфере и на реализацию репродуктивных планов молодого поколения. Возможно, следует не просто декларировать возврат к традициям, которые присутствуют в мировоззрении российской молодежи, но и подчинить демографическим целям экономическую, пространственную, бюджетную, налоговую, инфраструктурную и жилищную политики.

2.5. Долголетие как социально-демографический феномен

В последние десятилетия наблюдается рост внимания научного сообщества и субъектов управления к изучению проблемы укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения. Это обусловлено возрастающей ценностью человеческой жизни и попытками исследователей выявить механизмы улучшения ее качественных и количественных характеристик на уровне отдельного индивида и популяции в целом.

Существенное влияние на осмысление долголетия оказали исследования, инициированные в 80-х гг. XX в. Московским государственным университетом и продолженные в секторе социальных проблем здоровья Института социологии РАН под руководством профессора А. И. Антонова[3] (а с 1987 г. — под руководством И. В. Журавлевой). Разработанная авторами концепция самосохранительного поведения получила дальнейшее развитие в исследованиях отечественных уче-

---

[1] Размерный взгляд: в России стали массово продавать мини-дома по 50 кв. м // Известия: [сайт]. 30.08.2022. URL: https://iz.ru/1387068/mariia-perevoshchikova/razmernyi-vzgliad-v-rossii-stali-massovo-prodavat-mini-doma-po-50-kv-m (дата обращения: 20.09.2022).

[2] Власти выбрали 20 агломераций под Стратегию развития до 2025 г. // Рамблер: [сайт]. 16.08.2018. URL: https://finance.rambler.ru/other/40576485-vlasti-vybrali-20-aglomeratsiy-pod-strategiyu-razvitiya-do-2025-goda-spisok/(дата обращения: 22.09.2022).

[3] *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 357 с.

ных, И. В. Журавлевой[1], Л. С. Шиловой[2], А. Е. Ивановой[3], А. А. Шабуновой[4], и др.

Важное значение для понимания феномена долголетия имеет изучение социально-экономических, политических, культурно-исторических и иных условий и факторов, детерминирующих повышение продолжительности жизни. Всю совокупность факторов, оказывающих непосредственное и опосредованное воздействие на показатели продолжительности жизни, можно объединить в три большие группы:

1. *Факторы макроуровня,* представляющие объективные условия реализации демографического поведения и включающие в себя следующие субфакторы (которые, по мнению Б. Н. Урланиса, можно рассматривать не только как подвиды отдельных факторов, но и как «результат влияния факторов на характер поведения человека»[5] в демографической сфере[6]): популяционные (отражающие нахождение государства на той или иной фазе демографического перехода); экономические; политические; социокультурные (включая этнокультурные), экологические, институциональные (семья, школа, средства массовой информации, а также институт здравоохранения, которому принадлежит особое место).

2. *Факторы мезоуровня,* в число которых входят гендерные особенности отношения к здоровью, степень включенности в социальные сети, семейные и иные малые группы, виды социальных взаимодействий между людьми в процессе ежедневных практик здоровьесбережения, формальные и неформальные нормы (стандарты) в отношении здоровья, действующие на уровне малых социальных групп (семьи, друзей, сверстников) и пр.

3. *Факторы микроуровня,* отражающие условия реализации демографического поведения на индивидуальном уровне и включающие в себя индивидуальные характеристики здоровья (генетическую предрасположенность к долголетию, субъективный статус здоровья

---

[1] *Журавлева И. В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 237 с.

[2] *Шилова Л. С.* Самосохранительное поведение пациентов в условиях модернизации первичной медицинской помощи: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 [Место защиты: Ин-т социологии РАН]. М., 2012. 26 с.

[3] *Иванова А. Е.* Потребность населения в долголетии и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 120–129.

[4] *Шабунова А. А.* Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 [Место защиты: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН]. М., 2011. 42 с.

[5] *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 310 с.

[6] Более подробно о соотношении условий, факторов и субфакторов в детерминации демографического поведения см.: *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 77. и далее.

(самооценка и пр.), потребность в самосохранении, индивидуальную ценность здоровья, самосохранительные мотивы и установки, нормы в отношении здоровья и индивидуальные практики самосохранительного поведения, сформированные семьей и ближайшим окружением (например, практики взаимодействия с учреждениями здравоохранения — обращаемость за медицинской помощью и т.д.), уровень образованности индивида и его ближайшего окружения, условия жизни, уровень доходов, структура и качество питания, степень информированности в отношении рисков, угроз и стратегий здоровьесберегающего поведения, уровень испытываемого стресса, опыт столкновения со смертью и пр., оказывающие непосредственное и опосредованное влияние на формирование индивидуальных стратегий поведения в отношении сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни.

Учитывая многообразие факторов, воздействующих на феномен долголетия, считаем также важным уточнение В. Н. Архангельского, который, рассматривая детерминанты рождаемости и смертности, выделяет «те, которые определяют историческую трансформацию демографических процессов <...> и те, которые влияют на изменения их в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также на межрегиональные и межстрановые различия в условиях одной или близких социально-исторических общностей»[1].

Полидетерминированность долголетия как социально-демографического феномена предъявляет особые требования к методологическим и методическим инструментам изучения самосохранительного поведения, что нашло отражение, в частности, в исследовании Е. Н. Васильевой, Е. А. Князьковой и Т. К. Ростовской[2].

В понимании детерминант долголетия большое значение имеют универсальные теории, возникшие с целью осмысления специфики различных социально-демографических феноменов в отдельные исторические периоды. К их числу относятся теории демографического перехода, эпидемиологического перехода, обратного эпидемиологического перехода. Значение этих теоретических конструкций, по мнению М. А. Клупта, состоит в том, что «данные теории, генетически связанные с концепциями вестернизации, модернизации и по-

---

[1] Подробнее см.: *Архангельский В. Н.* Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов: сб. ст. Сер. Демографические исследования. Вып. 21 / под ред. Н. В. Зверевой и В. Н. Архангельского. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 5–30.

[2] *Ростовская Т. К.* Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, Е. А. Князькова // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 103–117.

смодернизации, включают перспективы демографического развития в более общую систему взглядов на то, в каком направлении движется современный мир»[1], и, следовательно, позволяют подойти к рассмотрению детерминант долголетия в контексте общецивилизационного развития.

Сущность *теории «классического» демографического перехода* заключается в описании исторических изменений рождаемости и смертности (от высоких к низким) как результата воздействия не биологических, а социально-экономических и технологических факторов, что позволяет спрогнозировать влияние исторических типов воспроизводства населения на социальную и демографическую картину будущего[2].

Рассматривая снижение смертности как отправную точку «классического» демографического перехода, А. В. Вишневский выделяет следующие факторы, воздействие которых на формирование и приведение к единой форме «эффективных жизнеохранительных практик» можно считать определяющим[3]:

— возникновение «мировых религий, которые способствовали широкому распространению однотипного понимания ценности человеческой жизни и необходимых усилий по ее охране, однотипных бытовых практик и медицинских процедур»;

— мощное унифицирующее воздействие на методы повышения продолжительности жизни научных, технических и социальных новаций двух последних столетий (к числу которых относятся развитие медицинских технологий, создание антибиотиков, внедрение массовой вакцинации, распространение методов профилактики заболеваний, внедрение гигиенических стандартов и пр.);

— глубокие культурные изменения, включающие «пересмотр как базовых представлений о жизни и смерти, о ценности человеческой жизни, о праве людей бороться за ее сохранение и т.д., так и повседневной бытовой практики, образа жизни...» и т.д.

Что касается последнего, то именно смещением акцента на идейные и культурные детерминанты демографических процессов было обусловлено возникновение концепции второго демографического перехода. В рамках этой теории основной акцент сделан на «сдвигах в системе ценностей, порожденных определенной социально-экономической

---

[1] *Клупт М. А.* Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149.

[2] См., напр.: *Реэр Д.* Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 41–67.

[3] *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2015. 516 с.

средой и породивших новые паттерны демографического поведения»[1], что представляется особенно актуальным при изучении практик здоровьесбережения.

Важным для понимания феномена долголетия можно считать сделанный в рамках концепции второго демографического перехода вывод о взаимосвязи между увеличением продолжительности жизни и изменением образа мышления и жизненных стратегий индивидов[2], что в первую очередь связано с существенным увеличением степени свободы выбора как индивидуальных целей, так и средств их достижения.

Отмеченное авторами концепции второго демографического перехода Д. ван де Каа и Р. Лестегом «ошеломляющее стремление к самореализации, свободе личного выбора, личностному развитию»[3], а также увеличение шансов прожить долгую жизнь служит как мотивирующим, так и демотивирующим фактором в определении индивидуальных стратегий самосохранительного поведения.

Также необходимо отметить, что происходящая трансформация возрастной структуры, имеющая своим результатом существенное увеличение доли пожилых людей в населении, актуализирует проблему адаптации общества в целом и населения старших возрастных групп в частности к происходящим изменениям, а также создания условий для поддержания активного долголетия, характеризующегося оптимальными параметрами физического, социального и эмоционального благополучия[4].

В качестве одного из существенных ограничений теории второго демографического перехода можно отметить недооценку государства «по мере того, как главной фигурой на демографической сцене становится индивид»[5]. Между тем роль государства в детерминации долголетия является очень значимой, что необходимо учитывать как при ретроспективном анализе данного феномена, так и при составлении

---

[1] *Клупт М.А.* Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60–70.

[2] Подробнее см., напр.: *Реэр Д.* Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 41–67.

[3] *Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol. 50, № 3. Pp. 389–432.

[4] Всемирный доклад о старении и здоровье. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2015. 310 с.; Региональная стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения, 2002 г. // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/_docs/ece/2002/ECE_AC23_2002_2_Rev6_r.pdf (дата обращения: 05.08.2022).

[5] *Клупт М.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 34–56.

сценарных прогнозов трансформации моделей поведения россиян в отношении здоровья и продолжительности жизни.

Появление *концепции третьего демографического перехода,* связано с именем Д. Коулмена, указавшего на необходимость включения миграции в число основных регуляторов демографических процессов и социального поведения[1].

Учитывая увеличение масштабов миграции в современном мире и обусловленные ею изменения в этническом и культурном составе населения, акцент на миграционной и этнокультурной составляющих при рассмотрении детерминант долголетия также представляется нам необходимым и целесообразным.

Большой научный потенциал в исследовании детерминант, предопределяющих достижение более высоких возрастных рубежей, имеет также концепция эпидемиологического перехода, предложенная в 1971 г. А. Р. Омраном и описывающая механизмы обусловленности основных демографических показателей (в том числе показателей смертности) социально-экономическими, экологическими, технологическими и иными детерминантами, а также изменением отношения к своему здоровью[2].

Являясь развитием идей демографического перехода, концепция эпидемиологического перехода переносит акцент на рассмотрение смертности как фундаментального фактора демографической динамики и ключевого процесса, запускающего весь демографический переход[3]. Основную задачу разработанной им концепции А. Р. Омран видел в том, чтобы «предложить теоретический взгляд на процесс демографических изменений, соотнося модели смертности с демографическими и социально-экономическими тенденциями»[4].

Для понимания детерминации самосохранительного поведения особенно важными представляются следующие положения концепции эпидемиологического перехода А. Р. Омрана, сформулированные им применительно к России в рамках полузападной (ускоренной) модели эпидемиологического перехода:

1) существенное снижение показателей смертности в России периода СССР, произошедшее позже, чем в классической модели;

---

[1] Подробнее см.: *Коулмен Д.* Третий демографический переход // Демоскоп Weekly. 2007. № 299–300.: [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php (дата обращения: 05.08.2022).

[2] *Omran A. R.* The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // The Milbank Memorial Fund Quoterly. 1971. Vol. 49, № 4. Pp. 509–538.

[3] *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2015. 516 с.

[4] *Omran A. R.* The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // The Milbank Memorial Fund Quoterly. 1971. Vol. 49, № 4. Pp. 509–538.

2) сохранение высоких показателей смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний;

3) снижение показателей ожидаемой продолжительности как следствие социально-экономических и политических трансформаций, которые переживала страна в постсоветский период[1].

Использование концепции эпидемиологического перехода с ее акцентом на «систематическом применении эпидемиологических суждений к меняющемуся во времени и пространстве состоянию здоровья, уровню смертности, дожития и рождаемости в их связи с социально-экономическими и экологическими факторами, образом жизни, демографическими, медицинскими и технологическими детерминантами и/или коррелятами»[2] может служить основанием не только для объяснения, но и для изменения ситуации со смертностью и продолжительностью жизни в современной России.

Выдвижение на первый план таких сопутствующих или препятствующих долголетию факторов, как повышение уровня стресса, рост числа хронических заболеваний, изменение условий и образа жизни, увеличение нагрузки на систему здравоохранения, улучшение санитарии и прочих, получивших распространение на третьей и четвертой стадиях эпидемиологического перехода, позволяет расширить предметную область исследований, связанных с поведением в отношении здоровья, и стать основой для разработки практических рекомендаций по улучшению здоровья и повышению продолжительности здоровой жизни россиян.

Большим научным и эвристическим потенциалом обладает также осмысление последней (футуристической) стадии эпидемиологического перехода, которая характеризуется «парадоксальным долголетием и сохраняющимся неравенством»[3]. Основными детерминантами этой стадии А. Р. Омран называет развитие медицины и благоприятный образ жизни, следствием чего, с одной стороны, будет увеличение продолжительности жизни, а, с другой — повышение вероятности физических и психических заболеваний, депрессии, продление страданий, потеря дееспособности, увеличение числа самоубийств и пр.

Для изучения феномена долголетия это имеет особое значение, поскольку подчеркивает противоречивый характер установок на желаемую продолжительность жизни в современном обществе и диктует необходимость выявления степени и вектора влияния современных медицинских технологий на трансформацию моделей самосохранительного поведения. В качестве одной из рабочих гипотез может

---

[1] *Омран А. Р.* Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 177–216.

[2] Там же.

[3] Там же.

выступать предположение о снижении индивидуальной активности в отношении сохранения здоровья как следствия веры в безграничные возможности медицины.

В рамках осмысления детерминант долголетия существенный интерес представляет *концепция обратного эпидемиологического перехода,* предложенная В. Г. Семеновой[1]. Отталкиваясь от теории эпидемиологического перехода А. Р. Омрана (выделившего в качестве основных детерминант экобиологическую, социально-экономическую и медицинскую), В. Г. Семенова на примере сравнительного анализа исторической эволюции смертности в Европе и России приходит к выводу, что «в течение двух последних столетий ведущей была социальная детерминанта (изменение социальной структуры населения), как следствие базисных экономических изменений»[2].

Свою позицию В. Г. Семенова иллюстрирует анализом ситуации в России, где в 1990-е гг. «совершен невиданный ранее в условиях мирного времени поворот от “болезней богатства” к “болезням бедности”, обратный эпидемиологический переход»[3].

В контексте осмысления факторов, детерминирующих показатели продолжительности жизни в кризисные периоды развития российского общества, заслуживает внимания также классификация В. Г. Доброхлеб, согласно которой все «факторы можно структурировать по двум большим группам. К первой относятся процессы, связанные с демографической динамикой, ко второй группе следует отнести факторы, которые негативно влияют на благосостояние населения в социально-экономической сфере. <...> К существенным вызовам в современной ситуации относятся геополитические угрозы, а также отсутствие системной стратегии преодоления нового витка депопуляции»[4].

Признавая вклад рассмотренных выше теорий в изучение долголетия как социально-демографического феномена, необходимо учитывать тот факт, что общие закономерности, выявленные в рамках данных теорий, должны рассматриваться через призму социально-экономических, политических и иных тенденций развития конкретного общества на каждом этапе его развития.

---

[1] *Семенова В. Г.* Обратный эпидемиологический переход в России. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. 270 с.

[2] Там же. С. 250.

[3] Там же.

[4] *Доброхлеб В. Г.* Современные факторы ухудшения демографической ситуации в России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: материалы междунар. науч.-практ. конф.(Москва, 03 декабря 2015 г.) / отв. ред.-сост.: С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная. М.: Экономическое образование, 2015. С. 13–17.

Несмотря на положительную динамику последних лет, проблема встраивания здоровьесберегающих практик в повседневную жизнь по-прежнему остается актуальной. Это обусловлено как спецификой коллективных установок, сложившихся на протяжении многовековой российской истории и продолжающих оказывать существенное влияние на формирование современных стратегий долголетия, так и отсутствием объективных и субъективных возможностей у большей части населения России для ведения здорового образа жизни.

Социологическое осмысление указанного комплекса проблем позволит выявить глубинные причины их возникновения и предложить эффективные механизмы оптимизации стратегий поведения населения в отношении сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни с учетом потребностей различных социальных групп, государственных институтов и общественных организаций, включенных в систему здоровьесбережения российского общества.

2.6. Прогресс в достижении здорового образа жизни и благополучия российского населения

Признание в конце XX в. наличия глобальных проблем развития мирового сообщества (экономических, экологических, социального неравенства) явилось первым шагом на пути изменения сложившейся ситуации. На международной конференции ООН, прошедшей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, были сформулированы главные направления стратегии экономического развития, неразрывно связанного с защитой окружающей среды и решением актуальных социальных проблем человечества[1]. На Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. были одобрены Цели устойчивого развития до 2015 года. Основополагающей идеей новой парадигмы развития человеческого общества стала идея о взаимосвязанности и взаимообусловленности экономического и социального развития[2]. Продолжение и развитие стратегия устойчивого развития получила на Саммите по устойчивому развитию в рамках юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре

---

[1] *Доброхлеб В. Г.* Современные факторы ухудшения демографической ситуации в России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: материалы междунар. науч.-практ. конф.(Москва, 3 декабря 2015 г.) / отв. ред.-сост.: С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная. М.: Экономическое образование, 2015. С. 13–17.; *Безгодов А. В.* Формирование концепции устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2004. № 3. С. 48–60.

[2] *Асланов Д. И.* Гуманистические аспекты экономического развития / Д. И. Асланов, М. И. Голубова // Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. 2013. № 12 (60). С. 74.

2015 г., когда была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года[1].

В рамках Повестки были поставлены 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. Здоровье населения занимает центральное место, поскольку развитие можно назвать «устойчивым» в том случае, когда природные и промышленные ресурсы управляются такими способами, которые поддерживают здоровье и благополучие нынешнего и будущих поколений[2]. Третья цель Повестки дня в области устойчивого развития — «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» — направлена непосредственно на сохранение здоровья населения, при этом 13 других целей также напрямую связаны со здоровьем или влияют на политику здравоохранения[3]. Здоровье и благосостояние населения рассматриваются в Повестке не только как результаты решения намеченных задач, но и как основа социальной интеграции, сокращения масштабов нищеты и защиты окружающей среды[4].

Неинфекционные заболевания являются одним из основных вызовов на пути к устойчивому развитию в XXI в.[5] Сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, онкологические заболевания и хронические заболевания органов дыхания связаны с совокупностью общих факторов риска, таких как употребление табака и алкоголя, нездоровый рацион питания, недостаточная физическая активность, гипертония, ожирение и факторы окружающей среды[6]. Согласно расчетам, представленным в информационном бюллетене ВОЗ, по меньшей мере 80% болезней сердца, инсультов и случаев сахарного

---

[1] Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в области развития на период после 2015 г. // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 15.09.2022).

[2] Open WHO Monthly Newsletter. March 2021 // World Health Organization: [site]. URL: https://openwho-public.s3.openhpicloud.de/pages/monthly_newsletter/F8xmWYMtfm8BnBl6YCkh4/OpenWHO_March_2021_newsletter.pdf (accessed on: 15.09.2022).

[3] Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2019. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2019. 61 с.

[4] Мировая статистика здравоохранения, 2020 г: мониторинг показателей здоровья в отношении ЦУР, целей в области устойчивого развития. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. 77 с.

[5] Политическая декларация совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/diseases_politdecl.shtml (дата обращения: 15.09.2022).

[6] Неинфекционные заболевания: информационный бюллетень о Целях в области устойчивого развития (ЦУР): задачи, связанные со здоровьем. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2018. 11 с.

диабета, а также 40% случаев рака можно предотвратить, устранив основные факторы риска[1]. Как показывают расчеты, в случае снижения загрязнения атмосферного воздуха в Европейском регионе до минимально возможного уровня, число утраченных лет здоровой жизни уменьшится, в том числе из-за хронических обструктивных болезней легких — на 2–4%, из-за рака легких — на 15–23%, из-за ишемической болезни сердца — на 11–13%, из-за инсультов — на 10–13%[2]. Среди профессий повышенного риска хронических обструктивных болезней легких — рабочие горнодобывающей, металлургической и целлюлозно-бумажной промышленности, шахтеры, строители, железнодорожники, рабочие, занятые переработкой зерна, хлопка[3].

Таким образом, во-первых, ответственность за здоровье в контексте устойчивого развития выходит далеко за рамки сектора здравоохранения. Во-вторых, здоровый образ жизни и благополучие населения неразрывно связаны со снижением смертности от основных неинфекционных заболеваний.

К индикаторам достижения третьей цели устойчивого развития относятся болезни системы кровообращения (а именно ишемическая болезнь сердца (I20–I25[4])) и инсульты (I60–I64), злокачественные новообразования (C00–C97), сахарный диабет (E10–E14) и хронические респираторные заболевания — хроническая обструктивная болезнь легких и эмфизема (J40–J47). Повестка дня в области устойчивого развития предусматривает уменьшение на треть преждевременной смертности от этих неинфекционных заболеваний к 2030 г. Для мониторинга и оценки достигнутых уровней смертности выбран возрастной интервал от 30 до 70 лет, что обусловлено особенностями развития неинфекционных заболеваний. До 30 лет число смертей от них крайне невелико, а 70 лет с учетом достигнутых в развитых странах уровней продолжительности жизни рассматривается как граница преждевременной и предотвратимой смертности, т.е. возраст, до достижения которого люди не должны умирать при соответствующем уровне функционирования социальных институтов, в том числе здравоохранения.

---

[1] Неинфекционные заболевания: информационный бюллетень о Целях в области устойчивого развития (ЦУР): задачи, связанные со здоровьем. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2018. 11 с.

[2] Ambient Air Pollution: A Global Assessment of Exposure and Burden of Disease. Geneva: World Health Organization, 2016. 121 p.

[3] Assessing National Capacity for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases: Report of the 2019 Global Survey. Geneva: World Health Organization, 2020. 101 p.

[4] Здесь и далее в скобках приведены коды заболеваний в соответствие с Международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем 10 пересмотра (МКБ-10).

Промежуточный анализ изменения смертности в Европейском регионе ВОЗ через два года после установления в 2015 г. ориентиров на 2030 г. позволил специалистам ВОЗ заключить, что эта задача третьей цели в области устойчивого развития (ЦУР) будет выполнена или даже перевыполнена[1]. При этом для стран со средним уровнем экономического развития в качестве основных угроз недостижения целевых значений индикаторов были обозначены недостаточное внимание ранней диагностике, борьбе с курением, загрязнению окружающей среды и здоровому питанию[2].

После 2020 г. достижение Целей в области устойчивого развития стало проблематичным из-за глобальной пандемии COVID-19 и связанных с ней социально-экономических последствий. Исследователи подчеркивают, что Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года стала неадекватна реальной ситуации в мире, особенно в отношении третьей цели, связанной со здоровьем[3].

Тенденции российской смертности от причин — маркеров образа жизни и благополучия населения

В Российской Федерации устойчивые тенденции снижения общей смертности сформировались после 2003 г. на фоне улучшения социально-экономической ситуации в стране, роста уровня жизни, принятия и реализации комплекса мер в сфере здравоохранения и оздоровления образа жизни населения. Однако для отдельных причин в мониторируемых возрастах (30–69 лет) позитивная динамика сложилась как раньше, так и позже этой даты.

Так, смертность от новообразований равномерно сокращалась после 1994 г. Смертность от болезней системы кровообращения начала снижаться после 2003 г., но с 2007 г. темпы снизились. В отношении ишемической болезни сердца и инсультов ситуация складывалась аналогично, при этом темп снижения смертности от инсультов замедлился с 2012 г. Динамика смертности от сахарного диабета демонстрировала резкую смену локальных тенденций, обусловленную в значительной мере административными причинами из-за введения в практику кодирования причин смерти правил (в соответствие с МКБ-10), предусматривающих

---

[1] Мониторинг выполнения обязательств по борьбе с неинфекционными заболеваниями в Европе. Основная тема: индикаторы прогресса. Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения, Европейское региональное бюро, 2017. 27 с.

[2] *Халтаев Н. Г.* Как достичь целей устойчивого развития ООН в области неинфекционных заболеваний к 2030 г., по данным исследований в 49 странах / Н. Г. Халтаев, С. В. Аксельрод // Общественное здоровье. 2021. Т. 1, № 3. С. 13–25.

[3] *Бобылев С. Н.* В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС / С. Н. Бобылев, Л. М. Григорьев, М. Ю. Белецкая // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 13, № 1. С. 25–51.

выбор сахарного диабета в качестве первоначальной причины смерти в ассоциации этого заболевания с сердечно-сосудистой патологией[1]. До 2011 г. смертность снижалась, после чего последовал ее рост, резко ускорившийся после 2013 г. К 2018 г. темпы роста смертности несколько снизились. Смертность от хронических респираторных заболеваний начала снижаться с 2001 г., с 2009 г. темпы ее снижения замедлились.

В 2015 г., когда была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, суммарная смертность населения обоих полов от анализируемых хронических неинфекционных заболеваний составила 607,0 на 100 тыс. населения 30–69 лет, а к 2019 г. произошло ее снижение на 10,3% — до 544,3 на 100 тыс. населения. Потери снижались со средним темпом 2,6% в год у мужчин и 2,9% — у женщин. Позитивная динамика определялась всеми мониторируемыми причинами, кроме сахарного диабета.

Пандемия прервала тенденцию снижения смертности. За 2020 г. потери от всех мониторируемых причин выросли на 7,0% до 582,6 на 100 тыс. населения 30–69 лет, в том числе — на 6,5% у мужчин и на 7,8% у женщин. Смертность выросла от всех причин, кроме новообразований, в наибольшей степени — от сахарного диабета (табл. 2.6.1).

Таблица 2.6.1

Изменения смертности российских мужчин и женщин в возрасте 30–69 лет от мониторируемых хронических неинфекционных заболеваний в 2015–2020 гг. (стандартизованные коэффициенты, на 100 тыс. населения)

Причины смерти	Уровни смертности			Среднегодовой прирост, %	
	2015	2019	2020	2019/2015	2020/2019
Мужчины					
Всего	933,0	837,5	891,8	–2,6	6,5
Болезни системы кровообращения	615,5	545,1	600,5	–3,0	10,2
из них: ишемическая болезнь сердца	334,5	287,0	318,8	–3,7	11,1
инсульты	103,3	88,0	93,1	–3.8	9,8
Злокачественные новообразования	278,4	252,6	245,4	–2,4	–2,9

[1] *Сабгайда Т. П.* Тенденция смертности Российского населения от сахарного диабета / Т. П. Сабгайда, Д. О. Рощин // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2014. Т. 39, № 5.

Окончание табл. 2.6.1

Причины смерти	Уровни смертности			Среднегодовой прирост, %	
	2015	2019	2020	2019/2015	2020/2019
Сахарный диабет	12,0	17,0	21,9	9,3	28,8
Хронические респираторные заболевания	27,1	22,8	24,0	–4,1	5,3
Женщины					
Всего	364,6	324,5	349,8	–2,9	7,8
Болезни системы кровообращения	198,6	169,9	190,9	–3,8	12,3
из них: ишемическая болезнь сердца	90,6	75,8	88,1	–4,3	16,2
инсульты	44,3	35,2	36,5	–4,7	12,3
Злокачественные новообразования	149,2	135,8	134,7	–2,3	–0,8
Сахарный диабет	12,0	14,8	19,7	5,6	33,1
Хронические респираторные заболевания	4,8	4,0	4,6	–4,4	15,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата

Попытаемся оценить достижимость целевого показателя с учетом сложившихся тенденций.

Снижение смертности населения обоих полов от злокачественных новообразований наилучшим образом описывается линейной функцией. Учет значений показателя в 2020 г. не повлиял на результат моделирования. Прогнозное значение в 2030 г. соответствует снижению с 2015 г. на 23,8% (табл. 2.6.2).

Динамика смертности от сахарного диабета в период 2013–2020 гг. наилучшим образом описывается степенной функцией. Прогнозное значение в 2030 г. более чем вдвое превышает уровень смертности 2015 г. Если же не учитывать показатели 2020 г., то прогнозируется менее выраженный рост смертности — на 114,3% до уровня 25,0 на 100 тыс. населения (табл. 2.6.2).

Динамика смертности от болезней системы кровообращения с 2007 по 2020 гг. описывается полиномом второй степени, и прогнозируется рост смертности как в целом для класса, так и от ишемической болезни сердца и инсультов. Если бы пандемии не было, то смертность

продолжила бы снижение: к 2030 г. — на 18,2% от болезней системы кровообращения в целом; на 50,2% от ишемической болезни сердца; на 54,8% от инсультов.

Таблица 2.6.2

Прогнозируемое изменение смертности российского населения в возрасте 30–69 лет (оба пола) от мониторируемых хронических неинфекционных заболеваний в 2015–2030 гг. (стандартизованные коэффициенты, на 100 тыс. населения), прогнозные модели

Причины смерти	Уровни смертности		Прирост, %	Математические функции, R^2
	2015	2030		
Всего[1]	607,0	661,7	9,0	–
Всего[2]	493,2	473,0	–4,1	–
Болезни системы кровообращения	378,4	464,9	22,8	Полином второй степени, 0,969
из них: ишемическая болезнь сердца	195,0	204,6	4,9	Полином второй степени, 0,962
инсульты	69,6	71,5	2,8	Полином второй степени, 0,967
Злокачественные новообразования	202,4	154,2	–23,8	Линейная, 0,987
Сахарный диабет	12,1	28,4	134,7	Степенная, 0,972
Хронические респираторные заболевания	14,1	14,3	1,2	Полином второй степени, 0,708

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата

Примечания: 1 — учет всего класса болезней системы кровообращения; 2 — учет только ишемической болезни сердца и инсультов

Динамика смертности от хронических респираторных заболеваний с 2009 г. также описывается полиномиальной функцией с прогнозируемым подъемом. Без учета показателя 2020 г. можно было ожидать снижения смертности на 25,6% к 2030 г.

Как итог, к 2030 г. прогнозируется рост уровня смертности от мониторируемых хронических неинфекционных заболеваний на 9,0% по сравнению с уровнем 2015 г. (до 661,7 на 100 тыс. населения). Если бы не было пандемии новой коронавирусной инфекции, то уровень смертности понизился бы на 17,6% (до уровня 500,0 на 100 тыс. населения).

Если же учитывать не весь класс болезней системы кровообращения, а только инфаркты и инсульты, то прогнозируется некоторое

снижение уровня смертности даже с учетом показателей 2020 г. — до 473,0 на 100 тыс. населения (снижение на 4,1%). Без учета эффекта пандемии 2020 г. в 2030 г. прогнозируется уровень смертности 319,1 на 100 тыс. населения (снижение на 35,3%).

Тенденции изменения образа жизни и самосохранительного поведения российского населения

Показатели смертности от хронических неинфекционных заболеваний складываются в результате воздействия совокупности факторов экономического, политического, социально-демографического, эпидемиологического характера. В этом ряду существенная роль принадлежит самосохранительному поведению как сознательной активности, направленной на сохранение здоровья и увеличение продолжительности жизни.

С одной стороны, подавляющее число граждан России декларируют наивысшую ценность крепкого здоровья в ряду других базовых социальных ценностей, и данный результат практически не претерпевает изменений со временем. Так, согласно результатам выборочных обследований влияния поведенческих факторов на состояние здоровья населения, осуществленных Росстатом в 2008, 2013 и 2018 гг., в 2008 г. (24 региона, $N = 2204$) на это указали 85,0% россиян, а в 2018 г. (24 региона, $N = 2204$) — 85,7%.

С другой стороны, отвечая на вопрос «В какой мере Вы заботитесь о своем здоровье?», более половины россиян (51%) в 2008 г. выбрали варианты ответов «мало забочусь» (43,3%) и «совсем не забочусь» (7,7%). Однако в 2018 г. доля подобных ответов составила 33,2% (29,2% и 4,0% соответственно), что свидетельствует об увеличении доли россиян, декларирующих ответственное отношение к своему здоровью.

Отвечая на вопрос об основных условиях сохранения хорошей физической формы, россияне признают значимость всех составляющих самосохранительного поведения. Так, по данным выборочного обследования Росстата 2018 г., о важности занятий физкультурой и спортом заявили 61,2% россиян, о необходимости уметь активно отдыхать, вести подвижный образ жизни — 57,0%. В то же время, на вопрос «Занимаетесь ли Вы физкультурой и спортом в свободное время?» утвердительно ответили только 27,2% россиян, а отрицательно — 72,8%[1] (более того, в 2008 г. это соотношение составляло 31,3 к 68,7%[2], т.е.

[1] Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения 2018 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

[2] *Бойков В. Э.* Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации // Социология власти. 2009. № 2. С. 37–52.

за 10 лет число «физически активных» россиян, по их собственной оценке, уменьшилось на 4,1 п. п).

Аналогичная картина наблюдается и при анализе других аспектов самосохранительного поведения россиян. Так, осознавая важность рационального питания (на это в исследовании 2018 г. указали 67,1% опрошенных), 58,9% россиян признались, что не соблюдают его. При этом за десятилетие с 2008 по 2018 г. данный процент изменился незначительно (в 2008 г. он составлял 64,1%).

В ходе исследования, проведенного Росстатом в 2018 г., 39,4% россиян в качестве одного из условий сохранения хорошей физической формы назвали избавление от курения, а 35,4% — от употребления спиртного и других вредных привычек.

По данным Росстата за 2018 г., 72,5% россиян заявили, что не курят совсем, и только 22,5% курят ежедневно. Причем в 2008 г. доля россиян, подверженных данной привычке, составляла 33,7%, сократившись за 10 лет на 11 п.п.

Схожая ситуация складывается и в отношении потребления алкоголя. Результаты реализации на федеральном и региональном уровнях соответствующего комплекса мер получили высокую оценку со стороны не только отечественных экспертов, но и мирового сообщества. В частности, согласно данным, представленным в докладе ВОЗ, опубликованном в октябре 2019 г., общее потребление алкоголя на душу населения в России снизилось с 2003 по 2016 г. на 43%. Параллельно было отмечено сокращение смертности населения России от всех групп причин за тот же период на 39% у мужчин и на 36% — у женщин[1].

Согласно результатам обследования, проведенного Росстатом в 2018 г., 44,5% опрошенных ответили, что употребляли алкоголь в течение последних 30 дней, 68,7% (в том числе — 75,5% мужчин и 64,2% — женщин) — в течение последних 12 месяцев, 82,2% — в течение всей жизни. Данные цифры обнаруживают положительную динамику относительно полученных в ходе аналогичного исследования 2008 г., в котором указали на употребление алкоголя: за последние 30 дней — 62,5%, за последние 12 месяцев — 77,8%. При этом общее число лиц, когда-либо в течение жизни потреблявших алкоголь, было практически таким же — 84,7%.

Несмотря на положительную динамику большей части показателей самосохранительного поведения россиян, прогноз в отношении изменения данных значений в ближайшей перспективе представляется не однозначным, что обусловлено осложнением эпидемиологической и социально-экономической ситуации в стране и мире.

---

[1] Alcohol Policy Impact Case Study. The Effects of Alcohol Control Measures on Mortality and Life Expectancy in the Russian Federation. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. 74 p.

В частности, согласно результатам исследования, проведенного аналитиками международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, «в 2021 г. принципов ЗОЖ придерживалось 7,1% всех россиян в возрасте 15 лет и старше, или 8,55 млн человек», уменьшившись по сравнению с 2019 г. на 3,45%. При этом, число россиян, ведущих здоровый образ жизни, сократилось за 2021 г. по сравнению с предыдущим годом на 20,8% или на 2,24 млн человек, а за 2020–2021 гг. — на 6 млн человек. В региональном разрезе уменьшение числа россиян-«зожников» отмечено более чем в половине субъектов РФ (в 55 из 85). Одновременно с этим доля россиян, ведущих нездоровый образ жизни, в 2021 г. выросла на 6,6% (т.е. на 2,7 млн человек), что безусловно можно рассматривать как одно из социальных последствий пандемии COVID-19.

Таким образом, есть все основания предполагать в ближайшей перспективе ухудшение отдельных параметров самосохранительного поведения россиян (связанных, в первую очередь, с употреблением алкоголя и никотина), и, как следствие — увеличение числа смертей от хронических неинфекционных заболеваний.

В определенной степени это обусловлено тем, что, например, масштабы потребления алкоголя и никотина напрямую связаны с эмоциональной стабильностью, которая зависит не только от наличия постоянной занятости и степени социальной защищенности (так, среди работников бюджетной сферы «расслабляющие» свойства алкоголя отметили 22,2%, что на 11,5 п.п. меньше, чем не имеющие постоянной работы), но и от общей обстановки в стране. В частности, оценивая потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России, А. В. Немцов и Р. В. Гридин пришли к выводу о том, что на фоне некоторого снижения розничных продаж слабоалкогольных напитков, «эпидемия коронавируса сопровождалась ростом потребления крепкого алкоголя из разных источников». Объясняя полученные результаты, авторы выдвигают предположение о том, что «доминирующим фактором роста потребления крепкого алкоголя в первую волну эпидемии коронавируса был дистресс»[1].

Одной из основных причин повышения стрессогенности современного общества является неопределенность будущего, которая традиционно входит в число основных опасений и страхов россиян. Так, по данным обследования, проведенного Росстатом в 2018 г., более половины россиян (60,6%) признались в том, что их тревожит неопределенность будущего (при этом, 21,3% выбрали вариант ответа «очень тревожит», а 39,3% — «скорее тревожит»). По сравнению с результатами аналогичного исследования 2008 г. можно отметить существенную

[1] *Немцов А. В.* Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России / А. В. Немцов, Р. В. Гридин // Общественное здоровье. 2021. № 1(2). С. 28–47.

положительную динамику (на 11,3 п.п.), однако в свете осложнения ситуации в стране и мире в последние годы, есть все основания предполагать, что доля россиян, испытывающих тревогу в связи с неопределенностью будущего, будет увеличиваться.

В качестве подтверждения можно привести результаты опроса, проведенного аналитическим центром НАФИ совместно с Советом по делам инвалидов при Совете Федерации в марте 2022 г. ($N = 1600$) и показавшего, что 70% россиян испытывают тревогу в связи со сложившейся в стране ситуацией. Показательно также, что из 48% россиян, которые указали на свою способность справляться с состоянием тревожности и стресса, физическую активность выбрали только 3% опрошенных. Большинство же россиян в качестве методов борьбы со стрессом предпочитают развлечения и хобби (12%), выполнение домашних обязанностей (10%) или общение с родными и близкими (6%)[1].

В этой связи важно обратить внимание на тот факт, что в ходе социологических опросов прошлых лет, именно способность алкоголя успокаивать россияне называют среди трех основных причин употребления алкоголя (наряду с традицией отмечать праздники со спиртным и получением удовольствия). В 2018 г. на это свойство алкоголя указали 25,3% опрошенных Росстатом россиян, что уже было на 4,7 п.п. больше, чем в 2008 г. Успокаивающее воздействие никотина также было отнесено к числу трех основных причин курения (в 2018 г. на это указали 34,1%, т.е. почти на 10 п.п. больше, чем в 2008 г. — 24,5%). Таким образом, неразвитость у населения механизмов преодоления стрессовых ситуаций может провоцировать увеличение масштабов потребления алкоголя и никотина, что окажет негативное воздействие на показатели смертности от хронических неинфекционных заболеваний.

Нельзя не сказать еще об одном факторе, влияние которого на все аспекты здоровьесбережения населения является достаточно значимым. Согласно результатам исследования, представленного главным экономистом ING по России и СНГ Д. Долгиным, за 2016–2021 гг. реальные доходы населения сократились в 49 субъектах РФ (преимущественно ЦФО, Северного Кавказа и Приволжья), в которых на начало 2021 г. проживало 77 млн (53%) россиян[2]. В 2020–2021 гг. данная проблема обострилась в связи с пандемией коронавируса. Согласно

---

[1] Две трети россиян испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации // НАФИ. Аналитический центр: [сайт]. 16.03.2022. URL: https://nafi.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-ispytyvayut-trevogu-iz-za-slozhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/ (дата обращения: 14.03.2022).

[2] *Ломская Т.* Спираль неравенства: за пять лет бедные россияне стали еще беднее, а богатые – богаче // Forbes.ru: [сайт]. 21.01.2022. URL: https://www.forbes.ru/finansy/452993-spiral-neravenstva-za-pat-let-bednye-rossiane-stali-ese-bednee-a-bogatye-bogace (дата обращения: 28.02.2022).

информации, представленной Росстатом по итогам 2021 г., доля россиян с доходами ниже «границы бедности» (параметр, введенный постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2021 г.) составила 11,0% населения страны или 16,1 млн человек[1].

Одним из закономерных следствий ухудшения общего благосостояния россиян стало снижение покупательной способности населения. Именно этот фактор, по мнению аналитиков FinExpertiza, выступает одной из главных причин сокращения численности приверженцев здорового образа жизни и оказывает «негативное влияние на масштабы и характер самосохранительной активности»[2].

В этой связи нельзя не согласиться с авторами национального демографического доклада «Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации» (2019 г.) в том, что «именно распространение бедности, т.е. увеличение численности групп с низкими доходами, является одним из важнейших факторов роста смертности населения в целом, в том числе, от социально обусловленных предотвратимых причин. <...> Без сокращения численности данных групп населения невозможно достичь существенного прогресса в улучшении здоровья населения в целом»[3].

Влияние пандемии на достижение целей устойчивого развития в области здоровья и благополучия населения

Важнейшие геополитические сдвиги, происходящие в настоящее время в России и на постсоветском пространстве, не могли не отодвинуть «в тень» глобальное событие 2020–2021 гг. — пандемию COVID-19. Между тем, представляется, что проблема COVID-19 далека от разрешения: более того, следует еще раз напомнить, что с эпидемией подобного масштаба и по распространенности, и по уровню потерь мир не сталкивался в течение столетия, со времен «испанки» 1918 г.

Следует подчеркнуть, что любая пандемия имеет два аспекта: первый, что вполне логично, — медицинский, второй — социально-экономический. Все особенности медицинской компоненты очевидны и включают своевременное выявление и адекватное лечение, что требует усилий здравоохранения, сконцентрированных на перефор-

---

[1] Росстат представляет информацию о границе бедности в IV квартале 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. 11.03.2022. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001 (дата обращения: 10.03.2022).

[2] ЗОЖ после коронакризиса: в 2021 г. количество россиян без вредных привычек сократилось на 21% // FinExpertiza: [сайт]. 15.03.2022. URL: https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/zog-2021/ (дата обращения: 14.03.2022).

[3] Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2019. 79 с.

мировании всех медицинских служб в соответствии со сложившейся экстраординарной ситуацией.

Второй аспект указывает на резкий слом социально-экономической ситуации: во-первых, это полный или, как минимум, частичный карантин, т.е. физическая изоляция в прямом смысле слова; во-вторых, связанная с этим деградация экономической жизни в стране, обусловленная закрытием предприятий и неизбежным снижением доходов населения; в-третьих, это личные потери во многих семьях. Все это в совокупности привело к росту косвенных потерь, напрямую не обусловленных инфекцией как таковой.

Наступление пандемии было невозможно предвидеть и, следовательно, подготовиться. Таким образом, можно сделать вывод, что и по неожиданности, и по уровню потерь, и по социальным последствиям ситуацию, сложившуюся в период пандемии COVID-19 следует рассматривать как социальный стресс. Его последствия не могут не сказаться на здоровье населения в целом, однако наиболее очевидными его индикаторами представляется рост смертности от суицидов, а также от алкоголизма и наркомании. Не случайно Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) рекомендовала использовать показатели смертности от самоубийств и состояний, ассоциированных с употреблением алкоголя и наркотиков, в качестве индикаторов в мониторинге социальных аспектов пандемии.

Очевидно, что риски любого инфекционного заболевания (не только COVID-19) в большом городе (и особенно в мегаполисе) существенно возрастают. В этой связи сравнительный анализ проявлений социального стресса в Москве и Санкт-Петербурге представляет актуальность с целью выявления общих закономерностей и специфики последствий.

В первый год пандемии в Москве очевидна гендерная специфика суицидальной смертности: в мужской популяции позитивные сдвиги отмечены во всех возрастных группах, кроме самой старшей (у лиц 75 лет и старше показатели выросли на 13,3%); в женской популяции, наоборот, отмечен рост показателей у всего взрослого населения вплоть до 75 лет, в старческих возрастах суицидальная смертность незначительно сократилась (табл. 2.6.3).

В Санкт-Петербурге, в отличие от Москвы, отмечен рост суицидальной смертности практически всего взрослого населения, кроме 30–44-летних мужчин, а также женщин самой младшей (15–29 лет) и самой старшей (75 лет и старше) возрастных групп.

К индикаторам социального стресса, помимо суицидов, относятся случаи смерти от причин, ассоциированных с алкоголем и наркотиками.

Отметим, что последствия приема психоактивных веществ сводятся не только и не столько к отравлениям, но к целому комплексу

психосоматических патологий. Именно поэтому потери, обусловленные употреблением психоактивных веществ, следует оценивать совокупно.

Таблица 2.6.3

Темпы изменения смертности взрослого населения Москвы и Санкт-Петербурга от суицидов[1] в 2019–2020 гг. (%)

Возрастная группа	Москва		Санкт–Петербург	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15–29 лет	–16,0	36,2	40,3	–5,5
30–44 года	–6,0	17,0	–2,2	27,4
45–59 лет	–2,5	39,1	9,6	5,4
60–74 года	–4,3	5,4	30,2	6,8
75 и старше	13,6	–0,8	3,0	–15,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата

Изменения потерь вследствие причин, ассоциированных с алкоголем, в Москве и Санкт-Петербурге в 2020 г. развивались по противоположным сценариям: из рис. 2.6.1 видно, что смертность населения Санкт-Петербурга в возрастах до 75 лет снижалась (исключением оказались только молодые женщины, потери среди которых выросли на 20% против двукратного роста у их ровесниц в Москве), потери Москвы (и мужчин и женщин) в этих возрастах увеличились, причем среди мужчин трудоспособных возрастов годовые темпы роста составили 1,5 раза, в женской популяции варьировали от 17,5% у 30–44-летних до двух раз у 15–29-летних.

Интересно, что если у женщин старческих возрастов картина сдвигов не изменилась (13,6%-й рост у москвичек, 38,5%-е снижение у петербурженок), то в мужской популяции с возрастом ситуация по-

[1] Суициды с учетом латентной компоненты (X-60-X84, Y20, Y30). Учет смертности от самоубийств представляет большую проблему: нельзя забывать, что существенная часть их переходит в латентную форму за счет блока «повреждений с неопределенными намерениями (Y10-Y34). Действительно, согласно МКБ-10, этот блок «включает случаи, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений», т.е. по условию включает латентные самоубийства. Более того, многочисленные зарубежные исследования показали, что этот блок формируется в первую очередь за счет суицидов, а отечественные исследования продемонстрировали принципиальные различия способов реализации самоубийств и убийств, что позволило выделить повешения и падения/прыжки с высоты с неопределенными намерениями (Y20, Y30) как базу латентных суицидов.

менялась: алкогольные потери москвичей 75 лет и старше снизились на 15,5%, петербуржцев — выросли на 23%.

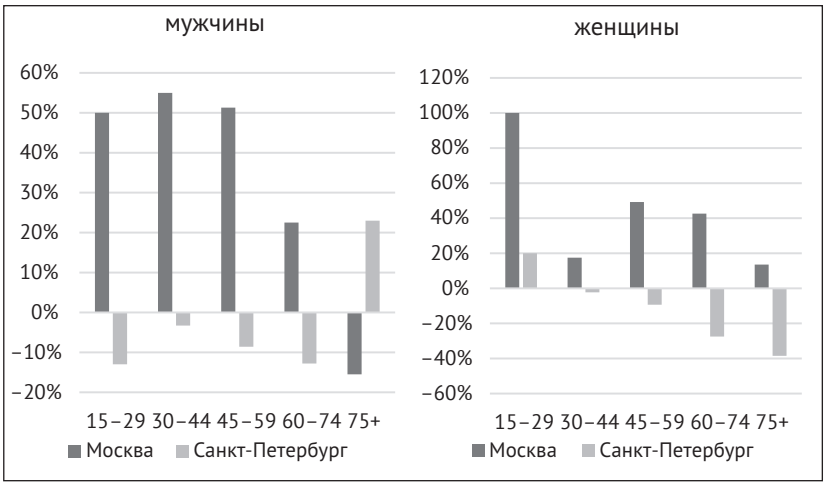

Рис. 2.6.1. *Темпы изменения смертности населения Москвы и Санкт-Петербурга, обусловленной алкоголизмом и его последствиями в 2019–2020 гг. (X45, Y15, F10, G32.1, I42.6, K70), в 2019–2020 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Следует указать, что и в мужской, и в женской популяции в первой половине 2010-х гг. алкогольная смертность московского населения вплоть до старческих возрастов была ниже, чем в Санкт-Петербурге, после 75 лет алкогольные потери населения Москвы устойчиво превышали петербургские показатели.

Отметим, что в 2020 г. и у московского, и у петербургского населения старше 30 лет от 60% до 80% алкоголь-ассоциированных потерь были обусловлены психосоматикой.

Потери от причин, ассоциированных с наркотиками, у трудоспособного населения Москвы и Санкт-Петербурга выросли во всех возрастных группах, (за исключением 30–44-летних петербуржцев, чьи показатели в 2020 г. снизились на 9,6%), однако темпы негативных сдвигов московского населения многократно превышали таковые среди населения Санкт-Петербурга. Так, смертность молодых москвичей за год выросла соответственно в 3,6 и 3,1 раза (соответственно, у мужчин и женщин) против 2,6%- и 43,6%-го роста среди их петербургских ровесников, 30–44-летних — в 2,6 и 2,4 раза против 9,6%-го снижения и 18,2%-го роста, лиц старших трудоспособных возрастов — в 6,2 и 10,1 раз против 1,5-кратного и 40%-го роста соответственно (рис. 2.6.2).

Интересно, что в Москве даже среди населения старших возрастов, для которых употребление наркотиков представляется достаточно редким явлением, отмечен рост показателей в 4,8 и 4,3 раза среди 60–74-летних и в 7,5 раз у мужчин 75 лет и старше[1]. В Санкт-Петербурге потери у мужчин старших возрастов, обусловленные наркотиками, в 2020 г. не изменились, у их ровесниц выросли от нулевых показателей в 2019 г. до 0,2 и 0,3 на 100 000 соответственно.

При этом следует отметить, что среди населения младших трудоспособных возрастов (15–29 лет) смертность, обусловленная наркотиками, в Санкт-Петербурге в 2010-е гг. существенно превышала московские показатели, но проигрыш Санкт-Петербурга значительно сократился после 2015 г. До 2015 г. среди 30–44-летних петербургские показатели существенно превышали московские, после 2015 г. ситуация изменилась зеркально. Среди населения старших трудоспособных возрастов (45–59 лет), как и среди 15–29-летних, до 2015 г. наблюдалось существенное превышение петербургских показателей по сравнению с московскими, после 2015 г. проигрыш Санкт-Петербурга резко снизился.

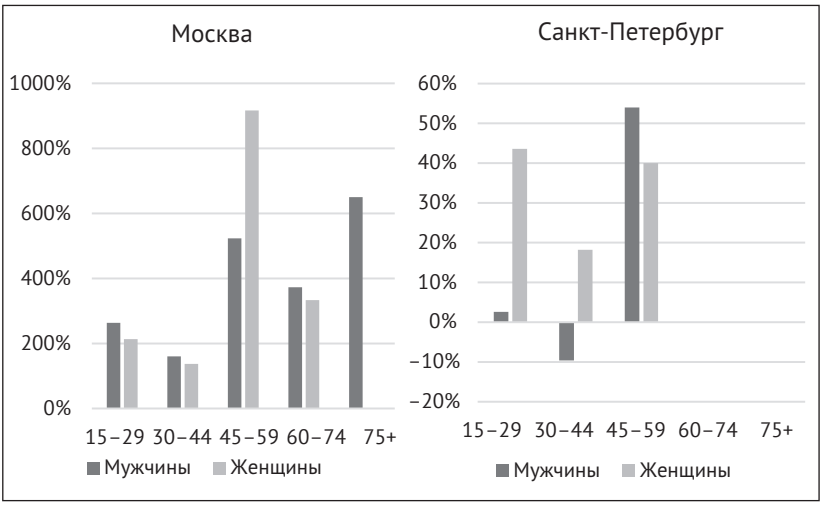

Рис. 2.6.2. *Темпы изменения смертности населения Москвы и Санкт-Петербурга, обусловленной наркоманией и его последствиями в 2019–2020 гг. (X42, Y12, F11-F16, F19), в 2019–2020 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Особо следует отметить, что в 2020 г. смертность москвичей трудоспособных возрастов превышала петербургские показатели на треть

[1] Оценивая очень высокие темпы роста, следует учитывать крайне низкие уровни показателя.

среди 15–29-летних, в 13,5 раз — среди 30–44-летних, на 81,3% — среди 45–59-летних. В женской популяции в 2020 г. смертность молодых петербурженок превышала показатели их московских ровесниц на 19,1% (минимальное отставание за десятилетие), однако после 30 лет московские показатели существенно превышали петербургские: в 6,4 раза среди 30–44 летних и в 4,4 раза — среди 45–59 летних.

Таким образом, завершая проведенный анализ, можно констатировать, что социальный стресс в обоих мегаполисах формировался по различным моделям: если в Москве он определялся в первую очередь ростом смертности от причин, ассоциированных с алкоголем, то в Санкт-Петербурге — суицидальной смертностью. При этом общей чертой и Москвы и Санкт-Петербурга является рост потерь вследствие наркомании и ее последствий.

Достижения и проблемные зоны

Таким образом, с 2015 г. Россия успешно двигалась к достижению третьей цели устойчивого развития: смертность от хронических неинфекционных заболеваний в возрасте от 30 до 70 лет снизилась к 2019 г. на 10,3%. Позитивные сдвиги смертности развивались на фоне оздоровления образа жизни населения. Заметные успехи за 10 лет отмечались в сокращении потребления табака и алкоголя. Что касается физической активности и оздоровления рациона питания, то пока число приверженцев этих компонентов здорового образа жизни не увеличивается. Вероятно, успехи в сокращении алкогольного потребления и табакокурения связаны с тем, что были приняты и реализованы специальные программы, вобравшие в себя эффективный опыт стран, добившихся успехов в оздоровлении образа жизни населения. Тогда как в отношении физической активности и, особенно, питания пока предпринимаются лишь отдельные разрозненные меры.

Наибольшие успехи в снижении смертности в допандемический период были достигнуты в отношении ишемической болезни сердца и инсультов, что, помимо сокращения распространенности факторов риска, связано с созданием в нашей стране сети сосудистых центров[1].

Если в качестве целевых индикаторов выполнения третьей цели устойчивого развития учитывать не весь класс болезней системы кровообращения, а только ишемическую болезнь сердца и инсульты, то можно было ожидать, что задача снижения на треть преждевременной смертности от мониторируемых неинфекционных заболеваний была

[1] *Zubko A.* Network of Vascular Centers in the Russian as a Way to Reducing Mortality in the Working Population / A. Zubko, T. Sabgaida, P. Scelekhov, V. Zaporozhchenko, E. Zemlyanova // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29, Supplement 4. P. 464–465.

бы достигнута к 2030 г., если бы не было пандемии COVID-19. Это заключение согласуется с оценками других специалистов[1].

Для ускорения темпов снижения смертности от всех болезней системы кровообращения выявлены существенные ограничения, к которым относятся: высокий исходный уровень заболеваемости, сочетающийся с широким варьированием показателей между регионами, проблемами экономического неравенства, несформированностью рационального отношения к собственному здоровью у большинства жителей страны[2].

В допандемический период отмечались недостаточно высокие темпы снижения смертности от злокачественных новообразований и хронических респираторных заболеваний, что, по-видимому, связано с недостаточным решением экологических проблем. Отмечается, что для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения в России необходима активизация деятельности по сохранению природных систем, поддержанию их целостности и жизнеобеспечивающих функций, экологосбалансированная реструктуризация экономики[3].

Глобальная пандемия COVID-19 изменила тенденции смертности, сделав невозможным достижение целевых показателей Повестки дня в области устойчивого развития. В связи с этим некоторые исследователи предложили изменение методики включения индикаторов в ЦУР и добавление дополнительных индикаторов, отражающих течение пандемии[4]. Три из четырех целевых хронических неинфекционных заболеваний являются ассоциированными с COVID-19, т.е. при инфицировании вирусом SARS-CoV-2 риск смерти лиц с наличием сахарного диабета, ишемической болезни сердца и хронических респираторных заболеваний значимо возрастает[5]. При этом для злокачественных новообразований такая зависимость отсутствует.

---

[1] *Нацун Л. Н.* Оценка показателей общественного здоровья в России в контексте выполнения целей устойчивого развития ООН // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 4. С. 5–13.

[2] *Григорьева Н. С.* Ограничения и возможности для достижения целей Национального проекта «Здравоохранение» в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями в условиях современной модели государственного устройства / Н. С. Григорьева, А. Е. Демкина // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 258–278.

[3] *Боркова Е. А.* Организационные аспекты реализации государственной политики устойчивого развития // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 4. С. 431–444.

[4] *Бобылев С. Н.* В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС / С. Н. Бобылев, Л. М. Григорьев, М. Ю. Белецкая // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 13, № 1. С. 25–51.

[5] *Yang J.* Prevalence of Comorbidities in the Novel Wuhan Coronavirus (COVID-19) Infection: A Systematic Review and Meta-Analysis / J. Yang, Y. Zheng, X. Gou, K. Pu, Z. Chen, Q. Guo, R. Ji, H. Wang, Y. Wang, Y. Zhou // International Journal of Infectious Diseases. 2020. Vol. 94. P. 91–95; *Zheng Y. Y.* COVID-19 and the Cardiovascular System / Y. Y. Zheng, Y. T. Ma, J. Y. Zhang, X. Xie // Nature Reviews Cardiology. 2020. Vol. 17,

Однако пандемия привела не только к росту смертности от хронических неинфекционных заболеваний, но также способствовала торможению, а подчас и развороту позитивных тенденций в распространенности поведенческих факторов риска, сформировавшихся в предыдущее десятилетие. Прежде всего, речь идет о потреблении алкоголя и табака. Даже в наиболее благополучном регионе страны — Москве — сформировалась «картина социального стресса, с острой реакцией (самоубийства) на первом этапе пандемии и ее длительными социально-экономическими последствиями (алкоголизм и наркомания) на последующих этапах, которые не удалось избежать, несмотря на внешнюю стабилизацию жизни в столице»[1].

Пандемия нарушила прогресс в достижении Целей устойчивого развития не только в России, но и во всем мире. Но это не должно стать причиной отказа от самой концепции устойчивого развития, в основу которой положены здоровье и благополучие населения. В период борьбы с коронавирусной инфекцией обнажились уязвимые аспекты общественного развития, преодоление которых позволит восстановить позитивную траекторию снижения смертности от хронических неинфекционных заболеваний, как маркеров оздоровления образа жизни и достижения благополучия населения.

№ 5. P. 259–260; *Wu Z.* Characteristics of and Important Lessons from the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Outbreak in China: Summary of a Report of 72 314 Cases from the Chinese Center for Disease Control and Prevention / Z. Wu, J. M. McGoogan // Journal of the American Medical Association. 2020. Vol. 323, № 13. P. 1239–1242; *Porcheddu R.* Similarity in Case Fatality Rates (CFR) of COVID-19/SARSCOV-2 in Italy and China / R. Porcheddu, C. Serra, D. Kelvin, N. Kelvin, S. Rubino // Journal of Infection in Developing Countries. 2020. Vol. 14, № 2. P. 125–128; *Фурман Е. Г.* Поражение нижних дыхательных путей и легких при коронавирусной инфекции COVID-19 у детей и взрослых: сходства и отличия (обзор литературы) / Е. Г. Фурман, М. Н. Репецкая, И. П. Корюкина // Пермский медицинский журнал. 2020. Т. 37, № 2. С. 5–14.

[1] *Семенова В. Г.* Первые последствия пандемии COVID-19 в мегаполисе: рост алкоголизма и наркомании как результат социального стресса / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, Г. Н. Евдокушкина // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / отв. ред. Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 184–188.

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

3.1. Исторический аспект регулирования миграционных процессов в России

Современная Россия, имея определенные сложности социально-экономического характера, является страной, привлекающей иностранную рабочую силу. За последние 30 лет потоки трудовых мигрантов, их состав неоднократно менялся. Привлечение дешевой рабочей силы с достаточно низкой профессионально-квалификационными характеристиками, с одной стороны, позволяет временно, а в некоторых случаях и на длительный срок решать давно назревшие проблемы на рынке труда, а с другой — усугубляет давно назревшие проблемы экономики страны и порождает новые.

Ситуация осложняется внешнеполитической обстановкой, которая начиная с 2014 г. способствует появлению вынужденных мигрантов на постсоветском пространстве и во многом является порождением событий 1990-х гг. и распада СССР. Эти обстоятельства делают необходимым изучение исторического опыта привлечения трудовых мигрантов в Российскую Федерацию и ее регионы.

В 1990-е гг. в связи с появлением стран ближнего зарубежья или, как часто в тот период их называли, «новых независимых государств» Российская Федерация превратилась в третий после США и Германии мировой центр иммиграции. Миграционные потоки в начале 1990-х гг. в РФ были неоднородны по своему составу. Перемещались вынужденные мигранты и беженцы, депортированные народы, эмигранты, военные и их семьи в результате вывода войск с территории дальнего и ближнего зарубежья[1].

Миграционный прирост за 1990-е гг. в России был в 1,7 раза больше, чем в 1980-е. Миграционный приток в эти годы составил около

---

[1] *Морозова Г. Ф.* Влияние миграции на формирование рынка труда // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 93.

10 млн человек, из них 70% — русские[1]. Пик пришелся на 1994 г. Положительное сальдо миграции России и новых независимых государств резко возросло: с Таджикистаном — в 12 раз, Киргизией — в 9 раз, Узбекистаном — в 6 раз.

Государства Средней Азии и Казахстана можно отнести к группе стран с устойчивым оттоком населения в Россию. Такова была специфика их миграционного взаимодействия с Россией[2].

Распад СССР привел к тому, что около 25 млн русских оказалось за пределами своей исторической Родины. Они составляли около 1/5 всех русских. Кроме того, необходимо учитывать и ту часть населения, которая относила себя к русскоязычным, т.е. являлась частью своеобразного национально-культурного пространства[3].

Уже в 1993 г. поток беженцев приблизился к 70% от уровня общей миграции в России. На начало 1994 г. беженцы из Центральной Азии составляли 185 тыс. человек, из них титульной нации всего 4–6%, остальное — русское население. По оценке Л.Л. Рыбаковского, численность русского населения в Центральной Азии в 1990-е гг. составляла 8,3–8,4 млн человек, эту цифру можно рассматривать как «величину миграционного потенциала»[4].

Наибольшее количество вынужденных мигрантов до 1995 г. давали Таджикистан, Азербайджан, Грузия (Южная Осетия). В 1994–1996 гг. половина мигрантов прибыла из Казахстана, Узбекистана, нарастали потоки из Киргизии, Эстонии, Туркмении[5].

Таджикистан и страны Закавказья из-за войн потеряли более 50% русских, Казахстан потерял 19% и обеспечил 38,8% всех тех, кто уехал в Россию за 1990–2001 гг.[6] За 1992–2000 гг. статус вынужденных мигрантов и беженцев в России получили 1 млн 612,4 тыс. человек из более 2 млн жителей постсоветского пространства, подававших документы.

---

[1] *Петров В.Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России / В.Н. Петров; М-во образования Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004 (Тип. ООО «Просвещение-Юг»). 265 с.

[2] Население и кризисы. Вып. 2 / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экономический фак.; под ред. Б.С. Хорева. М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1996. 108 с.

[3] Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве: монография / К.С. Гаджиев и др.; отв. ред. К.С. Гаджиев, Э.Г. Соловьев; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2006. 141 с.

[4] *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 89–95.

[5] *Петров В.Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России / В.Н. Петров; М-во образования Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004 (Тип. ООО «Просвещение-Юг»). 265 с.

[6] Там же.

Потеря многими жителями бывшего СССР родины сопровождалась утратой такого важного институционального звена, связывавшего человека с его отчизной, как гражданство. Согласимся с мнением Г. Витковской, отмечавшей, что для многих были «утрачены обе родины...», при этом утрата старого гражданства СССР и вступление в новое гражданство эти процессы «не стали единым процессом»[1]. Проблемы вступления в гражданство для вынужденных мигрантов порождали массу иных проблем, важнейшей из которых была проблема трудоустройства.

Вынужденные миграции 1990-х гг. имели ряд особенностей: во-первых, массовый характер; во-вторых, семейных характер переселения; в-третьих, среди мигрантов преобладали лица зрелых и старших возрастов. Мигранты до 30 лет составляли только 60%[2].

Беженцы и вынужденные переселенцы до 1995 г. составляли 29% общего миграционного прироста. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1995 г. Это была пятая по счету волна массовых переселений за последние 100 лет. На 1 января 1996 г. в России было зарегистрировано 974,4 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев. Из стран Центральной Азии наибольшие потоки были из Таджикистана — 19%, Казахстана — 16,1%, Узбекистана — 14,4%[3]. На протяжении 1990-х гг. русский массив в Средней Азии сократился почти в два раза, но на рубеже XX–XXI вв. он составлял еще значительную величину: около 1,7–1,8 млн человек[4].

В целом, миграционная политика России в 1990-е гг. определялась разного рода группами факторов: распад СССР, экономический кризис, развитие рыночных отношений, политическая либерализация и т.д.

В. И. Мукомель выделил три этапа миграционной политики России в постсоветский период:

Первый этап. 1991–1994 гг. — коллапс СССР и становление Новых независимых государств — стрессовая ситуация. Всплеск внешней ми-

---

[1] *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. М.: б.и., 1996. 151 с. (Научные доклады / Моск. центр Карнеги; вып. 11).

[2] Население России 1997: Пятый ежегодный демографический доклад / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека; ред. А. Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 1998. 144 с.

[3] Население и кризисы. Вып. 2 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Экономический фак.; под ред. Б. С. Хорева. М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1996. 108 с.

[4] *Сущий С. Я.* Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы: (геодемографический аспект) / С. Я. Сущий; Федеральный исследовательский центр, Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2019. 342 с.

грации, сокращение внутренних перемещений. Перемещения носят ярко выраженный этнический окрас. Только в Россию в 1991–1994 гг. прибыло 3,6 млн человек, выбыло 1,7 млн человек, нетто миграции составило 1,8 млн человек.

Второй этап. 1995–1996 гг. — утрата иллюзий. К весне 1994 г. происходит замораживание вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, но в конце 1994 г. началась Первая Чеченская война. Объемы внешних и внутренних перемещений снижаются.

Третий этап. 1997–2001 гг. — под знаком стабилизации и прагматизма. Миграционный обмен между странами СНГ неуклонно сокращался. Миграционный поток по сравнению с 1997 г. снизился на 11%[1].

В пространственном отношении исследователи выделяли два пояса миграции населения Центральной Азии в Россию.

Первый пояс: Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская Курганская, Челябинская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области.

Второй пояс: Красноярский край, Республика Тыва, Кемеровская, Томская, Свердловская, Пермская, Ульяновская, Пензенская области, Башкирия и Татарстан[2].

Около 43% мигрантов русской национальности из Казахстана и примерно 30% из государств Средней Азии выбирали в качестве места жительства пограничные российские области, т.е. первый пояс. По сути, речь шла о возвратной миграции, так как в большинстве они были выходцами из этих областей, имели сохранившиеся родственные связи. В центральные районы России мигрировало примерно от 18 до 35% русских, от 13 до 27% — в области Поволжья, Северо-Кавказский, Северо-Западный и Северный экономические районы[3] (табл. 3.1.1). По данным Л. В. Макаровой, со стороны государственных органов власти имелись попытки ограничить расселение мигрантов Нечерноземьем, южными районами Западной Сибири и Дальнего Востока. Однако мигранты неохотно там обживались, желали осесть на территории Южного Урала и в Поволжье[4].

Миграционная ситуация на территории Центральной Азии в изучаемый период не отличалась стабильностью. Для нее было харак-

---

[1] *Мукомель В. И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты / В. И. Мукомель; Ин-т социологии РАН. М.: Диполь-Т, 2005 (ГУП Коломен. тип.). 350 с.

[2] Население и кризисы. Вып. 2 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Экономический фак.; под ред. Б. С. Хорева. М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1996. 108 с.

[3] Там же.

[4] *Макарова Л. В.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 95–100.

терно наличие транзитной миграции, незаконной миграции, торговли людьми, трудовая эмиграция[1].

Таблица 3.1.1

Основные направления миграции русских в 1992–1995 гг. из Центральной Азии (человек)

Страна	Первый пояс	Второй пояс	Центр	Урал	Сибирь и ДВ	Другие регионы	Итого
Казахстан	56 578	26 604	22 412	0	4 794	19 727	130 115
Узбекистан	34 341	17 871	23 517	44	2 585	16 364	94 702
Таджикистан	40 452	19 176	42 721	461	3 113	27 552	133 475
Киргизия	17 645	77 92	18 102	36	1 647	6 781	52 003
Туркмения	1 589	640	13 11	0	111	1 315	4 975

Источник: Население и кризисы[2]

Ситуацию осложняла проблема нелегальной миграции в России, которая появилась в начале 1990-х гг. и к середине 1990-х гг. резко обострилась. Приток нелегальной миграции стимулировался особым геополитическим положением РФ, нерешенностью вопроса ее границ и их открытостью, а также существенными пробелами в миграционном законодательстве[3]. Фактически до конца 1990-х гг. в российском законодательстве не было понятий «нелегальная миграция» и «нелегальный въезд». Иностранцы преимущественно оставались в стране после окончания срока действия визы.

Около 30 стран поставляли в Россию нелегальных трудовых мигрантов. Примерно 1/3 нелегальных мигрантов приезжало из бывших союзных республик. Территория государств Центральной Азии оказалась важным пространством для транзита нелегалов в Россию. В 1990-е гг. официальная государственная статистика позволяла отслеживать лишь незначительную часть нелегальных трудовых мигрантов. Оценки их численности колеблются от 250 тыс. до 7 млн человек[4],

---

[1] Региональное измерение трансграничной миграции в Россию: монография / М. Алексеев и др.; науч. ред. С. В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 350 с.

[2] Население и кризисы. Вып. 2 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Экономический фак.; под ред. Б. С. Хорева. М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1996. 108 с.

[3] *Петров В. Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России / В. Н. Петров; М-во образования Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004 (Тип. ООО «Просвещение-Юг»). 265 с.

[4] *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / Е. С. Красинец; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. М.: Наука, 1997. 191 с.

но преимущественно эксперты сходятся в оценке 4–7 млн человек[1]. Оценка ее масштабов в разрезе стран-поставщиков нелегальных мигрантов представляется еще более сложной задачей.

Нелегальных мигрантов притягивал более высокий уровень жизни в отдельных регионах РФ, а также возможность найти работу. Центрами притяжения нелегальных трудовых мигрантов были следующие субъекты РФ: Москва, Санкт-Петербург, области Северного Кавказа, Дальний Восток, а также ряд приграничных районов. Нелегальные трудовые мигранты преимущественно осуществляли трудовую деятельность в сфере строительства и ведения ремонтных работ, услуг и коммерции в городах и сезонных работах и разовых заработках в сельской местности[2].

Выталкивающими факторами для трудовых мигрантов из Центральной Азии являлись огромное аграрное переселение, экономический кризис 1990–1994 гг., резкое сокращение доли занятого населения, особенно в промышленности: в Киргизии на 27%, Таджикистане на 23%, Узбекистане на 5%. В большинстве стран Центральной Азии в этот период официальная безработица не учитывалась[3]. Острейшая конкуренция на рынке труда не оставляла людям нетитульной нации надежду на лучшее. По данным опроса 1994 г., проведенного в Киргизии среди нетитульного населения, уровень безработицы был выше в 1,6 раза[4].

Официальная статистика позволяет определить общие тенденции привлечения в Россию иностранной рабочей силы из стран Центральной Азии[5]. С середины 1990-х гг. наметилось увеличение доли работников из Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, но они не играли

---

[1] *Метелев С. Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 2006. 52 с.; *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Формула права, 2007. 572 с.

[2] *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / Е. С. Красинец; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. М.: Наука, 1997. 191 с.

[3] *Зайончковская Ж.* Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. М.: б.и., 1996. 151 с. (Научные доклады / Моск. центр Карнеги; вып. 11).

[4] *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. М.: б.и., 1996. 151 с. (Научные доклады / Моск. центр Карнеги; вып. 11).

[5] *Метелев С. Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 2006. 52 с.

существенной роли в общей совокупности иностранцев — выходцев с постсоветского пространства, работающих в России (табл. 3.1.2). Превалирующее значение имела рабочая сила, прибывающая из Украины (70,1 и 60,3% соответственно), а также Китая, Турции и Югославии[1].

Иностранцы работали преимущественно в промышленности и строительстве. После кризиса 1998 г. увеличилась доля иностранцев, привлекаемых для работы в промышленность и сельское хозяйство[2].

Таблица 3.1.2

Численность граждан государств Центральной Азии, работающих в России (человек)

Страна	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Казахстан	1 007	2 069	2 165	1 816	1 802	1 662	2 885
Киргизия	142	695	1 184	1 259	728	549	871
Таджикистан	572	1 497	20 274	3 112	3 296	4 135	6 210
Туркмения	16	99	305	382	324	281	204
Узбекистан	1 474	3 547	4 108	3 236	2 965	2 965	6 091

Источник: Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии...[3]

Привлечение иностранной рабочей силы в Россию в 1990-е гг. происходило в условиях сложной и крайне противоречивой ситуации на рынке труда и структурной перестройки экономики. Имело место межотраслевое перераспределение занятости населения, а также межсекторное перераспределение. В 1993 г. в негосударственном секторе экономики было занято более 40% работающих[4]. Распространение получила неполная занятость.

Приток мигрантов влиял на рынок труда, особенно в условиях растущей безработицы. В 1990 г. официально в СССР насчитывалось 2,0 млн безработных. В России в первой половине 1990-х гг. численность безработных увеличивалась:1992 г. — 3,6 млн человек; 1993 г. — 4,2 млн человек; 1994 г. — 5,5 млн человек; 1995 г. — 6,0 млн человек, так же, как и удельный вес безработных среди экономически

---

[1] *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Формула права, 2007. 572 с.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Доклад Госкомстата о социально-экономическом положении России в 1993 г. // ГАРФ. Ф-10256. Оп. 1. Д. 57. Л. 103; Доклад Госкомстата о социально-экономическом положении России в 1994 г. // ГАРФ. Ф-10256. Оп. 1. Д. 96. Л. 88.

активного населения: 1992 г. — 4,8%; 1993 г. — 5,6%; 1994 г. — 7,5%; 1995 г. — 8,2%[1].

Несмотря на рост безработицы в 1993–1995 гг., в России число вакантных мест составляло от 320 до 400 тыс.[2] Безработица приобрела застойный характер.

Основные каналы трудоустройства мигрантов: посредник, специальная программа по выезду, самостоятельный поиск работы, государственные структуры, объединение трудовых мигрантов в переселенческие общины[3]. Большинство иностранных граждан работали в составе трудовых коллективов российских юридических лиц (75,9% в 1994 г. на момент начало учета), но не имели подтверждающих документов на право трудовой деятельности[4].

Иностранные рабочие привлекались на те специальности, в которых российский рынок труда испытывал нехватку, а также отсутствовали желающие работать среди российских граждан на таких условиях.

Отдельно стоит остановиться на проблемах трудоустройства и занятости беженцев. Закон РФ «О занятости населения в РФ» закреплял за беженцами и вынужденными переселенцами приоритетное право трудоустройства, однако на практике в условиях экономического кризиса эти требования выполнялись с трудом. По оценкам исследователей 80% беженцев и вынужденных переселенцев были не довольны своим положением в сфере труда, как правило, из-за несоответствия профессионально-квалификационным признакам[5]. До переезда почти половина мигрантов занималась умственной работой, но в России каждый третий из них не мог найти подходящую работу. У мигрантов зачастую отсутствовала информация о местах вселения, что не способствовало успешному поиску работы. Поиск работы также занимал больше времени (по некоторым оценкам, в два раза дольше)[6]. Часть

---

[1] Доклад Госкомстата о социально-экономическом положении России в 1995 г. // ГАРФ. Ф-10256. Оп. 1. Д. 138. Л. 175.

[2] *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / Е. С. Красинец; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. М.: Наука, 1997. 191 с.

[3] *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Формула права, 2007. 572 с.

[4] Сводные статистические сведения ФМС России о численности и составе иностранной рабочей силы за 1994 г. (форма 2 – т (миграция)) // ГАРФ. Ф-10120. Оп. 1. Д. 138. Л. 26.

[5] Региональный рынок труда в условиях социально-экономической трансформации российской экономики (на материалах Южного Федерального округа) / под ред. П. В. Акинина, С. В. Степановой. Сервисшкола, 2002. 368 с.

[6] Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / В. А. Тишков, О. Д. Комарова, Н. А. Воронина и др.; отв. ред. В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук. М.: ИЭА, 1997. 308 с.

вынужденных мигрантов переселялась из городов в сельскую местность, что, в свою очередь, также повышало риски оказаться безработным.

Прибывающие в Россию вынужденные мигранты обладали в среднем более высоким, чем у населения России уровнем образования. Например, в России высшее образование имело 13% экономически активного населения, в Таджикистане — 26%, в Узбекистане — 27%[1]. Еще одной особенностью было наличие среди беженцев высокой доли лиц, занятых в непроизводственной сфере (наука, культура, образование, здравоохранение)[2]. Прибывающие в Россию мигранты в большинстве своем не могли найти подходящую работу и в 40% случаев работали не по специальности, особенно в сельской местности. Даже высококвалифицированные специалисты зачастую вынуждены были выполнять неквалифицированную работу. Около 16% из них длительное время вообще не могли найти никакую работу[3].

Еще одна существенная проблема — сложности юридического характера в оформлении временного статуса в РФ, а также трудовых отношений. Это делало работающих беженцев фактически бесправными перед работодателем. Выработанных механизмов помощи со стороны государства не было. По сути, Россия оказалась не готова к миграционному давлению со стороны бывших союзных республик, фактически не влияя на расселение приехавших, не учитывая и профессионально-квалификационные характеристики[4].

Трудовые мигранты из Центральной Азии не составляли существенную долю иностранных рабочих, однако по мере нарастания социально-экономических проблем в данном регионе желания российских работодателей иметь большую экономическую выгоду от использования труда иностранцев, миграционная ситуация начинает меняться. Мигранты из Центральной Азии титульной нации, прибывавшие на российский рынок труда, являлись низкоквалифицированной рабочей силой, готовой трудиться за относительно небольшую заработную плату в определенных отраслях экономики.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение привлечения внешних трудовых мигрантов из Китая в период с конца 1980-х гг., после нормализации советско-китайских отношений. В условиях плановой экономики и неэффективной системы экстенсивного пути развития экономики на востоке России власти и общественность страны

---

[1] *Витковская Г. С.* Вынужденные мигранты в России. Беда или благо? // Человек и труд. 1995. № 11. С. 9–12.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Макарова Л. В.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 95–100.

связывали будущее этих регионов с трудовой миграцией. Политические и социально-экономические реалии 1980-х гг. не позволяли рассчитывать на развитие миграционного потока в Сибирь и на советский Дальний Восток из западных регионов Советского Союза. В новых условиях вновь была востребована «мифологизированная история» китайской трудовой миграции в России и других странах мира.

Накануне распада СССР в публикациях появились утверждения о том, что вскоре в Россию приедут миллионы китайцев: «По утверждению наблюдателей, в течение следующих нескольких лет СССР потребуется 5 млн иностранных рабочих, и 50 млн — в долгосрочном плане»[1]. Уже в 1990 г. писали, что «по официальным оценкам, для освоения Сибири потребуется привлечения 80 млн человек»[2]. С тех пор в российской публицистике, как правило, со ссылками на анонимных экспертов, китайских мигрантов в России всегда исчисляют миллионами. Дальнейшая логика рассуждений была следующей: нужны, потребуется — значит, будут; в России нет 50 млн или 80 млн — значит, это будут китайцы.

Современная история китайской трудовой миграции в России началась в 1988 г. и прошла через несколько этапов, определяемых политическим и экономическим развитием Российского государства и общества. Молодой китайский исследователь Се Линь пишет: «Начиная с 1988 г., государственная политика в отношении китайской трудовой миграции в Россию уже прошла четыре периода: 1988–1993 гг., 1993–2000 гг., 2000–2006 гг. и 2006–2012 гг. Подписание в июне 2012 г. Концепции миграционной политики России РФ (2012–2025 гг.), по-видимому, можно считать событием, открывающим новый период в истории регулирования китайской трудовой миграции в Забайкалье»[3].

Рубежным событием истории китайской трудовой миграции стали советско-китайские соглашения, подписанные в 1988 г. Был подписан договор о безвизовом пересечении границы и соглашения о межрегиональном сотрудничестве, предусматривавшие привлечение китайских рабочих и специалистов на российские территории. Например, в «Протоколе переговоров между делегациями исполнительного комитета Совета народных депутатов Забайкальского района Читинской области СССР и города Маньчжурия Автономного района

---

[1] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. М., 1991. № 3.

[2] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. М., 1990. № 11.

[3] *Се Линь.* Проблемы китайской трудовой миграции в Забайкальском крае // Проблемы социально-культурной адаптации интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона: материалы международной научно-практической конференции, Чита, 15 апреля 2016 г. / редкол.: Л. Б. Ковальчук (науч. ред.) и др. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 98–102.

Внутренняя Монголия КНР от 15 апреля 1988 г.» говорилось: «В сфере предоставления трудовых ресурсов поставку городом Маньчжурия строительных материалов и рабочей силы для строительства в Забайкальском районе школы, детского сада, дворца культуры, маслозавода, кожевенной фабрики и др.»[1]. 2 июня 1991 г. между администрациями провинции Хэйлунцзян и Амурской областью было подписано «Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений». Затем последовала серия из 13 разнообразных соглашений области с округом Хэйхэ[2].

Во время первых же поездок делегаций сибирских регионов в Китай обсуждались вопросы привлечения китайских рабочих рук в народное хозяйство России. В 1988 г. делегация из Иркутской области обсуждала в Харбине вопросы создания совместных советско-китайских предприятий в области медицины и бытового обслуживания, «сдачу в аренду китайским специалистам отделений колхозов для выращивания овощей, о создании совместных предприятий по выпуску кирпича <...>, о создании в Иркутске совместного центра бытового обслуживания <...>, об использовании китайских рабочих в Иркутской области на объектах строительства и производстве строительных материалов, в легкой и пищевой промышленности в машиностроении...»[3]. В 1989 г. газета «Красноярский рабочий» сообщала: «В октябре прошлого года в Красноярске побывала делегация специалистов из Китайской Народной Республики, в апреле нынешнего — представители объединения «Красноярскагропромстрой» съездили в КНР <...>. В сентябре-октябре ожидается подписание контракта, после чего приедет 250 китайских строителей»[4].

30 августа 1990 г. в Пекине было подписано «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях СССР». Во втором пункте первой статьи документа говорилось: «Прием китайских граждан для работы на предприятиях СССР осуществляется на основе контрактов (хозяйственных договоров), заключенных между предприятиями СССР и утвержденными Министерством внешних экономических связей и внешней торговли Китайской Народной Республики компаниями по внешнему экономическому сотрудничеству министерств и ведомств,

---

[1] *Тарасов А. П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей / А. П. Тарасов; Забайк. гос. пед. ун-т. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с.

[2] *Кононкова Н. В.* Международные политические связи Амурской области с сопредельными территориями КНР // Вестник АмГУ. 1997. № 2. С. 18–20.

[3] Восточно-Сибирская Правда. 1989. 12 января.

[4] *Глебов М.* Кирпич по контракту // Красноярский рабочий. 1989. 20 сентября. С. 1.

провинций, автономных районов и городов КНР, именуемыми в дальнейшем "компании КНР"»[1].

Относительно того, кто может приехать на работу в СССР, соглашением оговаривалось: «На работу на предприятия СССР направляются специалисты и рабочие, имеющие необходимую профессиональную подготовку и пригодные по состоянию здоровья для работы в народном хозяйстве СССР, без членов семей. Однако в случаях, предусмотренных контрактами (хозяйственными договорами), на работу на предприятия СССР могут быть направлены специалисты с супругой (супругом). Возраст рабочих составляет от 18 до 40 лет, специалистов — не свыше 50 лет»[2].

В документе был установлен порядок оплаты труда китайцев в СССР: «1. Порядок расчетов между предприятием СССР и компанией КНР за предоставляемые услуги в рамках настоящего Соглашения определяется в каждом конкретном случае при заключении контрактов (хозяйственных договоров). При этом предприятия СССР и компании КНР исходят из того, что ежемесячная денежная сумма для удовлетворения личных потребностей проживания в СССР, выплачиваемая каждому китайскому гражданину в советских рублях, составляет не менее 90 рублей. Компенсация оставшихся заработанных китайским гражданином средств осуществляется предприятием СССР компании КНР в виде поставок советских товаров и/или предоставления услуг. Номенклатура, количество, цена и другие условия поставки указанных товаров и предоставления услуг определяются в контрактах (хозяйственных договорах). 2. Суммы денежных средств, выплачиваемые в советских рублях, не конвертируются и не подлежат переводу в КНР. 3. Налогообложение китайских граждан за время пребывания в СССР осуществляется в порядке и размерах, установленных законодательством СССР и другими соответствующими Соглашениями между СССР и КНР»[3]. Всего соглашение состояло из 14 статей, в которых были регламентированы различные вопросы, связанные с приездом, проживанием и социальными правами, и гарантиями китайцев, приехавших работать в СССР. С 1988 г. начинается ускоренное развитие китайской трудовой миграции на востоке России. Упрощение процедуры пересечения границы привело к многократному росту числа мигрантов. В 1987 г. через КПП «Благовещенск» прошло в обоих на-

[1] Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях СССР // Docs.cntd.ru: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901728573 (дата обращения: 10.05.2022).

[2] Там же.

[3] Там же.

правлениях 724 гражданина СССР и КНР, в 1988 г. — 13 500 человек, в первые три месяца 1989 г. — 21 000 человек[1].

За первую половину 1989 г. в Приморский край въехало 15 тыс. иностранцев, из них половина из КНР[2]. Но привлечение китайских рабочих рук распространилось на многие регионы востока Советского Союза. Эксперты из Академии наук СССР писали: «В 1989 г. широкое распространение получили привлечение китайской рабочей силы, промышленная кооперация, создание совместных предприятий. В течение года Китай и Советский Союз по каналам прямых связей заключили около 100 контрактов о подрядах и предоставлении трудовых услуг <...>. В Советский Союз для осуществления договоренностей выехали из Китая свыше 10 тыс. человек. Китайские рабочие строили на советском Дальнем Востоке объекты "под ключ" <...>, были заняты на лесоповальных работах <...>. Выгодной для обеих сторон формой сотрудничества явилось приглашение китайских сельскохозяйственных рабочих и агротехников для выращивания на территории СССР овощных культур и сои-бобов <...>. В Партизанске (Приморский край) организовано первое советско-китайское совместное кооперативное предприятие по выращиванию овощей, грибов, прудовой рыбы, свиней»[3].

В 1991 г. в России работало уже около 15 тыс. китайских трудовых мигрантов[4]. Китайский труд использовался в разных сферах деятельности и отраслях экономики. С конца 1980-х гг. китайские специалисты работали на Забайкальской и Дальневосточной железных дорогах, а в 1990 г. начали работать и на Кемеровской железной дороге[5]. В ноябре 1990 г. главный инженер службы пути Западно-Сибирской дороги Ю. Я. Чернышов подписал с представителем Харбинской компании по внешнему обслуживанию на китайских железных дорогах» протокол намерений, «в котором достигнута договоренность о ра-

---

[1] *Друзяка А. В.* Российско-китайский туристический обмен и возрождение приграничной «народной торговли» в период 1988–1990-х гг. / А. В. Друзяка, Е. Н. Корнейчук, И. А. Попова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции / М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Благовещенский гос. пед. ун-т»; редкол.: А. В. Друзяка (отв. ред.) и др. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 69–73.

[2] *Вахненко Р. В.* Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф. (20–24 сент. 1994) / Рос. АН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Благовещ. гос. политехн. ин-т; Уссурийск. гос. пед. ин-т; Хабаровск. гос. пед. ун-т. Владивосток, 1994. С. 110–111.

[3] Китайская Народная Республика в 1989 г. Политика, экономика, культура: ежегодник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 400 с. С. 175–177.

[4] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. М., 1991. № 3.

[5] *Павлов В.* Китайские железнодорожники на Западно-Сибирской // Советская Сибирь. 1991. 6 марта. С. 1.

боте 75 китайских путейцев в Новосибирской и Инской дистанция пути и 75 — в Заринской дистанции на Алтае <...>. Китайцы будут заниматься подъемочным и средним ремонтом всего четыре месяца: с 15 мая по 15 сентября. А главная их задача — обеспечить подготовку нашего путевого хозяйства к работе в следующую зиму»[1].

В Забайкалье китайские специалисты и рабочие трудились на возведении народнохозяйственных объектов, в лесной промышленности и сельскохозяйственном производстве в Чите, Агинском округе, в Карымском, Улетовском, Читинском, Приаргунском и других районах, в поселке Забайкальск и других местах.

В конце 1980-х гг. власти сибирских регионов пригласили китайских поваров, врачей, представителей других профессий. В интервью заведующего отделом внешнеэкономических связей планово-финансового управления Иркутского облисполкома А.А. Белякова говорилось: «подписано соглашение о создании в Иркутске ресторана китайской кухни, недавно к нам приехали 16 специалистов»[2]. В том же 1989 г. в Иркутске при областной клинической больнице было открыто совместное предприятие «Здоровье», в котором работали 20 китайцев — специалистов в области традиционной китайской медицины[3]. В 1990 г. китайские врачи приехали на работу Новосибирск, Красноярск и другие сибирские города.

Почти сразу после полной нормализации советско-китайских отношений. В июле 1989 г. в Москве прошло четвертое заседание советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Современники указывали: «стороны обсудили проблемы расширения взаимодействию в конкретных областях, а также вопросы развития прямых и приграничных связей, транспортного обеспечения внешнеторгового оборота <...>. Рассмотрены вопросы, связанные с подготовкой проекта межправительственного соглашения о привлечении и использовании китайской рабочей силы в СССР, совершенствования механизма приграничных и межрегиональных связей»[4].

В 1990–1991 гг. официальные делегации сибирских регионов приезжали на переговоры в Харбин во время проведения там ярмарки-выставки. Во всех подписанных там протоколах намерений были пункты, предусматривающие использование китайского труда на территории России. В «Программе сотрудничества между Новосибирской областью РСФСР и провинцией Хэйлунцзян на 1991–1992 гг.» были

---

[1] *Павлов В.* Китайские железнодорожники на Западно-Сибирской // Советская Сибирь. 1991. 6 марта. С. 1.

[2] Восточно-Сибирская Правда. 1989. 12 января.

[3] Советская молодежь. 1989. 4 ноября.

[4] Китайская Народная Республика в 1989 г. Политика, экономика, культура: ежегодник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 175.

указаны совместное производство разных видов продукции; привлечение китайцев к достройке гостиницы «Турист»; открытие ресторанов китайской кухни и т. д.[1]

Уже в конце 1980-х гг. была указана важная проблема, ограничившая развитие китайской трудовой миграции, — это введение лицензирования вывоза сырьевых ресурсов. Эксперты отметили: «Сокращение объема экспорта из СССР сырьевых ресурсов в большой степени снизило интерес китайской стороны к предоставлению трудовых услуг советским партнерам»[2].

В целом, на завершающем этапе истории СССР власти по обе стороны границы пришли к единодушному мнению о том, что привлечение китайских рабочих рук в российскую экономику взаимовыгодно. В выступлении заместителя министра внешней торговли КНР Гу Юнцзяна от 23 мая 1991 г. говорилось: «Экономики двух стран дополняют друг друга. Премьер Ли Пэн подчеркнул это, и Горбачев также признал это. Советский Союз — экономическая держава, и очень важно вести экономическую торговлю с Советским Союзом <...>. У нас есть большой потенциал для трудовых кадров. Советский Союз имеет большую территорию, но имеется нехватка рабочей силы»[3].

Ко времени распада СССР было заключено около 350 контрактов на использование китайской рабочей силы в строительстве различных объектов на территории СССР на общую сумму 900 млн долл. На лесозаготовках строительных объектах и в овощеводстве на советской территории было занято 10 тыс. китайских граждан. Всего же в соответствии с заключенными контрактами в Советском Союзе весной 1991 г. было уже более 400 тыс. китайских рабочих[4].

После распада СССР Правительство Российской Федерации подписало новые документы, регламентирующие привлечение китайских рабочих в экономику страны. В 1992 г. были подписаны российско-китайское соглашение о принципах найма китайской рабочей силы для работы в России и о безвизовом пересечении границы.

В начале 1994 г. вступило в силу подписанное в Москве межправительственное соглашение «О визовых поездках граждан», осложнившее трансграничные миграции. Однако с середины 1990-х гг. вновь начала развиваться китайская миграция. Число граждан КНР, посетивших Амурскую область, в 1995 г. превысило 70 тыс. человек, в 1999 г. — 118 тыс. человек, в 2000 г. — 160 тыс. человек.

---

[1] Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-2196. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

[2] Китайская Народная Республика в 1989 г. Политика, экономика, культура: ежегодник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 178.

[3] Хэйлунцзяншэн дананьгуань (Хэйлунцзянский архив) Ф. 358. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

[4] Китайская Народная Республика в 1991 г. Политика, экономика, культура: ежегодник. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1994. С. 139.

В начале 1990-х гг. продолжилось использование китайского труда в экономике восточных регионов России. Эксперты РАН писали, что в 1992 г. в России «по оценкам, находилось свыше 30 тыс. китайских специалистов и рабочих. Только провинция Хэйлунцзян направила на заработки в Россию 18 тыс. человек»[1]. В Читинской области в строительной отрасли и сельском хозяйстве в 1992 г. было занято 2,5 тыс. китайцев[2]. В Иркутской области в 1992 г. находилось около 800 рабочих из КНР[3]. На следующий год в Иркутскую область прибыло около 3 тыс. рабочих из КНР. В 1993 г. из 7090 иностранных рабочих в Приморском крае, 85% были выходцами из КНР.

В первой половине 1990-х гг. эксперты фиксировали относительно стабильную ситуацию вокруг китайской трудовой миграции, как в части численности, так и сфер занятости. В академическом справочнике «КНР» указывалось: «В широких масштабах продолжалось использование китайской рабочей силы в экономике России. В 1993–1994 гг. по контрактам на территории РФ находилось более 30 тыс. китайских рабочих и специалистов. Они использовались в строительстве, на сезонных работах в сельском хозяйстве, на лесозаготовках, на промышленных предприятиях»[4].

По данным известного исследователя В.Я. Портякова, в России в 1994 г. трудовых мигрантов из КНР насчитывалось около 20 тыс. человек[5]. По данным заместителя министра иностранных дел Г.Б. Карасина, в первой половине 1996 г. по контрактам в России работали всего 18,5 тыс. китайских рабочих. По данным японского эксперта Оцу Садаеси, по всей России численность работающих китайских мигрантов 1994 г. — 20,3 тыс., 1995 г. — 26,5 тыс., 1996 г. — 24 тыс., 1997 г. — 22,2 тыс.[6]

---

[1] Китайская Народная Республика в 1992 г. Политика, экономика, культура. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1994. С. 183.

[2] *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей / А.П. Тарасов; Забайк. гос. пед. ун-т. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с.

[3] *Дудченко Г.Б.* Отраслевая и территориальная структура китайской трудовой миграции в России на современном этапе // Российское Приморье и Китайская Народная Республика на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса, 1999.

[4] Китайская Народная Республика в 1993–1994 гг.: Политика, экономика, культура: ежегодник. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995. С. 220–221.

[5] *Портяков В.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 41.

[6] *Корнилов М.Н.* Оцу Садаеси: Представляет ли угрозу миграция китайской рабочей силы на российский дальний восток? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 10: Китаеведение. Реферативный журнал. 2002. № 4. С. 89–92.

В Красноярске, Новосибирске и ряде других городов в начале 1990-х гг., кроме поваров и врачей, работали бригады строителей на крупных объектах — ремонтировали театр и железнодорожный вокзал, строили гостиницы и т.д. Китайские рабочие были задействованы даже в отдаленных районах, например, отремонтировали школу в Эвенкии. Затем китайцы стали привлекаться к сельхозработам в отдаленных от границы регионах. Например, в середине 1990-х гг. китайцы работали на сельскохозяйственных предприятиях Сухобузимского и Емельяновского районов Красноярского края.

В 1998 г. при посредничестве Федеральной миграционной службы в Читинскую область было привлечено на работу 2 518 иностранных граждан (том числе из Китая — 1 981 человек), в том числе в строительство — 1 001 человек, лесное хозяйство — 546 человек, на транспорт — 316 человек, в промышленность — 301 человек[1].

В 1990-е гг. китайский труд входил в систему бартерного товарообмена. В 1992 г. «Богучангэсстрой» за использование рабочей силы на объектах строительства Богучанской ГЭС получило квоту на реализации древесины в виде расчета. В 1993 г. в Красноярском крае фирма «Внешпромтехобмен» получила квоту на вывоз меди для расчета за проведение отделочных работ китайскими рабочими[2].

В восточных районах России открывалось много совместных предприятий, на которых предполагалось использовать китайский труд, однако большинство этих предприятий так и не заработали. Сдерживало привлечение китайских трудовых мигрантов и тот факт, что в Сибири, по мнению властей Красноярского края, была «самая дешевая в мире рабочая сила соответствующей квалификации»[3].

К середине 1990-х гг. на востоке России в народном хозяйстве было занято несколько десятков тысяч китайских трудовых мигрантов. Число пересечений российско-китайской границы достигало нескольких сотен тысяч в год.

К этому времени в российских СМИ одной из самых популярных тем стала «угроза желтой опасности». Обычным явлением в России в 1990-х гг. были публикации в местных изданиях такого рода: «Со всех сторон ехали, шли, плыли, законно и незаконно пересекая прозрачную границу, сами китайцы — тысячи, десятки, сотни тысяч человек <...>. Специалисты полагают, что только в Сибири, на Дальнем Востоке, в государствах Средней Азии их сегодня не менее пяти миллионов»[4].

---

[1] Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1 / Рос. акад. наук. Сиб. отдние, Ин-т природ. ресурсов, экологии и криологии [и др.]; гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 114.

[2] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2460. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

[3] ГАКК. Ф. Р-2460. Оп. 1. Д. 37. Л. 116.

[4] *Матвеева Е.* Желтая волна // Кузбасс. 1995. 6 июня.

Даже такие газеты, как «Известия» помещали на своих страницах такого рода утверждения: «...сколько сегодня китайцев в России, фактически не знает никто. Оценки колеблются от нескольких сот тысяч до двух-трех миллионов»[1]. Даже в случаях, когда корреспонденты владели информацией о реальном состоянии дел в своем регионе, они обязательно вставляли «сплетни» о соседях: «59 китайцев для такой махины, как Красноярский край, — капля в море. Казалось бы, нет проблемы <...>. Китайская волна до Сибири просто не дошла. А Приморье уже "затоплено"; "явочным порядком", без всяких формальностей китайцы захватывают пустующие земли»[2].

Несмотря на политические кампании и общественные настроения, российские эксперты не видели реальных угроз китайской трудовой миграции. Господствующим в науке было такое мнение: «Отмечая, что в 90-х годах Россию посетило значительное число китайцев, следует подчеркнуть, что китайские мигранты не внесли каких-либо коррективов в общую демографическую ситуацию в Сибири. Единичные случаи принятия китайцами российского гражданства не являются следствием желания китайцев <...> осесть в России навсегда. Эти мигранты обычно оправляют детей к родственникам в Китай и не скрывают, что Сибирь их интересует лишь как место, где можно заработать деньги. Создавая рабочие места в России, они вносят свой вклад в развитие российской экономики»[3].

Рассматривая исторические аспекты привлечения внешних трудовых мигрантов в первые десятилетия XXI в., стоит отметить, что трудовая мобильность стала хорошо налаженной и устойчивой, несмотря на экономические кризисы и ужесточения иммиграционного законодательства. По оценке экспертов общее число мигрантов в России колеблется от 6 до 7 млн человек. Большинство из них — выходцы из трех стран Средней Азии: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В 2019 г. в России насчитывалось более 2 млн узбеков, более 1 млн таджиков и около 700 тыс. граждан Кыргызстана[4].

Санкции против России, навязанные западными странами в 2014 г., и падения цен на нефть привели к значительной девальвации рубля. Это в значительной степени снизило привлекательность России для трудовых мигрантов. В 2015 г. число узбекских и таджикских рабочих

---

[1] Известия. 2000. 26 января.

[2] *Бочарова Т.* Чайна-таун начинался с десятка китайцев... // Красноярский комсомолец. 1995. 3 июня.

[3] *Соболева С. В.* Положение мигрантов на сибирском рынке труда: оценка экспертов // Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России: сборник статей (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир; вып. 14) / Гл. ред. В. А. Ионцев. М.: ТЕИС, 2005. С. 67–74.

[4] *Eraliev Sh.* Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia / Sh. Eraliev, R. Urinboyev // Current History. 2020. Vol. 119, № 819. P. 258–263.

в России сократилось на 22,2% и 15,6% соответственно. Число кыргызских работников за тот же период увеличилась на 5,4%, что, скорее всего, было результатом ослабления ограничений на занятость в связи с членством Кыргызстана в ЕАЭС[1].

Небольшое число мигрантов, вернувшихся на родину, сменили место назначения с России на альтернативные миграционные центры, такие как Турция и Казахстан (выходцы из Средней Азии могут въезжать в Казахстан и Турцию без визы). Однако по мере того, как экономические перспективы России начали улучшаться, а турецкая и казахская экономики переживали собственные потрясения, мигранты из Средней Азии начали возвращаться в Россию, где огромные строительные проекты требовали десятки тысяч рабочих рук.

Трудовые мигранты в России сегодня в основном заняты на низкооплачиваемых работах, выполняя неквалифицированный тяжелый труд. Многие из них являются сезонными рабочими: они обычно приезжают в Россию весной, когда экономическая активность возрастает и появляется больше рабочих мест на стройках и фермах, затем возвращаются на родину поздней осенью, а весной приезжают снова.

В то время как мужчины обычно находят работу в строительном, транспортном и сельскохозяйственном секторах, женщины преимущественно заняты в розничной торговле (например, в продуктовых магазинах), общественном питании, бытовых и клининговых услугах. Мужчины по-прежнему составляют подавляющее большинство мигрантов, но число женщин-мигрантов, особенно из Кыргызстана, значительно возросло за последние годы[2]. При этом женщины в возрасте до 30 лет составляют 20% граждан Кыргызстана[3].

Это — специфическая особенность последнего времени, и причин здесь несколько. Во-первых, российский сектор услуг растет, особенно в мегаполисах, что порождает спрос на женскую рабочую силу. Во-вторых, подобная деятельность предъявляет особые требования к уровню владения русским языком, которым мигранты из Кыргызстана обычно владеют очень хорошо. В-третьих, среди кыргызских мигрантов очень развиты социальные связи, и почти у каждого есть родственник, живущий в Российской Федерации, с которым обычно живет и находится под присмотром молодая девушка[4]. Наконец, граждане Кыргызстана освобождены от необходимости получения разре-

---

[1] *Eraliev Sh.* Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia / Sh. Eraliev, R. Urinboyev // Current History. 2020. Vol. 119, № 819. P. 258–263.

[2] Там же.

[3] *Rocheva A.* Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation / A. Rocheva, E. Varshaver // Asia-Pacific Population Journal. 2017. Vol. 32. № 2. P. 87–136.

[4] Там же.

шения на работу или патента в связи с членством их страны в Евразийском экономическом союзе, что значительно облегчает вхождение женщин на рынок труда.

Только в период с 2012 по 2015 г. в России были приняты более 50 законов и нормативных актов, направленных на сокращение нелегальной миграции, и добавляли наказания за нарушения. Среди этих изменений — прямой запрет на повторный въезд для некоторых мигрантов, совершившим два или более административных правонарушений в течение трехлетнего периода.

В январе 2014 г. вступил в силу еще один новый закон, известный как правило «90/180», согласно которому иностранцы могут находиться в России только 90 дней в течение любого 180-дневного периода. Мигрантам, просрочившим срок пребывания, в последствии запрещается въезд в Россию на три, пять или десять лет, в зависимости от длительности просрочки. Эти ограничения сделали невозможным для мигрантов продолжать обычную практику пересечения границы каждые три месяца, чтобы снова въехать в Россию и начать новый льготный период. Впрочем, подобная мера не является чем-то особенным в законодательствах многих развитых стран.

Более жесткие миграционные законы привели к распространению схем нелегального получения документов. Приспосабливаясь к ужесточению ограничений, мигранты также стали ограничивать свои обратные поездки домой, планируя одно длительное пребывание в России, во время которого они стараются заработать как можно больше, зная, что в случае выезда из страны им может быть запрещен въезд. Многие мигранты стали задерживаться в России, увеличивая долю не документированных иностранцев на рынке труда[1].

Кратко остановимся на причинах миграции в Россию из стран Средней Азии. На наш взгляд, изменение ситуации в сравнении с предыдущим периодом объясняется, прежде всего, микроэкономическими причинами. Это — низкие доходы населения в среднеазиатских республиках и высокий уровень безработицы. Так, в 2016 г., по данным Всемирного банка, в Кыргызстане этот показатель составлял 7,7% (согласно отчету Государственного банка Кыргызской республики — 2,2%), в Таджикистане — 10,8% (по данным Государственного банка Таджикистана — 2,3%) и в Узбекистане — 8,9% (Государственный статистический комитет Узбекистана определил безработицу в 5,2%)[2].

---

[1] *Eraliev Sh.* Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia / Sh. Eraliev, R. Urinboyev // Current History. 2020. Vol. 119, № 819. P. 258–263.

[2] *Irnazarov F.* The Impact of Russian Re-Entry Bans on Central Asian Labor Migrants: Coping Strategies // Eurasia on the Move: Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region / Ed. M. Laruelle, C. Schenk. Washington, D.C.: George Washington University, Central Asia Program, 2018. P. 98–106.

При этом уровень доходов в Российской Федерации настолько выше, что это не стимулирует граждан среднеазиатских республик к поиску работы у себя на родине и в более широком смысле не стимулирует развитие внутреннего рынка труда.

По данным Института русского языка им. А. С. Пушкина, в последнее десятилетие общее число школьников, обучающихся на русском языке, стало постепенно увеличиваться, в основном за счет республик Средней Азии (Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана), что связано не только с демографическим фактором, но и с высокой конкурентоспособностью образования на русском языке и существующими исторически сложившимися общественными предпочтениями[1].

Характерно, что в Туркменистане сохраняется высокий запрос общества на высшее образование в России несмотря на то, что в национальной системе образования русский язык занимает скромные позиции. Вероятно, национальная экономика Туркменистана испытывает потребность в современных профессиональных квалификациях и компетенциях, которые в значительной степени удовлетворяются российскими образовательными организациями. Так, в вузах России обучалось в 2019/2020 уч. г. 35 703 студента из Туркменистана. Это 95,2% всех, получающих высшее образование. Всего же в российских вузах в указанном учебном году обучалось около 171 тыс. студентов из среднеазиатских стран[2]. Вероятно, значительная часть этих студентов после окончания вуза останется в России.

Разумеется, в этом случае им будет значительно проще интегрироваться в принимающее сообщество, тем более, что российское законодательство облегчает получение гражданства, окончившим в нашей стране вуз. Как будет происходить эта интеграция, может прояснить ситуация с «мигрантами второго поколения», т.е. с детьми тех мигрантов из среднеазиатских республик, которые уже продолжительное время живут в России. Так, согласно исследованию 2019 г., круг общения представителей этой группы открыт и широк, в нем доминируют представители «прочих» этнических категорий. Однако жениться они предпочитают на представителях «своей» группы. «Мигранты второго поколения» в целом консервативнее местных, но этот разрыв невелик. Исследователи связывают успешную интеграцию этой группы в России «с общим в недавнем

[1] Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева [и др.]; под ред. М. А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.

[2] Там же.

прошлом культурным пространством, а также с эгалитарной городской средой»[1].

В последние два десятилетия характер трудовой миграции в Россию значительно изменился. Если в первое десятилетие после распада Союза на территорию России мигрировало в значительной части русскоязычное население, имевшее более высокую квалификацию относительно оставшегося населения среднеазиатских республик, то в последующем в общем потоке начинают преобладать уже мигранты с низким уровнем профессиональной подготовки. Происходит значительная модернизация миграционного законодательства России, в частности, было существенно облегчено получение трудоустройство граждан из стран ЕАЭС. Увеличился приток женщин-мигрантов. На территории России появляется уже второе поколение мигрантов, родившихся или получивших образование на новой родине. Если в конце XX в. на поток внешних мигрантов оказывала значительное влияние социально-политическая ситуация в странах выхода, то в последние 20 лет все большее значение приобретает уровень чувствительности к внешним вызовам уже именно России. Здесь, в первую очередь, имеется в виду введенная против нашей страны начиная с 2014 г. система санкций, а также пандемия COVID-19.

3.2. Этнические группы мигрантов в России

В настоящее время между Российской Федерацией и странами Центрально-Азиатского региона сложилась устойчивая миграционная система, которая характеризуется масштабными миграционными потоками и определенной географической направленностью. Доминирующим видом является временная трудовая миграция.

Россия как государство сопредельное со странами Центральной Азии (ЦА) после распада СССР стала практически единственным направлением, куда устремились миграционные потоки из стран ЦА. Факторами миграционного движения стали безработица, низкая заработная плата и отсутствие перспектив в странах Средней Азии, в первую очередь, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

Первые мигранты прибыли в Россию из Таджикистана и Кыргызстана в середине 1990-х гг. Узбекистан в это время оставался страной иммиграции и продолжал принимать у себя беженцев из Афганистана и Таджикистана. Однако в конце десятилетия ситуация изменилась, и страна также стала поставщиком мигрантов, которые следовали теми же маршрутами, что таджики и киргизы в предыдущие годы.

---

[1] *Варшавер Е. А.* Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318–363.

Для России Центральная Азия — это не просто регион, отправляющий мигрантов, а часть ближнего зарубежья, которая в течение многих лет находилась в границах одной и той же страны, Советского Союза. Отношения России с государствами Центральной Азии и отчасти общее историческое прошлое этих стран также представляют интерес при попытке понять восприятие миграции и отношение населения к разным этническим группам.

По данным Росстата, с начала 2002 г. до конца 2007 г. объемы миграционного прироста непрерывно увеличивались, но этот тренд прерывается вследствие кризиса 2008 г. и приобретает устойчивый характер снижения. Стоит отметить, что наиболее сильный спад миграции в России приходится на период 2015–2018 гг. (рис. 3.2.1). Сложившиеся тенденции могут объясняться несколькими факторами: сокращение спроса на рабочую силу, снижение покупательской способности заработной платы мигрантов в долларовом эквиваленте, ужесточение миграционной политики в стране и др. В 2019 г. произошел резкий рост числа зарегистрированных мигрантов в стране, что, скорее всего, объясняется особенностями статистического учета.

Рис. 3.2.1. *Динамика миграции в России с исключением сезонности*

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

В настоящее время динамика и направление миграционного движения в Россию сохраняются. Лишь в период пандемии в 2020 г. в связи с принятием ограничительных мер количество фактов постановки на миграционный учет сократилось более, чем в два раза. Но

несмотря на то, что официально границы были закрыты, по данным ГУВМ МВД, в 2020 г. на миграционный учет было поставлено около 8,5 млн человек.

Однако уже в 2021 г., по данным МВД России, на миграционный учет было поставлено 13,4 млн иностранных граждан. Более 82% иностранных рабочих, осуществляющих на законных основаниях трудовую деятельность в Российской Федерации, составляют выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Численность мигрантов из Киргизии в 2021 г. выросла почти в 1,5 раза по сравнению с 2020 г., из Таджикистана — в 1,6 раза, из Узбекистана — в 1,5 раза (табл. 3.2.1). Таким образом, подтверждается тезис о том, что Россия сегодня остается основным каналом эмиграции для граждан Центральной Азии.

Таблица 3.2.1

Численность граждан стран Центральной Азии, поставленных на миграционный учет в Российской Федерации за 2016–2021 гг. (млн человек)

Год	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
2021	1,06	3,08	4,96
2020	0,74	1,93	3,46
2019	1,06	2,75	4,81
2018	0,88	2,33	4,50
2017	0,88	2,11	4,08
2016	0,83	1,89	3,35

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ[1]

По данным МВД РФ за 2016–2021 гг., среди стран Центральной Азии больше всего в Россию въехало граждан Узбекистана (56,3% всех мигрантов из ЦА), на втором месте — Таджикистан (31,5%) и на третьем — Киргизия (12,2%) (рис. 3.2.1).

Для России как одного из мировых лидеров по количеству принимаемых мигрантов крайне актуальной является задача эффективного регулирования миграционных потоков.

За последние годы в целях защиты прав легальных мигрантов и сокращения нелегальной составляющей миграции был принят ряд решений. В том числе, в условиях пандемии для иностранных

[1] Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/ (дата обращения: 12.05.2022).

граждан неоднократно продлевался срок действия ряда документов[1]. За переоформлением патента не нужно выезжать из России, а достаточно принимающей стороне подать уведомление в орган миграционного учета через портал госуслуг. Ратифицировано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза[2].

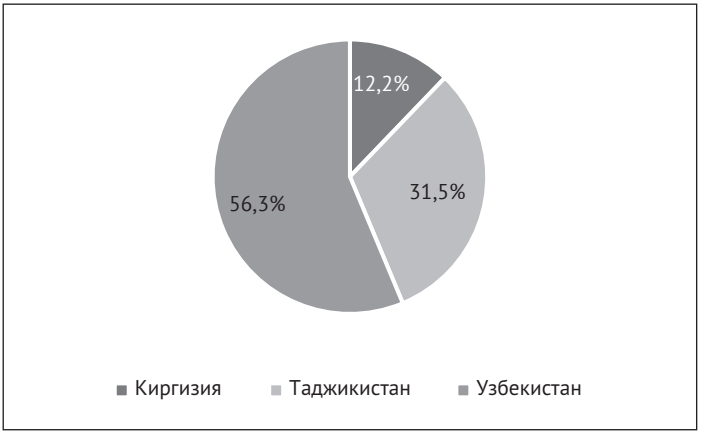

Рис. 3.2.2. *Численность граждан стран Центральной Азии, поставленных на миграционный учет Российской Федерации за 2016–2021 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

В 2021 г. численность мигрантов из Киргизии составила 1,06 млн человек, среди которых доля трудовых мигрантов достигала 83,4%, из них граждане Таджикистана — 79,1%, Узбекистана — 91,2% (табл. 3.2.2).

В целом, в период с 2016 по 2021 г. Россия приняла более 22 млн трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (табл. 3.2.2). Среди стран данного региона за 2016–2021 гг. Узбекистан лидирует по количеству трудовых мигрантов в России — 57,5%, за ним следует Таджикистан — 30,8% и Киргизия — 11,7% (рис. 3.2.3).

---

[1] Федеральный закон от 24.04.2020 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 133 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (об исключении ограничения обращений иностранного гражданина за переоформлением патента).

[2] Федеральный закон от 09.11.2020 № 354-ФЗ «О ратификации Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза». Соглашение подписано главами стран — членов ЕАЭС в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета в Санкт-Петербурге 20 декабря 2019 г.

Таблица 3.2.2

Численность граждан стран Центральной Азии, въехавших в РФ с целью трудоустройства 2016–2021 гг. (млн человек)

Год	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
2016	0,362	0,838	1,434
2017	0,377	0,937	1,823
2018	0,352	1,018	2,007
2019	0,454	1,179	2,107
2020	0,190	0,507	1,011
2021	0,884	2,439	4,520

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

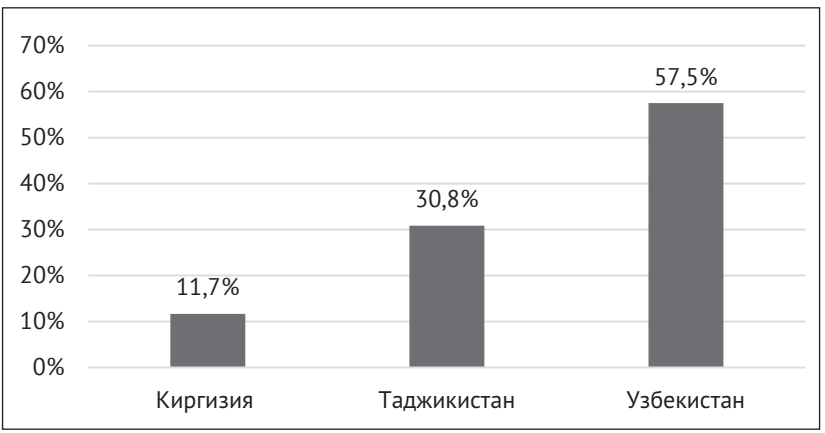

Рис. 3.2.3. *Численность граждан стран Центральной Азии, въехавших в РФ с целью трудоустройства 2016–2021 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

Увеличивается количество иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию с целью получения образования. Российская Федерация является основным направлением образовательной миграции из стран Центральной Азии. Более того, во всех странах региона наблюдается тенденция к увеличению числа людей, выезжающих в Российскую Федерацию с образовательными целями (рис. 3.2.4). По данным МВД России, в 2021 г. Таджикистан лидировал по этому направлению среди стран Центральной Азии.

В Таджикистане, согласно официальным данным из отчета «О количестве граждан Республики Таджикистан, направленных Министерством образования и науки Республики Таджикистан для обучения

в высших и научных учебных заведениях зарубежных стран по образовательным квотам и продолжения учебы», в 2014–2018 гг. более 20,8 тыс. человек учились за границей. Наиболее популярными направлениями для образовательной миграции являются Российская Федерация (17,1 тыс. человек), Китай (1,52 тыс. человек) и Беларусь (236 человек)[1]. Граждане стран Центральной Азии также учатся в Малайзии, Соединенных Штатах Америки, Турции, странах Балтии, Украине, Японии, Германии, Польше, Индонезии, Саудовской Аравии, Исламской Республике Иран, Индии, Республике Корея, Чехии, Кувейте, Австрии и Азербайджане.

Рис. 3.2.4. *Численность граждан стран Центральной Азии, въехавших в РФ с целью получения образования за 2016–2021 гг. (тыс. человек)*

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

29 марта 2019 г. вступил в силу закон об упрощенном получении гражданства РФ — Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 544-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации”». После принятия данного закона резко увеличилось количество принятых в гражданство лиц.

В 2019 г. российский паспорт получили 498 тыс. человек, в 2020 г. — 656 тыс.[2] В 2021 г. российское гражданство было предо-

[1] External Youth Migration in the Countries of Central Asia: Risk Analysis and Minimization of Negative Consequences. Astana: International Organization for Migration, Subregional Coordination Office in Central Asia, 2019. 81 p.

[2] МВД: В 2021 г. рекордное количество иностранцев получили гражданство РФ // Российская газета: [сайт]. 11.10.2021. URL: https://rg.ru/2021/10/11/mvd-v-2021-godu-rekordnoe-kolichestvo-inostrancev-poluchili-grazhdanstvo-rf.html?ysclid=la5n0i0ir1736377689 (дата обращения: 12.05.2022).

ставлено 735,4 тыс. иностранцев. Это стало рекордом, как минимум, с 2000 г. Более половины получателей гражданства РФ — из Донбасса. В топ-5 получателей гражданства РФ вошли жители следующих государств:

— Украины (в основном Донецкой и Луганской народных республик) — 51,1%, или 376 тыс. человек;
— Таджикистана — 14,1%, или 103,7 тыс. человек;
— Казахстана — 6,8%, или 49,9 тыс. человек;
— Армении — 6,4%, или 46,9 тыс. человек;
— Узбекистана — 4,3%, или 31,9 тыс. человек[1].

За 2016–2021 гг., по данным МВД России, около 551 тыс. граждан стран Центральной Азии получали гражданство России (табл. 3.2.3).

Таблица 3.2.3

Численность мигрантов из стран Центральной Азии, получивших гражданство Российской Федерации за 2016–2021 гг. (тыс. человек)

Год	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
2021	19,2	96,5	80,6
2020	11,9	63,4	23,1
2019	9,4	44,7	19,4
2018	8,8	35,7	21,1
2017	8,8	29,0	23,3
2016	9,3	23,0	23,2

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

За 2016–2021 гг., по данным МВД России, среди граждан стран Центральной Азии больше получивших гражданство России насчитывалось среди граждан Таджикистана — 53,1%, затем Узбекистана — 34,6% и Киргизии — 12,2%. (рис. 3.2.5).

Изменения в миграционной политике, произошедшие за последние годы, направлены на решение экономических и демографических проблем России, которая переживает количественные и структурные демографические изменения, что делает ее зависимой от иностранной рабочей силы. В политическом плане Россия заинтересована в укреплении интеграции на постсоветском пространстве и считает взаимодействие со странами СНГ приоритетом своей миграционной политики.

[1] Гражданство РФ в 2021 г. получило рекордное число иностранцев — 735 тыс. Коммерсантъ: [сайт]. 06.04.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5294545 (дата обращения: 12.05.2022).

Рис. 3.2.5. *Численность мигрантов из стран Центральной Азии, получивших гражданство Российской Федерации за 2016–2021 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

В географическом плане Россия является ближайшим соседом большинства бывших советских республик и имеет с ними прямые транспортные связи. Из Центральной Азии на территорию России можно добраться различными способами: железнодорожным, автомобильным, морским и воздушным транспортом. Воздушное сообщение получило широкое распространение, билеты на самолет в крупные российские города сейчас относительно дешевы. Транспортный фактор оказывает существенное влияние на миграцию населения в рамках этой миграционной подсистемы. Например, крупнейшая российская авиакомпания «Аэрофлот» предлагает рейсы между Москвой и почти всеми столицами Центральной Азии, а также Астаной и Алматы. «S7 Airlines» предлагает рейсы в Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан. Национальные центральноазиатские авиакомпании (Air Astana, Tajik Air, Kyrgyzstan Air, Uzbekistan Airlines и Turkmenistan Airlines) также выполняют рейсы в Россию.

Таким образом, внешние факторы способствуют увеличению численности иностранцев на территории Российской Федерации. По данным Росстата, за 2019–2021 гг. численность прибывших из стран Центральной Азии в России составила около 466,4 тыс. человек (табл. 3.2.4).

С одной стороны, основными экономическими предпосылками, побуждающими трудоспособное население стран Центральной Азии к отъезду, являются типичные выталкивающие факторы миграции: стагнация производства, низкая заработная плата, широко распро-

страненная бедность, высокий уровень безработицы, отсутствие рабочих мест. С другой стороны, в России действуют экономические факторы притяжения: диверсифицированные рынки труда предлагают возможности трудоустройства в различных отраслях и регионах и более высокую заработную плату. В этом контексте между странами Центральной Азии, с одной стороны, и Россией, и Казахстаном, с другой стороны, сложилась типичная миграционная модель, основанная на факторах притяжения и отталкивания.

Таблица 3.2.4

Численность мигрантов из стран Центральной Азии в Российской Федерации по возрастным группам за 2019–2021 гг. (человек)

Возраст	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
0–14	8155	11913	6931
15–19	9615	13133	6496
20–29	50652	73416	37713
30–44	43061	70253	45495
45–54	13096	20913	16073
55+	7609	18181	13692

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Кроме того, в Центральной Азии массовое сознание воспроизводит поведенческие стереотипы, ориентированные на трудовую миграцию в Россию как стратегию успеха. Поэтому значительная часть молодых людей после окончания школы предпочитает поступать в вузы или искать работу в России или Казахстане, а не на родине, рассматривая миграцию как более успешную жизненную стратегию.

Среди возрастных групп граждан, приезжающих на заработки из стран Центральной Азии в Россию, лидирует население в трудоспособных возрастах (рис. 3.2.6).

Немало граждан стран Центральной Азии работают в России нелегально. Непрестижные рабочие места с низкой заработной платой и тяжелыми условиями труда и не привлекают российских граждан и, таким образом, создают множество вакансий для трудовых мигрантов. Эти вакансии не могут быть заполнены за счет официальных иммиграционных квот, которые недостаточно велики, чтобы компенсировать нехватку рабочей силы. По некоторым данным, почти треть российских фирм столкнулась бы с нехваткой рабочей силы без миграции, особенно в кризисных промышленных регионах, таких как

Урал[1]. Такие предприятия зачастую вербуют нелегальных мигрантов, особенно в весенние и летние месяцы, когда их деятельность на открытых площадках достигает пика.

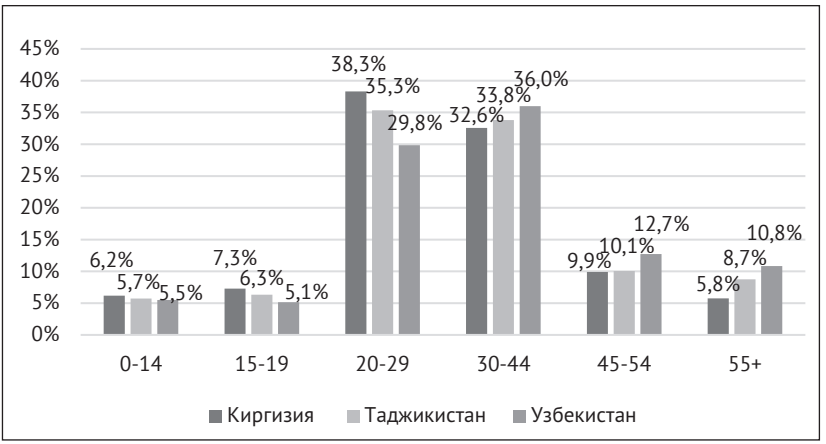

Рис. 3.2.6. *Численность мигрантов из стран Центральной Азии в Российской Федерации по возрастным группам за 2019–2021 гг. (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Как показывает мировая практика, ключевым фактором успешной адаптации иностранных граждан является владение языком принимающей страны. Важное значение имеет также религиозная составляющая, зачастую обуславливающая глубокие ментальные различия. В то же время в Центральной Азии последовательно сокращается сфера использования русского языка, национальные алфавиты переводятся на латиницу, ограничивается российское информационное присутствие.

Иностранные трудовые мигранты из Центральной Азии — это преимущественно лица с низким уровнем образования, культуры, со слабым знанием русского языка, претендующие на неквалифицированную работу. Такие люди с трудом осваивают нормы общения и правила проживания в Российской Федерации, стремятся сохранить привычные для них стереотипы поведения. Это затрудняет их социальную адаптацию и увеличивает рост социальной напряженности в субъектах Российской Федерации, где высоки показатели миграционного притока.

[1] *Ивахнюк И., Дауров Р.* Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски // Миграция в России, 2000–2012: хрестоматия: т. 1, ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / [Российский совет по международным делам; гл. ред. И. С. Иванов; сост. Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова]. М.: Спецкнига, 2013. 878 с.

В силу несбалансированной позицией субъектов России по приему иностранных граждан сохраняется напряженность на рынке труда, что свидетельствует о необходимости дополнительного регулирования данного вопроса. Поскольку миграция носит неравномерный характер, регионы с бóльшим количеством прибывающих иностранных граждан несут дополнительную нагрузку на социальную сферу, что ведет к росту социальной напряженности среди местного населения, ухудшению эпидемиологической и криминогенной обстановки в регионах.

К сожалению, статистические данные на официальных порталах не позволяют отследить общее количество трудоустроенных мигрантов из стран Центральной Азии, поэтому мы можем констатировать только общую тенденцию: значительное количество мигрантов пребывают и работают на территории Российской Федерации нелегально, вне правовых практик. Данное обстоятельство в значительной степени затрудняет вхождение иностранных трудовых мигрантов в российское общество, так как, не имея легального статуса, они избегают обращаться за помощью и содействием в государственные структуры, предпочитая использовать родственные связи и уже сформировавшиеся земляческие сети. В дальнейшем может произойти отчуждение мигрантов от общества, что приведет к пространственной сегрегации и формированию закрытых анклавов.

Как правило, вновь прибывшие трудовые мигранты из стран Центральной Азии не имеют опыта жизни в инокультурной среде. Многие из них не владеют русским языком даже на элементарном разговорном уровне, а их низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение со стороны принимающего сообщества, что приводит к росту социальной и межнациональной напряженности.

Мигранты говорят на разных языках, принадлежат к разным религиозным сообществам, живут по своим традициям и обычаям, поэтому миграция усиливает разнородность национального и религиозного состава страны приема. При отсутствии адекватной миграционной и национальной политики это может привести к серьезным социальным проблемам, затрагивающим вопросы национальной безопасности и единства государства.

Значительную роль в адаптации различных этнических групп мигрантов играет и религиозный фактор. Существует полярные мнения экспертов об этой роли. Согласно одному мнению, религия является пережитком традиционных обществ и препятствием для интеграции мигрантов в современной России. Противоположное мнение заключается в том, что религия может служить инструментом интеграции в российское общество. При этом в последние годы интерес к изучению религиозного фактора в миграционных процессах возрастает по мере увеличения количества мигрантов из Центральной Азии в России.

В частности, исследователями замечено, что многие мигранты из Центральной Азии становятся более религиозными в странах пребывания, например, как Россия, чем они были в родных странах. Хотя некоторые мигранты в принимающем обществе меняют свои религиозные установки или даже отказываются от них, большинство же, наоборот, обращаются к исламу и расширяют практики своего участие в традиционных обрядах и праздниках. Миграция в Россию оказывает двойное влияние на мигрантов: с одной стороны, растет число агностиков, атеистов и обращенных в другие религии; с другой стороны, доля строго практикующих ислам мусульман и религиозных активистов увеличивается. Соответственно, доля не мусульман, не участвующих в религиозных практиках, или так называемых «этнических мусульман» уменьшается.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, являются и основными причинами их отчуждения: отсутствие необходимых документов, трудности при поиске жилья, сложности во взаимоотношениях с местными жителями, низкий уровень владения русским языком, незнание мигрантами своих прав, дороговизна жизни, высокая стоимость найма жилья или его содержания, отсутствие работы по специальности, вымогательство со стороны полиции, трудности получения медицинских услуг и лекарств, произвол работодателей и др. По этой причине мигрантам трудно общаться вне круга своих земляков.

Адаптация или дезадаптация мигрантов зависит не только от условий пребывания в новом сообществе, но и от исходных характеристик каждого отдельного мигранта: образования, воспитания, территории проживания, соблюдаемых традиций и обычаев и, конечно, религии. Анализ современных исследований по данной тематике позволяет утверждать, что существует, как минимум, три категории мигрантов, которые характеризуются разным отношением к религии (исламу, в частности).

Первая группа наиболее адаптивная, та, которая мало интересуется религиозными вопросами, безразлична к религиозным вероучениям. Эти мигранты не следуют правилам и традициям ислама, за исключением похорон. В эту категорию могут входить мигранты разных этнических групп, но наблюдения показывают, что киргизов в ней больше, чем таджиков и узбеков. Среди киргизов достаточно много образованных мигрантов, особенно женщин.

Такие нерелигиозные мигранты обычно приезжают из большого города и имеют высшее образование. У себя на родине они, как правило, занимали должности, соответствующие среднему статусу, например, учитель в школе. Многие из них говорят на хорошем русском языке и легко общаются с местными жителями. Они стараются соблюдать российское законодательство и мотивированны на скорейшую интеграцию в принимающее сообщество не только для себя, но и для

всей своей семьи, прилагают для этого все усилия, что проявляется, в частности, в стремлении в совершенстве овладеть русским языком и обучать на нем своих детей.

Следующая группа мигрантов имеет некоторую приверженность к исламским традициям. Например, такие мигранты отмечают крупные праздники и время от времени ходят в мечеть (в основном в праздничные дни). Их социальное происхождение очень разнообразно, но большинство из них приезжают из городов и имеют высшее образование и (или) опыт работы. Среди мигрантов из этой группы можно выделить тех, кто стал более религиозным в результате миграции в Россию, и тех, кто стал менее религиозным. Основной этнический состав такой группы представлен гражданами Таджикистана и Узбекистана.

И наконец, можно выделить третью группу, в которую входят очень религиозные мигранты, исповедующие ислам. Они соблюдают все религиозные традиции, постятся, отмечают все мусульманские праздники и часто ходят в мечети. Представители этой группы были религиозными и до того, как переехали в Россию. Обычно они происходят из небольших городов или сельской местности и имеют низкий уровень образования. Как правило, эти мигранты образуют сообщества или социальные сети, с помощью которых совместными усилия успешно решают различные проблемы. В подобных сообществах мигранты могут совместно отправлять религиозные ритуалы, которые объединяют как мусульман-мигрантов, недавно прибывших в страну, так и тех, кто уже достаточно долго находится в России. Последние помогают первым найти работу и общаются с ними как соседи. В третьей группе также много мигрантов из Таджикистана и Узбекистана.

Данные, проанализированные авторами по материалам публикаций научных изданий, позволили определить основные факторы, способствующие интеграции этнических групп мигрантов в принимающее сообщество или тормозящие этот процесс (табл. 3.2.5).

Этнические группы мигрантов интегрируются в принимающее сообщество по-разному в зависимости от особенностей как страны исхода мигранта, так и стране прибытия. В этой системе можно выделить несколько элементов. В центре находится этнический мигрант (или группа мигрантов), его личностные характеристики (или характеристики группы) и все, что связано с ним (или группой) в повседневной жизни. Если личностные характеристики мигрантов и их социальное положение в регионе выхода способствуют интеграции в принимающее общество, то благоприятную роль в процессе интеграции могут сыграть также ситуация на рынке труда, общественное мнение, реакция СМИ и т.д. В равной степени и непосредственное окружение мигранта (или группы мигрантов) может облегчить процесс интеграции.

Таблица 3.2.5

Факторы, оказывающие влияние на процесс интеграции этнических мигрантов

1.	Внешние факторы принимающего общества
	Миграционная политика
	Экономическая ситуация
	Регион проживания в России
	Размер населенного пункта
	Наличие в регионе диаспоры
	Количество соотечественников в месте пребывания мигранта
	Наличие социальных сетей этнических групп
	Общественное мнение
	Отношение ближайшего «местного» окружения
2.	Внутренние факторы принимающего общества
	Наличие работы
	Легальное /нелегальное пребывание
	Религиозный фактор
	Семейное окружение в России
	Прочность семейных /родственных отношений
3.	Внешние факторы страны исхода мигранта
	Страна выхода, регион проживания в стране выхода
	Размер населенного пункта
	Религиозный фактор
	Уровень образования, профессиональный статус в стране выхода
4.	Индивидуальные характеристики мигрантов
	Продолжительность проживания в России, этническая принадлежность, владение русским языком, возраст
	Пол
	Профессиональная мотивация

Для адаптации этнических групп мигрантов к новому сообществу религиозный фактор имеет крайне важное значение, так как позволяет, с одной стороны, не разрывать родственные, земляческие и культурные связи со своей родиной, а с другой стороны, интегрироваться в принимающее сообщество через определенную религиозную среду. Транснациональные религиозные взаимосвязи являются ресурсом, по-

зволяющим мигрантам реализовывать свой этнокультурный потенциал и бесконфликтно проживать в принимающей стране, что при результативном государственном управлении способствует повышению качества жизни мигрантов и снижает социальную напряженность в обществе. Успешные стратегии адаптации включают в себя не только культурные и социальные, но также и религиозные практики, которые могут быть использованы, чтобы облегчить процесс вхождения мигранта в новую среду. Сегодня миграция рабочей силы создает благоприятную почву для развития транснациональных религиозных сетей. Общая исламская этика обеспечивает основу для развития социальных сетей мигрантов. В свою очередь такие социальные сети и сообщества мигрантов часто решают проблемы адаптации своих участников, связанные с трудоустройством и получением необходимых документов.

3.3. Этноконфессиональные и социокультурные представления коренного населения и миграционных групп московского мегаполиса (опыт социологических исследований)[1]

Миграционные процессы в крупнейших мегаполисах имеют глобальные масштабы. Миграция имеет ряд важных позитивных эффектов: она способствует притоку новой рабочей силы, также благодаря мигрантам улучшается демографическая ситуация в странах с низкой рождаемостью. Значимым является влияние миграции на структуру населения: на тех территориях, где наблюдается интенсивный приток мигрантов, увеличивается доля мужского населения и молодежи, повышается рождаемость. Миграция способствует сближению наций, влияя на процессы этнического развития через консолидацию, ассимиляцию и межэтническую интеграцию. В межэтнической консолидации играет важную роль установление единства языка. Процесс этнической ассимиляции — это постепенное включение мигрантов в традиции и обычаи населения территории их вселения. В то же время мигранты, прибывающие из других стран, ассимилируясь, трансформируют социальные, культурные, этнические и религиозные сферы жизни принимающего общества. Межэтническая интеграция должна приводить так или иначе к появлению ряда общих черт в традициях и обычаях мигрантов и местных жителей, увеличению смешанных в национальном и конфессиональном отношении браков, взаимопроникновению культур и т.д.

С другой стороны, неконтролируемые миграционные процессы способствует возникновению определенных рисков. Возникают про-

[1] Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16 января 2020 г.).

блемы социальной напряженности в различных сферах жизнедеятельности (социокультурные, этноконфессиональные и др. конфликты). Такие последствия миграционных процессов свидетельствует об актуальности изучения интеграции и ассимиляции мигрантов, а также толерантности (интолерантости) коренного населения к мигрантам.

Фокус данной статьи будет сконцентрирован на изучении характера и степени проявления толерантности (интолерантности) в межнациональном и этноконфессиональном взаимодействии коренного населения и различных групп пришлого населения (с разной степенью включенности в ассимиляционные процессы) мегаполиса, а также трансформации религиозных, социокультурных и социально-политических представлений указанных типологических групп.

Миграционные процессы в мегаполисе

Выбор столичного мегаполиса в качестве эмпирического объекта анализа обусловлен, как уже указывалось, тем, что именно мегаполисы, в частности, столицы государств выступают эпицентром возникновения активности социальных процессов различной направленности: миграционных, политических, национальных, религиозных и пр. трансформаций. Именно московский мегаполис обладает многими ресурсами, которые недоступны другим российским мегаполисам и городам России. Москва открывает возможности достаточно эффективно реализовать трудовой, экономический и социокультурный потенциалы внешним мигрантам и мигрантам из других регионов России и стран СНГ.

Привлекательность мегаполиса для мигрантов обуславливается высокой концентрацией рабочих мест, более высоким уровнем заработной платы по сравнению с родным регионом, развитой инфраструктурой, доступностью многих услуг в социальной сфере.

Вполне закономерно, что в Москве развита трудовая миграция. Но какова ее эффективность? В составе переселенцев преобладают мигранты с низкой профессиональной квалификацией и плохим знанием русского языка. Нелегальная вовлеченность мигрантов в трудовые отношения способствует росту теневой экономики и коррупции на рынке труда[1]. Следует также отметить, что сохранение легального и нелегального миграционного прироста приводит к увеличению затрат на адаптацию и социализацию мигрантов, не предусмотренных в бюджете мегаполиса[2].

---

[1] *Бобырев В. В.* Незаконная миграция, ее влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с незаконной миграцией // Право и безопасность. 2007. № 1–2 (22–23).

[2] *Сиденко А. Г.* Обеспечение экономической безопасности мегаполиса инструментами миграционной политики: на примере г. Санкт-Петербурга: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Сиденко Александр Георгиевич; [Место защиты: С.-Петерб. ун-т МВД РФ]. СПб., 2014. 23 с.

Мониторинговые исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН показывают, что за последние десятилетия этническая и конфессиональная структура мегаполиса серьезно изменилась. В настоящее время в Москве проживает до 150 наций и народностей России, бывших союзных республик и дальнего зарубежья. По сравнению с советским периодом численность представителей кавказских и среднеазиатских народов выросла в десятки раз. Изменение национального состава столичного мегаполиса за счет легальных, а по большей части нелегальных мигрантов не может рассматриваться как «успех» национальной политики Москвы. Несмотря на то, что Москва — традиционно интернациональный российский город, демографическая проблема с увеличением нерусского населения вышла в разряд наиболее актуальных. Идет резкая интенсификация притока переселенцев при одновременном естественном сокращении численности коренных жителей.

Данные социологических исследований ставят на повестку дня вопрос о том, что ассимиляционные возможности Москвы находятся на пределе. Широкомасштабность миграционных потоков создает атмосферу, во-первых, нетерпимости, неприязни между различными этническими группами, во-вторых, противостояния между «коренными» москвичами и приезжими. Кроме того, отношения интернационализма и национальной толерантности (терпимости) неизбежно утрачиваются при осознании коренной национальностью, что ее этнический статус резко снижается.

Именно поэтому, в первую очередь, для решения поставленных задач необходимо определить уровень межнациональной напряженности в мегаполисе.

Актуальность проблемы напряженности межнациональных отношений зафиксирована в ходе многолетних мониторинговых опросов экспертов и населения города. Использован ряд показателей, определивших насколько, по мнению москвичей, состояние межнациональных отношений в столице обладает достаточно выраженным конфликтным потенциалом.

Москва имеет один из самых высоких показателей межнациональной напряженности по сравнению с исследуемыми ранее субъектами РФ. Уровень межнациональной напряженности последние годы остается в пределах 74–75%. Крайнюю степень напряженности, определяющаяся показателем «налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты» в Москве указывают до четверти опрошенного населения.

Результаты проведенных исследований дают основание полагать, что очаги напряженности в области этноконфессиональных отношений, в первую очередь, касаются межнациональных отношений.

В Москве сложная криминогенная ситуация, нередко приобретает именно этническую окраску.

Был составлен *социальный портрет москвича, испытывающего крайнюю степень неудовлетворения состоянием межнациональных отношений в городе:* это коренной москвич, русский, мужчина от 19 до 33 лет, из групп «материально обеспеченных», православной конфессиональной принадлежности.

С 2007 до 2020 г. в выборочную совокупность опросов «попадало» примерно от 46% до 60% коренных москвичей и от 40% до 54% приезжих. Обычно разница составляла 10% «в пользу» коренного населения. Тем не менее, «степень укорененности», уровень ассимиляции приезжих в Москве падает: если количественные показатели проживания мигрантов в 2010 г. (менее пяти лет) составляли 18%, то через десять лет, к 2020 г., этот показатель достиг 23% (табл. 3.3.1). Конечно, это приблизительная закономерность, но тенденция интенсивного роста миграции очевидна[1].

Таблица 3.3.1

Время проживания некоренных жителей в Москве, 2010–2020 гг. (% от опрошенной социальной группы приезжих)

Время проживания в Москве	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2020
более двадцати лет	31	35	39	51	39	39	37
более десяти лет	25	29	27	30	30	34	27
более пяти лет	22	16	17	9	13	16	13
менее пяти лет	18	19	17	10	18	10	23

Во всех социологических исследованиях выяснялось, прежде всего, насколько в действительности тяжел миграционный пресс для жителей российской столицы.

Результаты социологических опросов в Москве, начиная с 2007 г. показали, что подавляющее число жителей полностью согласны или согласны в определенной степени с высказыванием: «Приток мигрантов следует резко сократить». Так ответило 76% в 2007 г. и 71% в 2021 г. из группы коренных москвичей. Опрошенные москвичи считают, что в результате увеличения интенсивности неуправляемых миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности местных народов: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания, образование, здравоохранение, транспортные передвижения, и, конечно, культурно-духовные запросы населения.

[1] Опросы в 2021 г. показали снижение потока интенсивности миграции в условиях режима пандемии.

Признавая пользу от трудовой деятельности мигрантов, москвичи тем не менее указывают, что они значительно отягощают бюджет города. Отметим, что среди коренных москвичей почти в два раза больше респондентов полностью или частично согласных с этим мнением по сравнению с приезжими (64% против 36%). Кроме того, очень высок удельный вес респондентов согласных с высказыванием, что «мигранты ухудшают криминальную ситуацию в городе». Среди коренных москвичей эта цифра достигает 80%. Так, с хулиганскими действиями и другими нарушениями общественного порядка на национальной почве приходилось сталкиваться более половины горожан: 56%. Возможные «взрывные точки межнациональной напряженности» — это рынки, магазины, городской транспорт, сфера обслуживания.

Естественно, что эмпирические показатели, напрямую связанные с процессами миграции, характеризующие неприязненное отношение коренного населения к людям других национальностей, приезжающих к ним на работу и постоянное местожительство — продолжают оставаться высокими (табл. 3.3.2).

Таблица 3.3.2

Распределение ответов респондентов (% от числа опрошенных социальных групп), Москва, 2021 г.

Согласны ли Вы с тем, что мигранты...	Полностью или частично согласен		
	все население	коренные москвичи	приезжие
— отягощают бюджет города	57	62	49
— увеличивают поток людей на транспорте, который не справляется с нагрузкой, особенно в часы «пик»	77	79	71
— ухудшают криминальную ситуацию города	79	80	69
— создают конкуренцию на рынке жилья и труда	80	83	73
— вносят напряженность в межнациональные отношения	73	75	68
— обеспечивают Москву рабочей силой	82	82	81
— делают культуру Москвы многокрасочней и богаче	31	31	31
— нет никаких особых трудностей и проблем в связи с притоком мигрантов в Москву	31	28	33
— приток мигрантов следует резко сократить	68	71	62

Источник: данные авторского социологического исследования

Межнациональное и межконфессиональное взаимодействие коренных москвичей и приезжих

Для более детального изучения межнациональных, конфессиональных и социокультурных ориентаций приезжающих в столицу мигрантов, логично рассмотреть крайние группы миграционного населения, характеризующиеся разной степенью ассимиляции. Для сравнения с группой «коренных москвичей» были сформированы две типологические группы мигрантов:

1 группа — «некоренные москвичи», проживающие в мегаполисе более двадцати лет;

2 группа — «приезжие», проживающие в Москве менее пяти лет.

Сравнительный анализ оценок межнационального взаимодействия трех типологических групп показал, что группы «коренных москвичей» очень сходны по оценкам с «некоренными москвичами». И это вполне предсказуемо, учитывая степень городской ассимиляции (табл. 3.3.3).

Таблица 3.3.3

Характеристики межнационального взаимодействия и отношения к некоторым религиям и национальностям в оценках коренных и некоренных жителей столицы (в % от опрошенных в социальных группах), Москва, 2020 г.

Утверждения	Доля согласившихся с утверждением		
	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с приемом на работу (учебу) по национальному признаку	24	21	27
Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с вытеснением коренных жителей с рабочих мест	20	18	10
Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры	51	49	37
Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с националистической пропагандой в СМИ	13	15	19

Окончание табл. 3.3.3

Утверждения	Доля согласившихся с утверждением		
	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с публичными акциями (митингами) сторонников националистических идей	13	10	13
Испытываю неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям	27	27	21
Испытываю неприязнь к некоторым национальностям	33	28	22

Источник: данные авторского социологического исследования

По основным предложенным позициям: «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться вытеснение коренных жителей с рабочих мест», «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры», «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с приемом на работу (учебу) по национальному признаку» и др. разница в ответах этих групп не превышает 2–3%. Мало ассимилированная группа «приезжих» значительно отличается по оценкам межнационального взаимодействия от первых групп: этих респондентов значительно меньше при ответах на вышеизложенные тезисы.

Та же картина наблюдается при отношении изучаемых типологических групп к межконфессиональным и межнациональным бракам (табл. 3.3.4, рис. 3.3.1).

Если в целом по массиву в 2020 г. лишь 17% населения отметили крайний этноцентристский показатель «отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания» и 12% отметили: «отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности», то внутри типологических групп выявилась значительное различие в позициях этноцентристской направленности. В 1,5–2 раза чаще «коренные» и «некоренные» москвичи отмечают эти показатели в сравнении с группой «приезжих». Вполне закономерно, что более чем в два раза респонденты из группы «приезжих» положительно относятся к межконфессиональным (22%) и межнациональным бракам (30%) по сравнению с группами «коренных» и «некоренных» москвичей. Вполне вероятно, что на более толерантное отношение к подобным бракам у вновь прибывших людей оказывает сильная мотивация закрепления на постоянное местожительство в мегаполисе.

Таблица 3.3.4

Отношение коренных москвичей и групп мигрантов к этноконфессиональным бракам (% от опрошенных в социальных группах), Москва. 2020 г.

Утверждения	Доля согласившихся с утверждением		
	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
Положительно отношусь к браку с человеком другой национальности	12	14	30
Отрицательно отношусь к браку с человеком другой национальности	14	10	5
Положительно отношусь к браку с человеком другого вероисповедования	7	9	22
Отрицательно отношусь к браку с человеком другого вероисповедования	19	19	13

Источник: данные авторского социологического исследования

Рис. 3.3.1. *Показатели толерантности (интолерантности) коренных жителей столицы и приезжих групп населения в отношении этноконфессиональных браков (% от опрошенных в типологических группах), Москва, 2020 г.*

Источник: данные авторского социологического исследования

Отметим, что даже без разделения мигрантов по длительности проживания в мегаполисе (ассимиляции) разница в оценках коренных москвичей и приезжих сохраняется (рис. 3.3.2).

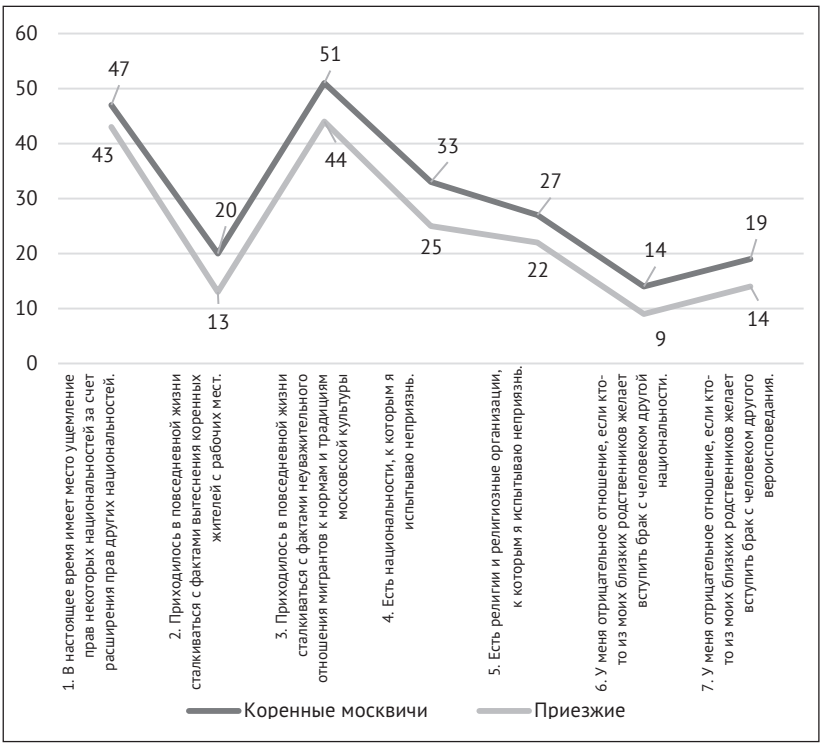

Рис. 3.3.2. *Показатели толерантности (интолерантности) в этноконфессиональном взаимодействии коренных жителей столицы и приезжих групп населения (% от опрошенных в группах), Москва, 2020 г.*

Социологический материал в данном контексте фиксирует, что показатели толерантности в межэтническом взаимодействии на порядок выше в группе «приезжих». А установки на этноцентризм, национальную исключительность и конфессиональную исключительность («приверженность к мононациональным и моноконфессиональным бракам»), присущи в большей степени коренным жителям столицы, пытающихся сохранять менталитет, культурные традиции и обычаи москвичей. И это вполне закономерно, исходя из высокого оценки уровня межнациональной напряженности, которая идет через отражение в массовом сознании москвичей реалий их повседневной жизни.

В целом, что касается уровня межнациональной напряженности в межэтническом взаимодействии, то в целом, можно согласиться

с этнопсихологом Э.Х. Панеш[1], что в основании устойчивых стереотипов в межэтническом взаимодействии лежит формирование «сопоставлений-противопоставлений» в рамках основных исторических факторов. Из предложенных автором факторов, на наш взгляд, первостепенное значение имеют: территориальная принадлежность (зоны контактного проживания), численное соотношение взаимодействующих национальностей, интенсивность миграции, хозяйственно-культурная специфика, конфессиональная принадлежность и степень развитости двуязычия.

Религиозные, социокультурные и социально-политические представления коренных жителей столицы и мигрантов

В социологическом инструментарии выделен также ряд показателей и индикаторов, характеризующих отношение жителей столицы к религиозным, социокультурным и социально-политическим процессам:

— отношение к религиям и религиозным организациям;

— доверие к церкви и религиозным организациям как социальным институтам;

— отношение деятельности различных конфессий;

— оценка ролевых функций религии;

— оценка обеспечения государством норм демократического общества;

— оценка политической системы российского общества;

— оценка показателей общенациональной идеи.

Продолжим сравнительный анализ позиций и ориентаций трех типологических групп населения Москвы.

Результаты мониторинговых исследований указывают на то, что доверие к церкви как социальному институту остается в оценках населения Москвы значимым. Фактически в постсоветский период церковь вернула себе статус важного субъекта общественной жизни. Несмотря на это, в последние годы прослеживается снижение доверия к церкви как социальному институту. Если в 2016 г. доверяли церкви 45% жителей столицы и 41% молодых москвичей, то в 2021 г. этот показатель у населения сократился до 28%. Ряд общественных и политических лидеров, чиновников государственного аппарата ищут поддержку у церкви по всем направлениям функционирования духовного, нравственного и социального жизнеобеспечения россиян. Насколько это целесообразно, рассмотрим при анализе населения мегаполиса по предложенным тематическим группам (табл. 3.3.5).

---

[1] *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции: (На примере Зап. Кавказа). СПб.: Европ. Дом, 1996. 302 с.

Таблица 3.3.5

Оценка коренных и некоренных жителей столицы религии и религиозных организаций (% от опрошенных в социальных группах), Москва, 2020 г.

Утверждения	Доля согласившихся с утверждением		
	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
Религия духовно обогащает человека	65	72	60
Религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков	63	75	64
Религия способствует сохранению национальной культуры и традиций	66	79	60
Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	36	33	29
Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	25	14	29
Доверяю церкви (РПЦ)	41	39	19

Источник: данные авторского социологического исследования

1. При сравнении оценок тезисов о роли РПЦ в современном обществе, группа «приезжих» москвичей менее толерантны по отношению к церкви, чем группы «коренных» и «некоренных москвичей. Доверяют Церкви как социальному институту 41% и 39% из групп «коренных» и «некоренных москвичей соответственно, и только 19% из группы «приезжих». Четверть опрошенных коренных москвичей указывают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» и почти треть респондентов — из группы «приезжих». И наоборот: среди «коренных» москвичей больше недовольных деятельностью мусульманских организаций по сравнению с недавно «прибывшими» респондентами в столицу. 36% и 29% соответственно согласились, что «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни».

Из предложенных респондентам тезисов, определяющих ролевые функции религии в жизни человека, три номинации, характеризующие положительную роль религии, оказались наиболее значимыми в жизни для всех изучаемых групп населения. Главная ценность религии, считают москвичи, — в сохранении традиций и национальной культуры, а также в воспитании нравственных позиций. Большее значение они придают и компенсаторной функции религии: психологической и духовной. Положительные функции религии отметило подавляющее большинство. Тем не менее группа «приезжих» в значительно меньшей степени, чем другие группы, указывает на положительные функции религии. Так, между мигрантами с разной степенью ассимиляции выявилась значительная разница в ответах в оценке положительных функций религии. Например, 79% группы «некоренных» москвичей и 60% группы «приезжих» признают, что «религия способствует сохранению национальной культуры и традиций».

2. Выявлена значительная разница в социально-политических и патриотических ориентациях у изучаемых типологических групп. Так, результаты социологического опроса показывают, что коренные москвичи более оптимистично смотрят на социально-экономическое и социально-политическое положение в стране, реформирование общества по сравнению с мигрантами из группы «приезжих». Группа «приезжих» значительно активнее выступает за преобразование государственной системы, более негативно настроена по сравнению с группами «коренных» и «некоренных» москвичей: «политическую систему общества надо радикально изменить» (54%, 35% и 29% соответственно). Протестная форма социальной активности наиболее развита в группе «приезжих»: до четверти среди респондентов ответили, что для защиты своих интересов выйдут на митинг, демонстрацию или будут участвовать в забастовках, акциях протеста.

Отметим, что коренные москвичи и мигранты, долгие годы проживающие в столице, более позитивно оценивают деятельность государства по обеспечению норм демократического общества, больше доверяют Президенту РФ, имеют чуть более высокий уровень гражданской и патриотической самоидентификации по сравнению с «приезжей» группой. «Я горжусь, что я гражданин России» ответили 64% «коренных» и 46% «приезжих» москвичей. Вполне закономерно, что и другие показатели патриотических ориентаций у коренного населения оказались выше, чем у только что приехавших в Москву людей: «патриотизм — одна из консолидирующих ценностей российского общества» (45% и 33% по группам соответственно), «обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка» (67% и 60% соответственно) (табл. 3.3.6).

Таблица 3.3.6

Оценки коренных и некоренных жителей столицы социально-политических, патриотическим тезисов и социальных позиций (% от опрошенных в социальных группах), Москва, 2020 г.

Утверждения	Доля согласившихся с утверждением		
	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
Обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка	67	75	60
Патриотизм — одна из консолидирующих ценностей российского общества	45	48	33
Национальная гордость — одна из консолидирующих ценностей российского общества	41	46	27
Я горжусь, что я гражданин России	64	64	46
Государством обеспечивается безопасность граждан	42	39	24
Государством обеспечивается соблюдение прав человека	34	38	25
Государством обеспечиваются социальные гарантии	35	36	27
Меня не устраивает политическая система нашего общества, ее необходимо радикально изменить	35	29	54
Я готов защищать свои права	57	47	63
Если мне придется защищать свои интересы, я обращусь в СМИ	22	13	35
Если мне придется защищать свои интересы, я выйду на митинг, демонстрацию	20	17	22
Если мне придется защищать свои интересы, я буду участвовать в забастовках, акциях протеста	15	12	22

Источник: данные авторского социологического исследования

Заканчивая социологический обзор, уточним, что население было условно объединенно в типологические группы по формализованным признакам длительности проживания в мегаполисе.

Вне всякого сомнения, более низкий уровень духовно-нравственных и патриотических ориентаций группы «приезжих» по сравнению с коренными москвичами при длительном опыте межэтнического, этноконфессионального и социокультурного общения будет повышаться. Приобретение знаний приезжими об особенностях культуры, религиозных традиций, социально-этических норм поведения других конфессиональных и этнических групп, безусловно, способствуют развитию навыков межэтнического и межконфессионального и социокультурного взаимодействия.

3.4. Трудовые мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: миграционный опыт и поколенческие особенности

Республика Узбекистан в настоящее время является наблюдателем в ЕАЭС, подала заявку на членство в Евразийском банке развития, ведет подготовительную работу по вступлению в ЕАЭС[1]. По оценкам Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, 2 млн, или почти 20%, из 35 млн населения страны являются постоянными рабочими мигрантами, и 80% из них работают в России[2]. По состоянию на 1 января 2022 г. в Российской Федерации осуществляли трудовую деятельность 1 036 305 граждан Республики Узбекистан. Это 67,3% от общего числа узбекистанцев, находящихся на заработках за рубежом[3].

Трудовые мигранты из Узбекистана представляют в России одну из самых многочисленных групп мигрантов. Так, по оценкам Министерства внутренних дел, количество фактов постановки на миграционный учет граждан Узбекистана за один только период с января по сентябрь 2021 г. составило 3 374 758 случаев. Это на 1 436 623 случаев больше, чем совокупное количество фактов постановки на учет мигрантов из стран-членов ЕАЭС за тот же период, отличающихся при этом благо-

---

[1] Второй Евразийский конгресс // Правительство Российской Федерации: [сайт]. 02.12.2021. URL: http://government.ru/news/43980/ (дата обращения: 14.03.2022).

[2] Ташкент выступил за внедрение механизмов организованного набора трудовых мигрантов в СНГ // ТАСС: [сайт]. 07.12.2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/13130225 (дата обращения: 14.03.2022).

[3] Сколько узбекистанцев работали в России в прошлом году — статистика // Sputnik Узбекистан: [сайт]. 22.02.2022. URL: https://uz.sputniknews.ru/20220222/skolko-uzbekistantsev-rabotali-v-rossii-v-proshlom-godu — statistika-22916395.html (дата обращения: 14.03.2022).

приятными возможностями миграции внутри интеграционного объединения[1] (табл. 3.4.1).

Таблица 3.4.1

Количество фактов постановки на миграционный учет в России по Узбекистану и странам ЕАЭС

Страна	Количество фактов постановки на миграционный учет (январь–сентябрь 2021 г.)	Всего	Статус
Армения	437 276	1 938 126	Член ЕАЭС
Беларусь	347 663		
Казахстан	401 441		
Кыргызстан	751 746		
Узбекистан	3 374 758		Наблюдатель ЕАЭС

Источник: составлено авторами на основе данных МВД РФ

Несмотря на значимое положение мигрантов из Узбекистана на рынке труда России, нельзя с полной уверенностью утверждать, что вопросы адаптации, интеграции, социальных установок и социального самочувствия данной группы являются широко изученными в научной литературе. В этом контексте за последние несколько лет стоит особенно отметить ряд работ, в которых содержатся результаты отдельных социологических исследований, посвященных узбекским мигрантам. Так, например, А. С. Ващук, Г. Г. Ермак рассматривают миграцию из Узбекистана в Приморье[2]; А. В. Винокурова также на примере Приморья анализирует жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов[3]; В. М. Пешкова на примере мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана описывает инфраструктуру трудовых мигрантов в Москве[4]; А. Л. Рочева фокусируется на проблемах прожи-

[1] Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь – сентябрь 2021 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. 19.10.2021. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/26510325/ (дата обращения: 14.03.2022).

[2] *Ващук А. С.* Трудовые мигранты из Узбекистана в приморье: власть – мигранты – принимающее сообщество (начало XXI в.) / А. С. Ващук, Г. Г. Ермак // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 194–210.

[3] *Винокурова А. В.* Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 95–104.

[4] *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2. С. 129–151.

вания мигрантов из Узбекистана в принимающем обществе[1]; И. В. Догалева уделяет внимание социальным проблемам и практикам адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана[2]; В. И. Мукомель обращается к особенностям занятости высококвалифицированных трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана на российском рынке труда[3]; А. А. Авдашкин рассматривает сообщество узбекских мигрантов на Южном Урале[4]; А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын анализируют особенности повседневной жизни женщин-мигранток из Таджикистана и Узбекистана в Санкт-Петербурге на основе изучения степени их интеграции в принимающее сообщество[5]; Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов также рассматривают взаимоотношения мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и принимающего сообщества на примере Республики Саха (Якутии)[6] и др. Существует и ряд других работ, где мигранты из Узбекистана рассматриваются в общем контексте трудовой миграции.

Стоит отметить, что наши исследования сообществ мигрантов из Средней Азии показывают данную группу как наиболее проблемную с точки зрения адаптации в России. Для мигрантов из Средней Азии актуальными являются проблемы с поиском жилья, трудностями в получении работы, неудовлетворительными условиями для переквалификации и профессионального роста, сложностями с оформлением детей в детские сады и затрудненном доступе к образовательным и медицинским услугам, низком институциональном доверии, дискриминацией.

Цель настоящего аналитического текста заключается в предпринятой попытке оценки поколенческих особенностей и детерминант ми-

---

[1] *Рочева А. Л.* Исследование позиций «Карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50.

[2] *Довгалева И. В.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана: результаты включенного наблюдения // Инновационная наука. 2015. № 10–2. С. 250.

[3] *Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4 (36). С. 186–204.

[4] *Авдашкин А. А.* Узбекские мигранты на Южном Урале: между локальным сообществом и транснациональными практиками (2002–2019 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 6–12.

[5] *Резаев А.* Транснациональные мигранты в пространстве современного города / А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 254–275.

[6] *Арутюнова Е. М.* Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере республики Саха (Якутия)) / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 83–100.

грационного опыта граждан Узбекистана, работающих, обучающихся и проживающих в Москве и Московской области России.

В контексте данного исследования анализ миграционного опыта и поколенческих различий граждан Узбекистана в Московской агломерации опирается на опрос граждан Узбекистана, проведенный в декабре 2021 г. — январе 2022 г. в Москве и Московской области с использованием метода анкетного опроса в сочетании оффлайн и онлайн форматов. В рамках первого этапа анкетирования всего было опрошено 222 человека в возрасте 18–40 лет. Отбор осуществлялся процедурой «снежного кома» по трем целевым признакам: гражданство (Узбекистан), время приезда в Россию (после 2015 г.), регион проживания в России (Москва и Московская область), возраст (18–40 лет). Интернет-ссылка на прохождение опроса также размещалась в региональных мигрантских (этнических) и наиболее крупных онлайн-сообществах в социальных медиа. Сбор, обработка и контроль информации осуществлялся в режиме реального времени за счет формирования базы ответов в системе SurveyMonkey.

Трудности в проведении опроса были сопряжены с общим недоверием респондентов и нежеланием отвечать на вопросы, неполными ответами при прохождении онлайн-анкеты, помехами в коммуникации между анкетером и респондентам по причине языкового барьера.

В нашем исследовании понятие «миграционный опыт личности» лежит на пересечении таких категорий, как «жизненный опыт» и «миграция», и выступает базисной дефиницией статьи. Миграционный опыт формируется с момента, когда человек принимает решение сменить место жительства, вплоть до возвращения в страну исхода. Мы понимаем его как совокупность отложившихся впечатлений, сформировавшихся убеждений личности о принимающей стране в период эмиграции, которые влияют на его поведение, в том числе и будущее. Миграционный опыт позволяет индивиду ориентироваться в системе социальных взаимоотношений, связей и взаимодействий в принимающем обществе, принимать решение о продолжении эмиграции или ее завершении, эффективно адаптироваться. Именно таким опытом детерминируются как актуальная, так и потенциальная активность субъекта.

Аналитическая конструкция миграционного опыта в нашем исследовании включает в себя субъективные репрезентации ситуаций, событий, сложившихся представлений респондентов о работе, жилищных условиях, об отдыхе, возможностях реализации своих потребностей, оценке личного материального положения, об отношениях с населением, трудностях обустройства и жизни в Московской агломерации, а также поведенческих аспектов, связанных с установкой на возвратную миграцию, поддержку (неподдержку) процессов евразийской интеграции, с готовностью взаимодействовать с принимающем

социумом, установкой на адаптацию. Предложенная система показателей основана на индивидуальном уровне впечатлений, убеждений мигранта о принимающей стране, фокусируется на индивидуальных оценках и межгрупповых взаимоотношениях.

Анализ миграционного опыта граждан Узбекистана, связанного с принимающей страной, целесообразно начать с субъективных характеристик положения респондентов на московском рынке труда, поскольку, по их оценкам, сама миграция обусловлена экономическими причинами: низкими заработками (34,1%), отсутствием работы у себя на родине (27,4%), перспектив в жизни (16,1%). По данным опроса показатели удовлетворенности трудовой деятельностью, раскрытия творческого потенциала, как основы позитивного миграционного опыта, относительно благополучны. восемь из десяти опрошенных в целом удовлетворены своей работой (83,5%), считают, что она соответствует их способностям и возможностям (81,0%), хорошо оплачивается (79,6%) (рис. 3.4.1).

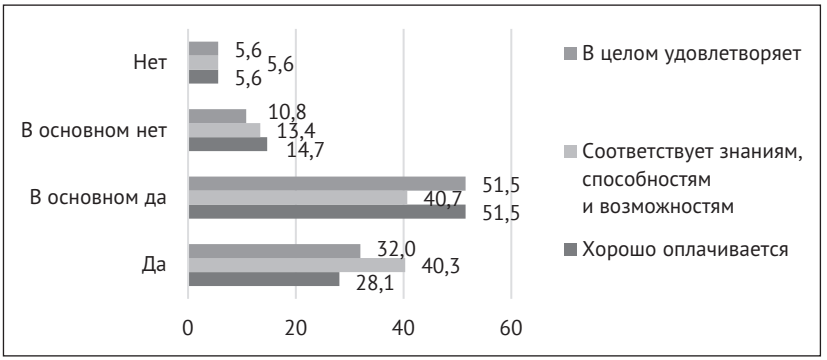

Рис. 3.4.1. *Мнение респондентов об удовлетворенности работой (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Обращаясь к результатам нашего исследования, стоит отметить, что мигранты из Узбекистана на рынке труда Москвы чаще заняты в сфере услуг (32,5%), торговле (19,0%), строительстве (15,2%), на транспорте (10,4%), что несколько выше по сравнению с численностью занятых по видам экономической деятельности в 2020 г. в столице[1]. 51,0% из них выполняет квалифицированную работу, 32,2% — неквалифицированную. Важнейшим фактором, влияющим на характер накопленного

[1] Численность занятых в Москве видам экономической деятельности в 2020 г. составляла: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – 15,45%, обрабатывающие производства – 14,2%, транспортировка и хранение – 8,8%, строительство – 6,6% (по данным: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с.).

в Москве миграционного опыта приезжих из Узбекистана, является возможность гармоничного сочетания в повседневной жизни трудовой деятельности с деятельностью по организации своего быта и досуга. Среди наших респондентов 39,5% оценивает свои жилищные условия как хорошие, еще 53,9% как удовлетворительные и 6,6% как плохие. Более половины (55%) живет в арендованной комнате или квартире, четверть — у друзей или родственников (25,1%), пятая часть — в общежитии (18,2%). Выбор ими места проживания чаще обусловлен наибольшей ценовой доступностью (39,8%), транспортной доступностью, близостью к месту работы (25,1%), наличием в месте проживания соотечественников (22,5%). Мигранты из Узбекистана демонстрируют достаточно высокую степень открытости в отношениях с многонациональным московским социумом. Это очень важно, поскольку коммуникация с принимающим населением повышает возможности освоения повседневных практик, помогает формированию опыта. По данным исследования, семь из десяти опрошенных с удовольствием общаются с представителями других национальностей (68,4%), каждый седьмой отметил, что все зависит от национальности (15,6%), каждый десятый свое общение с представителями других национальностей, с которыми постоянно общается (среди членов семьи, друзей, соседей, товарищей по работе) приятным не считает (9,5%), а каждый пятнадцатый не общается с представителями других национальностей (6,5%), т.е. 16% лишены опыта взаимодействия в принимающем социуме. Для 45% опрошенных главными людьми в Москве остаются соотечественники, для четырех из десяти — представители самых разных национальностей (39,0% ответили, что не различают друзей по национальности), для каждого десятого — русские. За помощью или советом мигранты из Узбекистана чаще обращаются к соотечественникам (56,3%), затем к местным жителям, которых они уже знают (45,9%), в посольство Узбекистана (20,8%), в узбекские организации (14,3%), к местным властям (11,3%). Избирательность взаимодействия мигрантов обусловливается сознательным выбором, их личными возможностями, а также эмоциональной близостью.

Миграционный опыт приобретается в процессе складывающихся межнациональных отношений в районе проживания респондентов в Московской агломерации. Дружескими, теплыми, мирными между узбеками и славянскими народами (русскими, белорусами, украинцами) их называют девять из десяти опрошенных, между узбеками и гражданами Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана, народов Закавказья (грузинами, армянами, азербайджанцами) — восемь из десяти. В этом ряду более сложные отношения складываются между узбеками и народами Северного Кавказа (дагестанцами, чеченцами, ингушами, черкесами и т.п.). Здесь семь из десяти назвали их дружескими, теплыми, мирными. И межнациональную напряженность

в этом случае невозможно объяснить различием религиозных верований (и узбеки, и дагестанцы, чеченцы, ингуши исповедуют ислам). Возможно, конфликты возникают в случае, когда соседи незнакомы с местными обычаями или обычаями узбеков, что и создает межнациональную напряженность в районах их проживания. Приезд в Москву, безусловно, является особым рубежом в жизни мигранта, вызывает конфликты и с самим с собой, и со средой, создает проблемные ситуации. Необходимость оптимизации функционирования человека для формирования позитивного опыта требует анализа проблем, трудностей, сомнений. Как показал опрос, для данной группы респондентов наибольшие сложности представили: трудности в получении работы (45,9%), в узаконивании своего пребывания (26,4%), проблемы с жильем (38,5%), нехватка информации о правах и обязанностях (22,9%), дискриминационное поведение властей, включая полицию (22,1%). Все проблемное поле трудностей представлено на рис. 3.4.2.

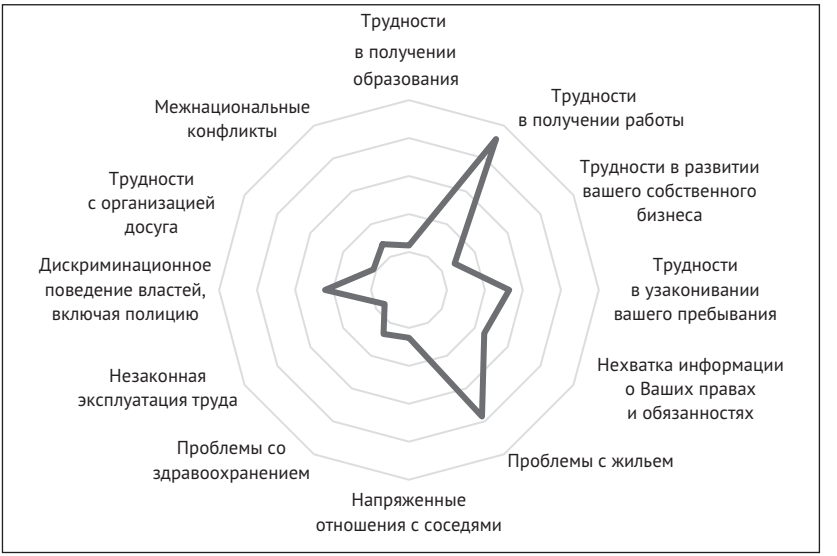

Рис. 3.4.2. *Трудности, с которыми столкнулись мигранты из Узбекистана в Москве (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Негативно на миграционном опыте сказывается ощущение третью мигрантов чувства опасности во время пребывания в Москве и Московской области. Респонденты сталкивалась с угрозами (11,3%), оскорблениями (43,3%) и даже подвергались физическому нападению (10,8%). Они считают, что москвичам не нравятся иностранцы (15,0%),

узбеки (16,4%), трудовые мигранты (29,6%). По оценкам опрошенных простые люди чаще встречают их и относятся к ним дружественно, нежели представители власти (рис. 3.4.3).

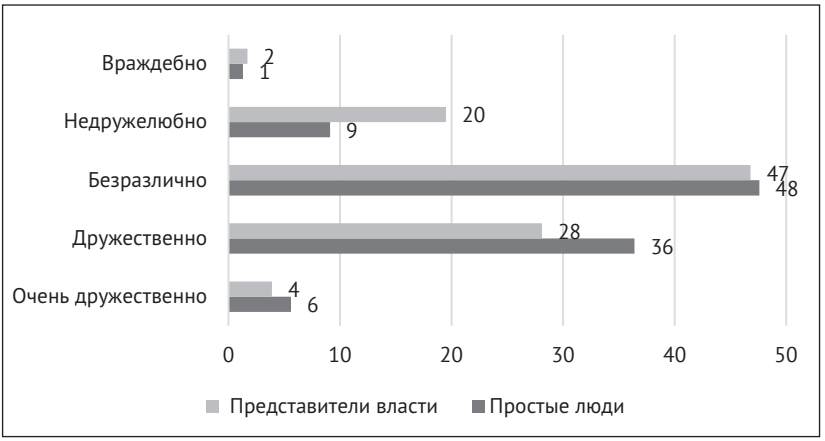

Рис. 3.4.3. *Оценка респондентами отношения простых людей и представителей власти к мигрантам из Узбекистана (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Оценивая настроение, которое преобладает у них в последнее время, 29,4% мигрантов отметили — хорошее, оптимистичное, 49,4%, — нормальное, ровное. Только 10,8% испытывают беспокойство, раздражение, 3,9% — страх, отчаяние, безысходность. Показательно, что у 11,7% миграционная политика Правительства России и Москвы вызывает чувство гордости за Россию; у 33,8% — удовлетворенности, уверенности в будущем; у 7,4% — беспокойства, тревоги, безнадежности; 2,6% — подавленности, злости, раздражения. У 35,1% — не вызывает никаких чувств.

Если в основу типологизации мигрантов из Узбекистана положить достижения как универсальный способ накопления миграционного опыта, способствующего самоутверждению, самореализации, росту эффективности человека, а в качестве результирующих из выше перечисленных показателей использовать «удовлетворенность в целом работой в Москве» и «оправданность ожиданий от приезда в Москву», поскольку они характеризуют выполнение личной жизненной программы, адекватно интегрируют потребность в достижениях, уровень притязаний и условия социальной среды, мы сможем выделить группы с разным миграционным опытом, дать характеристику его особенностей и влияния на миграционные установки и отношение к евразийской интеграции.

Исходя их этих критериев, характеризующих репрезентацию поведенческих практик, мы выделили две группы мигрантов из Узбекистана с разным миграционным опытом. Первая представлена 74% респондентов, ответившими положительно на оба вопроса и, по нашей версии, имеющими более позитивный характер опыта, вторая — 26%. Как показал анализ, в первой группе выше доля прибывших из крупных городов (Ташкент, Самарканд), имеющих высшее образование, лучше знающих русский язык, проживающих в России более трех лет. Результат отражения в сознании мигрантов из Узбекистана ожиданий от эмиграции, их способности, умения овладеть новым типом жизненной компетенции, оценки ими жизненных обстоятельств сказываются на образе России и миграционном опыте. Именно поэтому у респондентов из разных групп Россия вызывает разные ассоциации. Для первой группы это чаще возможность хорошего заработка и получения качественного образования (рис. 3.4.4).

Рис. 3.4.4. *Мнение респондентов о России (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Подавляющее большинство респондентов этой группы одобряет создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза (81,8%), считает выгодным получение Узбекистаном статуса наблюдателя с перспективой вступления в ЕАЭС (77,7%), более оптимистично оценивают изменения в своей жизни в результате вступления Узбекистана в ЕАЭС (68,4%) (рис. 3.4.5). Среди них

меньше доля затруднившихся ответить на эти вопросы (11–13%). В ней в два раза больше доля тех, кто не планирует возвращение в Узбекистан.

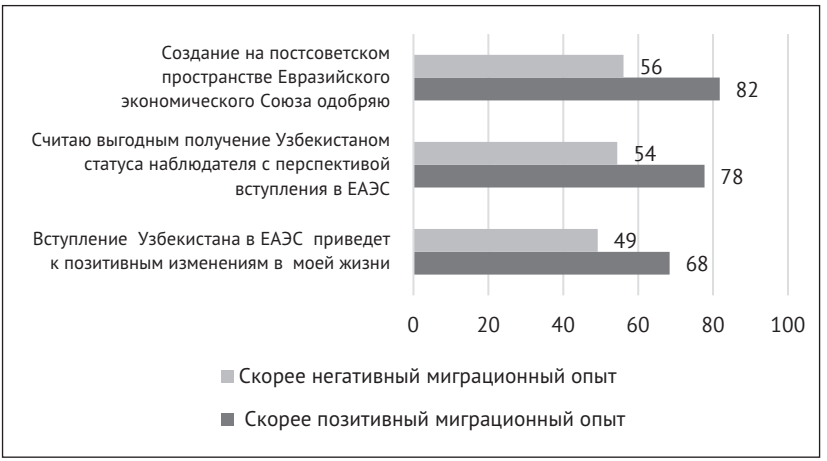

Рис. 3.4.5. *Оценка респондентами интеграционных процессов (%)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Проведенный нами анализ свидетельствует о сложности феномена «миграционный опыт» и многофакторности его формирования. В условиях ориентации страны на углубление интеграционных процессов с ЕАЭС потребности России в рабочей силе и не достаточного изучения деятельности субъектов миграционной и социальной политики по созданию благоприятных условий для жизни, мобильности, самореализации мигрантов в России, изучение особенностей и факторов формирования миграционного опыта мигрантов из Узбекистана приобретает важное значение.

Поколенческие особенности

Как известно, характер различий между поколениями обуславливается социально-политическими и технологическими факторами. Согласно периодизации поколений Pew Research Center[1], современную молодежь образуют представители двух поколений: *миллениалов (поколение Y)*, родившихся с 1981 по 1996 г., и *постмиллениалов (поколение Z)*, родившихся с 1997 по 2012 г. Поколение миллениалов — это

[1] *Dimock M.* Defining Generations: Where Millennials End and Generation Z Begins // Pew Research Center: [site]. 17.01.2019. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/ (accessed on: 20.04.2022).

«поколение ностальгии»[1], «поколение выгорания»[2], отличающееся невысокой политической активностью, на долю которого выпали серьезные технологические изменения и многочисленные экономические кризисы. Молодежь всегла находится в неравном положении относительно более продвинутых и экономически обеспеченных социальных групп, но это первое поколение, которое не может рассчитывать на лучшую жизнь в сравнении с предыдущим. Относительно представителей *постмиллениалов* можно утверждать, что последствия взросления в «постоянно подключенной» технологической среде только сейчас становятся предметом научного внимания. Исследования показали резкие положительные и тревожные сдвиги в поведении, взглядах и образе жизни молодежи, в частности, в контексте получения образования, трудоустройстве, организации семьи и заботы об окружающей среде.

Стоит оговориться, что данный подход к выделению молодежных групп, восходящий к работам У. Штрауса и Н. Хау[3], в контексте социологических исследований является относительным и не может претендовать на абсолютную универсальность, однако его применение позволяет получить интересные выводы. В России поколенческий подход при рассмотрении молодежи был использован, в частности, В. Радаевым[4]. Также в ходе исследований армянской молодежи нами был выявлен ряд отличительных межпоколенческих особенностей внутри армянской диаспоры[5]. Среди респондентов 41,9% являются представителями поколения постмиллениалов (Z) (16–25 лет) и 58,1% поколения миллениалов (Y) (26–35 лет). В выборке преобладают мужчины (70,7%) что объясняется гендерной спецификой трудовой миграции.

Описывая общие характеристики, следует отметить, что среди молодых трудовых мигрантов из Узбекистана преобладает среднее специальное (34,2%) и общее среднее образование (27,9%). Также 19,4% из числа наших респондентов имеют высшее образование на уровне бакалавриата. Лишь 8,6% окончили специалитет или имеют степень

---

[1] *Martz P.* The Nostalgia Generation // The Observer: [site]. URL: https://observer.case.edu/martz-the-nostalgia-generation/ (accessed on: 20.04.2022).

[2] *Petersen A. H.* Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation. New York: Dey Street Books. 2020. 304 p.

[3] *Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe. Fort Mill: Quill, 1992. 538 p.

[4] *Радаев В. В.* Миллениалы: Как меняется российское общество / В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

[5] *Киреев Е. Ю.* Армянская молодежь в России в период пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140) С. 87–90.

магистра. Около половины мигрантов приехали в Россию самостоятельно (49,1%), примечательно, что посредством организационного набора в Россию въехали лишь 2,3% опрошенных. Владение русским языком оценивается респондентами в основном как «хорошее» (51,4%) и «удовлетворительное» (25,7%).

Причины миграции и сфера приложения профессиональных усилий

Возрастные различия внутри молодежной группы начинают прослеживаться уже на уровне выявления причин, побудивших к миграции. Так для более молодой группы мигрантов отсутствие работы (23,7%) наряду с отсутствием жизненных перспектив у себя на родине (22,6%) являются наиболее значимыми факторами, побуждающими к переезду в Россию. Также для представителей возрастной группы 18–25 лет важен фактор невозможности получения хорошего образования в Узбекистане (14%). Для более старшей возрастной когорты преимущественно доминирующими над другими факторами миграции являются низкие заработки (45,7%) и отсутствие работы в стране исхода (30,2%). Таким образом, в более младшей группе озабоченность перспективами как причина миграции противостоит желанию решить в России насущные проблемы низких заработков и безработицы среди более старших соотечественников.

Проведенный нами анализ показывает, что сфера приложения профессиональных усилий мигрантов также разнится в возрастной перспективе. Так среди постмиллениалов выше доля занятых в сфере услуг (38,7% в группе 18–25 лет против 27,9% в группе 26–40 лет) и торговли (21,5% в группе 18–25 лет против 17,8% в группе 26–40 лет), а среди миллениалов в выше доля работающих в строительстве (8,6% в группе 18–25 лет против 20,2% в группе 26–40 лет) и на транспорте (6,5% в группе 18–25 лет против 13,2% в группе 26–40 лет).

Ценности и идентичность

Как правило, поколенческие различия наиболее ярко проявляются в преломлении ценностей и социальных установок. Наше исследование позволило выявить ряд интересных особенностей. Наиболее ярко данные различия в контексте интеграции проявляются в оценках респондентами перспективы вступления в межнациональный брак и потенциальной возможности назвать своего ребенка русским именем (рис. 3.4.6, 3.4.7).

Можно предположить, что поколение постмиллениалов в среде мигрантов из Узбекистана в московском регионе демонстрирует более выраженную по сравнению с миллениалами ориентацию на мультикультурность и менее выраженную консервативную ориентацию на сохранение и поддержку национальной идентичности.

Рис. 3.4.6. *Рассматриваете ли Вы для себя возможность вступления в межнациональный брак? (% от опрошенных по возрастам)*

Рис. 3.4.7. *Можете ли Вы представить ситуацию, что назовете всего ребенка русским именем? (% от опрошенных по возрастам)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Так, возможность вступления в межнациональный брак рассматривает для себя большинство (69,9% ответили «да» или «скорее, да») респондентов среди представителей поколения 18–25 лет и только 40,3% среди возрастной группы 26–40 лет. Готовы назвать своего ребенка русским именем также более половины представителей младшей возрастной группы (53,8% ответили «да» или «скорее, да») против 39,5% среди представителей более старшего поколения молодежи. Также постмиллениалы чаще видят себя гражданами мира (18,3%), чем представители поколения 26–40 лет (10,1%).

И в меньшей степени идентифицируют себя как представители своей национальности (20,4% в группе 18–25 лет против 27,1% в группе 26–40 лет) (рис. 3.4.8).

Можно предположить, что подобные установки будут разделяться данным поколением узбекских мигрантов и при перемещении в третьи страны при взаимодействии с принимающим обществом, демонстрируя большую открытость и мультикультурность.

В ценностном измерении представители миллениалов в большей степени ориентированы на создание крепкой семьи и рождение детей (31%), уверенность в завтрашнем дне (17,1%) и уважение со стороны окружающих (8,5%). Более молодые представители узбекских мигрантов, скорее, ориентированы на такие цели, как «достижение богатства» (25,8%), «интересную работу» (17,2%) и «жизнь по правде, совести и справедливости» (9,7%) (рис. 3.4.9).

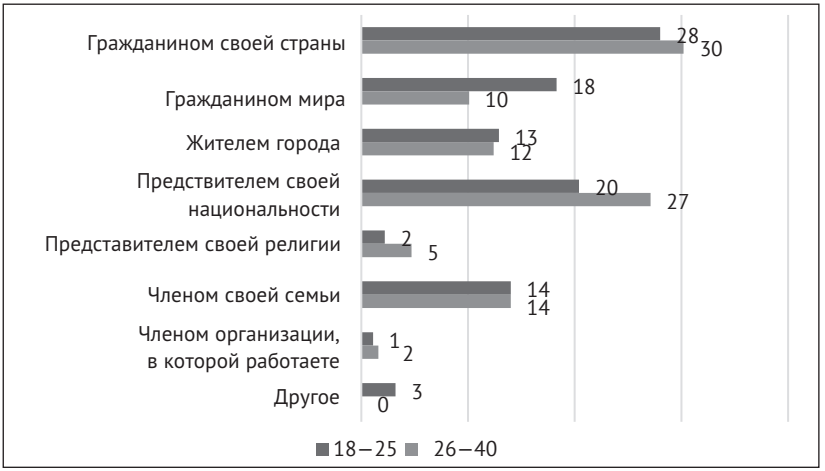

Рис. 3.4.8. *Кем Вы себя ощущаете в первую очередь? (% от опрошенных по возрастам)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Рис. 3.4.9. *Что из нижеперечисленного важно для Вас лично? (% от опрошенных по возрастам)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Досуг и погруженность в информационный контекст

Еще одним пространством межпоколенческих различий в сообществе молодых мигрантов из Узбекистана в московской агломерации является пространство досуговых практик. Доминирующей сферой проведения досуга для узбекских мигрантов в возрасте 18–25 лет является Интернет (76,3%), прогулки (52,7%), походы в кино (47,3%), подработки для дополнительного заработка (41,9%), самообразование (37,6%), компьютерные игры (28%) и посещение театральных постановок и концертов (18,3%). Представители миллениалов в большей степени, чем представители постмиллениалов ориентированы на традиционные медиа — просмотр ТВ (40,3%), прослушивание радио (14,7%) и чтение газет (11,6%) (рис. 3.4.10).

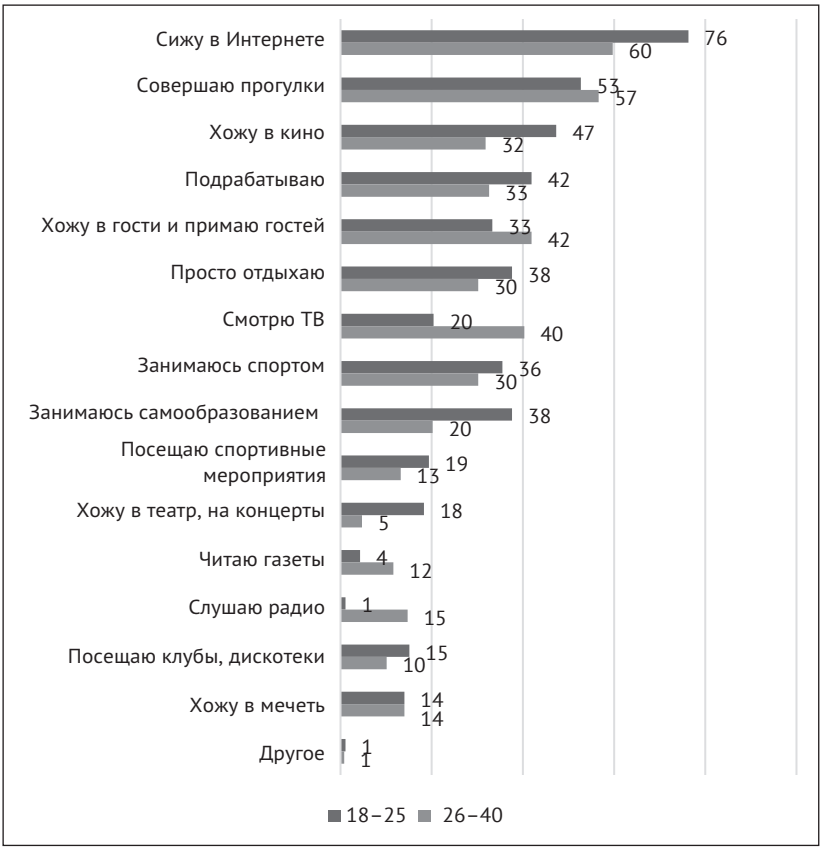

Рис. 3.4.10. *Чем Вы занимаетесь в свободное от основной работы время? (% от опрошенных по возрастам)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Представители более молодого поколения в сообществе молодых трудовых мигрантов из Узбекистана в меньшей степени ориентированы на посещение мест, где представители Узбекистана любят встречаться в Москве (не посещают 41,3% в группе 18–25 лет против 24,2% в группе 26–40 лет). Также мигранты в возрасте 18–25 лет гораздо реже просматривают как узбекское (не смотрят 57% в группе 18–25 лет против 38,8% в группе 26–40 лет), так и российское телевидение во время пребывания в столичном регионе (не смотрят 33,3% в группе 18–25 лет против 15,5% в группе 26–40 лет).

Оценка миграционной политики

Примечательно, что миллениалы в большей степени ориентированы на возвращение на родину и декларируют необходимость создания условий для возвращения со стороны властей Узбекистана (45%), в то время как постмиллениалы видят в качестве приоритетной, скорее, поддержку находящихся в России трудовых мигрантов (50,5%). В целом можно предположить, что более молодые мигранты в большей степени мобильны и удовлетворены своим пребыванием в России, что находит свое выражение в более позитивных оценках миграционной политики (рис. 3.4.11).

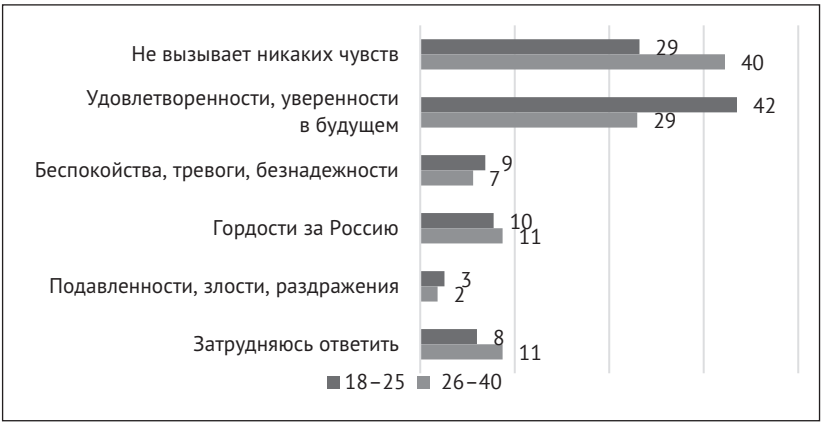

Рис. 3.4.11. *Какие настроения и чувства вызывает у Вас миграционная политика России и Москвы? (% от опрошенных по возрастам)*

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Таким образом, основная линия поколенческих различий в группе молодых мигрантов из Узбекистана проходит через ось *выталкивающих факторов — сфер занятости — разделяемых ценностей и установок — декларируемой идентичности — досуговых практик — потребления медиаконтента — субъективных оценок миграционной политики при-*

нимающего государства. Стоит оговориться, что менее заметные, но отдельные поколенческие различия проявляются и в контексте общей оценки мигрантами своего положения в московском регионе. Поколение 18–25 лет лучше оценивает свое положение (лучше возможности для получения образования, проведения свободного времени, занятий спортом, обеспечения семьи, меньшее ощущения чувства опасности). Также постмиллениалы легче оценивают для себя последствия периода пандемии COVID-19, так как для них не столько актуален вопрос снижения заработков и невозможности выезда на родину (в отличие от миллениалов), сколько вопрос получения образования. В целом в научной литературе существует общий консенсус, что поколения миллениалов и постмилениалов, скорее, близки и различия между ними не так существенны, особенно это касается ценностных вопросов.

Нужно отметить, что и наши исследования армянской молодежи не выявили настолько ярких межпоколенческих отличий внутри молодых представителей армянской диаспоры в России. Можно предположить, что видимые нами более выпуклые различия внутри группы молодых узбекских мигрантов в московской агломерации обусловлены более резкой трансформацией взглядов, представлений и установок наиболее восприимчивой («постоянно подключенной») к новым технологиям частью молодежной группы, в то время как поколения 26–30 лет в какой-то степени еще сохраняет традиционные представления, сформировавшиеся до активного развития и широкой доступности мобильного интернета и информационно-коммуникационных технологий, поэтому отличия внутри молодежной группы узбекских мигрантов являются довольно заметными.

Также наличие семьи в странах исхода и потребность ее обеспечения накладывает свой отпечаток на цели и мотивы миграции и нахождения в России поколения 26–40 лет, в то время как молодежь 18–25 лет ориентирована, скорее, на получение образования и подработки в России, и в меньшей степени заинтересована в возвращении на родину. Однако стоит оговориться, подобные утверждения могут восприниматься исключительно в качестве гипотез и требуют дальнейших исследований.

Высокий уровень естественного прироста населения Узбекистана, молодая возрастная структура, создают условия для избытка рабочей силы. Основным миграционным партнером Республики является Россия и по оценкам экспертов будет оставаться им и в последующие годы.

Особенностью миграционного опыта большинства (74%) граждан Узбекистана, работающих, обучающихся и проживающих в Москве и Московской области России, являются позитивные впечатления, убеждения, сложившиеся в процессе жизни и деятельности в эмиграции о столице. В этой группе все респонденты удовлетворены своей работой в Первопрестольной, считают, что их ожидания, связанные

с приездом в Москву, оправдались. Среди них выше уровень удовлетворенности всеми сторонами повседневной жизни, уверенности в завтрашнем дне, достаточно высока степень открытости в отношениях с многонациональным московским социумом, готовность к адаптации. Накопленный позитивный миграционный опыт в этой группе проявляется в более лояльном мнении по поводу создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза, получения Узбекистаном статуса наблюдателя с перспективой вступления в ЕАЭС, ориентации на закрепление в РФ. Детерминантами миграционного опыта являются: опыт проживания в крупных городах (Ташкент, Самарканд), обладание высшим образованием, хорошее знание русского языка, время проживания в России.

Сообщество молодых трудовых мигрантов в московской агломерации не является однородным и заметно отличается в контексте поколений — миллениалов и постмиллениалов. Как показывают наши исследования, подобные различия не так ярко выражены среди других молодежных групп московского мегаполиса (например, армян и россиян). Если миллениалы демонстрируют более традиционные и консервативные установки, то представители поколения 18–25 лет видится как более мобильная группа мигрантов, видящая в миграции в Москву и Московскую область возможность новых перспектив и получения образования, готовая интернироваться в принимающее общество, отличающаяся мультикультурностью и более сильной привязанностью к Интернет-технологиям. Поколение миллениалов, напротив, более консервативно, ориентировано на возвращение на родину и видит в миграции в первую очередь необходимую возможность заработка и поддержки семьи.

3.5. Социально-экономическое самочувствие женщин-мигранток из Киргизии в московском мегаполисе

Обращение к проблеме социально-экономического самочувствия женщин-мигранток из Кыргызстана в России, в том числе в московской агломерации, обусловлено следующими основными причинами. Первая причина определяется ростом объемов миграции из Кыргызстана в Россию в последние полтора года в целом. По различным оценкам, в РФ сегодня работает от 700 тыс. до 1 млн 55 тыс. мигрантов из Кыргызстана[1]. Московская агломерация остается главным миграци-

[1] *Петров А.* С начала 2022-го число выезжающих в РФ кыргызстанцев ощутимо выросло // Российская газета: [сайт]. 06.07.2022. URL: https://rg.ru/2022/07/06/perevody-podderzhivaiut-stabilnost.html (дата обращения: 24.09.2022); *Сабырова Н.* Цифра дня. 1 миллион 55 тысяч кыргызстанских мигрантов находятся в России // 24.kg: [сайт]. 24.08.2022. URL: https://24.kg/obschestvo/243127_tsifra_dnya1million_55tyisyach_kyirgyizstanskih_migrantov_nahodyatsya_vrossii (дата обращения: 24.09.2022).

онным центром в России, притягивающим из года в год наибольшее количество мигрантов, в том числе и из Кыргызстана. Согласно данным Федеральной службе государственной статистики в московской агломерации находится каждый девятый мигрант кыргызстанец, прибывший в Россию в 2021 г.[1] Второй причиной, является постепенное увеличение в миграционных потоках в Россию из Средней Азии доли женщин. По разным оценкам, среди внешних мигрантов в целом по России доля женщин составляет от 15% до 30%[2]. По данным ФМС, в миграционных потоках из Средней Азии самая высокая доля женщин — среди мигрантов из Кыргызстана (практически 40%)[3].

Феминизация миграционных потоков не могла остаться без внимания исследователей. Ученые приходят к выводу, что феминизация — объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия, который во многом определяют «особые социальные функции, выполняемые женщиной в обществе, и сохраняющаяся дискриминация, общественная потребность в обеспечении равных прав и возможностей мужчин и женщин в их самореализации»[4].

Изучение проблем, вызванных увеличением числа женщин среди мигрантов из Средней Азии, проводились в рамках нескольких проектов в ряде городов России. Исследования показывают, что активное включение женщин в миграцию приводит ко многим изменениям как в жизни самих мигрантов, так и посылающего и принимающего обществ. Феминизация миграционных потоков, в частности, приводит к изменениям стратегий планирования семьи, сексуального и репродуктивного поведения[5]. Однако официальная статистика не дает информации о структуре занятости отдельно женщин-мигрантов из Кыргызстана на рынке труда России, в том числе в московской агломерации, а вопросы их социально-экономического самочувствия

---

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 24.09.2022).

[2] *Содномпилова М. М.* Тотальный контроль или вседозволенность: положение женщины-мигрантки в Байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 18. С. 116–122.

[3] *Пешкова В.* Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы / В. Пешкова, А. Рочева // Демоскоп Weekly. Электронный журнал. 20 мая – 2 июня 2013. № 555–556. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0555/analit03.php

[4] *Осадчая Г. И.* Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве / Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 129–148.

[5] *Содномпилова М. М.* Тотальный контроль или вседозволенность: положение женщины-мигрантки в Байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 18. С. 116–122.

в Москве, от которого во многом зависит их будущее, пока вообще остаются мало изученными. Поэтому важным источником данных становятся выборочные обследования.

Эмпирическая база статьи представлена результатами социологического исследования «Молодые мигранты из Кыргызстана в Москве: особенности социальной адаптации». Методическая стратегия включает структурированные интервью мигрантов из Кыргызстана в Москве в рамках проекта «Мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС (руководитель проекта — Г. И. Осадчая). Объем выборки — 823 человека. Формирование выборки — методом снежного кома по признакам: граждане Кыргызстана, приехавшие в Москву после 2015 г. и прожившие в Москве больше одного месяца, в возрасте 17–30 лет.

При анализе результатов социально-экономического самочувствия женщин-мигранток из Кыргызстана в московском мегаполисе, мы исходили из того, что социально-экономическое самочувствие — это эмоционально-оценочная характеристика социальной группы женщин-мигранток из Кыргызстана, которая «детерминируется спецификой социокультурной реальности и ценностно-мотивационными особенностями индивидов»[1] и определяется удовлетворенностью своим ожиданиям, своим положением, перспективами, уверенностью в завтрашнем дне.

В зависимости от степени адаптивности социальной группы женщин-мигранток из Кыргызстана к социальным изменениям мы на основе идеи Г. Д. Гриценко[2] в зависимости от того, насколько оправдались ожидания женщин-мигранток из Кыргызстана от приезда в Россию, сконструировали следующие четыре типа их социально-экономического самочувствия: позитивное, неустойчиво позитивное, неустойчиво негативное, негативное, — которые определяют степень удовлетворенности индивида его работой и жизнью в московском мегаполисе. Высокая степень адаптации женщин-мигранток из Кыргызстана отражает позитивный тип социально-экономического самочувствия. Оно связано с высокой степенью удовлетворенности женщин самореализацией их жизненных планов и ценностей, материальным состоянием, уверенностью в завтрашнем дне; достаточностью социальных (бытовых, образовательных, досуговых, медицинских и др.) условий для жизни, а также удовлетворенностью социальными отношениями.

Неустойчиво позитивное социально-экономическое самочувствие детерминировано средней степенью удовлетворенности женщин ос-

---

[1] *Кобозева Н. Н.* Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Кобозева Наталья Николаевна; науч. рук. Т. Ф. Маслова; Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 184 с.

[2] *Гриценко Г. Д.* Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки. 2014. № 6 (7). С. 2.

новными сферами жизнедеятельности, доминированием чувств стабильности и комфортности. При этом вся активность женщин в этом случае направлена на решение только самых насущных проблем. Низкая степень удовлетворенности женщин приводит к формированию неустойчиво негативного типа социально-экономического самочувствия, при котором возможна непритязательная социальная адаптация. В этом случае человек довольствуется незначительными личными жизненными достижениями, испытывая преимущественно чувство подавленности, усталости и лишь частичной удовлетворенности.

Негативное социально-экономическое самочувствие вызвано полной неудовлетворенностью женщин сложившийся жизненной ситуацией в результате миграции, неудовлетворенностью личными жизненными достижениями, своим социальным статусом, отсутствие веры в собственные силы и лучшее будущее. Социально-экономическое самочувствие женщин-мигранток из Кыргызстана в московском мегаполисе во многом определяется причинами приезда в Москву.

По результатам проведенного нами исследования, выявлены основные причины миграции из Кыргызстана в московский мегаполис (табл. 3.5.1).

Таблица 3.5.1

Распределение ответов респондентов на вопрос о причинах приезда в московский регион (%)

Причины приезда в Россию	Женщины	Мужчины
Отсутствие работы у себя на родине	46,6	49,4
Низкие заработки	58,5	61,6
Отсутствие перспектив в жизни	41,2	40,7
Неблагоприятный климат	2,4	4,8
Плохая экология	1,5	3,7
Криминогенная обстановка	4,5	5,2
Невозможность получения хорошего образования	17,6	14,0
Другое	4,2	1,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

По данным нашего исследования видно, что для женщин экономические причины: отсутствие работы у себя на родине (по 46,6%) и низкие заработки (58,5%), — являются преобладающими. Далее по значимости идут причины, связанные с жизненными условиями: отсутствие перспектив в жизни (41,2%) и невозможность получения хорошего образования (17,6%). Для мужчин эти две причины явля-

ются также являются наиболее значимыми. Это коррелирует с выводами Т. М. Бормотовой, которая отмечает, что в собственной стране женщины зачастую «живут за чертой бедности, получение хорошего образования недоступно, что приводит к невозможности трудоустройства в своей стране»[1]. Е. С. Кованова, Е. П. Тенетова, Н. А. Эльдяева, рассматриваая структуру миграционных процессов и отмечая их феминизацию, подтверждают общий тренд: к основным причинам женской миграции они причисляют «низкий уровень доходов населения и качества жизни»[2].

Таким образом, в причинах женской миграции наблюдается взаимосвязь нескольких факторов: материального обеспечения, получения образования, трудоустройства.

На усиление феминизации миграционных процессов из указывает и тот факт, что почти три из четырех женщин приехали в московский мегаполис одни. Заметим, что женщины из Кыргызстана стали приезжать одни чаще, чем мужчины. У мужчин остается велика доля тех, кто приехал с супругой или с супругой и ребенком (детьми) (табл. 3.5.2).

Таблица 3.5.2

Распределение ответов респондентов на вопрос о том, с кем они приехали в Россию (%)

С кем Вы приехали в Россию?	Женщины	Мужчины
Один (одна)	51,0	63,8
С супругом (супругой)	16,0	12,8
С супругом (супругой) и с родителями (одним из них)	3,0	1,6
С супругом (супругой) с ребенком (детьми)	15,1	9,7
С супругом (супругой), с ребенком (детьми) и с родителями (одним из них)	0,9	1,0
Один (одна) с ребенком (детьми)	1,2	0,0
Один (одна) с ребенком (детьми) и с родителями (одним из них)	1,2	0,6
Другое	11,6	10,5

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

[1] *Бормотова Т. М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 15–20. (Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 1).

[2] *Кованова Е. С.* Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции / Е. С. Кованова, Е. П. Тенетова, Н. А. Эльдяева // Вестник университета. 2019. № 1. С. 128–131.

Кыргызстанки самостоятельны и в принятии решений по миграции в московский мегаполис. Каждая вторая из опрошенных женщин из Кыргызстана приехала самостоятельно. Конечно, миграционные сети между Кыргызстаном и Россией действуют активно. Поэтому 40,9% респонденток приехали в Россию, используя их: их взяли с собой родственники, друзья или пригласили уже находящиеся в России родственники, друзья. Это отмечают и другие исследователи: «для женщин-киргизок “сарафанное радио” — эффективный способ добыть полезную информацию и по горячим следам обойти места, где возможно нуждаются в их услугах»[1], т.е. можно уверенно говорить, что уровень доверия своим согражданам-мигрантам, предоставляющим практически полезную информацию, высокий.

Самостоятельность мужчин несколько выше, но ненамного. Уровень использования миграционных сетей у мужчин практически на одном уровне с женщинами (табл. 3.5.3).

Таблица 3.5.3

Распределение ответов респондентов на вопрос о том, как они приехали в Россию (%)

Как Вы приехали в Россию?	Женщины	Мужчины
Самостоятельно	51,6	60,5
По найму в Кыргызстане	5,9	6,8
Вас взяли с собой родственники, друзья	23,1	14,6
Вас пригласили уже находящиеся в России родственники, друзья	17,8	17,7
Другое	1,5	0,4

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Как мы отмечали выше, в зависимости от того, насколько оправдались ожидания женщин-мигранток из Кыргызстана от приезда в Россию, что и определяют их адаптационные стратегии, мы сконструировали следующие четыре типы их социально-экономического самочувствия: позитивное, приспособительное, пассивное, негативное. Как показало наше исследование, позитивное социально-экономическое самочувствие характерно для каждой четвертой опрошенной респондентки, приспособительное характерно для 60,5%; практически у каждой десятой — пассивное. Негативное социально-экономическое самочувствие свойственно небольшому проценту

[1] *Осадчая Г.* Адаптационный потенциал молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве / Г. Осадчая, Е. Киреев, Е. Киселева, А. Черникова // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 4. С. 126–139.

кыргызстанок — только 1,2%. Если сравнивать группы по социально-экономическому самочувствию женщин и мужчин, приехавших в Москву, то необходимо отметить, что у женщин приспособительный тип социально-экономического самочувствия более широко распространен, чем у мужчин, а пассивный тип у мужчин встречается чаще, чем у женщин (табл. 3.5.4).

Таблица 3.5.4

Распределение респондентов по типам социально-экономического самочувствия (%)

Тип социально-экономического самочувствия	Женщины	Мужчины
Позитивное	24,9	25,7
Неустойчиво позитивное	60,5	53,7
Неустойчиво негативное	8,9	12,8
Негативное	1,2	2,3
Затрудняюсь ответить	4,5	5,6

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Рассмотрим более детально составляющие, определяющие социально-экономическое самочувствие кыргызстанок в московском мегаполисе. Основными секторами экономики, в которых работают женщины из Кыргызстана, является торговля (46,3%). Эту точку зрения разделяют и другие исследователи: «В Москве незамужние девушки-киргизки успешно освоили профессию продавца-кассира супермаркета ...»[1]. Больше половины респонденток (53,1%) является неквалифицированными работниками. Поэтому неудивительно, что для этой группы респондентов социально-экономическое самочувствие в первую очередь характеризуется как неустойчиво негативное (60,0%) и негативное (75,0%). Позитивное социальное самочувствие превалирует у женщин, являющихся квалифицированными работниками (табл. 3.5.5).

Доля женщин, считающих, что их работа в Москве хорошо не оплачивается, невелика и составляет только 7,4%. Большинство опрошенных женщин (51,9%), считает, что их работа в основном хорошо оплачивается. И еще 20,5% считает, что оплачивается хорошо. Как следствие, у этих двух групп преобладает позитивное и неустойчиво позитивное социально-экономическое самочувствие относительно удовлетворенности их работой в Москве в целом (табл. 3.5.6).

[1] *Осадчая Г. И.* Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационные стратегии / Г. И. Осадчая, И. В. Лескова, Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 135–145.

Таблица 3.5.5

Распределение ответов респондентов о профессиональном статусе по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Какую должность Вы занимаете?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Руководитель	4,8	2,0	0,0	0,0
Квалифицированный работник	59,5	41,7	40,0	25,0
Неквалифицированный работник	35,7	56,4	60,0	75,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Таблица 3.5.6

Распределение ответов респондентов об удовлетворенности работой по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Считаете ли Вы, что Ваша работа в целом удовлетворяет Вас?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да	44,0	17,2	6,7	0,0
В основном да	39,3	61,3	43,3	50,0
В основном нет	9,5	16,2	30,0	50,0
Нет	7,1	5,4	20,0	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Позитивное социально-экономическое самочувствие поддерживается хорошими возможностями для повышения квалификации (у 57,1% кыргызстанок); хорошими отношениями с непосредственными руководителями (у 67,9%); хорошими отношениями с коллегами, товарищами по работе (у 76,2%). 46,4% опрошенных женщин, имеющих позитивное социально-экономическое самочувствие, считают, что у них есть необходимость повысить уровень образования и они собираются это сделать. Однако необходимо заметить, что в этой группе, каждая третья женщина, считает, что не нуждается в повышении своего уровня образования. Это может, на наш взгляд, объясняться тем, что позитивное социально-экономическое самочувствие формируется у этой группы респонденток за счет очень хорошего владения (44,0%) и хорошего владения (45,2%) русским языком.

Как результат, у тех женщин, у кого ожидания от приезда в Москву оправдались полностью (позитивное социально-экономическое са-

мочувствие) и скорее оправдались, чем нет (неустойчиво позитивное социально-экономическое самочувствие) личное материальное положение улучшилось. Так заявило подавляющее большинство респонденток. 40,0% респонденток, которые относятся к группе с неустойчиво негативное социально-экономическим самочувствием, отметили, что их личное материальное положение также улучшилось. Надо отметить, что в этой группе велика доля тех (43,3%), кто отметил, что их личное материальное положение не изменилось (табл. 3.5.7).

Таблица 3.5.7

Распределение ответов респондентов об изменениях личного материального положения за время пребывания в Москве по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Как изменилось Ваше личное материальное положение за время Вашего пребывания в Москве?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Улучшилось	78,6	71,6	40,0	0,0
Не изменилось	15,5	18,1	43,3	75,0
Ухудшилось	2,45	1,5	3,3	25,0
Затрудняюсь ответить	3,6	8,8	13,3	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Социально-экономического самочувствие кыргызстанок в Москве во многом определяется реальными условиями их жизни в столице: материальной обеспеченностью, питанием, одеждой, состоянием здоровья, жилищными условиями и т.д. (табл. 3.5.8).

Таблица 3.5.8

Распределение ответов респондентов об оценке различных сторон и условий жизни в Москве (женщины, %)

Какими Вы находите условия жизни в Москве?	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Материальная обеспеченность	26,7	65,3	8,0
Питание	56,7	41,8	1,5
Одежда	43,3	51,9	4,7
Состояние здоровья	63,2	35,0	1,8
Жилищные условия	39,2	55,5	5,3
Экологическая ситуация	28,8	59,6	11,6

Окончание табл. 3.5.8

Какими Вы находите условия жизни в Москве?	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Отношения в семье	81,3	17,5	1,2
Возможности для проведения свободного времени	44,5	47,5	8,0
Возможности для занятия физкультурой и спортом	38,6	52,5	8,9
Возможности для получения образования	32,6	48,7	18,7
Возможности для обеспечения семьи	32,9	57,6	9,5

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Как «хорошие» 81,3% всех женщин-респонденток оценили отношения в семье. Для группы женщин с позитивным самочувствием это доля еще выше и составляет 89,3%. Для неустойчиво позитивное и неустойчиво негативное типов социально-экономического самочувствия доля тех, кто оценивает отношения в семье как хорошие несколько ниже (79,9 и 76,7% соответственно), но все равно остается высокой. Семья остается для кыргызстанок основой их поддержки во время их пребывания в Москве на заработках, несмотря на сложности, которые им приходиться испытывать и преодолевать.

Это подтверждается и ответами женщин-респонденток на вопрос о наиболее значимой ценности для них в период их нахождения в Москве. Ценность семьи высоко значима для всех типов социально-экономического самочувствия (табл. 3.5.9).

Таблица 3.5.9

Распределение ответов респондентов о ценности для них семьи по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Значима ли семья для Вас в данный период жизни?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да	72,6	70,6	70,0	50,0
Нет	27,4	29,4	30,0	50,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Социально-экономическое самочувствие мигрантов из Кыргызстана во многом формируется через межличностные отношения с местными жителями. Женщины из Кыргызстана суммарно («очень

дружественно» и «дружественно») характеризуют его более положительно (56,7%), чем мужчины (40,1%); разница составляет 7,6%. Однако женщины менее подвержены негативным проявлениям со стороны местных жителей (3,3%), чем мужчины (8,4%). На этом фоне к женщинам москвичи относятся более безразлично (50,8%), чем мужчинам (46,8%), т.е. к женщинам в целом отношение менее враждебное. Можно предположить, что эмигрантки меньше контактируют с местными и сами крайне редко провоцируют конфликтные ситуации. Данные нашего исследования подтверждают ранее проведенные исследования. Е. С. Тарханова пишет, что «россиянки недоверчиво и настороженно относятся к мужчинам-мигрантам (особенно неславянской внешности) и, напротив, выражают большее сочувствие и доверие к женщинам-мигрантам. Это связано, прежде всего, с тем, что женщины-мигранты одной из стратегий адаптации выбирают различные способы сближения с россиянами. Россияне же мужского пола с определенным недоверием относятся к мужчинам-мигрантам и безразлично к женщинам-мигрантам»[1] (табл. 3.5.10).

Таблица 3.5.10

Распределение ответов респондентов о дружелюбии москвичей по отношению к мигрантам (%)

Каково, по Вашему мнению, отношение москвичей к мигрантам?	Женщины	Мужчины
Очень дружественно	10,1	8,0
Дружественно	46,6	32,1
Итого	**56,7**	**40,1**
Безразлично	40,1	51,2
Итого	**40,1**	**51,2**
Недружелюбно	3,0	7,8
Враждебно	0,3	0,8
Итого	**3,3**	**8,6**

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

В различных типах социально-экономического самочувствия преобладают разные виды отношений москвичей к кыргызстанкам. Для позитивного и неустойчиво позитивное типов более характерно дружественное отношение, хотя для неустойчиво позитивное типа высока доля тех, кто относится к кыргызстанкам безразлично. Для неустой-

[1] *Тарханова Е. С.* Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 187–193.

чиво негативное типа социально-экономического самочувствия характерно безразличное москвичей к кыргызстанкам. Для всех типов социально-экономического самочувствия практически отсутствует враждебное отношение москвичей к кыргызстанкам (табл. 3.5.11).

Таблица 3.5.11

Распределение ответов респондентов об отношения к ним москвичей по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Как в Москве люди обычно встречают Вас?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Очень дружественно	17,9	7,8	3,3	25,0
Дружественно	57,1	45,1	30,0	0,0
Безразлично	22,6	44,6	56,7	50,0
Недружелюбно	2,4	2,5	6,7	25,0
Враждебно	0,0	0,0	3,3	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Во многом тип социально-экономического самочувствия определяется уверенностью в завтрашнем дне. В завтрашнем дне, женщины, приехавшие в Москву, несколько уверены больше, чем мужчины (71,0% против 67,2%) (табл. 3.5.12).

Таблица 3.5.12

Распределение ответов респондентов на вопрос о степени уверенности в завтрашнем дне (%)

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?	Женщины	Мужчины
Да	13,4%	15,8%
Скорее да, чем нет	57,6%	51,4%
Итого	**71,0**	**67,2**
Скорее нет, чем да	17,5%	21,0%
Нет	4,2%	3,9%
Итого	**21,7**	**24,9**

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Позитивное социально-экономическое самочувствие кыргызстанок базируется на их прочной уверенности в завтрашнем дне. В нем уверены 83,5% респондентов. Для неустойчиво позитивное типа социально-экономического самочувствия кыргызстанок уверен-

ность в завтрашнем дне тоже достаточно высокая, но ниже на 10%, чем в первом типе самочувствия. Для неустойчиво негативного типа самочувствия уверенность женщин в завтрашнем дне в два раза ниже, чем в позитивном и составляет только 40%. Среди кыргызстанок, которым свойственен негативный тип социально-экономического самочувствия, нет ни одной, которая чувствуют уверенность в завтрашнем дне (табл. 3.5.13).

Таблица 3.5.13

Распределение ответов респондентов на вопрос о степени уверенности в завтрашнем дне по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да	31,0	7,8	0,0	0,0
Скорее да, чем нет	52,4	65,7	40,0	0,0
Итого	**83,4**	**73,5**	**40,0**	**0,0**
Скорее нет, чем да	10,7	15,7	50,0	50,0
Нет	3,6	3,4	6,7	50,0
Итого	**14,3**	**19,1**	**56,7**	**100,0**
Затрудняюсь ответить	2,4	7,4	3,3	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Позитивное социально-экономическое самочувствие определило и выбор страны или объединения стран, в которой молодые кыргызстанки хотели бы жить — для них это Россия. Так ответила каждая вторая респондентка, чьи ожидания оправдались от приезда в Москву (51,2%). Респондентки, характеризующиеся неустойчиво негативное социально-экономическим самочувствием, выбрали для проживания свою историческую родину — Кыргызстан (60,0%) (табл. 3.5.14).

Несмотря на разные точки зрения в выборе страны или объединения, в которой кыргызстанки, приехавшие в Москву, хотели бы в дальнейшем проживать, большинство из них, независимо от их социально-экономического самочувствия, одобряют и скорее одобряют создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза (ЕАЭС). Однако среди тех, чье социально-экономическое самочувствие характеризуется как неустойчиво негативное и негативное, велика доля тех, кто затруднился ответить на данный вопрос (30% и 25% соответственно) (табл. 3.5.15).

Таблица 3.5.14

Распределение ответов респондентов на вопрос о выборе страны для дальнейшего проживания по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Если бы Вы могли выбирать, то в какой стране или объединении стран Вы хотели бы жить?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
В Евразийском Союзе	13,1	11,3	10,0	0,0
В Кыргызстане	27,4	34,8	60,0	75,0
В России	51,2	39,7	23,3	0,0
В другом государстве или интеграционном объединении	4,8	3,4	0,0	25,0
Затрудняюсь ответить	3,6	10,8	6,7	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Таблица 3.5.15

Распределение ответов респондентов на вопрос о степени одобрения создания ЕАЭС по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Одобряете ли Вы создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза (ЕАЭС)?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да, одобряю	42,9	31,9	13,3	50,0
Скорее одобряю	39,3	33,8	36,7	25,0
Скорее не одобряю	1,2	7,8	10,0	0,0
Нет, не одобряю	1,2	2,9	10,0	0,0
Затрудняюсь ответить	15,5	23,5	30,0	25,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Независимо от типа социально-экономического самочувствия респонденток из Кыргызстана, доля, тех, кто из них считает, что вступление их страны в Евразийский Союз не является добровольным и взаимовыгодным, невелика и колеблется от 0 до 13,3%. (табл. 3.5.16).

Таблица 3.5.16

Распределение ответов респондентов на вопрос о степени добровольности и взаимовыгодности вступления Киргизии в ЕАЭС по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Является ли, на Ваш взгляд, добровольным и взаимовыгодным вступление Вашей страны в Евразийский Союз?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да	38,1	29,4	6,7	25,0
Скорее да, чем нет	36,9	38,2	36,7	50,0
Скорее нет, чем да	7,1	7,4	13,3	0,0
Нет	2,4	5,4	13,3	0,0
Затрудняюсь ответить	15,5	19,6	30,0	25,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Положительное отношение женщин-мигранток из Кыргызстана к участию их республики в ЕАЭС, определяется и тем, что, несмотря на их разное социально-экономическое самочувствие, больше половины или практически половина женщин из каждого типа, считает, что создание ЕАЭС привело к позитивным изменениям в их жизни. При этом необходимо отметить, что каждая четвертая респондентка затруднилась ответить на данный вопрос. Это объясняется в первую очередь тем, что часть женщин несмотря на то, что приехали в Россию (Москву) как мигранты Евразийского союза, не знают о нем. О этом свидетельствуют их ответы типа: «Ничего не знаю про ЕАЭС», «Честно говоря, ничего не знаю про ЕАЭС» и т.п. (табл. 3.5.17).

Основными факторами сплоченности ЕАЭС женщины-мигрантки всех типов социально-экономического самочувствия выделяют, в первую очередь, те, что связаны с уровнем и качеством жизни, условиями труда и занятости населения. Самым последним в рейтинге факторов у всех групп женщин, сформированных по типу их социально-экономического самочувствия, идет фактор моральных норм (табл. 3.5.18).

Таблица 3.5.17

Распределение ответов респондентов на вопрос о позитивных изменениях в их жизни после вступления Киргизии в ЕАЭС по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Как Вы считаете привело ли создание ЕАЭС к позитивным изменениям в Вашей жизни?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Да	38,1	20,1	10,0	25,0
Скорее да, чем нет	27,4	35,3	36,7	25,0
Скорее нет, чем да	7,1	13,2	6,7	25,0
Нет	3,6	6,4	20,0	0,0
Затрудняюсь ответить	23,8	25,0	26,7	33,3

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Таблица 3.5.18

Распределение ответов респондентов на вопрос о факторах сплоченности ЕАЭС по типам социально-экономического самочувствия (женщины, %)

Какие факторы, на Ваш взгляд, наиболее важны для сплоченности ЕАЭС?	Тип социально-экономического самочувствия			
	позитивное	неустойчиво позитивное	неустойчиво негативное	негативное
Гражданские свободы	29,8	31,4	20,0	50,
Уровень и качество жизни	48,8	54,4	36,7	50,0
Равенство перед законом	26,2	29,9	30,0	25,0
Дух солидарности и сотрудничества	32,1	30,9	26,7	25,0
Социальное обеспечение граждан	26,2	31,4	26,7	25,0
Условия труда	44,0	45,6	40,0	25,0
Личная безопасность	20,2	22,1	26,7	50,0
Занятость населения	36,9	32,8	23,3	0,0
Моральные нормы	10,7	15,2	13,3	50,0
Другое	3,8	4,4	13,3	0,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования

Итак, для женщин, приехавших в Москву из Кыргызстана, наиболее распространенным типом социально-экономического само-

чувствия является неустойчиво позитивное. Для него характерно, что кыргызстанки имеют низкий профессиональный статус, работая, как правило, на неквалифицированных работах, и эта работа их в основном удовлетворяет, так как благодаря ей они в своем подавляющем большинстве смогли улучшить за время пребывания в Москве свое личное материальное положение. Для них характерна уверенность в завтрашнем дне.

Каждая четвертая женщины-мигрантка имеет позитивное социально-экономическое самочувствие. Их значительное улучшение материального положения, высокая степень удовлетворенности работой, выстроенные дружеские отношения с принимающим сообществом, высокая уверенность в завтрашнем дне сформировали у большинства женщин их планы на дальнейшее проживание в России.

Неустойчиво негативное и негативное социально-экономическое самочувствие имеет каждая десятая из опрошенных женщин из Кыргызстана. Их материальное положение, как правило, не изменилось, хотя в группе с неустойчиво с негативным самочувствием достаточно высокая доля тех, у кого оно изменилось к лучшему. Среди женщин из этих групп каждая вторая испытывает безразличие в отношениях со стороны принимающего сообщества. Никто из них не испытывает уверенность в завтрашнем дне.

3.6. Социальная адаптация женщин из Узбекистана в Москве и Московской области

Поскольку в Россию приезжает достаточно большое количество мигрантов из Узбекистана, для обеих стран остро стоит вопрос их социальной адаптации. Актуальность данной проблематики обозначена в национальном проекте «Демография»[1]. Сегодня в достижении успешной адаптации мигрантов значительное место занимают вопросы женской миграции. В связи с этим актуальными становятся задачи изучения особенностей социальной адаптации мигранток в принимающем сообществе. Как отмечают В. Ю. Леденева и Л. А. Кононов, «процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество оказывают серьезное влияние на социально-экономическое развитие стран и обусловливают необходимость проведения государствами эффективной миграционной политики»[2].

---

[1] Опубликован паспорт национального проекта «Демография» // Правительство Российской Федерации: [сайт]. 11.02.2019. URL: http://government.ru/info/35559/ (дата обращения: 18.07.2022).

[2] *Кононов Л. А.* Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы / Л. А. Кононов, В. Ю. Леденева // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103.

Численность населения Республики Узбекистан, по данным на 1 июля 2022 г., составляет 35 603 443 человека[1]. Причем в стране проживает больше мужчин (51,3%), чем женщин (49,7%)[2]. Для страны характерно протекание активных миграционных процессов.

Как отмечают К.Х. Абдурахманов и Б.Б. Исламова, «население Узбекистана в основном выезжает в страны СНГ (около 90%). Самый большой поток традиционно направляется в Россию. По состоянию на 1 января 2022 г. численность мигрантов из Республики Узбекистан, работающих в зарубежных странах, в частности в Российской Федерации, составила 1 036 305 человек. Россия на протяжении многих десятилетий является лидером внешней миграции населения Узбекистана»[3]. На 1 января 2022 г. число граждан Республики Узбекистан, мигрировавших в Россию с целью трудоустройства и заработка, составляет 1 036 305 человек. В 2021 г. 502,4 тыс. узбекистанцев были вынуждены вернуться на родину[4] по причине распространения пандемии. Хотя правительство Республики Узбекистан разрабатывает и реализует меры, направленные на развитие «организованного экспорта рабочей силы, подавляющее большинство узбекистанцев находят работу самостоятельно, часто в дополнение к своей профессии и специализации, нередко с необратимой утратой профессиональных знаний и навыков»[5], что противоречит задачам успешной социальной адаптации.

По данным на 29 января 2022 г., в 2021 г., из республики Узбекистан «на постоянное место жительства в Россию переехало 6,14 тыс.»[6] (больше, чем в 2020 г.). Однако общее «количество тех, кто решил навсегда переехать в Узбекистан, также почти вдвое увеличилось за прошедший год и составило 1 875»[7] человек, т.е. миграционные процессы продолжаются, и пандемия не стала фактором их кардинального торможения. Изменения социально-экономической и социаль-

---

[1] Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: https://stat.uz/ru (дата обращения: 18.07.2022).

[2] Там же.

[3] *Абдурахманов К.Х.* Экономико-демографические аспекты внешней миграции Узбекистана / К.Х. Абдурахманов, Б.Б. Исламова // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 5. С. 379.

[4] Сколько узбекистанцев работали в России в прошлом году – статистика // Sputnik Узбекистан: [сайт]. URL: https://uz.sputniknews.ru/20220222/skolko-uzbekistantsev-rabotali-v-rossii-v-proshlom-godu — statistika-22916395.html (дата обращения: 18.07.2022).

[5] International migrant stocks // Migration Data Portal: [site]. URL: https://www.migrationdataportal.org/themes/international-migrant-stocks (accessed on: 18.07.2022).

[6] Сколько узбекистанцев приехало в Россию на ПМЖ – статистика // Sputnik Узбекистан: [сайт]. URL: https://uz.sputniknews.ru/20220128/skolko-uzbekistantsev-priexali-v-rossiyu-na-pmj — statistika-22430426.html (дата обращения: 18.07.2022).

[7] Там же.

но-эпидемиологической ситуации требуют от людей развития их адаптивных способностей и принятия обоснованных решений по выбору постоянного места жительства. Если рассматривать ситуацию в гендерном разрезе, за границей работают 568 492 узбекских женщин (около 30% трудовых мигрантов)[1], что традиционно не было характерно для страны.

Эмпирическая база работы представлена результатами исследования ИДИ ФНИСЦ РАН. Опрос проведен ИДИ ФНИСЦ РАН (руководитель проекта — Г. И. Осадчая) в 2022 г. Сбор, обработка и контроль информации осуществлялся в режиме реального времени за счет формирования базы ответов в системе SurveyMonkey. Проводился анкетный опрос 231 респондентов, отобранных методом снежного кома по признакам: гражданство (Узбекистан); время приезда в Россию (после 2015 г.); регион проживания (Москва и Московская область); возраст (18–40 лет).

Традиционный подход и базовые принципы гендерного анализа миграции заложены в трудах Й. Карлинга[2], С. Малер и П. Пессар[3], Н. Оиши[4], П. Хондагнеу-Сотело[5].

Х. Лутц предлагает подход к рассмотрению миграции как гендерносбалансированной, где «мужчины в ней не всегда занимают сильную позицию в иерархии»[6].

Исследователи миграционно-демографических проблем С. В. Рязанцев, А. А. Байков, В. М. Морозов отмечают «все большее включение женщин во все формы миграции, прежде всего трудовую, затем образовательную, воссоединения с семьей»[7].

---

[1] *Гайбуллаева З.* Полмиллиона узбекских женщин работают за границей. Есть ли в Узбекистане механизм для их трудоустройства? // Kun.uz: [сайт]. URL: https://kun.uz/ru/news/2022/04/14/polmilliona-uzbekskix-jyenshchin-rabotayut-za-granitsey-yest-li-v-uzbekistane-mexanizm-dlya-ix-trudoustroystva (дата обращения: 18.07.2022).

[2] *Carling J.* Gender Dimensions of International Migration // Global Migration Perspectives. 2005. № 35. P. 1–26.

[3] *Mahler S.* Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces / S. Mahler, P. R. Pessar // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2001. Vol. 7, № 4. P. 441–459.

[4] *Oishi N.* Gender and Migration: An Integrative Approach. UC San Diego Working Paper. № 49. La Jolla: University of California-San Diego, 2002. 18 p.

[5] *Hondagneu-Sotelo P.* Gender and Immigration: A Retrospective and Introduction // Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2003. P. 2–18.

[6] *Lutz H.* Gender in the Migratory Process // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36, № 10. P. 1647–1663. P. 1647.

[7] *Рязанцев С. В.* Социально-экономическое положение и правовой статус кыргызских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС / С. В. Рязанцев, А. А. Байков, В. М. Морозов // Миграционное право. 2019. № 1. С. 3–8.

Согласно идее «Женщина в развитии», вовлечение женщин в процессы глобальных миграции связана с развитием секторов экономики, в которых преобладают женщины[1].

Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова приходят к выводу, что феминизация миграционных процессов — «объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия»[2], который во многом определяют «особые социальные функции, выполняемые женщиной в обществе, и сохраняющаяся дискриминация, общественная потребность в обеспечении равных прав и возможностей мужчин и женщин в их самореализации»[3].

Специфику социальной адаптации мигранток целесообразно изучать с учетом исследований С. В. Рязанцева, З. К. Вазирова и С. Ю. Сивоплясовой, которые приходят к выводу, что «рынок труда имеют потребности и ниши, которые заполняют женщины-мигранты из стран Центральной Азии. Главным образом, это сфера обслуживания, социальная сфера, “домашняя экономика”»[4], т.е. речь идет о конкретных сегментах, в которых наиболее представлены мигрантки.

А. С. Шамурзаева, проводя глубокий анализ проблем женщин-мигрирантов и строя некоторые прогнозы, приходит к предположению, что они, «в отличие от мужчин, с большей вероятностью будут способствовать обеспечению долгосрочной устойчивости благосостояния семьи»[5].

Ш. Р. Нурдинова, рассматривая трудовую эмиграцию из Узбекистана, отмечает ее постепенную феминизацию[6]. Н. Зотова отмечает, что «все больше молодых женщин не видят никаких преград к тому, чтобы выехать на заработки вместе с мужем, а иногда и со всей семьей, с детьми»[7], при этом поток женской трудовой миграции «демонстрирует значительные сдвиги в системе традиционного общественного

---

[1] *Anderson B.* Servants and Slaves: Europe’s Domestic Workers // Race & Class. 1997. Vol. 39, № 1. P. 37–49.

[2] *Осадчая Г. И.* Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве / Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 129–148. С. 131.

[3] Там же.

[4] *Рязанцев С. В.* Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику / С. В. Рязанцев, З. К. Вазиров, С. Ю. Сивоплясова // Вестник Южно-Российского го сударственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 17.

[5] *Shamurzaeva A. S.* Gender-Specific Patterns of Remittance Behavior of Labor Migrants from the Kyrgyz Republic // Alatoo Academic Studies. 2021. № 2. P. 319.

[6] *Nurdinova Sh. R.* Migratsiyaning feminizatsiyalashuvi: Turkiyadagi O‘zbek migrantlar // Iqtisodiyot: Tahlillar va Prognozlar. 2021. № 2 (13). С. 187–194.

[7] *Зотова Н.* Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. С. 101.

устройства социальной жизни в республике»[1], таким образом, намечена тенденция.

Е.А. Барис пишет, что в связи с активным вовлечением женщин в процессы миграции появляются новые проблемы и перспективы их решения[2]. Е.П. Сигарева предполагает, что в будущем, буквально «через несколько десятилетий наступит "миграционный матриархат", который будет предъявлять требования по развитию инфраструктуры миграционной системы»[3]. Однако Ю.Ф. Флоринская, рассматривая миграционные тенденции, отмечает, что «несмотря на общемировой тренд феминизации трудовой миграции, в России заметного роста численности иностранных работниц ожидать не стоит, так как страны-доноры с исходно высокой долей женщин в потоке утрачивают свои лидирующие позиции»[4].

Т.М. Бормотова отмечает, что «женщины-мигранты, не имеющие законного статуса, часто сталкиваются с дискриминацией, отчуждением, эксплуатацией и жестоким обращением»[5], акцентируя внимание на возможных рисках.

Ж.К. Исакова и Г.Д. Бейшенбиева уделяют внимание медико-социальной специфике здоровья мигранток в связи с возможностью реализации репродуктивной функции[6].

К.И. Казенин, Э.Ш. Идрисов, М.М. Имашева приходят к выводу, что «миграция ведет к принятию новой модели брачно-репродуктивного поведения, связанной с более поздним вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также с меньшим количеством детей в семье»[7], т.е. мигрантки перенимают модели поведения местных жительниц.

---

[1] *Зотова Н.* Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. С. 101.

[2] *Барис Е.А.* Феминизация миграции: к постановке проблемы // Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции с международным участием, 29–30 мая 2018. Ч. 2 / под науч. ред. Л.В. Савинова. Новосибирск: СибАГС, 2018. С. 216–220.

[3] *Сигарева Е.П.* Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва-Иваново-Плес, 16–18 мая 2019 г. / ред. совет: О.А. Хасбулатов (отв. ред.) и др. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 285.

[4] *Флоринская Ю.Ф.* Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 78.

[5] *Бормотова Т.М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С.В. Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2017. С. 15–20. (Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 1).

[6] *Исакова Ж.К.* Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья женщин-мигрантов (обзор литературы) / Ж.К. Исакова, Г.Д. Бейшенбиева // Вестник КГМА им. И.К. Ахунбаева. 2015. № 1. С. 43–48.

[7] *Казенин К.И.* Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан / К.И. Казенин, Э.Ш. Идрисов, М.М. Имашева // Женщина в российском обществе. 2018. № 2 (87). С. 75.

Е. В. Батенева пишет, что среди вопросов, связанных миграцией женщин «из центральноазиатских стран, выделяется проблема брошенных в миграции детей и явление, получившее название “родильный туризм”», при этом «целью родильного туризма является желание получить российское гражданство для матери и ребенка, рожденного на территории Российской Федерации»[1], а это влечет за собой проблематику медико-социального сопровождения женщин, ждущих ребенка. Так, И. П. Артюхов, С. Ю. Ли-Ги-Ру, Н. А. Горбач, В. Ф. Капитонов, В. Б. Цхай, изучая положение беременных мигранток в России, пришли к выводу: «состояние их здоровья существенно хуже, чем в группе сравнения. Большинство имели осложнения в течение беременности и в родах. Удельный вес новорожденных, родившихся без патологических проявлений, у мигранток был в 1,3 раза ниже аналогичной доли новорожденных у женщин группы сравнения»[2]. Причины этого могут объясняться неблагополучными условиями жизни и работы женщин.

А. Л. Рочева выявляет особенности женщин-мигрантов «при взаимодействии с медицинскими учреждениями в ситуации беременности и родов в Москве» и отмечает, что во многом зависят от доступа к соответствующим ресурсам и от социокультурных традиций региона исхода[3].

Ж. Кадыркулова акцентирует внимание на задачах достижения гендерного равенства с учетом традиционных ролей представительниц женского пола, гендерной специфики сфер занятости, практик гендерного насилия[4]. Причем, как констатируют исследователи, «чаще всего имеет место не один вид насилия, а их комплекс»[5], поскольку экономическое насилие напрямую связано, например, с психологическим.

Развивая идею гендерного равенства, Т. И. Султонова пишет, что «женская трудовая миграция из страны с патриархальными устоями, каковой является Республика Таджикистан, открывает большие возможности для эмансипации женщин и является современным средством их материальной независимости, социального продвижения и роста»[6].

---

[1] *Батенева Е. В.* Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 90.

[2] *Артюхов И. П.* Здоровье беременных мигранток: анализ и возможности управления / И. П. Артюхов, С. Ю. Ли-Ги-Ру, Н. А. Горбач, В. Ф. Капитонов, В. Б. Цхай // Здравоохранение Российской Федерации. 2016. Т. 60, № 1. С. 30.

[3] *Рочева А. Л.* «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 367.

[4] *Кадыркулова Ж. К.* Трудовая миграция в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 186–189.

[5] *Борисов С. Н.* Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья / С. Н. Борисов, О. А. Волкова, О. В. Бессчетнова, Р. Ю. Доля // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68.

[6] *Султонова Т. И.* Защита прав женщин-мигрантов как наиболее уязвимой категории лиц // Юридический вестник. 2021. № 3 (7). С. 118.

С. Ци отмечает противоречивость миграционных процессов в Азиатском регионе: «С одной стороны, они могут улучшить положение женщин, с другой — подвергнуть их стигматизации и чрезмерному давлению. Так, трудовая миграция может дать женщине более широкие возможности, не доступные на родине мигрантки, но, с другой стороны, неквалифицированный труд может снизить ее профессиональные компетенции. Брачные миграции также могут быть двояким явлением, так как находятся в "серой зоне" и часто отождествляются с торговлей людьми»[1], т.е. социальная адаптация женщин-мигранток сопряжена с целым комплексом трудностей.

Часть научных работ, в том числе М. М. Ивановой, направлена на разработку практических предложений в целях повышения социальных гарантий приезжающих женщин. По ее мнению, это «во-первых, это работа с организациями по стимулированию легальной занятости женщин-мигрантов, во-вторых, просвещение непосредственно самих женщин-мигрантов в правовых вопросах пребывания и трудовой деятельности в России»[2], т.е. мы можем говорить об институциональных и индивидуальных форматах работы по совершенствованию процессов социальной адаптации мигранток.

Успешность социальной адаптации женщин-мигрантов из Республики Узбекистан во многом определяется индивидуальным или семейным форматом перемещения, а также причинами переезда. Е. С. Тарханова пишет, что «модели трудовой миграции женщин разнообразны. Множество женщин мигрировали самостоятельно (независимые мигранты) или по экономическим причинам. Изначально женщины ехали к своим мужьям-гастарбайтерам для "воссоединения семей" или за другими членами семьи (отцом, братом, сестрой и т.д.). Одни выезжают на заработки с детьми; другие оставляют детей дома на попечение родственников. Одни нацелены только на заработок и обеспечение своей семьи; другие хотят обрести независимость, найти свою судьбу, создать семью в новой для них стране (брачная миграция); третьи — хотят получить образование»[3]. В большинстве случаев женщины оставляют своих детей у родственников[4].

---

[1] *Ци С.* Женская миграция в азиатских обществах как механизм эмансипации // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 1715.

[2] *Иванова М. М.* Социальное положение женщин-мигрантов в России // Социальное обслуживание семей и детей. 2020. № 19. С. 96.

[3] *Тарханова Е. С.* Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 189.

[4] *Гайбуллаева З.* Полмиллиона узбекских женщин работают за границей. Есть ли в Узбекистане механизм для их трудоустройства? // Kun.uz: [сайт]. URL: https://kun.uz/ru/news/2022/04/14/polmilliona-uzbekskix-jyenshchin-rabotayut-za-granitsey-yest-li-v-uzbekistane-mexanizm-dlya-ix-trudoustroystva (дата обращения: 18.07.2022).

Исследования, осуществленные К.Х. Абдурахмановым и Б.Б. Исламовой, продемонстрировали, что предпочтительно «мужчины из Узбекистана уезжают на работу в страны СНГ, а основное количество женщин в Турцию или Арабские Эмираты»[1]. Однако все-таки серьезная ориентация «приходится на Казахстан и Россию. Данный факт связан с тем, что уезжать туда легче»[2]. И выбор траектории перемещения зачастую определяется спецификой индивидуальной ситуации, в которой оказалась женщина. Например, по результатам проведенного нами исследования, выявлены следующие основные причины приезда женщин из Узбекистана в Россию (табл. 3.6.1).

Таблица 3.6.1

Причины приезда женщин из Узбекистана в Россию (%)

Причины приезда в Россию	Результат
Отсутствие работы у себя на родине	26,2
Низкие заработки	26,2
Отсутствие перспектив в жизни	21,5
Желание жить в России	15,4
Невозможность получения хорошего образования	6,2
Другое	4,6

Источник: составлено авторами на основе данных исследования К.Х. Абдурахманова, Б.Б. Исламовой[3]

Таким образом, основные мотивы носят экономический характер: отсутствие работы у себя на родине и низкие заработки (по 26,2%). Далее по значимости расположены причины, связанные с жизненными условиями: отсутствие перспектив в жизни (21,5%) и желание жить в России (15,4%). Среди причин переезда названа и невозможность для женщин получения хорошего образования в своей стране (6,2%). Т.М. Бормотова подтверждает, что в собственной стране женщины зачастую «живут за чертой бедности, получение хорошего образования недоступно, что приводит к невозможности трудоустройства в своей стране»[4], т.е. наблюдается взаимосвязь нескольких факторов: мате-

[1] *Абдурахманов К.Х.* Экономико-демографические аспекты внешней миграции Узбекистана / К.Х. Абдурахманов, Б.Б. Исламова // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 5. С. 379.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Бормотова Т.М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С.В. Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 15–20. (Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 1).

риального обеспечения, получения образования, трудоустройства. И здесь важное значение имеют «адаптационные установки и стратегии», которые могут заключаться «в маргинализации в московском социуме, или во взаимодополняемости, или в усвоении доминирующих норм»[1]. Именно от изначальных установок и выбираемых стратегий во многом зависит успешность достижения целей мигрантов, которые они ставили перед собой перед переездом. Осознанность оценивания мигрантами социальной реальности может приводить к следующим вариантам их взаимодействия с местнвм населением: «маргинализация в московском сообществе, взаимодополняемость и усвоение доминирующих норм»[2].

Е. С. Кованова, Е. П. Тенетова, Н. А. Эльдяева, рассматриваая структуру миграционных процессов, подтверждают общий тренд: к основным причинам женской миграции они причисляют «низкий уровень доходов населения и качества жизни»[3].

Среди причин приезда женщин из Узбекистана в Россию, которые они оценили выше, чем мужчины, названы: отсутствие перспектив в жизни (21,5% и 13,9%) и желание жить в России (15,4% и 8,9%).

У женщин из Республики Узбекистан в большей степени (35,4%), чем у мужчин (25,9%), оправдались ожидания от приезда в Россию; нет — 1,5% и 2,5% соответственно.

Сами мигранты неоднозначно оценивают процедуру (табл. 3.6.2) организационного набора граждан для осуществления переезда («в 2021 г. 100,1 тыс. граждан Узбекистана были трудоустроены в РФ за счет оргнабора»[4]). Она в основном используется в трудовой миграции. Здесь имеются некоторые различия в мнениях мужчин и женщин.

Мужчины суммарно («положительно» и «скорее, положительно») более одобрительно (65,0%), чем женщины (54,7) относятся к организационному набору граждан, планирующих мигрировать в другую страну. Вместе с этим именно у представителей сильного пола присутствует негативное отношение к такой возможности (11,4%), по сравнению с женщинами (6,3%). Превалирование в обоих случаях (как отрицательном, так и положительном) выборов мужчин может

---

[1] *Осадчая Г.* Адаптационный потенциал молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве / Г. Осадчая, Е. Киреев, Е. Киселева, А. Черникова // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 4. С. 126.

[2] Там же.

[3] *Кованова Е. С.* Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции / Е. С. Кованова, Е. П. Тенетова, Н. А. Эльдяева // Вестник университета. 2019. № 1. С. 128–131.

[4] Сколько узбекистанцев работали в России в прошлом году – статистика // Sputnik Узбекистан: [сайт]. URL: https://uz.sputniknews.ru/20220222/skolko-uzbekistantsev-rabotali-v-rossii-v-proshlom-godu — statistika-22916395.html (дата обращения: 18.07.2022).

демонстрировать меньшую осведомленность женщин о подобной практике и большую ориентацию последних на семейное решение о территориальном перемещении.

Таблица 3.6.2

Оценка мигрантами процедуры организационного набора граждан из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (%)

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Положительно	27,4	28,1
Скорее, положительно	37,6	26,6
Итого	**65,0**	**54,7**
Скорее, отрицательно	7,6	4,7
Отрицательно	3,8	1,6
Итого	**11,4**	**6,3**

Источник: составлено авторами

Намерения мигрантов вернуться из Российской Федерации на Родину также влияют на социальную адаптацию, которая различна в зависимости от того, планируется ли проживать в стране приема (в случае продолжения трудовой деятельности или проживания в иностранном государстве) или исхода (в случае возвращения) (рис. 3.6.1).

Рис. 3.6.1. *Намерения мигрантов вернуться из Российской Федерации в Узбекистан (%)*

Источник: составлено авторами

Как видно, женщины немного более склонны остаться в России (36,9%), чем мужчины (35,4%), хотя разница здесь незначи-

тельная и составляет лишь 1,5%. Но при этом вернуться планируют 31,6% узбеков-мужчин, по сравнению с 16,9% женщин, т.е. разница в возвратных намерениях составляет 24,7% (почти в два раза). Можно предположить, что женщина зачастую прибывает в Россию в составе семьи, после того как мужчина уже создал базовые возможности для окончательного переезда и укоренения в России. Мужчины же, вероятно, в большей являются временными трудовыми мигрантами, работающими в России, чтобы обеспечивать свою семью, которая осталась в Узбекистане.

Более реальной причиной возвращения Кыргызстан для женщин по сравнению с мужчинами может стать поездка на каникулы или праздники (45,4% и 38,7% соответственно). Другие причины они видят для себя менее вероятными: депортация (2,4% и 8,6%); истекший контракт на работу (5,6% и 10,7%).

Женщины приспосабливаются к ситуации миграции в зависимости от поставленных целей. Это демонстрируют цитаты из интервью узбекских мигранток, например: *«Единственной моей целью была покупка жилья. Мой единственный сын оставался на попечении родителей. Я работала и ездила туда и обратно в течение восьми лет. Приезжала в Узбекистан каждые 10–11 месяцев. Если бы была возможность, мы бы уехали жить, а не работать». «Моя мама работает продавщицей в России. Она учительница, но поскольку она мать-одиночка, ей не хватало зарплаты, и она оставила меня бабушке и уехала работать за границу»*[1].

Социальная адаптация женщин-мигранток из стран Средней Азии более успешно осуществляется в случае установления конструктивных межличностных отношений с местными жителями. Е. С. Тарханова пишет, что «россиянки недоверчиво и настороженно относятся к мужчинам-мигрантам (особенно неславянской внешности) и, напротив, выражают большее сочувствие и доверие к женщинам-мигрантам. Это связано, прежде всего, с тем, что женщины-мигранты одной из стратегий адаптации выбирают различные способы сближения с россиянами. Россияне же мужского пола с определенным недоверием относятся к мужчинам-мигрантам и безразлично к женщинам-мигрантам»[2]. Так, дружелюбие москвичей по отношению к мигрантам оценивается несколько различно в гендерном разрезе (табл. 3.6.3).

---

[1] *Гайбуллаева З.* Полмиллиона узбекских женщин работают за границей. Есть ли в Узбекистане механизм для их трудоустройства? // Kun.uz: [сайт]. URL: https://kun.uz/ru/news/2022/04/14/polmilliona-uzbekskix-jyenshchin-rabotayut-za-granitsey-yest-li-v-uzbekistane-mexanizm-dlya-ix-trudoustroystva (дата обращения: 18.07.2022).

[2] *Тарханова Е. С.* Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 191.

Таблица 3.6.3

Дружелюбие москвичей по отношению к мигрантам (по данным мигрантов из Республики Узбекистан)

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Очень дружественно	5,1	7,7
Дружественно	34,8	36,9
Итого	**39,9**	**44,6**
Безразлично	46,8	50,8
Итого	**46,8**	**50,8**
Недружелюбно	12,0	3,1
Враждебно	1,3	1,5
Итого	**13,3**	**4,6**

Источник: составлено авторами а основе данных социологического исследования

Женщины из Узбекистана суммарно («очень дружественно» и «дружественно») характеризуют его более положительно (44,6%), чем мужчины (39,9%); разница составляет 4,7%. Однако женщины менее подвержены негативным проявлениям со стороны местных жителей (4,6%), чем мужчины (13,3%), где наблюдается различие почти в 3 раза. На этом фоне к женщинам москвичи относятся более безразлично (50,8%), чем мужчинам (46,8%), т.е. к женщинам в целом отношение менее враждебное. Можно предположить, что эмигрантки меньше контактируют с местными и сами крайне редко провоцируют конфликтные ситуации.

Успешность социальной адаптации женщин-мигранток частично зависит от повышения их образовательного уровня. Современные юноши и девушки многих стран испытывают актуальную потребность «в качественном и доступном высшем образовании, в том числе за рубежом»[1].

К примеру, образование женщин из Узбекистана по уровням распределилось следующим образом: начальная школа — 0,0%; неполное среднее образование — 4,6%; общее среднее образование — 27,7%; среднее специальное образование — 33,8%; высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура) — 27,7%, 4,6%, 0,0% соответственно; другое — 1,5%.

Уровень образования женщин из Республики Узбекистан отличается от мужчин в основном по ступеням высшего образования.

[1] *Рязанцев С. В.* Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России / С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 23.

Женщины-мигрантки из Узбекистана реже, чем мужчины, имеют высшее образование уровня специалитета и магистратуры: бакалавриат (27,7% 15,8%), специалитет (4,6% и 7,0%), магистратура (0,0% и 3,2%), т.е., чем выше уровень образования, тем меньшее количество женщин представлено в данной категории.

Актуализируется задача, стоящая перед принимающим обществом, которая предполагает «формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества страны-реципиента, а также обеспечить гражданское единство и согласие»[1]. Это предполагает включенность в данную деятельность и органов власти, и общественного сектора. Эксперты (в том числе Г. И. Осадчая, И. В. Лескова, Т. Н. Юдина) считают, что целесообразно «активнее вводить мигрантов в жизнь местного сообщества, но с учетом признания их национальной и культурной самобытности»[2]. Такой комплексный подход будет способствовать успешной социальной адаптации женщин-мигранток. И, наоборот, отсутствие ориентации на повышение образовательного уровня и трудового статуса будет вести к сохранению и усилению «профессиональной маргинализации»[3] узбекских женщин как в России, так и в Узбекистане.

Дальнейшие научные разработки по изучению социальной адаптации женщин-мигранток, перемещающихся из Узбекистана в Россию, видятся перспективными в следующих направлениях: намерения, ожидания и планы женщин-мигранток, нацеленных на повышение общего жизненного благополучия; диверсификация экономических, семейных, образовательных, самореализационных потребностей женщин-мигранток; тактические действия женщин-мигранток по достижению успешной социальной адаптации как в стране приема, так и исхода.

Успешность социальной адаптации женщин-мигранток связана с достижением положительных экономических эффектов. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, С. Н. Перемышлин отмечают, что в современных условиях «сохраняются высокие риски вовлечения женщин — трудящихся-мигранток в трудовую эксплуатацию и торговлю людьми

---

[1] *Осадчая Г. И.* Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационный потенциал // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / отв. ред. Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 260–263.

[2] *Осадчая Г. И.* Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационные стратегии / Г. И. Осадчая, И. В. Лескова, Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 139.

[3] *Волкова О. А.* Профессиональная маргинализация в условиях глобального экономического кризиса // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 3. С. 86.

в России»; «многие женщины-мигрантки испытывают на рынке труда двойную дискриминацию — и как мигрантки, и как женщины»[1].

Как отмечают современные исследователи, в том числе Т. М. Бормотова, женские трудовые ресурсы в большинстве случаев используют отдельные «отрасли экономики — сфера услуг и сервиса, развлечений и досуга. Более половины женщин (70%), устремившихся на поиски работы за границей, надеются на трудоустройство в качестве гувернанток, официанток, танцовщиц, фотомоделей, ухаживают за больными, престарелыми и детьми»[2]. М. М. Иванова, рассматривая теневые трудовые практики, отмечает: «труд женской миграции преимущественно характеризуется нелегальными экономическими отношениями. Занятость женщин-мигрантов в "теневой" экономике способствует распространению дискриминационных практик на рынке труда, формирует их экономическую и социальную уязвимость»[3].

Представительницы из Республики Узбекистан трудятся в сферах услуг (50,8%); торговли (29,2%); образования (6,2%); строительства (4,6%); транспорта (3,1%); здравоохранения и промышленности (по1,5%); какой-либо другой (3,1%). Мигрантки из Узбекистана совсем не представлены в сельском хозяйстве (0,0%, а мужчин — 7,0%) и в информационных технологиях (0,0% и 4,4% соответственно). Большинство мигрантов из Узбекистана на территории СНГ трудятся «в основном в строительном секторе, у женщин в этих странах возникает ряд трудностей»[4], поскольку их труд мало применим в данной сфере.

Спецификой в поиске работы в России является «сарафанное радио» — эффективный способ добыть полезную информацию и по горячим следам обойти места, где возможно нуждаются в их услугах»[5], т.е. можно констатировать высокий уровень доверия своим согражданам-мигранкам, предоставляющим практически полезную информацию.

Гражданки Узбекистана распределены в секторах российской экономики таким образом: неквалифицированный наемный работник

---

[1] *Рязанцев С. В.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, С. Н. Перемышлин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53–65.

[2] *Бормотова Т. М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 15–20. (Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 1).

[3] *Иванова М. М.* Социальное положение женщин-мигрантов в России // Социальное обслуживание семей и детей. 2020. № 19. С. 96.

[4] *Абдурахманов К. Х.* Экономико-демографические аспекты внешней миграции Узбекистана / К. Х. Абдурахманов, Б. Б. Исламова // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 5. С. 379.

[5] *Осадчая Г. И.* Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационные стратегии / Г. И. Осадчая, И. В. Лескова, Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 138.

(44,6%); квалифицированный наемный работник (41,5%); индивидуальный предприниматель, самозанятый (3,1%); руководитель (1,5%); фрилансер (3,1%). Помимо того, отрасли, отмеченные как «другие», в совокупности составили 6,2%. Женщины чаще трудятся как неквалифицированные наемные работники (44,6% по сравнению с представителями противоположного пола — 29,7%).

Примерно в два раза реже представительницы женского пола из Республики Узбекистан имеют социально-трудовые статусы: «руководитель» (1,5% по сравнению с 3,8% у мужчин); «индивидуальный предприниматель, самозанятый» (3,1% и 7,0%); фрилансер (3,1% и 5,1%). В такой категории, как «предприниматель, бизнесмен» женщины не представлены совсем (0,0%) по сравнению с мужчинами (3,2%).

Россия у мигранток из Узбекистана по сравнению с мужчинами ассоциируется с возможностью комфортной жизни для них и членов их семей (32,3% и у мужчин — 21,5%) и с необходимостью испытывать определенные трудности и проблемы, чтобы обеспечить себя и свою семью (7,7% и 5,7%). Женщины не сталкиваются с постоянными проблемами и общей неустроенностью (0,0%) по сравнению с мужчинами (1,3%), а также с возможностью миграции в третьи страны (0,0% и 2,5%). Возможно, ситуация миграции усиливает адаптивные способности мигранток.

Во внимании матерей нуждаются дети, которые, хотя и остаются под присмотром родственников, но все же подвержены различным рискам, например, в сети Интернет. А специальные службы (социальной защиты, безопасности) испытывают сложности при проведении «социального контроля за онлайн-пользователями в виду их социально-демографической и социокультурной неоднородности»[1] и проживанием вдали от матерей-мигранток.

Этнические сообщества во многом «содействуют социальной адаптации и интеграции мигрантов», как отмечает В. Ю. Леденева. Однако «анклавизация мигрантов может способствовать как успешной адаптации их к принимающему обществу, так и усилению процессов пространственной сегрегации»[2]. Поэтому «национально-культурные автономии должны оказывать помощь своим соотечественникам, ко-

---

[1] *Бессчетнова О. В.* Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи / О. В. Бессчетнова, О. А. Волкова, Ш. И. Алиев, П. И. Ананченкова, Л. Н. Дробышева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 462.

[2] *Леденева В. Ю.* Эффективность реализации политики адаптации мигрантов, направленной на противодействие этнической сегрегации // V Нижневолжские чтения «Социально-политические, экономические и демографические аспекты развития современного общества»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 8–9 окт. 2021 г. / редкол.: В. А. Дзедик (отв. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. С. 92.

торые недостаточно знают русский язык и плохо разбираются в миграционном законодательстве»[1].

В целом такая ситуация как распространение пандемии показала ограниченность ориентации мобильного населения на «внешнюю миграцию, обеспечивающую занятость трудоизбыточной части населения»[2] стран-доноров рабочей силы. А современные исследователи пишут о формировании совершенно «новой миграционной реальности в эпоху COVID-19»[3].

При этом в сложившейся ситуации «важно, чтобы для москвичей стали более очевидными преимущества строительства ЕАЭС, а для тех, кто приехал, не наступило разочарование, и чтобы опыт работы в Москве позитивно повлиял на интеграционные настроения»[4]. «В этом случае мы сможем говорить об увеличении межнационального согласия граждан государств — членов ЕАЭС, солидарности вокруг целей ЕАЭС, результатом чего станет формирование двойной идентичности граждан государств — членов ЕАЭС как ресурса жизнеспособности евразийской идеи, эффективности наднациональных институтов ЕАЭС»[5].

Речь идет не только о результативности и успешности социальной адаптации конкретных мигранток, но и о том, что необходим комплексный, «системный анализ и осмысление комплексной проблемы социально-политического положения и демографического развития»[6] стран исхода и приема. Необходимо заметить, что адаптационные процессы на микроуровне и макроуровне неразрывно связаны.

Как показывает современная ситуация, «налаженные связи между Узбекистаном и Россией, готовность к совместной работе региональных властей и хозяйствующих субъектов, высокий уровень сотрудни-

---

[1] *Леденева В. Ю.* Опыт работы этнических сообществ, содействующих социальной адаптации и интеграции мигрантов // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: Издательство ООО Объединенная редакция, 2020. С. 190.

[2] *Юдина Т. Н.* Молодые трудовые мигранты из Кыргызстана в г. Москве: занятость, работа, оплата труда // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: Издательство ООО Объединенная редакция, 2020. С. 264–266. С. 266.

[3] *Рязанцев С. В.* Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19 / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 150–152. С. 150.

[4] *Осадчая Г. И.* Межнациональные отношения мигрантов – граждан государств Евразийского экономического союза в московском мегаполисе / Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Лескова И. В., Киреев Е. Ю. // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 2 (135). С. 98–106. С. 106.

[5] Там же.

[6] *Ростовская Т. К.* Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России / Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 2. С. 7.

чества в регулировании миграционных процессов между странами, формируют уникальные возможности создания новых методов и инструментов, обеспечивающих эффективные механизмы управления трудовой миграцией, отвечающей взаимовыгодным интересам»[1]. Причем речь идет как о развитии обеих стран, так и успешной социальной адаптации мигранток как в стране приема, так и исхода (в случае возвращения на родину).

В результате исследования сформулированы выводы. Во-первых, процесс успешной социальной адаптации женщин-мигранток связан с диверсификацией возможностей межгосударственных территориальных перемещений и направленных на достижение экономических, семейных, образовательных, самореализационных потребностей женщин и их семей. Во-вторых, определены направления дальнейших научных разработок по изучению путей успешной социальной адаптации женщин-мигранток (намерения, ожидания и планы женщин-мигрантов, нацеленных на повышение общего жизненного благополучия; диверсификация экономических, семейных, образовательных, самореализационных потребностей женщин-мигранток как в стране приема, так и исхода).

Гендерный анализ миграционных процессов в Узбекистане позволил сформулировать следующие предложения по совершенствованию процесса социальной адаптации мигранток:

Управлению по вопросам миграции МВД России — рассмотреть перспективы системного, организованного въезда мигрантов и их семей в Россию;

Россотрудничеству — проанализировать возможности предварительной готовки мигрантов и их семей к переезду в Россию (занятость, культура, язык); способствовать не количественному, а качественному составу мигранток, въезжающих в Россию (в том числе, по программе «Соотечественники»);

Министерству здравоохранения Российской Федерации — содействовать медико-социальному просвещению мигранток по вопросам поддержания их репродуктивного здоровья;

научным центрам — изучать новые потребности мигранток, которые транслируются через СМИ и виртуальные мигрантские социальные сети; некоммерческим, в том числе;

диаспоральным организациям — содействовать вовлечению женщин и членов их семей в образовательные, санитарно-эпидемиологические, медико-социальные, спортивные, социокультурные мероприятия.

---

[1] *Исакулов Ш. Н.* Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 172.

IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

4.1. Особенности демографической политики России, стран — членов и кандидатов в члены ЕАЭС в период социально-экономической трансформации

Динамика численности населения, его половозрастная, расселенческая структура — реальный стратегический ресурс любой страны, поскольку они оказывают значительное влияние на потребление товаров и услуг, формируют трудовые и интеллектуальные ресурсы для развития современных отраслей экономики, задают их качественные характеристики, определяют особенности формирования общего рынка труда[1]. Сохранение тесной связи стран на постсоветском пространстве и различия в демографической ситуации делают актуальным рассмотрение опыта управления демографическим развитием как в отдельных странах — республиках бывшего СССР, так и на всем постсоветском пространстве в целом.

Распад СССР в декабре 1991 г. во всех постсоветских странах повлек за собой негативные тенденции в демографическом развитии. Можно говорить об общих показателях кризисных изменений: снижении рождаемости, росте смертности, активизация подвижности населения, хотя для каждой страны в эти годы были характерны свои особые доминанты, характеризующие демографическую ситуацию[2]. Так, в России и Беларуси уменьшилась средняя ожидаемая продолжительность жизни, особенно вырос уровень преждевременной смертности среди мужчин трудоспособного возраста, сократилась численность детского населения, сохранялся миграционный приток из стран Закавказья и Центральной Азии. В Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане,

---

[1] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с.

[2] *Осадчая Г. И.* Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность / Г. И. Осадчая, М.Л. Вартанова // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 46–59.

ряде других постсоветских странах отмечался значительный миграционный отток русскоязычного населения и части национальной интеллигенции. В Армении, Молдове за счет более высокой фертильности сельского населения сохранялся естественный прирост населения. Отметим особое влияние на демографическую политику всех стран сложностей переходного периода: разрушения хозяйственных связей, развал ряда секторов экономики, снижение благосостояния населения. Все силы правящих классов, особенно бывших национальных республик, в этот период были сосредоточены не на демографическом развитии своих стран, а на укреплении государственного суверенитета и переходе к рыночной экономике.

Определяющей доминантой демографических изменений стало различие экономического потенциала постсоветских государств. Именно этими факторами мы можем объяснить, что в одних странах постсоветского пространства начало формирования собственной демографической политики приходится на первые годы после обретения независимости, а в других четко выраженная государственная демографическая политика в эти годы так и не была сформирована. Эти особенности, острота тех или иных проблем демографического развития, социально-экономические условия в странах СНГ обусловили в 1990-е гг. сроки обращения и концептуальный подход постсоветских стран к регулированию демографических процессов.

Формирование собственных государственных программ и концепций в сфере демографической и семейной политики в образовавшихся самостоятельных государствах происходило в первое время после распада СССР под влиянием политики, заложенной во время существования Советского Союза. В частности, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»[1] в котором большое внимание уделялось созданию благоприятных условий для роста населения, воспитания подрастающего поколения, улучшения условий материнства, Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению здоровья населения» 1982 г.[2]

Как правопреемник СССР Россия сохранила в действии основные правовые нормы и направления демографической политики, унаследо-

---

[1] Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // КонтурНорматив: [сайт]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=77334&ysclid=la9x4pjezn892160831 (дата обращения: 25.08.2022).

[2] *Шахотько Л. П.* Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. Минск: Беларуская навука, 2009. 437 с.

ванной от СССР, сохранила и многие меры социально-экономической и правовой поддержки материнства и детства. Снижение инфляции к середине 1990-х гг. позволило поставить вопрос об упорядочении существующей в тот момент сложной, хаотичной и непоследовательной системы компенсаций и пособий. До принятия Конституции РФ в 1993 г. действовали те же надбавки для лиц, имеющих паспорт СССР и прописку или постоянную регистрацию в России. Граждане бывшего СССР, имеющие паспорт СССР и такую регистрацию, могли пользоваться в начале 1990-х гг. этими благами, так как Закон о гражданства РФ (1991 г.) не определял иностранцами граждан с паспортом СССР, а «Закон об иностранных гражданах» оставался в версии, принятой в СССР, до 2002 г., поэтому незаконными мигрантами считались только граждане «дальнего» зарубежья[1].

Все страны бывшего СССР стали субъектами международного права и вошли в состав ООН и другие международные организации. Страны — участники евразийских интеграционных процессов активно включились в разработку национального законодательства в соответствии с международными стандартами существующих в то время практик. Так, все они подписали международные документы в области прав человека в обеспечении гендерного равенства в семейных отношениях[2]. Были подписаны и ратифицированы Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. в поддержку основных права человека и о равноправии мужчин и женщин; Конвенция 1962 г. «О согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков». Резолюцией ГА ООН от 1 ноября 1965 г. была принята «Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков не ниже 15 лет».

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. предполагает, что семья должна получать защиту и помощь государства, а брак должен заключаться по свободному согласию вступающих в него лиц. Конвенция стран СНГ о правах и свободах человека также регламентирует обоюдное согласие вступающих в брак. Она обязывает государства СНГ содействовать экономической, правовой и социальной защите семейной жизни через социальные и семейные пособия, налоговые льготы, обеспечение семьи жильем, пособия для молодоженов и другими надлежащими средствами (ст. 13).

---

[1] *Selezneva E.* Struggling for New Lives: Family and Fertility Policies in the Soviet Union and Modern Russia. IOS Working Papers, № 355. Regensburg: Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, 2016. 40 p.

[2] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

В 1996 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция № 51/65 «Насилие против женщин, мигрирующих в поисках работы», которая обязывает правительства стран — членов ООН обеспечить защиту женщин, мигрирующих в поисках работы. Три основные конвенции МОТ:

1) Конвенция о равном вознаграждении 1951 г. (№ 100) и сопутствующая Рекомендация о равном вознаграждении, 1951 г. (№ 90), предусматривают равное вознаграждение мужчин и женщин за труд равной ценности;

2) Конвенция о дискриминации в области труда и занятий 1958 г. (№ 111) и Рекомендация № 111 предусматривают равноправие мужчин и женщин в этой области, а также недопущение дискриминации по другим признакам;

3) Конвенция о трудящихся с семейными обязанностями 1981 г. (№ 156) и Рекомендация № 165 от 1981 г. предусматривают равные возможности и равное обращение для трудящихся мужчин и женщин с семейными обязанностями.

МОТ еще задолго до ООН стала разрабатывать специфические проблемы женского труда: к примеру, Конвенция об охране материнства № 3 1919 г., Конвенция об охране материнства (пересмотренная) (№ 103) 1952 г., Рекомендация № 95 об охране материнства 1952 г. Также Страны подписали Конвенцию «О статусе беженцев» (1951 г.) и Протокол к ней (1967 г.)[1]. В 2000-х гг. страны СНГ подписали, и большинство ратифицировали Конвенцию противодействия торговли людьми, особенно женщинами и детьми. Много международных документов содержат в себе положения по защите от рабского труда и о запрете на детский труд. Большое влияние на демографическую политику стран оказала Каирская международная конференция по народонаселению и развитию, которая состоялась в 1994 г.

Основой для осуществления взвешенной государственной политики в области народонаселения в постсоветских странах являются Конституции стран[2], в которых человеку гарантируется право на жизнь, на защиту жизни и здоровья, свободу и личную неприкосновенность, на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование, равенство конституционных прав и свобод для всех граждан, охрана

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Члены СНГ: Республика Азербайджан (1995 г.), Республика Армения (1995 г.), Республика Беларусь (1994 г.), Республика Казахстан (1995 г.), Кыргызская республика (1993 г.), Республика Молдова (1994 г.), Российская Федерация (1993 г.), Республика Таджикистан (1994 г.), Республика Узбекистан (1992 г.); Украина (1996 г.) и Туркменистан (1992 г.) на правах ассоциированного членства.

семьи, детства, материнства и отцовства. Отметим, что в странах СНГ, принявших собственные Конституции, например, в Центральной Азии, отказались от бесплатного полного среднего и высшего образования и полной медицинской помощи. При развитии негосударственной системы медицинских и образовательных учреждений во всех странах стала вводиться система квот на места в образовательных учреждениях и страховой медицинской помощи, которая оставляет неохваченными большой сегмент наиболее уязвимого населения этих стран[1]. Каждой страной в 1990-е гг. на основании международных стандартов, которые являются приоритетными, принимались свои законодательные документы и программы, направленные на регулирование демографических процессов, отражающие специфику задач в области демографического развития.

К началу 2000-х гг. в государствах — членах СНГ сформировались внутренние условия для оценки пройденного за годы независимости пути и рефлексии особенностей демографической ситуации в странах. Как показал проведенный нами анализ, каждая из них характеризовалась своим классом проблем. В России и Беларуси возникла депопуляция[2] в результате низкого уровня рождаемости и высокого уровня смертности населения. Здесь внешняя миграция не компенсировала естественной убыли населения, в результате сокращалась его численность. Для Армении и Молдовы при относительно стабильной численности населения проблемой стал эмиграционный отток. В Кыргызстане и Узбекистане из-за роста численности населения трудоспособного возраста формировалась трудоизбыточность, и возникли проблемы, связанные с миграцией и изменением половозрастной структуры населения[3]. В этой ситуации Правительства СНГ активизировали работу по формированию демографической политики, ориентируя ее на поддержание демографического роста, на основные демографические запросы населения и регулирование миграционных процессов[4].

В начале XXI в. вслед за Беларусью (Концепция государственной демографической политики; Основные направления реализации де-

---

[1] *Пирожков С.* Украина и Россия в демографическом измерении / С. Пирожков, Г. Сафарова // Демоскоп Weekly. Электронный журнал. 1–24 января 2010. № 405–406. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/tema04.php; *Molodikova I.* Trends in the Field of Social Policies and Welfare Reforms in Ukraine and Moldova / I. Molodikova, O. Malinovskaya, E. Libanova, R. Rusu. CeSPI Background Report 3/2008. Roma: Centro Studidi Politica Internazionale, 2008. 33p.

[2] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[3] Там же.

[4] Там же.

мографической политики с учетом устойчивого развития экономики в переходный период; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 июня 1996 г. № 996) другие страны СНГ также приняли нормативные документы, регулирующие демографическую политику: Казахстан (Концепция государственной демографической политики; Концепция миграционной политики), Кыргызстан (Концепция государственной демографической и миграционной политики), Россия (Концепция национальной безопасности, утвержденная Указом Президента № 24 от 10 января 2000 г.; Концепция демографической политики), Молдова (Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности), Армения (Стратегия перспективного демографического развития на 2014–2025 гг.), целью которых было достижение демографического оптимума, включающего соответствующие социально-экономической ситуации интенсивность процессов рождаемости и смертности, воспроизводства человеческих ресурсов и миграцию населения. Эти документы государственной демографической политики представляли собой основные принципы, приоритеты и задачи демографического развития стран, включая политические, административные, экономические и социально-психологические меры, направленные на поддержание оптимальной численности населения, отвечающей текущим и перспективным потребностям общества.

Демографическая политика как составная часть государственной политики стран СНГ основана на общепринятых принципах и нормах международного права и международных договорах[1], а также Концепции согласованной социальной и демографической политики государств — участников объединения[2], одобренной решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 18 октября 2011 г. Анализ на время принятия данной Концепции показал наличие слабых интеграционных тенденций, поэтому ее целью стала координация планируемых, разрабатываемых и реализуемых государствами — участниками СНГ проектов и программ в социальной и демографической сферах, а также более эффективное использование возможностей интеграции в интересах развития СНГ. Для успешной интеграции на постсоветском пространстве необходима согласованная политика.

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Решение о проекте Концепции согласованной социальной и демографической политики государств – участников Содружества Независимых Государств от 2 сентября 2011 г., г. Душанбе // Интернет-портал СНГ: [сайт]. URL: http://old.e-cis.info/page.php?id=21993 (дата обращения: 25.08.2022).

С демографической точки зрения, кардинальные реформы системы социальной поддержки целесообразно проводить на этапах с благоприятной для этого возрастной структурой. Для решения тактических задач в неблагоприятных демографических условиях достаточно вносить дополнения и изменения в существующий механизм. Изучение и использование лучших практик в этой сфере, включая международный опыт, должно сопровождаться анализом механизмов стимулирования региональных властей, опыта частно-государственного партнерства с выделением специальных государственных и частных грантов, а также благотворительности. Кроме того, на территории СНГ происходит увеличение числа субъектов сотрудничества, где наряду с государством активную роль играют общественные организации и граждане, что способствует расширению культурных и социальных связей среди лиц разных поколений, имеющих свою специфику, требующую различных подходов к формированию программ сотрудничества.

Следует отметить, что полномочные представители и эксперты Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также представители Исполкома СНГ постоянно анализируют ход выполнения данной концепции[1]. 7 июня 2019 г. в Исполнительном комитете СНГ состоялось дополнительное заседание экспертной группы по согласованию проекта Плана мероприятий по реализации Концепции согласованной социальной и демографической политики государств — участников СНГ на 2019–2023 гг. От Межпарламентской Ассамблеи (МПА) СНГ в заседании в формате видео-конференц-связи приняла участие ответственный секретарь Экспертного совета по здравоохранению при МПА СНГ, секретарь

[1] Эксперты обсудили реализацию Концепции согласованной социальной и демографической политики государств Содружества // Межпарламентская ассамблея СНГ: [сайт]. 14.07.2016. URL: https://iacis.ru/novosti/partneri/eksperty_obsudili_realizatsiyu_kontseptsii_soglasovannoy_sotsialnoy_i_demograficheskoy_politiki_gosudarstv_sodruzhestva (дата обращения: 25.08.2022); Эксперты стран СНГ согласовали проект Плана мероприятий по реализации Концепции согласованной социальной и демографической политики // Исполнительный комитет СНГ: [сайт]. 16.02.2018. URL: https://cis.minsk.by/news/8866/eksperty-stran-sng-soglasovali-proekt-plana-meropriatij-po-realizacii-koncepcii-soglasovannoj-socialnoj-i-demograficeskoj-politiki (дата обращения: 25.08.2022); Эксперты СНГ обсудили план мероприятий по реализации Концепции согласованной социальной и демографической политики государств – участников СНГ // Межпарламентская ассамблея СНГ: [сайт]. 07.06.2019. URL: https://iacis.ru/novosti/sekretariat_soveta_mpa_sng_news/eksperty_sng_obsudili_plan_meropriyatiy_po_realizatsii_kontseptsii_soglasovannoy_sotsialnoy_i_demograficheskoy_politiki_gosudarstv_uchastnikov_sng (дата обращения: 25.08.2022); Эксперты стран СНГ обсудили сотрудничество в социально-трудовой сфере // Белорусское телеграфное агентство: [сайт]. 30.10.2020. URL: https://www.belta.by/society/view/eksperty-stran-sng-obsudili-sotrudnichestvo-v-sotsialno-trudovoj-sfere-413451–2020/ (дата обращения: 25.08.2022).

Постоянной комиссии МПА СНГ по социальной политике и правам человека. Участники заседания утвердили повестку дня и регламент. Также в ходе заседания были обсуждены поступившие к указанному проекту план мероприятий, замечания и предложения от Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики.

Особенности демографической политики каждой из стран проявляются в интенсивности направлений и детерминированы особенностями демографических процессов и проблем в каждой из постсоветских стран:

1) комплекс мер государственных или общественных программ[1], которые призваны регулировать демографические процессы: пособия, выплаты, ссуды, кредиты, налоговые льготы, жилищные льготы создание системы социальных учреждений;

2) разработка законов, специальных нормативных документов, регламентирующих браки, разводы, положение детей в семьях, алиментные обязательства, охрану материнства, детства, аборты, социальное обеспечение нетрудоспособных, внутреннюю и внешнюю миграцию и т.п.;

3) меры по формированию позитивного отношения в обществе к семье, детям, к родителям, воспитанию.

Как показывает анализ, все страны — члены и кандидаты в члены ЕАЭС разработали нормативные документы по всем наиболее значимым проблемам демографического развития: повышению рождаемости, сокращению смертности, обеспечения здоровья населения, семейной и миграционной политикам. Целый ряд государств — членов ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Россия) уже активно включились в практическую работу, направленную на разработку и принятие законодательства, регламентирующего принципы и способы обеспечения демографической безопасности[2]. Наибольшую устойчивость и настойчивость в своем интересе к демографической проблематике демонстрируют Россия, Казахстан, Беларусь. В странах, входящих в состав ЕАЭС, таких как Республика Армения, Кыргызская республика, а также входящих в состав Союза на правах кандидатов: Республика Молдова, Республика Узбекистан — накоплен меньший опыт в сфере регулирования воспроизводства населения, набор реализуе-

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] *Глушкова В. Г.* Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // Вестник финансового университета. 2014. № 3. С. 14–25.

мых там концепций и программ по управлению демографическими процессами невелик, что связано с целым рядом факторов социально-экономического и исторического характера.

Важным инструментом совершенствования демографической политики может выступить их более тесное сотрудничество в этих вопросах на межгосударственном уровне, как в виде двусторонних взаимодействий, так и в рамках существующих интеграционных объединений (СНГ, ЕАЭС и др.).

Оценивая эффективность демографической политики, можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, странам не удалось[1] решить проблемы обеспечения демографической безопасности, достижения высокого уровня демографического потенциала населения, прежде всего, из-за нерешенности социально-экономических проблем. Отметим, что Российская Федерация одной из первых среди постсоветских стран стала возвращать в повестку деятельности правительства вопросы демографического развития страны. В центре внимания стояли две проблемы: депопуляция России и активизация миграционных потоков из постсоветских стран.

Проблема № 1. Накопившиеся негативные изменения в демографическом развитии страны в 1989–1991 гг. в полной мере проявились в 1992–1995 гг. и демографический кризис приобрел критическую форму. В 1999 г. снижение численности населения отмечалось в 82 из 89 субъектов РФ. В 1993 г. была принята «Концепция государственной семейной политики». Указом Президента № 1696 от 18 августа 1994 г. утверждена Федеральная программа «Дети России»[2], которая действовала с 1994 по 2010 г. Основной целью ее стало обеспечение социальных гарантий для детей, их доступа к образованию и здравоохранению[3]. Падение уровня жизни всех слоев населения вызвало к жизни также новую федеральную программу «О государственной социальной помощи» в 1999 г. принятием Федерального закона № 178 от 17 июля 1999 г., распространив специальные программы помощи на большие и бедные семьи.

В других странах СНГ также наблюдались определенные проблемы. В целях дальнейшего оздоровления демографической ситуации Распо-

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 18 августа 1994 г. № 1696 «О президентской программе “Дети России”» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/6826 (дата обращения: 20.02.2022).

[3] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

ряжением Президента Азербайджана от 29 ноября 2009 г. № 186 была сформирована Концепция развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее»[1], что дало бы возможность Азербайджану ставить более высокие цели и задачи. Проблемы демографического развития Армении в эти годы регулировались Конституцией Республики Армения, в принятой 1995 г., но преодолеть отрицательные тенденции 1990-х гг. в демографическом развитии страны было достаточно сложно[2]. Правительство Казахстана в 2000-х гг. утвердило Концепцию государственной демографической политики Республики Казахстан[3]. Эксперты оценивают результаты демографической политики Казахстана как позитивные, содействующие предотвращению процесса депопуляции и демографического кризиса в перспективе. Демографическая ситуация в Кыргызстане в 1990-е гг. оставалась сложной, сохранялась высокая младенческая и материнская смертность, на демографические процессы в стране оказало влияние резкое повышение уровня бедности населения. Так, была принята Концепция государственной демографической и миграционной политики Кыргызской Республики[4]. Республика Молдова также не являлась исключением на постсоветском пространстве в 1990-е гг. Эксперты называют такие две наиболее выраженные проблемы для страны, как низкая рождаемость и массовый отъезд граждан за рубеж. Стратегические приоритеты в области демографии были сформулированы в Конституции Республики Молдова, 1994 г.[5] В 1990-е гг. Узбекистан оставался государством с растущим населением, характеризовался высоким миграционным оттоком русских, украинцев, крымских татар, немцев на свою историческую родину и высокой трудовой миграцией. В регулировании демографической

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Стратегия национальной безопасности Республики Армения – 2020 // Национальное Собрание (Парламент) Западной Армении: [сайт]. 10.07.2020. URL: https://wa.nt.am/ru/archives/14344 (дата обращения: 08.09.2020).

[3] Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2000 г. № 1272 «О Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» // Әділет: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272_ (дата обращения: 21.02.2022).

[4] Указ Президента Кыргызской Республики от 28 апреля 2000 г. № 102 «Об утверждении Концепции государственной демографической и миграционной политики Кыргызской Республики» // Континент: [сайт]. URL: https://continent-online.com/document/?doc_id=30251138 (дата обращения: 21.02.2022).

[5] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

ситуации руководство страны в эти годы делало акцент на поддержке семьи[1].

Проблема № 2 — активизация миграционных процессов в России в 1990-е гг. Начало 1990-х гг. характеризовалось реализацией Федеральной программы «Миграция», действовавшей с 1993 по 2001 г., помогавшей прибывавшим вынужденным мигрантам и их семьям обрести свой дом. В других странах — членах и кандидатах в члены ЕАЭС были приняты такие же программы по социально-экономической поддержке вынужденных мигрантов (перемещенных лиц): в Армении — для жертв Спитакского землетрясения и беженцев из Азербайджана и Нагорного Карабаха; в Молдове — для жителей Приднестровского района; программа «О компенсации за потерянное жилье» для вынужденных мигрантов в ходе боевых действий в Чечне в 1994–2001 гг.

Характеризуя демографическую политику РФ 1990-х гг. следует назвать еще два важных документа имеющих программное значение[2], это Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300) и Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24), а также Концепция демографического развития, принятой в 2001 г., в которых политика в сфере народонаселения рассматривается как ключевой элемент политической деятельности в сфере национальной безопасности[3].

К середине 2000-х гг. в государствах – членах СНГ сформировались внутренние условия для оценки пути независимости, пройденного за годы реформ и рефлексии особенностей демографической ситуации в странах. В каждом из государств сформировалась своя особая структура регулирования процессов демографического развития, отражающая особенности политического устройства. Каждая из стран ЕАЭС в период социально-экономической трансформации характеризовалась своим классом проблем. К наиболее характерным особенностям современного этапа демографического развития ЕАЭС и стран-членов следует отнести следующие:

1. Численность постоянного населения ЕАЭС на 1 января 2021 г. по сравнению с 2014 г. выросла на 2,7% и составила 184 000 266 человек за счет роста населения Кыргызстана, Казахстана, России. Согласно данным национальных статистик государств – членов ЕАЭС[4]

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с.

по состоянию на начало 2021 г. по сравнению с началом 2014 г. отмечалось уменьшение численности постоянного населения в Армении и Беларуси.

2. Негативное влияние на демографическое развитие ЕАЭС снижения рождаемости. Так, в ЕАЭС за период с 2014 по 2019 г. число рождений снизилось на 18,2%, в России — на 35,2%, в Беларуси — на 26%, в Армении — на 15,5%. Анализ свидетельствует о большем сокращении числа родившихся во всех странах-членах в сельской местности

Несмотря на согласованную политику стран — членов Союза и меры, принятые в период пандемии COVID –19, «пандемический кризис» вызвал рост избыточной смертности, особенно в городских поселениях (рис. 4.1.1). Увеличение смертности привело к сокращению ожидаемой продолжительности жизни.

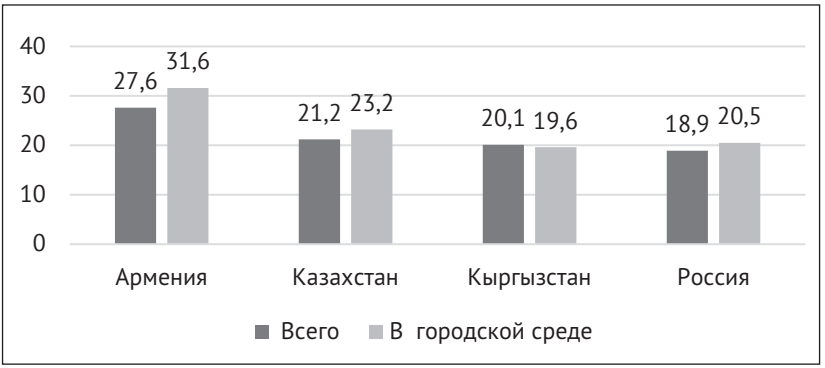

Рис. 4.1.1. *Рост смертности в странах – членах ЕАЭС (%), 2019–2020 гг.*
Источник: составлено авторами на основе данных Департамента статистики ЕАЭС
Примечание: данные по Беларуси отсутствуют

На изменение демографического потенциала ЕАЭС[1] негативное влияние оказывает естественная убыль населения в Беларуси и России и снижение естественного прироста населения в Армении. Естественный прирост населения в ЕАЭС за период с 2014 по 2019 г. снизился в 2,6 раза.

Примечательно, что в странах — участницах ЕАЭС показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении ниже, нежели в развитых странах. И хотя он ежегодно, начиная с 2005 г., увеличивался на 0,7%, согласно данным ООН, государства — члены Союза находятся по данному показателю на 82–127 местах в списке из 190 стран (табл. 4.1.1). Отметим, что первые места в рейтинге занимают Гонконг

[1] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с.

(84,1 лет), Япония (83,9 лет), Швейцария (83.5), Испания (83,3), Италия (83,2 лет)[1].

Таблица 4.1.1

Продолжительность жизни населения государств — членов ЕАЭС (лет)

Страны ЕАЭС	2015 г.		2018 г.	
	Продолжительность жизни (лет)	Рейтинг	Продолжительность жизни (лет)	Рейтинг
Армения	74,7	74	74,8	82
Беларусь	71,3	108	73,1	104
Казахстан	69,4	123	70.0	127
Кыргызстан	70,6	113	71.1	118
Россия	70,1	116	71.2	116

Источник: составлено авторами на основе данных Евразийской экономической комиссии[2]

Резервом улучшения этого показателя является повышение расходов на здравоохранение. В странах с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала расходы на здравоохранение составляют в среднем 12,2% ВВП (общие расходы на здравоохранение в процентах от ВВП 2016 г.: США — 17,1%, Швейцария — 12.2%, Франция — 11,5%; Германия — 11,1%)[3]. Формирование и развитие системы здравоохранения будет способствовать укреплению здоровья населения, обеспечения гарантий безопасности и качества социально-значимых товаров для жизни и здоровья людей, охраны окружающей среды (табл. 4.1.2).

Динамика человеческого капитала в странах — членах ЕАЭС в последние годы показывает позитивный рост, но соответствующий показатель продолжает оставаться сравнительно низким. По итогам исследования Bloomberg, в 2016 г. в списке из 55 стран, по которым проведено исследование, Казахстан занял 45-е место, Беларусь — 48-е,

---

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. 198 с.

[3] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

а Россия последнее — 55-е. Развитие человеческих ресурсов связано с использованием возможностей, которые предоставляет Евразийский союз. Так, индекс человеческого развития за период 2010–2017 гг. вырос у Армении, Казахстана, Кыргызстана, России и сохранил свое значение у Беларуси. Отметим, что все страны, за исключением Кыргызстана, входят по методике ООН в группу стран с высоким уровнем ИЧР, а Кыргызстан со средним уровнем[1].

Таблица 4.1.2

Государственные расходы на здравоохранение (% от ВВП), 2014–2016 гг.

Страны ЕАЭС	2014 г.	2016 г.
Армения	4,5	9,9
Беларусь	5,7	6,3
Казахстан	4,36	3,5
Кыргызстан	6,7	6,6
Россия	7,07	5,3

Источник: составлено авторами на основе данных Евразийской экономической комиссии[2]

Сегодня сложилось реальное противоречие между потребностью в наращивании демографического потенциала каждой страны и в целом ЕАЭС, усилении позитивного влияния на него интеграционных процессов (за счет более целесообразного использования рабочей силы на общем рынке труда, подготовки кадров для общего рынка труда, образования)[3] в интересах создания условий для стабильного развития экономик государств-членов, повышения жизненного уровня жизни их населения; формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики и реальным состоянием демографической ситуации в странах-членах, противоречивого влиянием интеграционных процессов, связанного с возникно-

[1] *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235.

[2] Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 198 с.

[3] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с.

вением множества проблем социально-демографического характера, прежде всего с демографической экспансией[1].

В настоящее время можно выделить ряд следующих приоритетных направлений демографической политики:

1) снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин;

2) сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни;

3) проведение прикладных научных и эпидемиологических исследований по обоснованию совершенствования законодательства Российской Федерации и методической базы;

4) развитие системы поддержки семьи в связи с рождением и воспитанием детей;

5) поэтапная ликвидация рабочих мест с вредными или опасными для репродуктивного здоровья населения условиями труда;

6) управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики;

7) оптимизация миграционных процессов в связи с формированием общего рынка труда в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве;

8) обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В этих условиях представляется целесообразным усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, обеспечивающую национальную и демографическую безопасность каждой страны и Союза, создав на базе Евразийской комиссии эффективно действующую постоянную площадку по проблемам демографического развития евразийского объединения, разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением представителей ответственных центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-участников[2].

В настоящее время, интеграционные цели ЕАЭС требуют повышения демографического потенциала Союза, обусловленного рождаемостью, смертностью и миграцией в государствах-членах, обеспечения демографической безопасности. И в этих целях Правительствами государств ЕАЭС предпринимаются меры по увеличению инвестиций в экономику, способствующих увеличению занятости, развитию образовательных программ и программ, направленных на повышение

---

[1] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с.

[2] Там же.

квалификации работников, улучшению здоровья детей и молодежи, стимулированию социальной и экономической мобильности.

Страны ЕАЭС стремятся содействовать улучшению инвестиционного климата внутри объединения, безопасной, регулярной и организованной миграции, благоприятным условиям для жизни, мобильности, самореализации людей, развитию взаимной и внешней торговли государств — членов ЕАЭС. Этому способствуют уже созданные единые рынки между странами — членами ЕАЭС, а также цифровая трансформация экономик. Однако сегодня нет единой программы обеспечения демографической безопасности Евразийского экономического Союза, учитывающей влияние интеграционных процессов на демографическую безопасность, как союза, так и каждого государства-члена[1], что приводит к демографическим угрозам устойчивому развитию объединения, не разработаны показатели, которые могут в режиме мониторинга контролировать результаты демографических изменений на евразийском пространстве. Очевидно, что в центре этой программы должно быть повышение качества человеческого ресурса, увеличение и улучшение человеческого потенциала, предотвращение возможных угроз демографической безопасности[2].

4.2. Стратегии пространственного развития России: агломерации vs сбалансированное развитие[3]

В настоящее время особое место в пространственном развитии и планировании занимают городские агломерации. Под городскими агломерациями чаще всего понимают крупноселенный городской полюс расселения, концентрирующий в себе значительную часть демографического и экономического потенциала территории. Агломерации «притягивают» население с окружающей территории, конкурируют между собой за демографические ресурсы и капиталы. Уступая более крупному городу, они отдают население в его агломерацию, а выигрывая у другого, как правило, меньшего по размеру, притягивают население из него. Агломерации формируют вокруг себя пояса влияния: районы расселения и дачной застройки, ареалы маятниковых миграций и зоны агломерационных промышленных предприятий. Границы производства пищевой, сельскохозяйственной продукции для рынков крупнейших агломераций простираются на 600 км и более.

---

[1] *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с. Там же.

[2] Там же.

[3] Материал подготовлен на основе статьи: *Безвербный В. А.* Тенденции формирования городских агломераций в мире и в России: причины концентрации, последствия, поиск альтернативы / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // Сегодня и завтра Российской экономики. 2021. № 103–104. С. 22–42.

Городские агломерации растут преимущественно за счет миграции населения из периферии, при этом ее покидает лучшая, наиболее пассионарная, работоспособная, активная часть. Экономическое, социальное, демографическое угасание большей части территории является неотъемлемым спутником роста городских агломераций. В результате растет концентрированная точка и местность вокруг нее, при этом на большей части территории региона или в соседних районах происходит запустение, масштабное сжатие освоенного пространства. Классический пример — регионы Центрального Нечерноземья, Европейского Севера России. Находящиеся вблизи крупнейших в стране Московской и Санкт-Петербургской агломераций, они уже десятки лет являются почти самыми депопулирующими территориями. Известно, что необходимость наличия населения, экономической активности в том числе на дальних рубежах страны продиктована в том числе необходимостью обороны границ[1]. В крупных агломерациях в преобладающей плотной высотной застройке снижается рождаемость, что обостряет проблемы депопуляции.

Данные проблемы остро заявляют о необходимости фундаментального осмысления основных принципов агломерационного роста. Необходимо рассмотрение факторов роста агломераций в историческом контексте как в России, так и в зарубежных странах с выходом на прогноз системы расселения в России и в мире, оценка последствий. Анализ различных теоретических концепций пространственного развития ведущих ученых и практического опыта, накопленного в странах мира и в России, позволит разработать способ приемлемого пространственного развития, отвечающий национальным интересам.

В ходе исследования рассмотрены различные теоретические концепции пространственного развития зарубежных и отечественных ученых — экономистов, географов. Для интегрального анализа развития систем расселения в мире использовались материалы обзорного доклада Всемирного Банка с учетом прогноза развития систем расселения стран мира.

Для выявления и анализа факторов роста агломераций за несколько веков использовались обобщающие труды отечественных и зарубежных ученых — историков, социологов, социальных мыслителей, культурологов (А.Д. Тойнби, Ф. Бродель, И.Р. Шафаревич). Использовались статистические данные из статей зарубежных историков, результаты исследований ведущих урбанистов (Г.М. Лаппо), специалистов по глобальным городам (Н.А. Слука). При рассмотрении примеров глобальных городов использовались данные рейтингового агентства Forbes,

[1] *Мотрич Е.Л.* Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х гг. / Е.Л. Мотрич, С.А. Кравчук // Вестник Дальневосточного отделения академии наук. 2006. № 6 (130). С. 120–128.

а также данные официальных сайтов компаний и бирж. В поисках приемлемого пути пространственного и экономического развития анализировались работы ведущих отечественных экономистов А. И. Чупрова, Н. Д. Кондратьева, Д. А. Тимирязева, А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева, а также труды практикующего инициатора развития российской северной глубинки последних лет Г. В. Тюрина с рассмотрением зарубежного (китайского, американского, европейского) опыта.

Основными методами в исследовании являлись сравнительный, сопоставительный анализ, историко-хронологический метод, статистический, графический, системный, прогнозирование, анализ источников научной литературы, контент-анализ стратегических документов.

За последние десятилетия сформировались теории роста агломераций, самыми известными из которых являются работы ученых П. Кругмана, М. Фудзита, Э. Венаблса[1]. За разработку так называемой «новой экономической географии» П. Кругман в 2008 г. получил Нобелевскую премию. Иногда работа П. Кругмана, М. Фудзита упоминается как работа, доказывающая безусловную эффективность городских агломераций для развития экономики.

До сих пор эта работа не переведена на русский язык, однако есть комментарии к ней российских ученых-регионалистов[2]. Одной из центральных тем моделей П. Кругмана и М. Фудзита является так называемый агломерационный эффект: концентрация в одном месте разнообразного производства притягивает потребителей, обилие потребителей привлекает в это же место новые фирмы и так далее. Фирмы экономят на транспортных издержках, размещаясь вблизи других фирм и вблизи потребителя. Однако в агломерации возрастают другие издержки: высокая стоимость земли, аренды, удаленность от ряда природных ресурсов, высокая стоимость некоторых товаров и услуг, высокий уровень конкуренции. Ограничителями роста агломерации являются проблемы перенаселенности и траффика, экологические проблемы, а также предельное расстояние, дальше которого эффективность концентрации снижается.

Агломерационный эффект часто упоминается вкупе с понятием «эффект масштаба», снижением издержек на единицу продукции в связи с ростом объемов производства. Однако эффект масштаба считается для одной отдельно взятой фирмы с ее прибылью и издержками, а не для совокупности фирм. Другое дело, что крупной корпорации

---

[1] *Fujita M.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. Cambridge: The MIT Press, 2001. 384 p.

[2] *Куричев Н. К.* Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. № 4 (34). С. 3–16; *Пилясов А. Н.* Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17.

выгодно экономить на масштабе, производя большое количество однотипного продукта. Для этого ей выгодно иметь рядом крупный потребительский рынок и отсутствие конкуренции в виде малых фирм.

В работе ученых-экономистов П. Кругмана и М. Фудзита рассматриваются различные теоретические модели, приводятся расчеты согласно введенным теоретическим моделям. Упоминания конкретных примеров довольно редки, работа скорее теоретико-модельная. При этом выводы авторов не утверждают четкого преимущества агломераций, они лишь говорят о необходимости дальнейшего их изучения с привлечением экономической географии.

Согласно упрощенному пониманию эффективности агломераций, весь мир давно должен был сконцентрироваться в крупнейших городах, однако бурный их рост стал возможен лишь в последние десятилетия. Необходимо рассмотреть процесс формирования и развития городских агломераций в мире, выявить факторы, влияющие на процесс агломерирования.

В 2009 г. вышел доклад Всемирного Банка, в котором содержатся описания процессов концентрации населения в различных странах мира. Аналитики Банка указывают на формирование крупнейших агломераций мира на океанических торговых путях (Шэньчжэнь, Пусан, Сингапур, Мумбаи, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Рио-де-Жанейро, Сидней). Крупнейшие агломерации, образовавшие всемирный архипелаг глобальных городов, сформированы главным образом за счет демографических ресурсов внутренних регионов своих стран (рис. 4.2.1)[1].

Авторы доклада приводят следующие рассуждения. Крупнейшие городские агломерации сформировались вследствие тесной интеграции стран в мировое хозяйство. Агломерации порождены усилением специализации на производстве наиболее выгодных для мирового хозяйства товаров и услуг. В крупнейших городах мира — наилучший уровень жизни, самые высокие доходы. Значит, по мнению авторов доклада, для повышения уровня жизни странам мира следует повышать уровень своей вовлеченности в мировую экономику, усиливать свою специализацию в рамках международного разделения труда, повышать мобильность своего населения, усиливать плотность населения в районах крупнейших агломераций, повышать прозрачность, проницаемость своих границ. И хотя авторы доклада упоминают о необходимости сглаживания различий центра и периферии, речь идет скорее об улучшении транспортной доступности периферии с центром и обеспечении ее базовыми услугами, но не о каком-либо ее собственном экономическом развитии.

[1] Рисунок 4.2.1 см. на цветной вклейке в конце книги.

Процесс тесной интеграции в мировое хозяйство, узкая специализация в рамках международного разделения труда неизбежно вступает в противоречие с национальными интересами и экономическим суверенитетом каждой из стран. Узкая специализация на выпуске определенных видов продукции приводит к зависимости от конъюнктуры мирового рынка, утрате других необходимых для независимого хозяйства отраслей.

Формирование архипелага глобальных городов может быть удобно для управления миром как единой системой, но входит в острое противоречие с интересами национальных экономик, с идеей мировой многополярности. В этом контексте по-другому приходиться оценивать и рекомендации Всемирного Банка, направленные на усиление концентрации населения в агломерациях.

Необходимо рассмотреть факторы роста агломераций для выработки собственных, независимых рекомендаций по регулированию процесса концентрации в них населения и хозяйства. Как зарубежный, так и российский опыт показывает, что наибольшей концентрацией населения и хозяйства характеризуются одна, редко когда две крупнейшие в стране агломерации, непосредственно связанные с глобальным рынком.

Рассмотрим процесс образования агломераций от самого истока, от начала урбанизации, которая была связана с промышленной революцией. Родиной промышленной революции является Англия, в ней же процессы урбанизации начались раньше всего. Промышленной революции в Англии предшествовала так называемая аграрная революция, начавшаяся в конце XVI в. в связи с отчуждением (огораживанием) земель крестьян в пользу лордов, производителей товарной шерсти. Потерявшие землю крестьяне вынуждены были наниматься на мануфактуры в городах.

Затем в XVIII в. в связи с изобретением парового двигателя, прядильных машин (первая промышленная революция) в десятки раз повышалась производительность труда, что усиливало концентрацию промышленности в руках крупного бизнеса. Мелкие ремесленники, мастеровые, ткачи разорялись. В европейских странах обострялись социальные противоречия, прошли разгромы новых машин, лишивших многих работы. Труд крестьянина на земле или ремесленника, трудящегося на заказ, заменялся обслуживанием машин на фабриках. Рабочие уже не планировали самостоятельно свое время, в труде снижалось творческое начало. Население переселялось из собственных домов с участками в городские квартиры или комнаты нередко в трущобах[1], все больше концентрировалось в городах и крупнейших

[1] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 632 с.; *Тойнби А. Д.* Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии / А. Тойнби; пер. с англ. с предисл. А. И. Чупрова. М.: тип. А. Г. Кольчугина, 1898. 331 с.

городских центрах. Появился серьезный этический вопрос — вытеснение труда человека машиной, безработица вследствие высокой механической производительности труда.

Период второй промышленной революцией характеризуется стандартизацией, конвейером (фордизм). Дополнительное высвобождение занятых вследствие повышения производительности труда вело к концентрации промышленности в руках крупных промышленных групп, а также к дальнейшей концентрации населения в крупнейших городах-агломерациях, еще более механистическому труду на конвейерах.

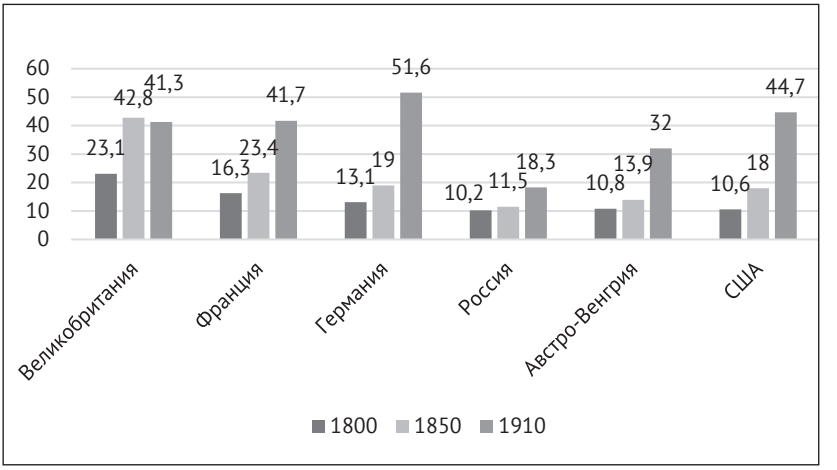

Рис. 4.2.2. *Доля городского населения в странах мира в 1800–1910 гг.*

Источник: составлено авторами на основе данных, приведенных в исследовании P. Bairoch[1]

Как видно из рис. 4.2.2, в середине XIX в. на уровень урбанизации в 40% первой вышла Англия, к началу XX в. ее «догнали» Франция, Германия, США. Россия даже в 1910 г. находилась на уровне урбанизации в 18%, но связано это было вовсе не с низким уровнем промышленного производства (темпы роста промышленного производства в то время у России были крупнейшими в мире)[2], а связано было с принципиально иной формой организацией хозяйства и концепцией пространственного развития того времени, о чем речь пойдет ниже.

---

[1] *Bairoch P.* Factors of Urbanisation in the Nineteenth Century Developed Countries: A Descriptive and Econometric Analysis / P. Bairoch, G. Goertz // Urban Studies. 1986. Vol. 23, № 4. P. 285–305.

[2] *Борисюк А. А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. М.: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2017. 231 с.

В странах с ранней урбанизацией произошел ранний демографический переход, так в Великобритании уже с 1922 г. начала неуклонно снижаться рождаемость. Впоследствии уровень и комфортность жизни в городах повышались, формировалось городское планирование и благоустройство. Дальнейшая третья промышленная революция, связанная с внедрением электронных систем на предприятиях, приводила к дальнейшей концентрации производства, а значит и населения в крупнейших агломерациях мира.

После Второй Мировой войны экономическая активность в мире стала все больше концентрироваться в руках транснациональных корпораций. За последние десятки лет сформировались глобальные города, в которых находятся штаб-квартиры глобальных корпораций, где генерируется большая часть ВВП мира[1]. Сам архипелаг глобальных городов уже стал «транснациональной надстрановой урбанистической системой, консолидирующей через паутину внутри- и межфирменных связей все мировое городское сообщество»[2].

Таким образом, транснациональные корпорации, сформировавшиеся в ходе промышленных революций, оформили всемирную урбанистическую систему глобальных городов, от которых зависит развитие всего мира и отдельных стран.

Рассмотрим примеры некоторых наиболее известных крупнейших агломераций мира, а также основные отрасли экономики и корпорации в них, особенно в странах, сопоставимых с Россией по площади и природно-ресурсному потенциалу (США, Бразилия, Австралия, КНР) (табл. 4.2.1).

Примечательно, что некоторые основополагающие центры глобальной экономики в настоящее время являются скорее финансовыми, чем производительными городами (Лондон, Нью-Йорк), что связано с тем, что глобальная экономика приобрела во многом анонимный, спекулятивный характер, а ее судьба решается на мировых фондовых биржах. Главными производительными центрами стали города индустрии информационных технологий (Шэньчжэнь, Сан-Франциско, Сидней, Бангалор), наиболее глобализированной отрасли экономики. Некоторые глобальные города являются центрами реализации на мировой рынок ископаемых природных ресурсов своих стран (Рио-де-Жанейро в Бразилии, Мельбурн в Австралии).

---

[1] *Слука Н.А.* Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов / Н.А. Слука, В.В. Карякин, Е.Ф. Колясев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 1. С. 203–226.

[2] *Пилька М.Э.* Глобальные города США как центры размещения иностранных транснациональных корпораций: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Пилька Мартин Эдуардович; науч. рук. Н.И. Слука; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2017. 25 с.

Таблица 4.2.1

Некоторые крупнейшие агломерации стран мира, их градообразующие отрасли и корпорации

Агломерация	Градообразующие отрасли экономики	Крупнейшие известные транснациональные корпорации и биржи
Нью-Йорк	Фондовые биржи, банковский, кредитный бизнес	NYSE, NASDAQ, JP Morgan Chase, Goldman Sachs Principal Investments
Лос-Анджелес	Военное судостроение, авиационное, космическое машиностроение, электроника, медиаиндустрия	Northrop Grumman Corporation, Twentieth Century Fox, Paramount Pictures
Лондон	Лондонская фондовая биржа, финансовые, юридические услуги, нефтедобыча	HSBC Holdings, Deloitte, PricewaterhouseCoopers, Ernst&Young, BP, Barclays
Шэньчжэнь	Электроника	Huawei, ZTE, Lenovo, Johnson Electric, TP-Link
Шанхай	Шанхайская фондовая биржа, машиностроение, металлургия	SAIC Motor Corporation Limited, Bank of Communications, Baosteel Group Corporation, Greenland Group
Сан-Франциско	Микроэлектроника, программное обеспечение	Alphabet, Apple, HP
Рио-де-Жанейро	Добыча железной руды, финансовые ресурсы, добыча нефти и газа	Vale, Petrobras
Сидней	Финансовые услуги, информационные технологии	Австралийская биржа ценных бумаг (ASX), Резервный банк Австралии, Atlassian, Auslogics

Источник: составлено авторами на основе данных рейтингов компании Forbes, официальных сайтов компаний и бирж

Таким образом, можно выделить основные факторы роста городов вообще и крупнейших городских агломераций в частности за последние десятки лет. Процесс роста городов обуславливался концентрацией производства в одних руках, увеличением его масштабов, стандартизацией. А процесс роста крупнейших городских агломераций связан с глобализацией мирового хозяйства, повышением роли этих городов

в глобальной экономике. Другие города стран мира никак не могут конкурировать с глобальными городами, согласно рекомендациям Всемирного Банка им остается лишь присоединиться к ним.

Таков опыт урбанизации стран мира, продолжающийся в настоящее время через рост глобальных городов и концентрацию в их агломерациях экономической активности. Рассмотрим особенности российского пути урбанизации.

Как было показано выше, доля городского населения в России к 1910 г. составляла менее 20%, при этом продолжался самый бурный в мире промышленный рост. С чем связаны столь низкие темпы распространения городского образа жизни в России?

Заметим, что до революции в России росло как городское, так и сельское население[1], происходило активное заселение Азиатской России сельскими переселенцами в результате Столыпинской реформы, а главной целью реформы было наделение крестьян землей. Сельское хозяйство активно развивалось, Россия была лидером по экспорту зерна, сливочного масла высочайшего качества на мировой рынок. При этом основными производителями выступали частные крестьянские хозяйства, объединенные в артели, самыми известными из которых являлись молочные артели Н. В. Верещагина, которого поддерживал лично Д. И. Менделеев. Известны экспортоориентированные маслодельные артели крестьян Западной Сибири, имевшие не только свои промышленные мощности, но и лаборатории. В артелях люди получали не только заработную плату, но и часть общей прибыли, что стимулировало заинтересованность в общем деле[2].

Но не только в сельском хозяйстве было развито артельное производство и кооперация. В России сложились целые районы и отрасли специализации кустарной промышленности в основном в легкой промышленности, деревообработке, пищевой промышленности, выпуске потребительских товаров. Но имелись и машиностроительные артели, специализировавшиеся на выпуске сельскохозяйственной техники, инструментов, часов[3]. Часто артели (объединения мелких производителей) производили продукцию дешевле, чем крупные предприятия, в результате чего те сами переходили на выпуск комплектующих для кустарей.

В Первую Мировую войну только одно Боровичско-Валдайское кустарное товарищество изготовило для армии 6,6 млн пар перчаток,

---

[1] *Нефедова Т. Г.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.

[2] Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930): [сборник] / отв. ред. А. А. Николаев; сост.: А. А. Николаев, В. А. Ильиных, Л. С. Пащенко. М.: Academia, 2008. 718 с.

[3] *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.

250 тыс. фуфаек и рейтуз[1]. Государство целенаправленно инвестировало в сложившиеся кластеры, формируя из них артели, а те в свою очередь перешли уже к созданию собственных заводов, проводили электрификацию производства. Объединяясь в артели, производители могли покупать и устанавливать дорогостоящее редкое оборудование, принимать объемный государственный заказ.

Особенностью кластеров являлась их рассредоточенность по территории, так как они были связаны с семейными фирмами, с личными подсобными производствами и хозяйствами. Известны Северо-Западная (легкая промышленность, деревообработка, судостроение, металлургия), Северная (смолокурение, добыча угля, дегтя), Северо-Восточная (деревообработка, кожевенно-обувная промышленность), Центральная (ювелирное производство, металлургия, инструментальная промышленность), Уральская (камнеобработка, промышленность стройматериалов, металлургия, сельскохозяйственное машиностроение, пуховязание) кустарные полосы в Европейской России.

По мнению Академика РАН И. Р. Шафаревича[2], в России к тому времени сложился уникальный, отличный от концентрированного Западного тип хозяйства и пространственного развития. Наряду с крупными отечественными и иностранными промышленными предприятиями большая часть населения страны трудилась в малых производствах (крестьянских хозяйствах, промысловых артелях). Результатом развития артельного типа кустарной экономики стал возможен такой тип пространственного развития, при котором население не концентрировалось в избыточном виде в крупных промышленных центрах, а расселялось, распределялось по стране, в том числе в Азиатскую ее часть, формируя районы кустарной специализации.

После революции большой удар по крестьянству и промыслам нанесла продразверстка, затем коллективизация и раскулачивание крестьянства. Жизнь в колхозах становилась кардинально хуже, чем в городах, что вызывало бегство крестьян из деревень, началась устойчивая убыль сельского населения. В колхозах снижалась личная мотивация к сельскому труду, заинтересованность в его результатах. В 1960–1970-е гг. реализовывалась политика ликвидации «неперспективных» деревень, сопровождавшаяся закрытием учреждений социальной инфраструктуры в них, ликвидацией в них сельскохозяйственного производства вследствие укрупнения колхозов, преобразования их в совхозы, что вызвало новую волну эмиграции из сельской местности, приводило к дальнейшему сжатию освоенного

---

[1] *Тюрин Г. В.* Как поднять нашу глубинку: локальная экономика в России и в мире / Г. В. Тюрин, В. Г. Тюрин. Санкт-Петербург: Живая провинция, 2018. 307 с.

[2] *Шафаревич И. Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 932 с.

пространства. Доля городского населения постепенно нарастала и к 1991 г. составила почти 74%.

В свою очередь происходило постепенное нарастание продовольственной проблемы, которую СССР вынужден был покрывать нарастающим импортом сельскохозяйственной продукции, одновременно попадая в зависимость от экспорта углеводородов[1].

Наконец, огромный удар по пространственному развитию был нанесен в результате приватизации 1990-х гг., когда большие потери понесла не только сельская местность, но и города, во многих из которых были разорены купленные за бесценок предприятия. Последующие реформы, связанные с оптимизацией социальной инфраструктуры, а также с концентрацией сельскохозяйственного производства в крупнейших агрохолдингах способствовали дальнейшему оттоку населения из периферии. Уровень жизни в провинции и столице резко различается уже десятки лет, что вызывает центростремительные тенденции в миграции[2] и постоянное расширение Москвы, которая перенесла три крупных увеличения своей площади (в 1935, 1960 и 2011 гг.). В настоящее время разрыв в доходах населения в Москве и в других регионах России достиг трехкратного уровня. В Москве и Санкт-Петербурге зарегистрированы основные сырьевые компании Российской Федерации, которые проводят через столицу экспортные операции, в результате чего основной доход от экспортной деятельности идет в столицу, а не в регионы.

Тенденции внутренней миграции свидетельствуют о крайней степени центростремительности, даже крупные города-миллионники (Красноярск, Новосибирск, Казань, Воронеж) являются своего рода «трамплинами» для дальнейшей эмиграции в Московский столичный регион[3]. Только Москва и Санкт-Петербург являются глобальными городами, связанными с операциями по экспорту природных ресурсов, что концентрирует в них сверхдоход и аккумулирует миграционный поток со всей страны. В самой Московской столичной агломерации также господствуют центростремительные тенденции, имеет место концентрация, уплотнения пространства агломерации[4].

---

[1] Трудные вопросы отечественной истории: учебно-методическое пособие / Д. М. Володихин, Г. А. Елисеев, О. И. Елисеева, А. А. Музафаров; под ред. Д. М. Володихина. М.: НБФ «Наследие», 2018. 288 с.

[2] *Зайончковская Ж. А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 22–34.

[3] *Безвербный В. А.* Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 45–65.

[4] *Безвербный В. А.* Демографические тенденции в муниципальных образованиях Московской области и способы их корректировки (на примере г. Зарайска) / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // Человеческий капитал. 2019. № 12 (132). С. 115–121.

Таким образом, можно констатировать продолжающийся в последние десятки лет центростремительный вектор миграции в России, который обусловлен разрывом в доходах и уровне жизни населения столичного и остальных регионов. Можно заметить сходную черту в тенденциях урбанизации в социалистической системе хозяйства и в системе крупного капитализма. И в том, и в другом случае развивались тенденции укрупнения предприятий (вместо малых производств — крупные промышленные, вместо личных крестьянских хозяйств — колхозы, укрупняемые далее в совхозы).

В социалистической системе создавались новые города, развивалось промышленное производство, но при этом сокращалось население сельской местности, население деревень переселялось в города и крупные села, затем из малых городов — в крупнейшие городские агломерации, происходило сжатие уже освоенного внутрирегионального пространства. Ученые градостроители и географы заметили чрезвычайный рост Московской столичной агломерации уже с 1960-х гг.[1] В работах 1990-х гг. географ Г. М. Лаппо высказывал опасения, не превратят ли агломерации большую часть страны в «безжизненную пустыню»[2].

Известный философ, политолог и востоковед профессор Ю. М. Павлов в своей работе «Региональная политика капиталистических государств»[3] отмечает, что в капиталистических странах заметен чрезмерный, гипертрофированный рост крупнейших городских агломераций за счет концентрации капитала и населения в одном месте. Ю. М. Павлов пишет об уязвимости экономики капиталистических стран, зависимых от конъюнктуры мирового рынка, тогда как ориентация на внутренний рынок и внутренний спрос представляется более устойчивой. Однако бурный рост крупнейших агломераций за счет притягивания населения с других территорий имел место и в социалистической системе, которая также концентрировала капитал и ресурсы, создавая масштабные, стандартизированные, крупные производства. Это сходство социалистической и крупнокапиталистической систем заметил и описал в свой работе Академик РАН И. Р. Шафаревич[4]. Действительно, до самого конца 1980-х гг. Москва не знала проблемы дефицита, свойственного для

---

[1] *Листенгурт Ф. М.* Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Серия географическая. 1975. № 1. С. 41–49; *Лаппо Г. М.* Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.

[2] *Лаппо Г. М.* География городов. М.: Гуманитар. изд. центр «Владос», 1997. 478 с.

[3] *Павлов Ю. М.* Региональная политика капиталистических государств. М.: Наука, 1970. 388 с.

[4] *Шафаревич И. Р.* Русофобия; Две дороги – к одному обрыву. М.: Товарищество рус. художников, 1991. 142 с.

других регионов РСФСР, что также усиливало центростремительные миграционные тенденции.

Общая же численность населения 40 агломераций России на начало 2021 г. составляло 46,4 млн человек или всего около 32% от общей численности населения страны. За 2012–2020 гг. численность постоянного населения крупнейших агломераций России увеличилась с 27,8 до 29,1 млн человек. Однако этот рост происходил неравномерно: явные лидеры по относительному приросту — агломерации Тюмени и Краснодара. Кроме того, заметный рост численности населения за 2012–2020 гг. происходил в агломерациях Красноярска, Казани, Новосибирска, однако в четырех из них (Нижегородской, Омской, Самарской, Волгоградской) численность населения сокращается. Наиболее высоким удельным весом ядра в населении характеризуются агломерации Красноярска, Перми, Тюмени, Омска. Наименьшая доля ядра в населении характерна для Иркутской, Нижегородской, Ростовской, причем в последней в главном городском округе сосредоточено менее половины жителей агломерации. Только за период с 2012 по 2021 г. численность населения центральных муниципалитетов в растущих крупнейших агломерациях увеличивалась более высокими темпами, чем численность населения агломераций в целом. Опережающий рост ядра по отношению к периферии характерен для Ростовской и Камской агломераций.

Однако данной тенденции не соответствует развитие наиболее крупных Казанской, Уфимской, Красноярской и Иркутской агломераций, что вероятно, может свидетельствовать о развитии процессов субурбанизации в периферийных муниципалитетах. Ядра теряющих население Омской, Самарской, Волгоградской агломераций сокращаются более высокими темпами, чем агломерации в целом. численность населения Нижегородского городского округа за 2012–2021 гг. почти не изменилась, несмотря на демографическое сжатие агломерации.

Действительно, и в социализме, и при крупнокорпоративном капитализме имеет место концентрация капитала, ресурсов, населения в одном месте с целью экономии на масштабе созданного стандартизированного производства. Однако выгодно ли это населению страны в совокупности в стратегическом плане? Сообщает ли такой концентрированный способ пространственного подхода устойчивость системе расселения и государственного развития? Опыт развития СССР показал, что проблемы сельской местности и сельского хозяйства привели к продовольственным проблемам, зависимости от импорта, проблемам в экономике, в конце концов к распаду социалистической системы. К чему может привести дальнейшее глобализированное крупнокорпоративное развитие и существует ли ему альтернатива?

В настоящее время мировое развитие движется в тенденциях, охарактеризованных и предписанных Всемирным Банком. Продолжается

концентрация населения и хозяйства в крупнейших городских агломерациях (чаще всего в портах международного значения). Нарастает узкая специализация, международное разделение труда. Страны мира все более специализируются на выпуске экспортных видов продукции, все больше концентрируя население вокруг крупнейших агломераций мира, все больше повышается зависимость от мирового рынка каждой из стран как по экспорту, так и по импорту. При этом сама мировая экономика отличается крайней спекулятивностью, анонимностью операций, определяется торгами на крупнейших фондовых биржах. Зависимой от мирового рынка экономике легко нанести ущерб как путем прямых санкций (как в случае с Россией, Ираном), так и путем обрушения цен на экспортируемый товар (снижение цен на нефть в 1980-е гг. для оказания влияния на СССР).

В случае же системного сбоя на электронных биржах, в мировой торговле может произойти коллапс, который затронет все страны мира в той степени, в какой они зависят от мировой конъюнктуры. Сильнее всего в этом случае пострадают именно крупнейшие городские агломерации. Перенаселенные, лишенные связи с землей и производством продуктов питания, специализированные на узких сегментах мировой экономики, а иногда и вообще не имеющие выраженной специализации (кроме финансово-биржевой), они из центров сверхдоходов и высокого уровня жизни превратятся в центры наибольшей концентрации социального коллапса.

Существует ли альтернативный крупногородскому агломерационному способ пространственного развития? Какой путь развития экономики может быть, кроме мирового крупнокапиталистического или крупномасштабного социалистического, приводящих к образованию глобальных городов-гигантов?

Существует несколько концепций в рамках данной тематики. Один из них — введение особого федерального финансирования для крупногородских агломераций. В этом случае средства федерального бюджета будут расходоваться на обустройство инфраструктуры нескольких городов-миллионников, чтобы выровнять уровни инфраструктурного развития Москвы и других крупнейших городов, снизить миграционный отток населения из других городов-миллионников в Москву. Представляется, что отток населения подобная мера не снизит, поскольку не решится главная причина оттока — разница в доходах населения в столице и в других регионах. И, разумеется, такая мера лишь усилит внутрирегиональный отток населения из муниципальных образований, а также из регионов, где нет городов-миллионников.

Второй тип предложений сводится к децентрализации: предлагается перевести значительную часть налоговых и неналоговых доходов с федерального на региональный, муниципальный уровень, одновременно передав некоторые полномочия в регионы. Звучат также пред-

ложения по переносу штаб-квартир крупных компаний из столицы в основные регионы ведения их бизнеса. Такой подход близок к системе пространственного развития США и Евросоюза, действительно приводит к более равномерному региональному развитию. Возможными рисками такого подхода могут стать нежелательные тенденции сепаратизма в случае смычки региональных элит с корпорациями. При этом назрела необходимость такой реформы межбюджетных финансов, которая бы стимулировала развивать экономическую активность в городах или регионах. В настоящее время величина доходов муниципальных бюджетов в большей степени зависит от объема получаемых дотаций и субсидий. Очевидна также необходимость более равномерного распределения корпоративной прибыли по регионам страны.

Однако следует признать, что и таких мер будет недостаточно, поскольку экономика крупных корпораций неизбежно формирует точечную систему крупных городских агломераций. Кризис в одной отдельно взятой компании, например, агрохолдинге, неизбежно приведет к упадку целого региона или отрасли. Есть ли более устойчивый и равномерный способ развития экономики и пространственного развития?

Такой способ, возможно, был разработан русской экономической мыслью в лице ученых А. И. Чупрова[1], Д. А. Тимирязева[2], Н. Д. Кондратьева[3], А. В. Чаянова[4], А. Н. Челинцева[5] и реализовывался в начале XX в. в России, а в конце XX в. — в Китае и привел к бурному экономическому росту. Способ заключается в том, что помимо развития крупных предприятий необходимо формировать систему малых, семейных предприятий, имеющую широкий, всегосударственный охват. Эффективнее всего такая система малых предприятий проявляет себя в сельском хозяйстве, пищевой, легкой промышленности, строительной индустрии. Творческий труд, уникальная работа под заказ, собственное планирование времени и объемов производства отличают

---

[1] *Чупров А. И.* Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельною общиною // Речи и статьи. Т. I. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1909. 548 с.

[2] *Пономарев Н. В.* Обзор кустарных промыслов России: Сост., по поручению М-ва земледелия и гос. имуществ, чл.-делопроизводителем Кустар. ком. означ. М-ва Н. В. Пономаревым, под ред. Д. А. Тимирязева / М. З. и Г. И. Санкт-Петербург: Паровая скоропеч. М. М. Гутзац, 1902. 150 с.

[3] *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение: избранные произведения: в 2-х кн. / Н. Д. Кондратьев; сост. В. В. Симонов; РАН, Институт экономики; Международный фонд Н. Д. Кондратьева. М.: Наука, 1993.

[4] *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд., заново перераб. и доп. М.: Книгосоюз, 1927. V, 383 с.

[5] *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства / проф. А. Н. Челинцев; Харьковский обл. союз с.-х. кооперативов; отд. орг. хозва. Харьков: Агрономия, 1919. 177 с.

такую систему экономики от крупных корпораций-холдингов. Нередко продукция, изготовленная кустарями даже с использованием ручного труда, оказывается качественнее корпоративной, а иногда и дешевле нее.

Кустарные производства трудоемки, что решит проблему занятости, а также территориально дисперсны, рассредоточены. Начнется освоение пространства предпринимателями, тенденции точечной концентрации сменятся тенденциями освоения территории, начнется переезд из квартир в частные дома, что в дальнейшем подстегнет рост рождаемости.

Как отмечали в своих работах А. И. Чупров, А. В. Чаянов необходимо поощрение вертикальной кооперации, когда сообщество предпринимателей объединяется с целью запуска переработки своей продукции, а также ее реализации. Кооперация позволит ликвидировать прослойку перекупщиков, объединенные в артели сельхозтоваропроизводители и другие предприниматели получат возможность выхода на региональные, федеральные, глобальные рынки.

С укреплением института предпринимательства, формирования их объединений возможна их кооперация с крупными производствами, даже замещение их. Формирование промышленных артелей приведет к тому, что сообщества предпринимателей появятся и в металлургии, и в машиностроении, и в наукоемких отраслях. При достижении должного уровня кооперации, такие артели смогут составить конкуренцию корпорациям, оказаться эффективнее их, начать работу по государственным заказам, в том числе по оборонным.

Опыт экономического развития Китайской Народной Республики в 1980–1990-е гг. соответствовал реализации именно такой программы, начавшей реализовываться при Дэне Сяопине. Китай постепенно формировал новую сельскую экономику, вначале разрешив крестьянам заниматься товарным сельским хозяйством по системе семейного подряда, арендуя землю у артели крестьян, своего рода общины, что вызвало бурный рост производства продуктов питания. Повсеместно создавались кооперативы, число которых достигло 500 тыс. к началу 1990-х гг., начался рост благосостояния крестьян, рост спроса со стороны деревни на потребительские товары, улучшение жилищных условий[1].

Затем было сформировано совершенно уникальное в мире явление: создание китайской сельской промышленности, волостно-поселковых промышленных предприятий, которые обеспечили бурный рост всей китайской экономики в мировом масштабе. Одной из целей формирования сельской промышленности было удержание людей на земле,

[1] *Тюрин Г. В.* Как поднять нашу глубинку: локальная экономика в России и в мире / Г. В. Тюрин, В. Г. Тюрин. Санкт-Петербург: Живая провинция, 2018. 307 с.

обеспечение сельского населения работой[1]. Ключевым при создании волостных предприятий были коллективная, кооперативная форма собственности, а также покровительство со стороны государства, которое законодательно защищало волостные промышленные предприятия от рейдерских захватов, кадровых перестановок, вмешательства в производственную деятельность. Малые волостные промышленные предприятия несли социальную нагрузку, выделяли адресные субсидии работникам. Основными отраслями специализации волостной промышленности были: переработка сельскохозяйственной продукции, легкая промышленность, строительный сектор, частично металлургия, угледобыча и даже распределенная электроэнергетика. В 2006 г. в Китае насчитывалось порядка 170 млн работников предприятий сельской промышленности[2]. Поселковые предприятия выпускали почти всю шелковую пряжу Китая, больше половины строительных материалов, около трети одежды, обуви и бумаги. Затем сельские предприятия начали открывать свои представительства за рубежом, работая на экспорт.

Укрепившиеся многочисленные волостные предприятия не разорились с приходом на китайский рынок дорогой импортный техники. Они начали копировать, собирать технику западных образцов, постепенно повышая качество продукции, и сконцентрировали в своих руках большую часть мирового производства электроники и электротехники. Так, при помощи сельской кооперативной экономики Китай превратился в мировую производительную фабрику.

Альтернативой подходу интеграции в мировую экономику на ее условиях может стать только развитие собственного, емкого внутреннего рынка, насколько возможно менее зависимого как от экспортных операций, так и от импортных поставок. В автаркичной экономике большую роль будут играть помимо крупных предприятий — малое предпринимательство, малые формы собственности и кооперация.

Во всем мире происходит рост крупнейших городских агломераций, особенно агломераций глобальных городов. Процесс роста городских агломераций обусловлен в первую очередь концентрацией крупным бизнесом своего капитала, производства товаров и услуг в локализованных центрах, особенно — транснациональными корпорациями в глобальных городах мира. Глобальная экономика приводит к росту концентрации капитала и населения в крупнейших городских агломерациях, финансовых центрах, где размещаются международные

---

[1] Индустриализация китайской деревни как двигатель экономического роста // Магазета: [сайт]. URL: https://magazeta.com/industrialization (дата обращения: 15.09.2022).

[2] Annual Data // National Bureau of Statistics of China: [site]. URL: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/ (accessed on: 15.09.2022).

биржи, она характеризуется высокой степенью анонимности, спекулятивности. Сверхконцентрация в агломерациях демографических, экономических ресурсов, вызывает запустение обширных пространств, вступает в противоречие с обеспечением безопасности границ государства[1], с развитием хозяйства регионов.

Система международного разделения труда приводит к специализации стран на выпуске наиболее выгодных для мирового рынка товаров и услуг, одновременно вызывая все большую зависимость каждой из стран от экспорта и импорта в спекулятивной мировой экономике.

Альтернативой высококонцентрированной крупнокорпоративной глобальной экономике агломераций является формирование собственного внутреннего рынка путем широкомасштабного развития малого и среднего предпринимательства, семейного бизнеса на основе кооперации. Первоначально артели семейных фирм должны получить наибольшее развитие в сельском хозяйстве, пищевой, легкой промышленности, строительном комплексе, торговле. Необходимо государственное поощрение и протекционизм вертикальной кооперации малых предпринимателей, объединение их для переработки своей продукции. Впоследствии возможно формирование сообществ малых предприятий в металлургии, машиностроении, высокотехнологичных отраслях экономики, принятие артелями предпринимателей государственных заказов.

На создание полностью суверенной экономической системы способно лишь государство, обладающее полнотой стратегических ресурсов, минерально-сырьевых, земельных, водных, обладающее собственным ядерным потенциалом. Большинство стран мира в силу ограниченности своих ресурсов (территориальных, минерально-сырьевых) не способны выстроить независимую от мирового рынка и его корпораций экономику, им остается пока подстраиваться под мировое развитие.

Потенциал же России дает возможность построить такую модель суверенного социально-экономического развития, которая позволит ей развиваться, минимизируя влияние транснациональных корпораций. Для этого необходимо опираться на внутренние силы, которые лучше всего будут задействованы повсеместно на всей территории через кооперацию малых семейных фирм как в сельском хозяйстве, так в перспективе и в промышленном производстве. Мировая практика (фермерство Евросоюза, китайский опыт промышленного развития сельской местности) показывает высокую эффективность такого подхода. Создание суверенной экономики с опорой на артели семейного

[1] *Мотрич Е.Л.* Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х гг. / Е.Л. Мотрич, С.А. Кравчук // Вестник Дальневосточного отделения академии наук. 2006. № 6 (130). С. 120–128.

бизнеса способно стать альтернативой корпоративному мировому подходу, стягивающему население в ограниченный круг мировых глобальных городов, впоследствии привлечет заинтересованные страны к формированию альтернативного пророссийского полюса экономического и геополитического развития в целях устойчивого многополярного мира.

4.3. Семейно-демографическая политика в материалах СМИ

Современная семейно-демографическая политика в РФ целенаправленно институционализируется с 2000 г.[1], с момента, когда демографическая ситуация публично была обозначена Президентом Российской Федерации в ежегодном послании Федеральному Собранию как тревожная: «уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 млн человек. Я прошу вдуматься в эту цифру: седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой»[2].

Инструменты реализации демографической политики формировались поэтапно, Президентом Российской Федерации ежегодно актуализировались проблемы сокращения численности населения, высокой смертности, низкой рождаемости и артикулировались в посланиях Федеральному Собранию. В 2006 г. Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Вы знаете, что в среднем число жителей нашей страны становится меньше ежегодно на 700 тыс. человек. Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету — мало что сделали. Для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое — снижение смертности. Второе — эффективная миграционная политика. И третье — повышение рождаемости»[3]. Именно в обозначенных трех направлениях постепенно в РФ формировалась демографическая политика.

В 2009 г. в Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию было обозначено, что наблюдаются

---

[1] *Рязанцев С. В.* Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819; *Васильева Е. Н.* Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) / Е. Н. Васильева, Т. К. Ростовская, А. Сулейманлы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 255–272.

[2] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России: [сайт]. 08.07.2000. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480 (дата обращения: 18.08. 2022).

[3] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России: [сайт]. 10.09.2006. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577 (дата обращения: 18.08. 2022).

положительные результаты реализации нацпроекта «Здоровье» и новой демографической политики: «Отмечу, что в августе этого года впервые за последние 15 лет в России зафиксирован естественный прирост населения. Он пока незначительный — всего на тысячу человек, но все-таки это уже прирост»[1].

До 2017 г. сохранялась положительная динамика, численность населения стабилизировалась за счет увеличения продолжительности жизни, рождаемости, миграции, расширения границ Российской Федерации. Но уже через год, в связи с планомерным вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения 1990-х гг. и таймингового сдвигом рождаемости[2], произошедшем под влиянием реализации программы материнского капитала, ситуация ухудшилась.

20 февраля 2019 г. в Послании Федеральному Собранию В. В. Путин отметил: «Мы смогли переломить негативные демографические тенденции в начале 2000-х гг., а тогда страна была в очень сложном положении, тогда казалось, что это вообще сделать невозможно. Но мы это сделали, и убежден, что вновь способны это сделать: на рубеже 2023–2024 гг. добиться возобновления естественного прироста населения»[3]. 15 января 2020 г. Президент начал Послание Федеральному Собранию с демографической повестки[4], а 21 апреля 2021 г. обозначил ситуацию в сфере демографии как чрезвычайную[5].

Важно, что акценты в Посланиях Президента Российской Федерации постепенно изменились, можно сказать, что управленческие решения были переструктурированы, работа ведется в трех направлениях: во-первых, расширение мер экономической поддержки семей с детьми[6]; во-вторых, совершенствование инфраструктуры учреждений, занимающихся помощью семье, обеспечение их работы по прин-

---

[1] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России: [сайт]. 12.11.2009. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979 (дата обращения: 18.08. 2022).

[2] *Козлова О. А.* Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты / О. А. Козлова, В. Н. Архангельский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 845–855.

[3] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. 20.02.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 18.08. 2022).

[4] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. 15.01.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 18.08. 2022).

[5] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. 21.04.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418 (дата обращения: 18.08. 2022).

[6] *Ростовская Т. К.* Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22–31.

ципу «одного окна»; в-третьих, повышение статуса семьи, организация мероприятий по укреплению дружбы, взаимовыручки, милосердия, сплоченности, воспитанию духовно-нравственных ценностей[1].

Именно в период с 2006 по 2017 г., можно говорить о постепенном выделении семейно-демографической политики как отдельного направления демографической политики государства; в 2018–2020 гг. — о необходимости полного включения институтов гражданского общества в обсуждение серьезного, острого вопроса демографической безопасности России. Закономерным решением было включить в важнейший нормативный документ, регулирующий демографическую политику, а именно приоритетный Национальный проект «Демография»[2], показатели по персонифицированному информированию семей с детьми о возникновении прав на получение мер социальной поддержки.

Продолжением политики, направленной как на формирование социально-политического дискурса, так и на популяризацию семейных ценностей стало введение следующих индикаторов результативности в Паспорт федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей»: «Ежегодно обеспечено не менее 2,5 млн просмотров телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, Интернет-сайтов, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства»; «Ежегодно тираж периодических печатных изданий, реализовавших проекты, направленные на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства, составил не менее 500 тыс. экземпляров»[3].

Показатели результативности — инструменты оценки реализации поставленных перед исполнительными органами власти задач, поэтому важно разработать многомерную методологию оценки социально-демографической политики на федеральном и региональном уровнях[4]. Дополнить существующие методики целесообразно методом контент-анализа СМИ.

---

[1] *Ростовская Т. К.* Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России / Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 2. С. 7–16. С. 7.

[2] Национальный проект «Демография» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 01.07.2022).

[3] Паспорт федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1171-src-1631193510.0461.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

[4] *Ростовская Т. К.* Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева, Е. Н. Васильева // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2. С. 214–229.

В рамках проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России», выполненного при финансовой поддержке РНФ, был апробирован метод контент-анализа для оценки результативности реализации семейно-демографической политики. Были исследованы тексты неспециализированных СМИ, не тех, которые позиционированы, как посвященные семейной тематике, а наиболее популярных у населения (этапы разработки инструментария исследования представлены в следующих публикациях[1]).

Выборка строилась следующим образом: были систематизированы данные ведущих информационных агентств, рассчитывающих рейтинг СМИ России и пользующихся доверием у экспертов: LiveInternet[2]; Медиалогия[3]; Brand Analytics[4].

На основе данных экспертного опроса были выявлены медиа ресурсы, наиболее представленные региональными самостоятельными изданиями. В результате данные рейтингов информационных агентств были сопоставлены с данными рейтинга газет федерального уровня, имеющих региональные самостоятельные издания, составленного экспертами. Отобраны следующие издания: «Российская газета»; «Аргументы и факты» (АиФ); «Комсомольская правда» в РФ и их региональные издания: «АиФ — Москва и Московская область»; «АиФ — Башкортостан»; «АиФ — Нижнее Поволжье»; «АиФ — Вологодская область»; «АиФ — Иваново»; «АиФ — Нижний Новгород»; «АиФ — Урал»; «АиФ — Северный Кавказ»; «АиФ — Татарстан»; «Комсомольская Правда (Москва и Московская область)»; «Комсомольская Правда (Уфа)»; «Комсомольская Правда (Волгоград)»; «Комсомольская Правда (Вологда)»; «Комсомольская Правда (Ярославль)»; «Комсомольская Правда (Нижний Новгород)»; «Комсомольская Правда (Екатеринбург)»; «Комсомольская Правда (Северный Кав-

---

[1] *Ростовская Т. К.* Разработка инструментария для проведения контент-анализа федеральных и региональных СМИ в России по вопросам отражения демографической ситуации и политики / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, Е. А. Князькова, Е. О. Данилова // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 2. С. 56–73; *Ростовская Т. К.* Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты Всероссийского исследования / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 236–248; *Ростовская Т. К.* Информационное поле формирования самосохранительного и репродуктивного поведения акторов (по результатам контент-анализа СМИ) / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Информационное общество. 2022. № 5. С. 99–105.

[2] LiveInternet: Рейтинг сайтов // LiveInternet: [сайт]. URL: https://www.liveinternet.ru/rating/ (дата обращения: 01.07.2022).

[3] Рейтинги российских СМИ // Медиалогия: [сайт]. URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/ (дата обращения: 01.07.2022).

[4] Brand Analytics: [сайт]. URL: https://br-analytics.ru/ (дата обращения: 01.07.2022).

каз)»; «Комсомольская Правда (Казань)»; «Российская газета — Неделя: Москва и Московская область»; «Российская газета — Неделя: Приволжье»; «Российская газета — Неделя: Юг России»; «Российская газета — Неделя: Северо-Запад»; «Российская газета — Неделя: Центральная Россия»; «Российская газета — Неделя: Сибирь»; «Российская газета — Неделя: Урал»; «Российская газета — Неделя: Кубань-Кавказ»; «Российская газета — Неделя: Волга-Урал».

Обработаны только номера (выпуски), материалы изданий, выложенные в Интернете в открытом доступе, все новости за период анализа с 1 июля 2020 г. по 30 июня 2021 г. включительно. В итоге выборка составила 9011 статей из 103 868 статей, опубликованных перечисленными изданиями за исследуемый период. Материал обработан в тестовой версии специализированной программы для качественного и количественного анализа — QDA Miner.

По итогам контент-анализа можно сделать следующие выводы. Семейно-демографическая политика РФ освещается в СМИ недостаточно интенсивно — лишь 8,7% статей в изданиях, вошедших в выборку, посвящены исследуемым вопросам. На основе 100% публикаций, вошедших в выборку, сделан простой подсчет содержащихся в текстах единиц анализа (рис. 4.3.1). В связи с тем, что исследование проводилось в сложный период распространения пандемии COVID-19, в кодировочный паспорт были внесены коды, позволяющие охарактеризовать политику СМИ в отношении освещения распространения коронавирусной инфекции и сохранения здоровья населения. В выборку не были включены статистические показатели распространения инфекции, только аналитические статьи и заметки. В результате выявлено, что наибольшая частота упоминаний в тексте приходится на следующие ключевые понятия — COVID-19 (объединено с понятием коронавирус), вакцинация, пандемия, здоровье, семья, школа, родители, дети (синонимы и разные формы слов сгруппированы).

Код «Национальный проект “Демография”» находится на периферии обсуждаемых в СМИ вопросов и включен в следующие материалы: строительство детских дошкольных образовательных учреждений (как отчет о результативности деятельности властей в регионах по реализации нацпроекта Демография); обсуждение эффективности и расширения возможностей использования материнского капитала; нацпроект как механизм преодоления неблагополучия российской семьи; увеличение пособий по беременности и родам. Самый обсуждаемый тип семьи — многодетная семья, меньше всего обсуждаются проблемы и достижения студенческих семей, молодых семей. Контекст освещения проблематики молодой семьи — заключение брака, риски расторжения брака. Практически нет в СМИ информации по нематериальному стимулированию семей (наградах и т.д.), демографической безопасности.

Выявлены специфические черты обсуждения семейно-демографической политики в региональном измерении, интенсивнее всего вопросы государственной поддержки семьи и детьми представлены в СМИ федеральными изданиями, а также изданиями, выходящими в Москве, Республике Татарстан и Ставропольском крае. Активное обсуждение распространения коронавирусной инфекции наблюдается во всех регионах. Темы «психологическое здоровье населения» и «профилактика сердечно-сосудистых заболеваний» освещаются как в совокупности с пандемией, так и в специализированных публикациях в иных тематических блоках. Меньшая доля текстов о пандемии зафиксирована в Ставропольском крае, что может быть обусловлено тем, что в санаторно-курортных зонах активнее реализуются меры профилактики заболеваний, т.к. есть соответствующий опыт и образование у большей части населения, также высоки риски недополучения экономических выгод от прекращения туристского потока, следовательно, по совокупности факторов — ниже заболеваемость. Наиболее высока доля публикаций о последствиях несоблюдения масочного режима и соответствующих штрафах — в Москве и Волгоградской области.

На рис. 4.3.1[1] представлена карта связанности единиц счета по основным категориям исследования, можно зафиксировать разорванность контента о по ряду вопросов семейно-демографической политики, в частности малую долу публикаций, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства. Доля статей, где пересекаются коды «семья» и «счастье» статистически незначима, например «счастье» по массиву встречается 199 раз, «радость» — 77 раз, взаимопонимание — 10 раз.

В выборку не были включены категории и коды, фиксирующие громкие случаи криминального или аморального поведения в семье (убийства, оставление детей или пожилых родителей без ухода и т.д.), но код «насилие в семье» был введен, т.к. позволяет фиксировать иные случаи — обсуждение разводов в семье, психологические советы о поведении в браке, формировании гармоничных детско-родительских отношений и т.д.

Полученные по результатам исследования данные позволяют сформулировать гипотезу, которую в будущем планируется проверить: доля публикаций в СМИ о неблагополучных семейных отношениях (насилии в семье) значительно превышает долю публикаций о благополучных семьях (успешных практиках). Мы целенаправленно не включали в выборку материалы не только о криминальных случаях семейного насилия, но и о ДТП, трагической гибели, увечьях и т.д., в результате в массиве не существенны показатели по кодам «наркомания» и «алкоголизм».

[1] Рисунок 4.3.1 см. на цветной вклейке в конце книги.

Анализ полученного материала по месяцам (табл. 4.3.1, 4.3.2) показал, что освещается семейно-демографическая политика в течение года неравномерно. Обосновано это несколькими факторами, во-первых, наличием информационных поводов — празднование 8 июля Дня семьи, любви и верности (официально установлен в 2022 г., но традиционно освещается в СМИ); 14 февраля День всех влюбленных (табл. 4.3.2 — доля публикаций о любви в эти месяцы наибольшая по сравнению с остальными периодами); 8 марта, 1 июня Международный день защиты детей, 1 сентября, третье воскресенье октября День отца, 27 ноября Международный день матери, подготовка к празднованию Нового года (табл. 4.3.2 — доли публикаций по коду «семейные традиции»). Во-вторых, в определенные периоды были приняты важные управленческие решения в сфере семейно-демографической политики — 24 июля 2020 г. Госдума приняла поправки в закон о ежемесячных выплатах на детей, также в СМИ закономерно освещалось решение о дополнительной единовременной выплате в размере 10 000 рублей на каждого ребенка семьям с детьми до 16 лет (табл. 4.3.1 — доли публикаций по кодам «государственная поддержка» в июле 2020 г., «пособия на ребенка» в сентябре 2020 г.).

Таким образом, СМИ быстро реагируют на социально-экономическую и социально-политическую повестку, но систематической работы по освещению демографической ситуации и семейно-демографической политики не ведут. Корреляционный анализ позволяет установить, что наиболее близкая связь фиксируется между понятиями «многодетная семья» и «государственная поддержка», «пособия (выплаты) на ребенка». Стабильно повышенное внимание СМИ привлечено к вопросам школьного образования, а в пандемию — и к дистанционным формам обучения. Наиболее тесная корреляционная связь кодов «школа», «питание» и «здоровье». Доля публикаций на тему школьного питания и трудностях многодетных семей собрать ребенка к школе в регионах традиционно велика. Цитирования выступлений Президента РФ о семейных ценностях, традиционных ценностях, благополучной семье, не стимулируют дальнейшего обсуждения данных вопросов. Положительный факт: в СМИ не обсуждаются идеи чайлдфри, что могло бы, с одной стороны, привлечь аудиторию и повысить спрос на издание, с другой, стимулировать негативные тенденции — рост интереса к теме и расширение числа сторонников данных течений.

Функционал QDA Miner позволил рассчитать следующие показатели: Z value — коэффициент меры отклонения от ожидаемой частоты следования кодов; P — коэффициент случайности отклонения. Анализ показывает высокую связь некоторых кодов, например, «детский сад» и «национальный проект Демография» — 6,7 (табл. 4.3.3), как отмечалось выше, это обусловлено необходимостью освещать предварительные итоги реализации национального проекта в рамках от-

четной работы администраций регионов. В СМИ ежемесячно выходят материалы об ипотеке, включая блок вопросов о льготной ипотеке, о проблемах молодых семей, которые данной ипотекой воспользоваться не могут (недостаточно финансовых средств, нет документов о нуждаемости в улучшении жилищных условий, в случаях, если молодые семьи претендуют на социальную выплату на приобретение жилья, сохранившуюся в некоторых регионах). Коэффициент меры отклонения от ожидаемой частоты следования кодов «семья» и «ипотека» — 4,4; «молодая семья» и «ипотека» — 5,0; «ипотека» и «государственная поддержка» — 3,1. В публикациях СМИ Z value между кодами «безопасность» и «национальный проект "Демография"» — 10,6.

В табл. 4.3.3 представлены не только положительные, но и отрицательные значения Z value, что позволяет сделать вывод о том, какие понятия являются смыслообразующими в тесте, а какие не являются базовыми. Например, тексты о Программе «Молодая семья» имеют тесную связь с кодом «ипотека», но не все тексты, посвященные проблеме ипотечного кредитования, содержат код «Программа "Молодая семья"» — фиксируется отрицательное значение Z value (−1,7).

Для достижения поставленных в национальном проекте «Демография» индикаторов нет достаточных ресурсов. Пока тема демографической безопасности, развития традиционных семейных ценностей будет актуальной для правительства РФ, но не будет значимой для гражданского общества — доля публикаций по данным вопросам в наиболее читаемых СМИ останется низкой. Необходимо ответить на следующие вопросы: в каком случае аудитория специализированных ТВ программ, Интернет-ресурсов, газет и др. будет расти, и какая информация будет востребованной? По данным ряда исследований[1], наиболее важными для акторов с низким уровнем жизни остаются вопросы назначения пособий; акторы с уровнем жизни, соответствующим модальному интервалу, не заинтересованы в получении информации о мерах поддержки семьи. Неудовлетворенные базовые потребности читателей СМИ являются препятствием трансформации дискурса наиболее тиражируемых СМИ об актуальных вопросам демографической безопасности РФ.

Необходимо найти инструменты взаимодействия со СМИ по вопросу активизации освещения результатов семейно-демографической политики, формирования общественного мнения о серьезности демографической ситуации в РФ, что способствовало бы расширению общественной дискуссии и поиску наиболее эффективных инструментов реализации семейно-демографической политики.

---

[1] *Ростовская Т. К.* Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, О. В. Кучмаева, С. А. Судьин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 430–436.

Таблица 4.3.1

Доля публикаций по месяцам по категориям анализа «Поддержка семей при рождении детей» и «Семейно-демографическая политика» (%)

Код	2020 г.						2021 г.					
	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.	янв.	фев.	март	апр.	май	июнь
Ипотека	5,90	13,10	4,10	16,90	8,10	14,20	6,50	3,60	15,10	20,50	16,70	18,00
Детский сад	8,90	8,30	8,50	13,60	10,60	9,00	7,00	9,00	12,50	3,40	5,70	7,80
Пособие по беременности	0,30	0,30	1,30	0,70	2,10	0,40	—	7,20	1,90	3,40	2,00	6,00
Декретные выплаты	0,70	0,60	0,60	0,30	4,20	0,40	—	4,20	1,60	0,60	—	2,00
Пособия (выплаты) на ребенка	2,60	3,50	10,40	5,30	14,80	8,20	1,40	10,20	5,80	10,10	5,30	10,70
Материнский капитал	8,20	1,90	11,70	4,30	5,90	5,60	5,60	15,00	8,20	9,80	4,50	2,80
Нацпроект «Демография»	3,30	2,20	4,40	2,60	5,90	6,00	3,30	2,40	1,60	2,80	1,60	1,60
Награждение семей	—	—	—	0,30	1,30	—	0,50	—	—	0,30	0,40	0,70
Программа «Молодая семья»	1,30	—	—	1,00	—	—	0,90	2,40	—	0,90	1,20	—
Безопасность	—	0,60	0,30	—	0,80	0,40	0,50	1,20	0,80	0,60	0,40	0,50
Государственная поддержка	10,90	3,80	6,00	5,00	5,50	7,90	2,80	3,00	6,40	3,10	6,50	6,40
В. В. Путин	20,70	10,90	17,00	4,60	10,20	11,60	6,50	3,60	17,80	6,70	7,30	15,30
Воспитание	5,60	5,40	3,20	6,60	2,10	5,60	2,30	6,60	3,40	2,40	2,40	4,10
Школа	31,60	49,00	32,50	38,70	28,40	30,70	62,60	31,70	24,90	35,50	45,90	24,00

Источник: составлено авторами на основе анализа текстовых данных в специализированной программе QDA Miner

Таблица 4.3.2

Доля публикаций по месяцам по категориям анализа «Благополучие семьи» и «Проблемы семьи» (%)

Код	2020 г.						2021 г.					
	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.	янв.	фев.	март	апр.	май	июнь
Семейные традиции	3,50	7,00	15,80	14,00	12,30	17,50	1,80	7,00	10,50	—	—	10,50
Радость	11,50	6,40	10,30	10,30	3,80	20,50	7,70	3,80	5,10	6,40	5,10	9,00
Счастье	10,60	10,10	5,00	6,50	5,50	10,60	8,00	9,00	13,10	3,50	6,50	11,60
Любовь	17,60	5,90	11,80	11,80	—	5,90	5,90	17,60	—	5,90	5,90	11,80
Взаимопонимание	40,00	—	—	—	—	—	20,00	—	—	—	—	40,00
Благополучие	28,40	8,10	5,40	2,70	8,10	9,50	8,10	1,40	6,80	8,10	2,70	10,80
Ипотека	3,90	8,80	2,80	10,90	4,10	8,20	3,00	1,30	12,20	14,40	8,80	21,70
Детский сад	8,50	8,20	8,50	13,00	7,90	7,60	4,70	4,70	14,90	3,50	4,40	13,90
Пособие по беременности	1,20	1,20	4,80	2,40	6,00	1,20	—	14,50	8,40	13,30	6,00	41,00
Декретные выплаты	4,50	4,50	4,50	2,30	22,70	2,30	—	15,90	13,60	4,50	—	25,00
Пособия на ребенка	2,90	4,00	12,10	5,90	12,80	8,10	1,10	6,20	8,10	12,10	4,80	22,00
Материнский капитал	10,50	2,50	15,60	5,50	5,90	6,30	5,10	10,50	13,10	13,50	4,60	6,80
Неблагополучие	30,80	—	7,70	7,70	—	7,70	—	7,70	15,40	7,70	7,70	7,70
Насилие в семье	33,30	2,60	23,10	5,10	10,30	2,60	—	—	7,70	—	10,30	5,10
Нуждаемость в жилье	6,40	4,30	14,90	17,00	6,40	14,90	4,30	6,40	6,40	2,10	6,40	10,60
Очередь на землю (жилье)	6,70	6,70	—	40,00	6,70	6,70	6,70	6,70	—	6,70	13,30	—
Материальные проблемы	14,30	8,90	8,90	1,80	1,80	5,40	5,40	3,60	5,40	16,10	19,60	8,90

Источник: составлено авторами на основе анализа текстовых данных в специализированной программе QDA Miner

Таблица 4.3.3

«Поддержка семей при рождении детей» и «Семейно-демографическая политика»

A = Ипотека *B* = Ипотека *Freq of A* = 466 *Freq of B* = 466 *Expected Freq* = 113,7 *B follows A* = 332 (71,2%) *A precedes B* = 332 (71,2%) *% of sequences* = 37,5% *Z value* = 21,93 *P* = ,000	**Ипотека**	**Детский сад**	**Пособие по беременности**	**Декретные выплаты**	**Пособия на ребенка**	**Материнский капитал**	**Нацпроект «Демография»**	**Награждение семей**	**Программа «Молодая семья»**	**Безопасность**	**Государственная поддержка**	**В. В. Путин**	**Воспитание**	**Школа**
Ипотека	21,9	–8,7	—	–2,7	–8,2	–5,4	–4,2	—	–1,7	—	–5,7	–10	—	–21,3
Детский сад	–5,2	15,1	–2,1	—	–3,3	–2,1	0,4	—	–0,3	–0,3	–3,3	–4,7	0,6	–3,9
Пособие по беременности	—	—	14,2	2,7	15,8	—	—	—	—	—	–2	–3,3	—	—
Декретные выплаты	–2,1	–1	13,8	6,4	9,2	–1,5	—	—	—	—	–1,3	—	—	–5,3
Пособия на ребенка	–2,7	–3,2	4,7	0,7	20,6	–1,2	0,0	—	0,1	—	0,4	–3,3	–1,1	–8,7
Материнский капитал	–1,7	–5	—	—	–3,9	24,1	–2,7	—	—	—	–1,7	–6,1	–3,4	–12,7
Нацпроект «Демография»	–0,5	6,7	—	—	–0,9	3,8	5,9	—	—	—	—	–2,2	—	–3,9
Награждение семей	—	—	—	—	—	—	—	5,6	—	—	0,6	4,7	0,9	—
Программа «Молодая семья»	5,0	—	—	—	—	1,2	—	—	14,6	—	—	—	—	—
Безопасность	—	1,3	—	—	—	—	10,6	—	—	—	—	—	—	–0,98
Государственная поддержка	3,1	–2,2	1,2	—	–0,01	2,7	–0,4	—	—	—	3,98	3,88	–1	–6,91
Воспитание	–4,17	3,21	–1,2	–0,5	–1,3	–0,6	—	—	0,37	—	0,86	–2,91	7,63	0,68

Источник: составлено авторами на основе анализа текстовых данных в специализированной программе QDA Miner

По отношению к многодетным семьям в СМИ информация выстроена в двух плоскостях. Во-первых, с увеличением количества детей, растет семейное счастье. Во-вторых, увеличение количества детей ведет к снижению материального благополучия семьи. Решить данную логическую задачу без эффективного государственного механизма не представляется возможным.

Таким образом, семейно-демографическая политика в материалах СМИ освещается инструментально — как основа преодоления материального неблагополучия семей и обеспечения базовых потребностей акторов — в питании (в том числе, предоставляемом детям в школе); жилье; предоставлении мест в детских дошкольных учреждениях (чтобы родители могли спокойно выйти на работу и обеспечивать материальное благополучие семьи); реализации репродуктивных функций (если есть необходимость в получении медицинской помощи, ЭКО и т.д.); медицинском обслуживании.

В целом позитивные итоги семейно-демографической политики РФ освещается в СМИ недостаточно интенсивно, доля публикации по кейсам успешных семей незначительна. Основной целью публикации материалов в исследуемых СМИ является информирование о семейно-демографической политике. Необходимо найти ресурсы и информировать граждан РФ не только о механизмах реализации семейно-демографической политики, но и о положительных эффектах, это может способствовать реализации репродуктивных планов семьи. Репродуктивные планы формируются в результате сопоставления желаемого количества детей с реальными возможностями семьи. Итогом является рационализация репродуктивного поведения акторов, а также разрыв между желаемым числом детей и планируемым числом детей. Пока данный разрыв сохраняется — есть ресурсы стабилизации демографической ситуации инструментами СМИ: через освещение позитивных семейных кейсов и эффективных результатов семейно-демографической политики. Изменение установок на детность, увеличение числа желаемых детей — цели, которые не могут быть в современных условиях реализованы инструментами СМИ.

4.4. Формирование национальной системы кадрового потенциала в сфере демографического развития[1]

В настоящее время на национальном уровне особое значение уделяется вопросам демографического образования в России. На протяжении

[1] В данном разделе монографии использованы материалы ранее опубликованных научных статей: *Ростовская Т. К.* Профессиональный стандарт «Демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 128–142; *Ростовская Т. К.* На пути к возрождению демографического образования в современной России / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 1. С. 3–14.

практически всей новейшей истории России, прежде всего, в профессиональной среде, акцентируется внимание на недооцененность демографического знания в решении насущных демографических проблем. Можно выделить ряд позиций ведущих ученых по данному вопросу.

А. Г. Вишневский: «Демографов у нас немного — знание научных основ демографии, к сожалению, крайне недооценено <...>, недостаточно "демографизированы" такие дисциплины, как экономика, социология, политология. Демографическое знание считается второстепенным, и в программах подготовки по этим специальностям ему уделяется недостаточное внимание. В итоге выпускаются экономисты, политологи, дипломаты, которые слабо ориентируются в проблемах демографии»[1].

С. В. Новоселова, М. Б. Денисенко: «Любые меры воздействия на развитие населения могут принести эффект лишь тогда, когда они основываются на знании объективных закономерностей. Учитывая сложность происходящих в стране демографических тенденций, их тесную взаимосвязь с такими важными сферами социальной политики, как занятость, образование, здравоохранение, жилищное строительство, социальное обеспечение пожилых и нетрудоспособных, необходимо повысить компетентность государственных служащих в вопросах использования демографических данных»[2].

Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева: «Сегодня отчетливо видны серьезные просчеты в управлении в области демографии <...> назрела острая необходимость в подготовке кадрового потенциала в области демографического развития на национальном уровне»[3].

А. А. Ткаченко: «Недостаточность же демографических знаний видна везде: в неграмотных с точки зрения демографической науки статьях журналистов в средствах массовой информации, в просчетах в выступлениях, а самое неприятное — выводах самих представителей власти. Министры берут на себя смелость прогнозировать рост суммарного коэффициента рождаемости на много лет вперед с точностью до тысячного знака после запятой, делать выводы о смене демографических трендов на основе квартальной статистики и т.д.»[4].

---

[1] Проблемы демографии требуют научного подхода – Анатолий Вишневский // РИА Новости: [сайт]. 18.03.2010. URL: https://ria.ru/20100318/215073793.html (дата обращения: 04.02.2022).

[2] *Новоселова С. В.* Основы демографии: пособие для государственных служащих / С. В. Новоселова, М. Б. Денисенко; ред. С. В. Лапина; Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Минск: ООО «Альтиора – живые краски», 2012. 133 с.

[3] *Ростовская Т. К.* Профессиональный стандарт «Демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 2. С. 82–95.

[4] *Ткаченко А. А.* История и современные проблемы преподавания курса «Демография»: российская специфика // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. С. 195–203.

Можно привести еще не одну цитату как о недооцененности демографических компетенций, так и значимости развития демографического образования классиков демографической мысли и современных исследователей, что определяется спецификой предметной области, сложностью, многоструктурностью объекта исследования и междисциплинарностью демографической науки.

Значимость демографических компетенций для преодоления самых острых угроз в современной России неоспорима. Своевременность рассмотрения вопросов развития подготовки специалистов-демографов в России обоснована:

— *первое*, требованием научно-методологического и информационно-аналитического обеспечения для принятия обоснованных и грамотных управленческих решений, касающихся стратегии развития и будущего Российской Федерации. Сегодня государство осознано обратила внимание на ценность разработки планов на базе научных подходов, закрепив это в Указе Президента РФ В. В. Путина № 633 от 8 ноября 2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»[1];

— *второе,* исключительным значением демографической динамики для успешного сценария будущего и для гарантии национальной безопасности. Сложная демографическая ситуация, характеризующаяся начавшейся второй волной депопуляции, порождает серьезные проблемы воспроизводства трудовых ресурсов и постепенного вымирания отдельных, в том числе и стратегически важных регионов страны. «Пандемический кризис» усугубил ситуацию: вызвал избыточную смертность населения, снизил социальное благополучие, ограничил мобильность. В сложившихся условиях требуется принятие срочных, научно-обоснованных мер[2].

В этой связи деятельность Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (далее — ИДИ ФНИСЦ РАН), которая определяется реализацией векторов, направленных на восстановление и развитие демографического образования, формирование новой модели подготовки кадров, владеющих демографическими компетенциями, представляется своевременным ответом на острые вызовы, стоящие перед Россией. Первый успешный, очень важный шаг в данном направлении — разработанный по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН и утвержденный приказом Министерства труда и социальной защи-

---

[1] Указ Президента РФ В. В. Путина № 633 от 08.11.2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/403015816/ (дата обращения: 02.03.2022).

[2] *Ростовская Т. К.* Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 6–18.

ты Российской Федерации от 08.06.2022 № 346н[12,] профессиональный стандарт «Демограф» (ПС «Демограф»). С января по июль 2021 г. над проектом ПС «Демограф» трудился коллектив, в состав которого вошли 30 докторов наук (73,17%) и 10 кандидатов наук (24,39%) — приказ ИДИ ФНИСЦ РАН от 27 января 2021 г. № 5-о.д «Об утверждении состава рабочей группы по разработке профессионального стандарта «Демограф»[3]. Председателем рабочей группы был утвержден С. В. Рязанцев, д.э.н., чл.-корр. РАН; заместитель председателя — Т. К. Ростовская, д.с.н., проф.; ответственный секретарь — О. А. Золотарева, к.э.н., доц.

Проект ПС «Демограф» разработан в соответствии с нормативными документами и учитывающего специфику данного вида трудовой деятельности. Он довольно полно и адекватно отражает суть профессиональной деятельности специалистов-демографов и описывает ее, в частности, в соответствии Международной стандартной классификации занятий 2008 г. (ISCO-08)[4], классификатором областей науки и техники ОЭСР[5], Международной системой классификации по образованию (ISCED)[6]. В разработанном проекте ПС «Демограф» сформулированы требования к выпускникам профессиональных образовательных организаций.

Существенную поддержку проекту ПС «Демограф» оказали следующие организации: Всероссийский научно-исследовательский институт труда (ВНИИ труда) Минтруда России; Совет по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения (СПК СТС); Федеральная служба государственной статистики (Росстат) и рад других[7].

---

[1] Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. Об утверждении профессионального стандарта «Демограф» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368 (дата обращения: 15.09.2022).

[2] Там же.

[3] Состав рабочей группы проекта // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН: [сайт]. URL: http://испи.рф//wp-content/uploads/2021/02/ПРИКАЗ-5-о-д.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

[4] Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) – 08 // Международная организация труда: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_306603/lang — ru/index.htm (дата обращения 10.02.2022).

[5] Revised Field of Science and Technology (FOS) classification in the Frascati Manual // United Nations Statistics Division (UNSD): [site]. URL: https://unstats.un.org/unsd/EconStatKB/KnowledgebaseArticle10269.aspx (accessed on: 10.02.2022).

[6] Международная стандартная классификация образования МСКО 2011 // Институт статистики ЮНЕСКО: [сайт]. URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isced-2011-ru.pdf (дата обращения 10.02.2022).

[7] Список организаций, привлекаемых к разработке профессионального стандарта // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН: [сайт]. URL: http://испи.рф//wp-content/uploads/2021/02/Список-организаций-привлекаемых-к-разработке-профессионального-стандарта.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

По результатам профессионально-общественного обсуждения ПС «Демограф», состоявшегося на мероприятиях: заседании научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук (ООН) РАН в рамках работы Всероссийской научно-практической конференции «Социально-демографический потенциал российской молодежи»[1], прошедшем в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского в г. Ялте (23 апреля 2021 г.); круглом столе «Профессиональный стандарт “Демограф” как инструмент формирования высококвалифицированных специалистов в области социального развития»[2] в рамках III Всероссийского социального форума «Национальный проект “Демография”: актуальные проблемы, риски и пути решения», состоявшемся в г. Новокузнецк Кемеровской области (22 мая 2021 г.); круглом столе «От профессионального стандарта “Демограф” — к образовательным стандартам подготовки демографов»[3], прошедшем в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2 июня 2021 г.); заседании Совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, проведенном на площадке СПК СТС (23 сентября 2021 г.) — экспертным и научным сообществом был представлен ряд замечаний по проекту документа. Большинство замечаний носили технический характер, незначительная их часть касалась уточнений требований к образованию и обучению (по соответствующим квалификациям были конкретизированы требования к дополнительному профессиональному образованию — программам повышения квалификации), а также формулировок важного звена декомпозиции обобщенных трудовых функции: трудовых функций и трудовых действий.

ИДИ ФНИСЦ РАН в соответствии с требованиями, содержащимися в постановлении Правительства Российской Федерации от 22 января 2013 г. № 23 «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» и приказах Минтруда России от 12 апреля 2013 г. № 147н «Об утверждении Макета профессиональ-

---

[1] Выездное заседание научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН в Республике Крым // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН: [сайт]. 23.04.2021. URL: https://idrras.ru/news/2021/april/zasedanie-nauchnogo-soveta-demograficheskie-i-migratsionnye-problemy-rossii-v-krymu.html (дата обращения: 10.02.2022).

[2] Профессиональный стандарт «Демограф» как инструмент формирования высококвалифицированных специалистов в области социального развития // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН: [сайт]. 22.05.2021. URL: https://idrras.ru/news/2021/may/obsuzhdenie-profstandarta-demograf.html (дата обращения: 10.02.2022).

[3] В СПК СТС состоялось заседание, в рамках которого обсуждался проект профстандарта «Демограф» // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН: [сайт]. 23.09.2021. URL: https://idrras.ru/news/2021/june/obsuzhdenie-proekta-profstandarta-demograf-v-urfu.html (дата обращения: 10.02.2022).

ного стандарта» и № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов», провел доработку ПС «Демограф». Учет замечаний был отражен в пояснительной записке к проекту ПС «Демограф», представленной в СПК СТС[1].

Спустя почти девять месяцев с начала работы над проектом — 19 октября 2021 г. в СПК СТС был представлен доработанный проект ПС «Демограф». На заседании СПК СТС на голосование был вынесен вопрос: «Рекомендовать ответственной организации-разработчику Институту демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИЦ РАН) подготовить комплект документов для внесения проекта профессионального стандарта «Демограф» в Минтруд России»[2]. Голосование состоялось, число голосов членов СПК СТС распределилось следующим образом: 14 — «за»; 0 — «против»; 1 — «воздержался».

Комплект документов по проекту профессионального стандарта «Демограф» представлен в Минтруд России в конце октября 2021 г.

ПС «Демограф» утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 346н «Об утверждении профессионального стандарта “Демограф”». Министерством юстиции Российской Федерации приказ зарегистрирован 1 июля 2022 г. за № 69119[3].

ПС «Демограф» разработан и утвержден, в частности, в целях обеспечения единства требований оценки профессиональной компетентности и квалификации специалистов-демографов, что подтверждается как полученными на проект отзывами, так и содержащимся в нем наборе и формулировках обобщенных трудовых функций, определенных в проекте, в совокупности с трудовыми действиями, умениями и знаниями, сформулированными для отдельных трудовых функций, соответствующих терминологии и положениям законодательной и нормативно-правовой базы и позволяющих одинаково их трактовать большинством представителей профессионального сообщества, что свидетельствует об адекватном отражении ПС «Демограф» сути профессиональной деятельности демографа.

---

[1] Пояснительная записка к проекту профессионального стандарта «Демограф» // Совет по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения: [сайт]. URL: https://spk-sts.ru/upload/iblock/e6d/e6d267f94ba6abc1dc6d34eac0d7e900.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

[2] *Ростовская Т. К.* На пути к возрождению демографического образования в современной России / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 1. С. 3–14.

[3] Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. «Об утверждении профессионального стандарта “Демограф”» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368 (дата обращения: 15.09.2022).

В утвержденном ПС «Демограф» формулировка вида профессиональной деятельности специалиста-демографа, определенная как: «Мониторинг, прогнозирование и разработка механизмов демографического развития» — и отнесенная к области профессиональной деятельности «Социальное обслуживание» — код 03 (с учетом международных классификаторов), полностью охватывается обобщенными трудовыми функциями (ОТФ), составляющими верхний уровень декомпозиции структурных элементов ПС «Демограф»:

— мониторинг демографических процессов в обществе;
— прогнозирование демографических процессов в обществе;
— демографическая экспертиза и консультирование.

Указанные ОТФ раскрываются необходимым и достаточным, но не избыточным перечнем трудовых функций (табл. 4.4.1), которые последовательно описываются трудовыми действиями.

Таблица 4.4.1

Функциональная карта вида профессиональной деятельности профессионального стандарта «Демограф»

Обобщенные трудовые функции			Трудовые функции	
код	наименование	уровень квалификации	Наименование	Код
A	Мониторинг демографических процессов в обществе	6	Формирование демографических баз данных на основе современных цифровых технологий	A/01.6
			Определение демографической конъюнктуры на различных уровнях	A/02.6
B	Прогнозирование демографических процессов в обществе	7	Моделирование демографических процессов в обществе	B/01.7
			Разработка сценариев развития демографических процессов в обществе	B/02.7
C	Демографическая экспертиза и консультирование	7	Проведение демографической экспертизы проектов и работ	C/01.7
			Информационно-аналитическое обеспечение реализации программ и проектов демографического развития общества	C/02.7

Источник: профессиональный стандарт «Демограф»

Каждая конкретная трудовая функция характеризуется не только четко определенными трудовыми действиями, но и необходимыми знаниями и умениями для их реализации (выполнения), в частности с использованием цифровых технологий[1]. Включение в элементы ПС «Демограф» цифровых компетенций адекватно отвечает научно-технологическому развитию и переходу в новый VI технологический уклад, основа которого — перспективные высокие технологии (информационные технологии и искусственный интеллект, большие данные (big data) и интеллектуальный анализ данных (data mining), нано- и биотехнологии, аддитивные технологии, робототехника, роботизированные гибкие производственные системы, генная инженерия, клеточные технологии и молекулярную биологию)[2]. Указанное определяет актуальность ПС «Демограф» и его востребованность на рынке труда, что обосновывается рядом принятых стратегических документов.

В Российской Федерации утверждены следующие национальные цели: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация[3]. В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» установлены следующие целевые показатели и их значения (критерии) к 2030 г.: обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности; реальный рост инвестиций в основной капитал не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г. и др. Достижению указанных целей способствует реализация национальных проектов. В национальном проекте «Цифровая экономика Российской

---

[1] В проекте профессионального стандарта «Демограф» цифровые компетенции, например, нашли свое отражение в следующих формулировках: использовать цифровые технологии работы с информацией, базами данных в области демографии (необходимые умения; код трудовой функции – A/01.6); использовать для решения аналитических и исследовательских задач современные технические средства и информационные технологии (необходимые умения, коды трудовой функции — B/01.7; B/02.7; C/01.7; C/02.7); цифровые технологии и создание цифровой аналитической платформы предоставления данных в области демографии (необходимые знания, код трудовой функции — A/01.6); технические средства и цифровые технологии для решения практических задач (необходимые знания, коды трудовой функции — B/01.7; B/02.7); современные технические средства и цифровые технологии для решения коммуникативных задач (необходимые знания, коды трудовой функции — C/01.7; C/02.7).

[2] *Переслегин С. Б.* VI технологический уклад: пространство возможностей // Экономические стратегии. 2019. № 3. С. 24–33.

[3] Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 15.08.2022).

Федерации» определено стратегическое направление развития страны — увеличение темпов технологического развития и масштабное внедрение цифровых технологий. В состав НП «Цифровая экономика» входят следующие федеральные проекты: «Нормативное регулирование цифровой среды»; «Кадры для цифровой экономики»; «Информационная инфраструктура»; «Информационная безопасность»; «Цифровые технологии»; «Цифровое государственное управление»; «Искусственный интеллект»[1].

В настоящее время ведущими учеными ИДИ ФНИСЦ РАН совместно с экспертами СПК СТС разрабатываются соответствующие оценочные средства — необходимый инструмент для осуществления процедуры независимой оценки и подтверждение квалификации в соответствии с утвержденным ПС «Демограф».

Независимая оценка квалификации специалистов в области демографии: демографов (шестой уровень квалификации); аналитиках в демографической сфере (седьмой уровень квалификации) — необходима, прежде всего, как условие соответствия уровня соискателя современным требованиям к высококвалифицированным кадрам, способным представлять полную и всестороннюю информацию о развитии демографических явлений и процессов, релевантную аналитику преград и барьеров, возникающих на пути решения сложных, многофакторных задач, для принятия эффективных управленческих решений на разных уровнях и в разных структурах. Подобную качественную информацию (аналитику) могут предоставлять только специалисты-демографы, владеющие специализированными (демографическими) технологиями.

Высококвалифицированные специалисты-демографы необходимы в государственных органах власти (федеральных, региональных, местных), аналитических центрах, Росстате, в ВЦИОМ и других социологических центров, Пенсионном фонде, Фонде Социального Страхования, госкорпорациях, в научных и образовательных организациях, на крупных предприятиях и в организациях бизнеса.

Анализ государственных и отраслевых нормативных документов, анкетирование работодателей, анализ образовательных программ высшего образования показал, что в настоящее время востребованность и значимость высококвалифицированных аналитиков в демографической сфере существенна и будет возрастать, что определено, прежде

---

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 15.08.2022).

всего, необходимостью удовлетворения потребности в демографической экспертизе и реализации обозначенных основных направлений стратегического развития страны: Указов Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» и др., целями которых является обеспечение народосбережения и развитие человеческого потенциала, формирование наиболее благоприятных условий для создания семьи, рождения и воспитания детей, повышения качества и продолжительности жизни граждан, достижения сохранение и укрепление здоровья населения, снижения уровня бедности российских семей.

Утверждение ПС «Демограф», обоснованное потребностью рынка труда в специалистах данной отрасли, ставит перед образовательным и научным сообществом вопрос о разработке и реализуемости образовательных программ данного направления, а также возможности открытия и реализации основных образовательных программ по направлению «Демография». Для ответа на данный вопрос необходимо провести системный анализ в двух направлениях:

— *во-первых,* изучить мировой опыт реализации образовательных и научно-исследовательских программ по направлению «Демография»;

— *во-вторых,* оценить ход реализации образовательных программ по направлению «Демография» в России и спектр читаемых на кафедрах отечественных вузов демографических дисциплин.

Изучение мирового опыта реализации образовательных и научно-исследовательских программ по направлению «Демография» позволит определить степень актуальности данного направления подготовки специалистов в мире, в том числе с учетом потребности демографической политики зарубежных стран[1]. В Международной стандартной классификации образования, разработанной и принятой Институтом статистики ЮНЕСКО (2011 г.) в части Областей образования МСКО «Демограф» входит в укрупненную группу «3. Социальные науки, бизнес и право», подгруппу «31. Социальные и бихевиористские науки» наравне с экономикой, политологией, социологией, психологией и т. д.[2]

Обращаясь к истории демографической науки, стоит напомнить, что формирование демографии как науки произошло в XVII в. в Великобритании. С тех пор демография как отрасль научной, образо-

---

[1] *Сюпова М. С.* Демографическая политика: опыт зарубежных стран // Ученые заметки ТОГУ. 2018. № 9 (1). С. 272–278.

[2] Международная стандартная классификация образования МСКО 2011 // Институт статистики ЮНЕСКО: [сайт]. URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isced-2011-ru.pdf (дата обращения 10.02.2022).

вательной и практической деятельности претерпела существенные изменения и трансформации. Расцвет ее приходится на стык XIX–XX вв., когда в результате научно-технического прорыва с одной стороны, повысился уровень жизни населения, что привело к снижению смертности и увеличению рождаемости, с другой стороны, большое количество войн и революций искусственно сокращало популяцию на различных территориях. Несмотря на некую схожесть в течении демографических процессов в этот временной отрезок, каждой стране были присущи свои особенности, что так же способствовало росту внимания к демографическому анализу.

Франция. Институт национальных демографических исследований (INED)[1]. Общественная исследовательская организация, специализирующаяся на изучении населения, партнером научных кругов и исследований на национальном и международном уровне. Основан в 1945 г., в 1986 г. стал государственным научно-техническим учреждением (EPST). На сегодняшний день основные задачи института: изучать население Франции и зарубежных стран, широко распространять полученные знания и оказывать поддержку обучению в области демографических исследований и посредством исследований.

Германия. Институт демографических исследований Макса Планка (MPIDR)[2]. Исследует структуру и динамику численности населения. Основан в 1948 г. Сотрудники института исследуют вопросы, имеющие политическое значение, такие как демографические изменения, старение, рождаемость и перераспределение рабочей силы (включая возрастные особенности), а также проводит цифровую обработку исторических демографических данных и осуществляет поиск новых источников данных, в том числе и для оценки миграционных потоков.

США. Ассоциация центров народонаселения (APC)[3]. Основан в 1991 г. Представляет собой независимую группу университетов и исследовательских групп, миссией которой является: способствовать совместным демографическим исследованиям и обмену данными; проводить фундаментальные демографические исследования для лиц, принимающих решения в сфере государственной политики; предоставлять возможности для получения образования и обучения в области демографических исследований; способствовать расширению возможностей финансирования исследований в области народонаселения и поддерживать принципы объективной и тщательной оценки заявок

[1] National Institute of Statistics and Economic Studies: [site]. URL: https://www.ined.fr/en/ (accessed on: 02.08.2022).

[2] Max Planck Institute for Demographic Research: [site]. URL: https://www.demogr.mpg.de/en (accessed on: 02.08.2022).

[3] Association of Population Centers: [site]. URL: https://www.popcenters.org/ (accessed on: 02.08.2022).

на гранты и научной достоверности результатов исследований. В состав АРС в 2021 г. входят 27 научных центров и лабораторий ведущих вузов США из 10 штатов.

В процессе изучения информации о деятельности мирового образовательного сообщества были проанализированы более 60 вузов[1]. Информационно-аналитическая база ограничена полнотой информации, представленной на сайтах высших учебных заведений. Наиболее полная информация была получена по 14 образовательным программам, большая часть из которой — это программы магистратуры[2] (почти 2/3 от общего числа) и меньшая часть — бакалавриат[3].

Анализ образовательных учреждений, дает понимание того, что подготовка специалистов-демографов в мире наиболее распространена на уровне подготовке «магистратура», чаще всего базирующегося в рамках направления «Социология». Данное распределение предопределено тем, что согласно МСКО, «демограф» входит в укрупненную группу «3. Социальные науки, бизнес и право».

---

[1] *Ростовская Т. К.* Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, Л. А. Давлетшина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 55–72.

[2] MPhil in Sociology and Demography // University of Oxford: [site]. URL: https://www.ox.ac.uk/admissions/graduate/courses/mphil-sociology-demography (accessed on: 02.08.2022); MSc Demography & Health // London School of Hygiene & Tropical Medicine: [site]. URL: https://www.ox.ac.uk/admissions/graduate/courses/mphil-sociology-demography (accessed on: 02.08.2022); Population Studies // University of Groningen: [site]. URL: https://www.rug.nl/masters/population-studies/ (accessed on: 02.08.2022); DDM Social Demography // University of Groningen: [site]. URL: https://www.rug.nl/masters/ddm-social-demography (accessed on: 02.08.2022); DDM Demography and Social Inequality // University of Groningen: [site]. URL: https://www.rug.nl/masters/ddm-demography-and-social-inequality/ (accessed on: 02.08.2022); Sociology and Population Studies (Double degree) // Tilburg University: [site]. URL: https://www.tilburguniversity.edu/education/masters-programmes/sociology-and-population-studies (accessed on: 02.08.2022); Human Development // University of Waikato: [site]. URL: https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/human-development (accessed on: 02.08.2022); Population Studies // University of Waikato: [site]. URL: https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/population-studies (accessed on: 02.08.2022); Population Studies and Demography // University of Waikato: [site]. URL: https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/demography (accessed on: 02.08.2022); Applied Demography (PhD) // University of Texas at San Antonio: [site]. URL: https://future.utsa.edu/programs/doctoral/applied-demography/ (accessed on: 02.08.2022); MPhil in Sociology and Demography // University of Oxford: [site]. URL: https://www.ox.ac.uk/admissions/graduate/courses/mphil-sociology-demography (accessed on: 02.08.2022).

[3] Human Development // University of Waikato: [site]. URL: https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/human-development (accessed on: 02.08.2022); Population Studies // University of Waikato: [site]. URL: https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/population-studies (accessed on: 02.08.2022); Applied Social Demography // Portland State University: [site]. URL: https://www.pdx.edu/academics/programs/graduate/applied-social-demography (accessed on: 02.08.2022).

Таким образом, подготовка специалистов в области демографии и народонаселения в мире ведется различных учебных заведениях (с точки зрения территорий, рейтинга и т.д.); в разных странах демографическая политика затрагивает основные демографические процессы — рождаемость и смертность, учитывает возрастающую роль миграции, направлена на регулирование численности и структуры населения, но так же учитывает специфику страны, ее социально-экономические и культурологические особенности, различный путь в достижении демографического оптимума. В поддержку учебных заведений (США) или автономно от них (Франция, Германия) действуют академические исследовательские институты, деятельность которых направлена на изучение текущих демографических параметров конкретной страны и стран мира в целом, научная и научно-поляризационная деятельность и иные исследования.

Изучение и оценка хода реализации образовательных программ по направлению «Демография» в России дает понимание того, что, хотя в стране имеется потребность в специалистах в области демографии, обучение ведется всего в трех вузах и только по программам магистратуры.

Анализируя текущую ситуацию, не стоит забывать о развитии демографии как науки в отечественной истории. В середине XVIII в. М. В. Ломоносов одним из первых обратил внимание на проблемы «сохранения и умножения российского народа»[1]. Расцвет демографии пришелся на времена СССР и связан с такими именами как В. А. Борисов, А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Г. Вишневский, А. Я. Кваша, О. А. Квиткин, С. А. Новосельский, В. В. Паевский, Л. Л. Рыбаковский, С. Г. Струмилин, Я. С. Улицкий, Б. Ц. Урланис и рядом других светил демографической мысли, внесших существенный вклад в развитие и становление отечественной демографической науки и образования.

В 1942 г. в Московском экономико-статистический институте (МЭСИ)[2] формируется многоотраслевая кафедра Статистики, объединяющая: общую теорию статистики (доц. С. Б. Ошерова), демографию (проф. А. Я. Боярский), экономическую статистику (проф. В. С. Новиков), статистику сельского хозяйства (ст. преп. В. Н. Максимова). Учебный процесс возглавил назначенный и.о. директора проф. А. Я. Боярский (май — ноябрь 1942 г.). Во время Войны институт не прекращал свою работу, в нем обучалось около 200 человек, разделенных по курсам и трем потокам: промышленной статистике,

---

[1] *Ломоносов М. В.* О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.

[2] В 1932 г. по распоряжению правительства на базе статистического отделения Планового института был создан самостоятельный Московский институт народнохозяйственного учета (МИНХУ), в марте 1941 г. по приказу № 174 по Государственной Плановой Комиссии при СНХ СССР он стал именоваться Московским экономико-статистическим институтом (МЭСИ)

сельскохозяйственной статистике и демографии. Осенью 1945 г. кафедра статистики и демографии в МЭСИ становиться самостоятельной, заведование кафедрой находится в руках проф. А. Я. Боярского.

В 1967 г. создается кафедра народонаселения в МГУ имени М. В. Ломоносова, основателем и заведующим которой по 1991 г. являлся заслуженный деятель науки РСФСР, проф. Д. И. Валентей. Он внедрил демографию в систему экономического образования в МГУ и создал научную школу по комплексному и междисциплинарному изучению проблем народонаселения[1].

До начала 1990-х гг. как минимум два университета МГУ имени М. В. Ломоносова и МЭСИ осуществляли подготовку демографов. МЭСИ прекратил свое существование в 2015 г. в результате объединения с Российским экономическим университетом имени Г. В. Плеханова. В МГУ имени М. В. Ломоносова в наши дни, несмотря на существование трех кафедр (народонаселения; социологии семьи и демографии; демографии) элементы образования в области демографии «растворяются» в непрофильных направлениях: в социологии, экономике, менеджменте.

Бесспорно прослеживается значимость междисциплинарного подхода. В этой связи, считаем необходимым преподавание демографических дисциплин на разных направлениях, однако этого недостаточно для взращивания высококвалифицированных демографов, обладающих уникальными демографическими компетенциями, владеющих специфическим демографическим инструментарием, позволяющим, прежде всего, осуществлять качественную информационно-аналитическую деятельность в аспекте государственного управления демографическим развитием страны.

Озабоченность состоянием демографической науки и практики высказана ныне действующим директором Института демографии НИУ ВШЭ М. Б. Денисенко[2] в интервью десятилетней давности, которое не теряет своей актуальности, а только представляется более острой на фоне имеющихся потерь среди оставшихся гигантов демографической мысли (15 января 2021 г. ушел из жизни А. Г. Вишневский): «Учитывая возрастной состав ученых, может получиться так, что лет через 5–10 демографов придется сравнивать не с египтологами, а с исчезающими видами из Красной книги»[3]. Справедливости ради

---

[1] История кафедры // Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: [сайт]. URL: https://demography.econ.msu.ru/ (дата обращения: 02.08.2022).

[2] Михаил Денисенко назначен директором Института демографии // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: https://www.hse.ru/demo/news/442376741.html (дата обращения: 02.08.2022).

[3] Профессия: демограф // Федеральный образовательный портал «Экономика»: [сайт]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33438808 (дата обращения: 29.10.2021).

отметим, что в новой России первым высшим учебным заведением обучение специалистов-демографов начала Высшая школа экономики (с 2009 г.) с реализации магистерской программы «Демография» по направлению «Социология», чуть позже открыв второй трек для направления «Экономика»[1]. В ВШЭ с 2015 г. открыта англоязычная магистратура «Население и развитие» по направлению «Государственное и муниципальное управление»[2]. Обе магистерские программы относятся к Институту демографии имени А. Г. Вишневского и реализуются на кафедре демографии.

С 2018 г. в Высшей школе современных социальных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на кафедре демографии открыта и успешно реализуется магистерская программа «Социальная демография» на отделении «Социология»[3]. С 2019 г. открыта магистерская программа «Управление демографическими процессами» на отделении «Менеджмент»[4]. В МГУ имени М. В. Ломоносова действуют и реализуют обучение еще две демографические кафедры: народонаселения и социологии семьи и демографии — однако элементы демографического образования на указанных кафедрах «растворяются» в непрофильных направлениях: в социологии, экономике, менеджменте и других. Например, на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова как на бакалавриате, так и в магистратуре (по направлениям: экономическая политика, фундаментальная экономика и мировая экономика) читается лишь ряд демографических дисциплин.

Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО, относящаяся к факультету управления и политики реализует магистерскую программу «Управление человеческими ресурсами». Магистерская программа ориентирована на подготовку специалистов в области управления человеческими ресурсами с акцентом на методы демографических и миграционных исследований, а также анализа лучших международных практик в области человеческого развития[5].

---

[1] Магистерская программа «Демография» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: https://www.hse.ru/ma/demography/ (дата обращения: 02.08.2022).

[2] Магистерская программа «Население и развитие» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: https://www.hse.ru/ma/pd/ (дата обращения: 02.08.2022).

[3] Кафедра Демографии ВШССН МГУ // Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова: [сайт]. URL: https://demography-vshssn-msu.ru/ (дата обращения: 02.08.2022).

[4] Там же.

[5] Магистратура. Направление «Государственное и муниципальное управление» // Факультет управления и политики МГИМО: [сайт]. URL: https://sgp.mgimo.ru/master/ (дата обращения: 02.08.2022).

Наибольшее число читаемых дисциплин зафиксировано на кафедре демографической и миграционной политики Факультета управления и политики МГИМО — 35, из них большая часть читается на уровне подготовки «бакалавриат» (19 дисциплин, или 54,3%). Следующая по числу читаемых дисциплин демографической направленности — кафедра демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова, где большая часть дисциплин реализуется на уровне подготовки «магистратура» (27 дисциплин, или 81,8%). Кафедра демографии Института демографии имени А. Г. Вишневского ВШЭ реализует 29 дисциплин, большая часть которых читается магистрам (18 дисциплин, или 62,1%). Подобное распределение в трех вузах вполне закономерно и, в первую очередь, отражает реализуемые на кафедре образовательные программы, по которым она является выпускающей.

Кафедра социологии семьи и демографии Социологического факультета и кафедра народонаселения Экономического факультета (оба МГУ имени М. В. Ломоносова), в первую очередь, являясь обеспечивающими потребности собственного факультета, а также читающими межфакультетские дисциплины представлены широким числом дисциплин (17 и 15 соответственно).

На каждой из рассмотренных кафедр помимо образовательной деятельности ведется активная научная и популяризационная работа или имеются отраслевые лаборатории и центры. Среди наиболее значимых направлений можно выделить: проведение научно-практических конференций, научно-исследовательские проекты, поддержанные различными фондами (РФФИ, РНФ, Министерство науки и высшего образования России и проч.), чтение открытых лекций, участие в Фестивалях науки, развитие и поддержка международного сотрудничества, совместная деятельность с академическим сообществом и работодателями.

Таким образом, в 2021 г. обучение специалистов по направлению «Демография» реализуются только в трех вузах, входящих в Топ различных отечественных и зарубежных рейтингов и имеющих определенные свободы и возможности выбора траектории работы и развития.

Обобщая практику преподавания демографических дисциплин в ВУЗах страны, стоит отметить, что в них в рамках тех или иных направлений читаются единичные дисциплины по демографии[1]. Среди наиболее активных регионов, в вузах которых читаются отдельные демографические дисциплины, проводится научная работа со студентами, проводятся исследования, НПР кафедр участвует с докла-

[1] *Чернова К. В.* Развитие демографического образования в высших учебных заведениях России / К. В. Чернова, Е. Б. Бедрина // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 4. С. 125–139.

дами и публикуют статьи по актуальным проблемам народонаселения и народосохранения, стоит указать: Башкирию, Вологду, Волгоград, Иваново, Нижний Новгород, Новосибирск, Ставрополь, Татарстан и прочие.

В целом, анализ современного состояния отечественного демографического образования выявил стадию его рец ессии в сравнении с наблюдаемым прогрессом в области подготовки специалистов-демографов в эпоху СССР. Среди множества причин подобной ситуации выделим одну из основных: отсутствие соответствующих стандартов как профессионального (до 2022 г.), так и образовательного. В этой связи еще одним вектором деятельности ИДИ ФНИСЦ РАН в направлении развития демографического образования в России является разработка ФГОС ВО III++ по направлению «Демография».

Российским законодательством об образовании установлено, что разработка ФГОС всех уровней профессионального образования (и соответственно ОПОП) осуществляется на основе профессиональных стандартов (при их наличии) в части профессиональных компетенций[1]. Министерством образования и науки Российской Федерации планируется утверждение усовершенствованных Федеральных государственных образовательных стандартов поколения III++ (ФГОС ВО III++), главной особенностью которых является приведение профессиональных компетенций в соответствие с профессиональными стандартами[2].

ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 г. инициирована разработка ФГОС ВО III++ по направлению «Демография» и уровню подготовки «специалитет» в рамках укрупненной группы специальностей (УГС) 39.00.00 «Социология и социальная работа», что соответствует разработанному профессиональному стандарту «Демограф» (как было сказано выше вид профессиональной деятельности отнесен к коду 03 — области профессиональной деятельности «Социальное обслуживание»).

Актуальность и востребованность разработки ФГОС ВО III++ по направлению «Демография» обосновывается его важностью как базы для подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих специфическими демографическими компетенциями. Данный подход предопределяет возможности подготовки демографов в таких областях как социальное обеспечение, медицина, социология, экономика, регионалистика, государственное управление и т.д.

---

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/77308190/ (дата обращения: 15.08.2022).

[2] *Кельчевская Н. Р.* Интеграция образовательных и профессиональных стандартов в условиях реформирования: проблемы и пути решения / Н. Р. Кельчевская, Е. В. Ширинкина // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 1. С. 16–25.

Современная модель высококвалифицированных специалистов-демографов предполагает глубокое изучение студентами таких дисциплин, как: «Основы демографии»; «Демография и народосбережение»; «Демография и человеческий капитал»; «Демографическая статистика»; «Демография регионов»; «Пространственная демография»; «Социально-демографическая конъюнктура и рынок труда»; «Экономическая демография»; «Математическая статистика в демографии»; «Методы демографического анализа и прогноза»; «Количественные методы оценки демографических процессов и структур»; «Государственное регулирование миграционных и демографических процессов»; «Национальная и демографическая безопасность»; «Демографическая политика и мониторинг демографической безопасности»; «Методология и методика исследования семейно-демографических проблем»; «Методы и инструменты оценки семейного благополучия и репродуктивного поведения» и многие другие.

Разработка ФГОС ВО III++ по направлению «Демография» будет основана на системном подходе (как наиболее конструктивный и позволяющий всесторонне рассмотреть процесс и в последствии принять наиболее эффективное решение), реализация которого включает следующие параметры: системность, упорядоченность, последовательность[1].

Авторами данного раздела монографии и членами рабочей группы по разработке проекта ФГОС ВО III++ по направлению «Демография» А. А. Шабуновой и Л. А. Давлетшиной в настоящее время определен порядок и содержание этапов системного подхода процесса разработки образовательного стандарта по направлению «Демография» с позиции удовлетворения существующего спроса в специалистах-демографах и в свете утверждения профессионального стандарта «Демограф»[2].

В первую очередь необходимо выявить и сформулировать проблемную ситуацию, провести ее анализ. Потребность в грамотных специалистах-демографах обоснована во вводной части данной статьи — наличие несоответствий в государственной демографической политике и стратегических документах страны, постановка невыполнимых задач, отсутствие (невключение) первостепенных индикаторов

---

[1] Основы теории систем и системного анализа: учебное пособие для студентов очной и заочной форм обучения, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров, магистров / [Б. Г. Ильясов, И. Б. Герасимова, Е. А. Макарова и др.]; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный авиационный технический университет». Уфа: РИК УГАТУ, 2017. 292 с.

[2] *Ростовская Т. К.* Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, Л. А. Давлетшина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 55–72.

демографического развития территорий. Анализ текущей ситуации в части высшего образования в России и за рубежом будет проведен ниже.

Следующим этапом следует определить круг заинтересованных участников. Их привлечение поможет в решении сформулированной проблемы, а также учтет интересы каждой из представленных сторон.

На третьем этапе формулируются и определяются цели и интересы всех участников проекта. Подобный подход позволит в проблемосодержащей системе спроектировать лучшую модель[1].

Четвертый этап включает в себя формирование критериев оценки и содержательной части разрабатываемого образовательного стандарта по направлению «Демография».

На пятом этапе происходит процесс согласования и утверждения в соответствующих органах разрабатываемого образовательного стандарта по направлению «Демография».

Заключительный, шестой этап, включает в себя реализацию и внедрение принятого решения, а именно начало набора обучающихся на образовательные программы по направлению «Демография».

ФГОС ВО III++ по направлению «Демография» предполагает в определенной степени рамочный подход к формированию модели образования по направлению «Демография» на уровне специалитета, основанный на выработке единых методологических принципов к подготовке высококвалифицированных специалистов-демографов с учетом требований профессиональной деятельности (трудовых функций, трудовых действий, умений и знаний).

Обобщая вышеуказанное, еще раз акцентируем внимание на том, что без принятия профессионального стандарта не представлялась реальной разработка ФГОС ВО III++ по направлению подготовки «Демограф», что связано с требованием соответствия образовательных стандартов профессиональным[2]. При этом отметим, что утвержденный профессиональный стандарт «Демограф» уже сейчас дает возможность развивать программы бакалавриата, магистратуры и специалитета по другим направлениям: включать в основные профессиональные образовательные программы высшего образования (ОПОП ВО) профессиональные демографические компетенции (основываясь на профессиональном стандарте «Демограф») и добавлять в учебные планы

---

[1] *Карамзина А. Г.* Системный анализ и моделирование процесса разработки программ дополнительного профессионального образования / А. Г. Карамзина, С. В. Сильнова // Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2021. № 2. С. 94–98.

[2] Методические разработки // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [сайт]. URL: http://fgosvo.ru/support/43/5/8 (дата обращения: 15.08.2022).

то количество демографических дисциплин, которое бы позволило в нужной степени овладеть демографическим мышлением, технологиями и инструментарием для решения практических задач.

4.5. Совершенствование правового регулирования привлечения мигрантов в регионы России[1]

Государственная политика в сфере регулирования трудовой миграции системно связана с состоянием и запросами рынка труда. Управление потоками иностранной рабочей силы с учетом потребностей развития национальной экономики — нетривиальная задача, особенно для стран со сложным государственно-территориальным устройством и значительными различиями в региональных рынках труда[2]. Субъекты, составляющие Российскую Федерацию, отличаются большим разнообразием по своим социально-экономическим характеристикам. Структура региональной экономики, уровень социального и экономического развития, природно-климатические условия, историко-культурный и этно-демографический контексты определяют особенности региональных рынков труда и их потребности. Очевидно, что

---

[1] В данном разделе монографии использованы переработанные авторами материалы ранее опубликованной научной статьи: *Яник А. А.* Механизмы корректировки государственной миграционной политики с учетом потребностей региональных рынков труда: институционально-правовые аспекты / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова, А. Ю. Нестеров // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 30–57.

[2] *Топилин А. В.* Миграция и сбалансированность региональных рынков труда // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 79–96; *Храмова М. Н.* Реакция российского рынка труда на «первую» и «вторую» волны пандемии COVID-19 / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 61–73; *Bauder H.* Labor Movement: How Migration Regulates Labor Markets. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p.; *Spoonley P.* Responding to Regional Labour Demand: International Migration and Labour Markets in New Zealand's Regions / P. Spoonley, R. Bedford // Journal of International Migration and Integration. 2008. No 9. P. 203–223; *Глушкова В. Г.* Региональные особенности реализации государственной миграционной политики в России / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // Финансы: теория и практика. 2012. № 2. С. 73–78; *Бурда М. А.* Миграционная политика России: российский рынок труда иностранной рабочей силы // Фундаментальные исследования. 2014. № 9 (3). С. 673–677; *Якшибаева Г. В.* Сущность трудовой миграции как экономической категории и ее значение для социально-экономического развития региона / Г. В. Якшибаева, У. А. Назарова // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 44–54; *Красинец Е. С.* О миграционной политике России в области трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 3. С. 139–152; *Агеева А. Ф.* Иммиграционная политика в условиях глобализации: выбор стратегии с помощью агентного моделирования // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 2. С. 553–572; *Coletti P.* Relaunching Labour-Market Integration for Migrants: What Can We Learn from Successful Local Experiences? / P. Coletti, N. Pasini // Journal of International Migration and Integration. 2022.

управление потоками трудовых мигрантов является эффективным, если оно адекватно отвечает на потребности регионов в рабочих руках не только в количественном, но и, прежде всего, в качественном отношении. Как следствие, исследовательский интерес представляют вопросы о возможности проведения селективной иммиграционной политики, о наличии институционально-правовых механизмов, с помощью которых органы публичной власти субъектов Российской Федерации могли бы обеспечивать привлечение нужных экономике региона мигрантов, а также об эффективности их функционирования в динамично меняющихся условиях.

Поскольку в силу сложившейся традиции миграционное регулирование в России является де-факто прерогативой федерального центра, то неизбежно возникает еще один вопрос: с помощью каких инструментов субъекты Российской Федерации могут давать обратную связь федеральным органам государственной власти по поводу качества политики в сфере трудовой иммиграции и тем самым принимать участие в корректировке решений, принимаемых на федеральном уровне? Насколько действенными являются эти инструменты с учетом быстро меняющейся ситуации в экономике страны в целом и на региональных рынках труда в частности?

Представляется, что эффективность правового регулирования трудовой миграции зависит от качества всех составляющих этой системы: начиная от формально-юридических аспектов (точность, ясность, простота и недвусмысленность формулировок; внутренняя логическая согласованность нормативных предписаний; системность и взаимодополняемость актов, регулирующих конкретную сферу общественных отношений; отсутствие пробельности и коррупциогенных норм и др.) и заканчивая состоянием исполнительных механизмов (наличие структур, реализующих миграционную политику; сложившихся управленческих практик, включающих мониторинг и оценку эффективности управления на разных уровнях). Динамический анализ всех этих компонентов необходим для определения проблемных «точек» в управлении потоками трудовых мигрантов с тем, чтобы повысить адресность и результативность инноваций в регулировании миграционного законодательства.

Следует сразу отметить, что в нормативных правовых актах Российской Федерации, а также документах стратегического планирования сформулированы принципы, цель, задачи и место государственной миграционной политики в системе государственной политики в целом, но не дано юридическое определение этого понятия.

В отечественных и зарубежных научных публикациях, а также «серой литературе»[1] существует большое разнообразие в формулировании сути

[1] Различные материалы официальных структур, не относящиеся к нормативным правовым актам (отчеты, руководства, рекомендации и пр.).

и содержания миграционной политики, что не позволяет найти единый подход. В зависимости от дисциплинарной принадлежности авторов и используемых теоретико-методологических оснований спектр предлагаемых определений варьирует от узко утилитарных представлений (например, миграционная политика — это «заявления правительства о том, что оно намерено делать или не делать (включая законы, постановления, решения или распоряжения) в отношении отбора, приема, поселения и депортации иностранных граждан, проживающих в стране»[1]) до крайне масштабного, комплексного видения, согласно которому миграционная политика «должна охватывать все сферы жизнедеятельности»[2]. Отсутствие универсальных представлений привело к тому, что сами определения, модели, индикаторы миграционной политики и ее отдельных направлений стали предметом научного анализа[3].

В контексте рассматриваемого вопроса о совершенствовании правового регулирования привлечения трудовых мигрантов в регионы России целесообразно говорить о государственной иммиграционной политике, которую можно определить как систему мер регулирующего воздействия (инструментальный подход), нацеленных на обеспечение национальной экономики трудовыми ресурсами путем привлечения иностранных граждан в условиях временной невозможности решить указанную проблему за счет механизмов естественного воспроизводства населения.

---

[1] *Bjerre L.* Conceptualizing and Measuring Immigration Policies: A Comparative Perspective / L. Bjerre, M. Helbling, F. Römer, M. Zobel // International Migration Review. 2015. Vol. 49, № 3. P. 555–600.

[2] *Рыбаковский О.Л.* Миграционная политика современной России: структура и направления / О.Л. Рыбаковский, С.В. Мартыненко // Народонаселение. 2013. № 2 (60). С. 51–62.

[3] *Волосенкова Е.* Миграционная политика. Управление миграционными процессами / Е. Волосенкова, П. Кабаченко, Е. Тарасова // Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Центр миграционных исслед. при содействии Программы поддержки высш. образования Ин-та Открытое О-во (Hesp Osi) и Бюро ЮНЕСКО в Москве; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодниковой, В. Мукомеля. М.: Адамантъ: Центр миграционных исслед., 2007. С. 213–236; *Kritz M.M.* International Migration Policies: Conceptual Problems // International Migration Review. 1987. № 21 (4). P. 947–964; *Goss J.* Conceptualizing International Labor Migration: A Structuration Perspective / J. Goss, B. Lindquist // International Migration Review. 1995. Vol. 29, № 2. P. 317–351; *Ullah A.* Introduction: Migration Policy – Theoretical and Conceptual Issues / A. Ullah, M. Rahman // Asian Migration Policy: South, Southeast and East Asia / Ed. M. Rahman, A. Ullah. New York: Nova Science Publishers, 2012. P. 1–17; *Юрков Д.В.* Регулирование трудовой миграции: научный взгляд // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 115–117; *De Haas H.* Conceptualizing and Measuring Migration Policy Change/ H. De Haas, K. Natter, S. Vezzoli // Comparative Migration Studies. 2015. Vol. 3. Article № 15; *Solano G.* Migration Policy Indicators / G. Solano, T. Huddleston // Introduction to Migration Studies. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2022. P. 389–407.

Одним из важных элементов системы динамического управления трудовой миграцией является обратная связь, которая имеет исключительное значение для совершенствования регулирования этой сферы. В Российской Федерации механизмы, предназначенные для текущей корректировки государственной политики в сфере трудовой миграции с учетом изменения вызовов внешней среды и политических установок, представляют собой комплекс различных институтов, правовых актов и процедур. Они действуют на разных уровнях — от стратегического (включая целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование[1]) до операционного (текущие оперативные уточнения в целях повышения эффективности реализации поставленных задач).

Поскольку в сегодняшней ситуации привлечение мигрантов является одним из способов решения экономических проблем, то теоретически ключевым фактором, влияющим на динамику управленческих и регулятивных инноваций в миграционной политике, должен быть учет потребностей рынка труда, которые различаются в зависимости от особенностей субъектов Российской Федерации. Соответственно, основное внимание исследования сосредоточено на «региональном разрезе», а именно, на институционально-правовых аспектах функционирования механизмов обратной связи между потребностями рынков труда российских регионов и регулирующими воздействиями федерального центра в области трудовой иммиграции.

Проблема разграничения полномочий

Нет сомнений, что миграционная сфера равно важна для федерального уровня государственной власти и субъектов Российской Федерации. Сложный комплекс вопросов, связанных с регулированием миграционных потоков; защитой прав и свобод граждан, законно находящихся на территории Российской Федерации; стимулированием привлечения зарубежных работников в интересах развития национальной экономики; обеспечением правопорядка и общественной безопасности, содействием социально-культурной интеграции мигрантов и другими аспектами предполагает систематическое взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти с четким разграничением полномочий и ответственности.

Однако в Конституции Российской Федерации эта сфера прямо не упоминается. Она не указана ни в предметах исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции Российской Федерации), ни в предметах совместного ведения Российской Федерации

[1] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 18.08.2022).

и субъектов Российской Федерации (ст. 72). Хотя данный факт отнюдь не означает, что вопросы миграции относятся «по остаточному принципу» к вопросам исключительного ведения субъектов Российской Федерации (ст. 73).

Напротив, на практике ключевая роль в сфере регулирования миграции и использования этого механизма для решения текущих экономических и демографических проблем принадлежит федеральному центру, тогда как субъекты Российской Федерации имеют ограниченные возможности для реализации собственной проактивной миграционной политики.

Тем не менее органы власти субъектов Российской Федерации принимают значительное число актов не только в целях содействия реализации общегосударственной миграционной политики, но также разного рода концепции и стратегии регионального уровня, т.е. документы целеполагания, а также государственные региональные программы[1]. Для эффективного распределения полномочий («рассредоточения власти») в управлении миграцией, как и в любых других сферах, представляющих взаимный интерес Российской Федерации и ее субъектов, целесообразно исходить из конституционных принципов федерализма, в частности, принципа субсидиарности. Речь идет о том, что решение стоящих перед властью задач должно осуществляться «на том уровне, на котором это возможно делать оптимально, прежде всего, с точки зрения доступности для граждан публичных услуг, максимального учета интересов граждан, проживающих на соответствующих территориях»[2].

Однако на сегодняшний день в федеральном законодательстве отсутствуют акты, четко разграничивающего права и обязанности различных уровней власти в управлении миграционными процессами. С одной стороны, федеральный законодатель стремился закрепить всю миграционную сферу в ведении федеральных органов государственной власти. С другой стороны, многие нормативные правовые акты, касающиеся конкретных вопросов реализации миграционной политики, предполагают участие в их решении не только региональ-

---

[1] См., напр.: Указ Губернатора Брянской области от 18.06.2013 № 431 «Об утверждении концепции управления миграционными процессами в Брянской области до 2025 г.» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/974026698 (дата обращения: 18.08.2022); постановление Правительства Москвы от 06.06.2016 № 312-ПП «О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 г.» (с изменениями на 17.12.2019) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/537994992 (дата обращения: 18.08.2022); постановление Правительства Санкт-Петербурга от 04.06.2014 № 452 «О государственной программе Санкт-Петербурга "Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге"» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/822403529 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] *Хабриева Т.Я.* Роль субъектов Российской Федерации в государственном управлении в сфере миграции // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 3–16.

ных, но и местных властей, причем не только на исполнительном, но и на законодательном уровне.

В целом, нет сомнений, что за исключением вопросов общегосударственного значения, входящих в предметы ведения Российской Федерации (в частности, регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации (п. «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации), оборона и безопасность, обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 и др.), регулирование различных аспектов миграционных процессов может и должно быть предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (с четко определенными полномочиями), поскольку отношения в сфере миграции существенно затрагивают интересы регионального, а также местного уровня власти.

Подобную модель демонстрирует Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»[1], который, помимо прочего, определяет полномочия Российской Федерации в области отношений с соотечественниками (ст. 19), полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 19.1 — появилась в 2005 г., дополнения внесены в июле 2010 г.), а также устанавливает возможность участия органов местного самоуправления в реализации государственной политики в отношении соотечественников (ст. 19.2 — появилась в июле 2010 г.). В пределах своих полномочий субъекты Российской Федерации вправе разрабатывать и принимать законы и иные нормативные правовые акты регионального уровня, а также свои государственные программы в области отношений с соотечественниками[2].

---

[1] Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 18.08.2022).

[2] См., напр.: постановление Правительства Вологодской области от 09.12.2019 № 1182 «Об основных направлениях реализации на территории области полномочий субъектов Российской Федерации в области отношений с соотечественниками за рубежом» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/561641820 (дата обращения: 18.08.2022); постановление Правительства Самарской области от 10.02.2020 № 80 «О внесении изменений в постановление Правительства Самарской области от 04.02.2014 № 48 “Об утверждении государственной программы Самарской области “Оказание содействия добровольному переселению в Самарскую область соотечественников, проживающих за рубежом” на 2014–2023 гг.» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/464015419 (дата обращения: 18.08.2022); постановление Правительства Свердловской области от 18.02.2021 № 84-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области “Поддержка соотечественников, проживающих за рубежом” на 2021–2025 гг.» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/574626959 (дата обращения: 18.08.2022).

В качестве институционального механизма согласования интересов и координации действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации создана и действует Правительственная комиссия по миграционной политике[1]. В положении о комиссии указано, что федеральные и региональные органы исполнительной власти взаимодействуют лишь в целях реализации единой государственной миграционной политики. Однако в перечень ее задач входят и регулирующие полномочия, в частности: разработка основных направлений совершенствования правового регулирования в сфере миграции (п. «б» ст. 3); координация действий по регулированию миграционных процессов (п «в» ст. 3); подготовка согласованных предложений по приоритетным вопросам внешней и внутренней миграции с учетом развития этих процессов в Российской Федерации и иностранных государствах (п. «г» ст. 3).

Однако, как уже было упомянуто выше, в целом законодательно утвержденное разграничение полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов в сфере регулирования трудовой (и иной) миграции отсутствует, а потому нет ясных представлений об объеме полномочий и ответственности каждого уровня.

Возможности участия субъектов РФ в регулировании трудовой миграции

На практике регионы имеют ограниченный набор возможностей для корректировки государственной политики в области трудовой миграции. Тем не менее, существует ряд механизмов, которые позволяют субъектам Российской Федерации опосредованно влиять на федеральные решения по регулированию потоков трудовых мигрантов с учетом потребностей региональных рынков труда.

Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 25.07.2002 № 15-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ)[2], субъекты Российской Федерации принимают участие в определении и корректировке квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание (п. 2 ст. 6); в формировании квот на выдачу

---

[1] Постановление Правительства РФ от 26.05.2009 № 450 (ред. от 17.08.2020) «О Правительственной комиссии по миграционной политике» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по миграционной политике») // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126814/ (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901823501 (дата обращения: 18.08.2022).

иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности (п. 1, 3 ст. 18); а также ежегодно определяют потребность в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, оценивают эффективность использования иностранной рабочей силы, вклад иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в социально-экономическое развитие данного субъекта Российской Федерации (ст. 18.1).

Руководители субъектов Российской Федерации вправе приостанавливать выдачу патентов на территории региона (п. 3 ст. 13.3) и устанавливать запрет на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории региона, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности (п. 6 ст. 18.1).

Кроме того, субъекты Российской Федерации разрабатывают прогнозы балансов трудовых ресурсов, в которых должна быть указана потребность в иностранной рабочей силе; индексируют стоимость патента трудового мигранта, устанавливая коэффициент, отражающий региональные особенности рынка труда; ежемесячно получают информацию федерального центра о результатах мониторинга ситуации на рынке труда в региональном разрезе, показатели которого служат ориентиром для совершенствования региональной политики в сфере трудовой миграции.

Прогнозирование балансов трудовых ресурсов

Для корректировки государственной миграционной политики с учетом потребностей рынка труда важное значение имеет такой механизм, как прогнозирование субъектами Российской Федерации баланса трудовых ресурсов.

Эти прогнозы разрабатываются в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 03.06.2011 № 440 (ред. от 16.08.2018) «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов» (вместе с «Правилами разработки прогноза баланса трудовых ресурсов»)[1], а также приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.04.2019 № 248н «Об утверждении методики разработки прогноза баланса трудовых ресурсов»[2].

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2011 № 440 «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов» (с изменениями на 16.08.2018) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902282842 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.04.2019 № 248н «Об утверждении методики разработки прогноза баланса трудовых ресурсов» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/554398818 (дата обращения: 18.08.2022).

Прогноз баланса трудовых ресурсов должен содержать два взаимосвязанных раздела:

— ресурсная часть (трудоспособное население в трудоспособном возрасте; иностранные трудовые мигранты; лица, работающие за пределами трудоспособного возраста);

— распределительная часть (занятые в экономике, в т.ч. в разрезе видов экономической деятельности; не занятые в экономике).

Согласно методике, прогноз баланса трудовых ресурсов должен включать в себя, в частности, следующую информацию:

— ситуация на рынке труда в предшествующий год (и меры органов исполнительной власти);

— основные проблемы рынка труда;

— основные результаты прогноза.

Однако на практике публичная информация о региональных прогнозах не всегда содержат полный набор структурных элементов. Кроме того, не все субъекты Российской Федерации своевременно выполняют требование об открытом предоставлении указанных данных, в связи с чем, по 15 регионам информация в открытом доступе не была найдена, а по девяти регионам данные оказались неполными из-за отсутствия актуальных документов (табл. 4.5.1).

Таблица 4.5.1

Прогнозы общей численности трудовых ресурсов и иностранных трудовых мигрантов в субъектах Российской Федерации на 2022–2023 гг.

Субъект РФ	Общая численность трудовых ресурсов, тыс. человек			В том числе иностранные трудовые мигранты, тыс. человек		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Центральный федеральный округ						
Белгородская область	–	–	–	–	–	–
Брянская область	631,7	631,9	–	7,0	7,0	–
Владимирская область	–	–	–	–	–	–
Воронежская область	1398,6	1400,2	1400,6	12,8	13,3	13,8
Ивановская область	553,87	554,09	554,61	8,77	8,68	8,94
Калужская область	623,1	625,5	626,3	37,5	38,5	38,0
Костромская область	328,89	–	–	3,53	–	–
Курская область	614,0	613,6	613,4	5,4	5,5	5,7
Липецкая область	676,0	676,0	676,0	6,5	6,5	6,5
Московская область	4725,2	4786,6	4838,1	388,1	414,0	432,4

Продолжение табл. 4.5.1

Субъект РФ	Общая численность трудовых ресурсов, тыс. человек			В том числе иностранные трудовые мигранты, тыс. человек		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Орловская область	–	–	–	–	–	–
Рязанская область	631,5	632,1	633,6	13,8	13,9	14,0
Смоленская область	509,3	504,8	500,9	5,2	5,8	5,8
Тамбовская область	–	–	–	–	–	–
Тверская область	694,6	686,9	679,3	13,8	13,7	13,4
Тульская область	845,35	843,77	843,69	36,00	37,00	38,00
Ярославская область	729,6	729,7	729,8	7,4	7,4	7,3
Город Москва	10167,6	10206,7	10243,9	620,3	618,8	617,8
Северо–Западный федеральный округ						
Республика Карелия	332,5	332,0	331,8	3,6	3,5	3,4
Республика Коми	465,8	463,2	461,7	4,9	4,9	4,9
Архангельская область	601,20	599,30	–	3,2	3,2	–
Вологодская область	–	–	–	–	–	–
Калининградская область	–	–	657,2	–	–	–
Ленинградская область	1106,6	1113,2	1113,8	71,5	71,9	73,2
Мурманская область	483,14	482,34	481,64	18,00	18,00	18,00
Новгородская область	333,4	332,4	332,4	1,6	0,8	0,8
Псковская область	–	–	–	–	–	–
Город Санкт-Петербург	3865,8	3871,9	3916,6	300,7	313,3	321,8
Ненецкий АО	34,59	34,53	34,48	0,63	0,64	0,64
Южный федеральный округ						
Республика Адыгея	237,6	240,5	242,7	2,1	2,2	2,2
Республика Калмыкия	–	–	–	–	–	–
Республика Крым	1049,88	1054,00	1059,11	9,55	9,55	9,55
Краснодарский край	3450,44	–	–	70,00	–	–
Астраханская область	592,1	592,3	593,8	8,4	8,7	10,0
Волгоградская область	1411,3	–	–	19,0	–	–
Ростовская область	2290,12	2286,67	2283,56	34,88	35,11	35,14
Город Севастополь	333,7	343,5	349,7	1,7	1,7	1,8

Продолжение табл. 4.5.1

Субъект РФ	Общая численность трудовых ресурсов, тыс. человек			В том числе иностранные трудовые мигранты, тыс. человек		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Северо–Кавказский федеральный округ						
Республика Дагестан	1852,7	1863,1	–	8,6	8,6	–
Республика Ингушетия	306,92	310,12	314,88	1,20	1,30	1,15
Кабардино-Балкарская Республика	–	–	–	–	–	–
Карачаево-Черкесская Республика	–	–	–	–	–	–
Республика Северная Осетия — Алания	–	–	–	–	–	–
Чеченская Республика	700,37	713,48	–	1,2	1,2	–
Ставропольский край	1679,98	1680,00	1680,00	10,50	10,90	12,00
Приволжский федеральный округ						
Республика Башкортостан	2160,77	2163,36	2165,53	12,99	12,92	12,87
Республика Марий-Эл	345,67	344,28	342,40	0,58	0,58	0,55
Республика Мордовия	460,5	459,4	458,1	1,7	1,5	1,7
Республика Татарстан	2338,5	2372,6	2365,3	54,0	54,0	54,0
Удмуртская Республика	848,98	849,21	849,35	7,23	8,87	10,11
Чувашская Республика — Чувашия	640,27	636,51	632,66	1,52	1,52	1,53
Пермский край	–	–	–	–	–	–
Кировская область	686,20	684,00	679,80	2,70	2,60	2,60
Нижегородская область	1914,98	1918,51	1922,19	29,90	31,10	32,30
Оренбургская область	1103,9	1106,9	1112,2	10,0	10,5	11,0
Пензенская область	697,7	697,6	697,4	4,5	5,5	5,5
Самарская область	1977,5	1982,0	1986,0	63,0	63,0	63,0
Саратовская область	1348,7	1355,0	1355,7	10,30	10,30	10,30
Ульяновская область	655	645,8	–	6,8	7,0	–
Уральский федеральный округ						
Курганская область	412,16	406,81	403,96	2,00	2,30	2,50
Свердловская область	2573,9	2576,2	–	72,0	70,8	–
Тюменская область	909,13	922,60	938,36	5,59	5,58	5,60
Челябинская область	2058,6	2067,7	2082,2	32,4	35,0	38,4

Окончание табл. 4.5.1

Субъект РФ	Общая численность трудовых ресурсов, тыс. человек			В том числе иностранные трудовые мигранты, тыс. человек		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ханты-Мансийский АО — Югра	1282,23	1292,05	1301,70	45,79	45,79	45,79
Ямало-Ненецкий АО	479,6	480,0	480,0	22,4	22,4	22,4
Сибирский федеральный округ						
Республика Алтай	132,3	132,4	–	1,5	1,5	–
Республика Тыва	–	–	–	–	–	–
Республика Хакасия	304,95	303,90	303,02	0,80	0,80	0,80
Алтайский край	1289,0	1288,5	1286,3	6,2	6,3	6,3
Красноярский край	1783,24	1789,67	1798,67	49,39	53,34	57,61
Иркутская область	1430,8	1434,0	1438,0	39,3	39,3	39,3
Кемеровская область — Кузбасс	–	–	–	–	–	–
Новосибирская область	1757,9	1781,9	1810,9	46,0	51,4	56,8
Омская область	1117,3	1100,3	1106,9	19,4	19,4	19,4
Томская область	657,36	657,95	659,39	6,95	7,02	7,09
Дальневосточный федеральный округ						
Республика Бурятия	566,8	574,1	575,1	9	9	9,1
Республика Саха (Якутия)	649,0	652,8	656,4	–	–	–
Забайкальский край	–	–	–	–	–	–
Камчатский край	223,1	225,8	228,0	13,5	15,7	17,5
Приморский край	1235,0	1238,7	1245,1	53,4	53,2	52,8
Хабаровский край	852,6	856,2	859,4	16,0	16,1	16,1
Амурская область	526,4	529,9	533,3	33,4	34,1	34,7
Магаданская область	–	–	–	–	–	–
Сахалинская область	332,2	332,8	333,1	31,8	31,2	29,9
Еврейская автономная область	91.45	91.54	91.65	2.10	2.10	2.10
Чукотский АО	—	–	–	–	–	–

Источник: прогнозные документы, опубликованные на официальных сайтах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации

В целом по Российской Федерации общая численность трудовых ресурсов прогнозируется на 2022, 2023 и 2024 гг. — 90,21; 90,44 и 90,89 млн человек, соответственно, в том числе иностранные трудовые мигранты — 3,2; 3,27 и 3,3 млн человек соответственно[1].

Участие в определении и корректировке квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание

Субъекты Российской Федерации, основываясь на положениях о п. 2 ст. 6 Федерального закона № 115-ФЗ, систематически направляют в МВД России свои предложения по размерам квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание с учетом демографической ситуации в соответствующем регионе и его возможностей по обустройству иностранных граждан.

Квоту на каждый год, а также правила ее определения, корректировки и перераспределения между субъектами Российской Федерации, установления и использования резерва квоты, порядок распределения указанной квоты соответствующими комиссиями, формируемыми в субъектах Российской Федерации, утверждает Правительство Российской Федерации.

Согласно установленным правилам[2], территориальные органы МВД России ежегодно, не позднее 1 июля текущего года, направляют в орган исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации прогноз численности временно проживающих иностранных граждан на следующий календарный год, а региональные органы исполнительной власти на основании указанной информации и с учетом результатов анализа объективной ситуации не позднее 1 августа текущего года направляют в МВД России свои мотивированные предложения по определению квоты для соответствующего субъекта Российской Федерации на следующий календарный год.

МВД России, на основе анализа предложений, поступивших от субъектов Российской Федерации, и объективных данных о проживающих на территории Российской Федерации иностранных граж-

---

[1] Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2022–2024 гг. // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1324 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2020 № 2345 «Об утверждении Правил определения, корректировки и перераспределения между субъектами Российской Федерации квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации, установления и использования ее резерва и Правил распределения квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации комиссиями, формируемыми в субъектах Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373076/ (дата обращения: 18.08.2022).

данах в текущем календарном году, об их численности в субъектах Российской Федерации готовит предложения по определению квоты для Российской Федерации в целом и отдельно для каждого субъекта Российской Федерации, а также по установлению резерва квоты по Российской Федерации в размере не более 30% от предложений по определению квоты для Российской Федерации в целом.

Соответствующий проект акта Правительства Российской Федерации МВД России согласовывает с заинтересованными ведомствами и направляет в Правительство Российской Федерации в срок до 1 ноября текущего года. Акт Правительства Российской Федерации должен быть принят не позднее 30 ноября (схема взаимодействия федеральных и региональных органов власти — рис. 4.5.1).

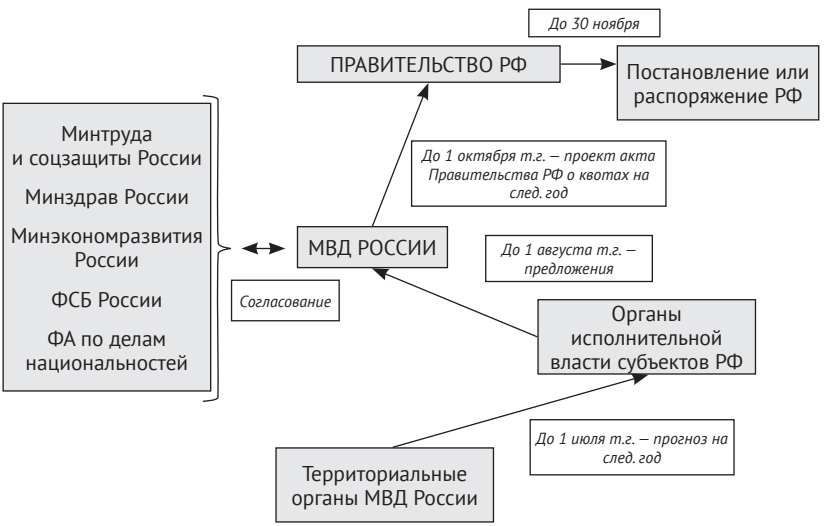

Рис. 4.5.1. *Порядок взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти в процессе определения, корректировки и перераспределения между субъектами РФ квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации, а также установления и использования ее резерва*

Источник: авторская схема на основании анализа положений Постановления Правительства РФ от 29.12.2020 № 2345

Корректировка квоты, определенной на текущий календарный год, производится в срок с середины июня до 1 сентября текущего года. По установленным правилам, в срок до 15 июня субъекты Российской Федерации на основе информации территориальных органов МВД России о расходовании квоты и своих потребностей подают в МВД России мотивированные предложения по корректировке квоты,

а МВД России в срок до 1 сентября подготавливает, согласовывает с заинтересованными сторонами и направляет в Правительство Российской Федерации предложения по корректировкам квоты с проектом соответствующего акта.

Участие в определении и корректировке квот на рабочие визы

Субъекты Российской Федерации участвуют в процедурах определения квот на рабочие визы.

Потребность Российской Федерации в привлечении иностранной рабочей силы через механизм рабочей визы (в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам) ежегодно определяет Правительство Российской Федерации (п. 1 ст. 18 и п. 1, 3 ст. 18.1 Федерального закона № 115-ФЗ). Оно же утверждает, корректирует и распределяет по регионам квоту на выдачу рабочих, виз иностранным гражданам (за исключением тех, кто прибывает в безвизовом порядке). Размер квоты на рабочие визы определяется по предложениям исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации с учетом демографической ситуации в соответствующем регионе и его возможностей по обустройству иностранных граждан.

Порядок подготовки предложений субъектов Российской Федерации и их учета на федеральном уровне определяется соответствующими правилами[1], установленными Правительством Российской Федерации.

Так, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны не только ежегодно определять потребность регионального рынка труда в привлечении иностранных работников, но и в обязательном порядке оценивать эффективность использования труда мигрантов и вклад иностранцев — обладателей рабочей визы в социально-экономическое развитие соответствующего региона. Такая система является элементом обратной связи, позволяющей регионам косвенно влиять на федеральную политику в сфере трудовой миграции.

Потребность в привлечении иностранных работников по отдельным видам экономической деятельности и их количество должны быть установлены в прогнозе социально-экономического развития

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2013 № 800 «Об утверждении Правил подготовки предложений по определению потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу» (с изменениями на 02.07.2022) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/499044340 (дата обращения: 18.08.2022).

субъекта Российской Федерации на соответствующий период и учтены высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации при подготовке предложений о приостановлении на определенный период выдачи патентов на территории субъекта Российской Федерации. При подготовке прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на соответствующий период трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений данного субъекта Российской Федерации вправе направлять соответствующие предложения. Формально, этот механизм является одним из инструментов косвенного воздействия региональных властей на миграционную политику, исходя из особенностей рынка труда.

Роль «одного окна» в согласовании интересов регионов и федерального центра играет Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, которое готовит для утверждения Правительством Российской Федерации предложения по квоте на рабочие визы (в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам), ее распределению и корректировке на основании обоснованных предложений субъектов Российской Федерации. Указанные предложения предварительно рассматриваются межведомственной комиссией[1], созданной Минтрудом России из числа представителей заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, и могут быть одобрены в полном объеме, отклонены полностью или частично, а также направлены на доработку.

Порядок рассмотрения предложений регионов разработан и утвержден также Минтрудом России[2]. В установленные сроки субъекты Российской Федерации направляют свои предложения о потребно-

---

[1] Приказ Минтруда России от 14.05.2019 № 326н «О Межведомственной комиссии по определению потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/554715796 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Приказ Минтруда России от 23.01.2014 № 30н «О порядке рассмотрения предложений исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации о потребности в привлечении иностранных работников, критериях принятия решения Межведомственной комиссией по определению потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» (с изменениями на 03.12.2021) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/499072757 (дата обращения: 18.08.2022).

стях, либо об увеличении (уменьшении) потребности в привлечении иностранных работников в Минтруд России, который осуществляет первичную проверку на соответствие заявлений формальным требованиям и либо возвращает их на доработку, либо передает в межведомственную комиссию для рассмотрения и принятия решения.

Межведомственная комиссия принимает решение об одобрении в полном объеме, отклонении полностью или частично предложений о потребности в привлечении иностранных работников на предстоящий год не позднее 1 октября текущего года, а аналогичные решения, касающиеся предложений по корректировке потребностей на предстоящий год — не позднее 31 декабря текущего года (п. 3 Порядка).

В части, касающейся предложений регионов о корректировке размера потребности в иностранной рабочей силе, решение должно быть принято в течение 20 дней со дня поступления соответствующего обращения, но, во всех случаях, не позднее 15 ноября текущего года.

Для ряда субъектов Российской Федерации установлен особый порядок согласования их предложений по привлечению иностранной рабочей силы. Помимо решения межведомственной комиссии требуется согласование с Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (для регионов Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны) или Министерством экономического развития Российской Федерации (для регионов Северо-Кавказского федерального округа).

Еще один канал регионального участия — это орган *государственной службы занятости населения субъекта Российской Федерации,* без заключения которого о возможности привлечения и использования иностранных работников на территории конкретного региона МВД России или его территориальный орган формально не вправе выдавать соответствующие разрешения (п. 3 ст. 18).

Механизм патента

Как известно, механизм патента для иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, законодательно был введен в 2010 г.[1] Первоначально в новой ст. 13.3 Федерального закона № 115-ФЗ речь шла лишь о возможности обладателей патентов работать по найму у российских физических лиц для выполнения работ (услуг) для личных, домашних или иных подобных нужд.

---

[1] Федеральный закон от 19.05.2010 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100517/ (дата обращения: 18.08.2022).

В 2014 г. была утверждена новая редакция ст. 13.3, согласно которой нанимать иностранных работников, имеющих патент, получили право не только российские физические лица, но также работодатели или заказчики работ (услуг), являющиеся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями либо частными нотариусами, адвокатами, или иными лицами, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию[1].

Поскольку иностранные работники, действующие на основании патента, прибывают в безвизовом порядке, то для регулирования потоков такого рода мигрантов используются запретительные инструменты, а именно, временное приостановление выдачи патентов.

Согласно положениям ст. 13.3, не только федеральные органы исполнительной власти, но также высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации) вправе вносить мотивированные предложения о приостановлении на определенный период выдачи патентов на территории соответствующего региона (абз. 3–4 п. 3 ст. 13.3). Предложение остановить выдачу патентов и тем самым ограничить число прибывающих в безвизовом порядке мигрантов должно основываться на данных прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на соответствующий период и учитывать мнение трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений соответствующего субъекта Российской Федерации.

При этом, согласно п. 6 ст. 18.1, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) вправе устанавливать запрет на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности. Такие запреты также должны быть основаны на учете региональных особенностей рынка труда и исходить из необходимости в приоритетном порядке обеспечить трудоустройство граждан Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации приостанавливает на определенный период выдачу патентов на территории Российской Федерации на основании предложений федерального органа исполнитель-

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 18.08.2022).

ной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере занятости населения и безработицы, подготовленных по итогам мониторинга, указанного в п. 7 ст. 18.1 настоящего Федерального закона, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, оформленного в виде решения.

Согласно данным Официального интернет-портала правовой информации, на 2022 г. такие запреты установили 14 субъектов Российской Федерации: четыре республики (Алтай, Карелия, Марий Эл, Саха (Якутия)), пять краев (Забайкальский, Камчатский, Краснодарский Пермский, Приморский) и пять областей (Воронежская, Иркутская, Калужская, Сахалинская, Тюменская).

Например, в Пермском крае в 2022 г. запрещено нанимать иностранных работников, имеющих патент, на предприятия, работающие в области лесозаготовок, распиловки и строгания древесины, добычи нефти и нефтяного (попутного) газа, производства нефтепродуктов, розничной торговли и пассажирских перевозок (городские, пригородные, междугородние автобусы, маршрутки, легковые такси и пр.)[1].

Глава Краснодарского края установил на 2022 г. запрет на наем иностранных граждан, работающих на основании патентов, по 129 видам экономической деятельности — от деятельности сухопутного и трубопроводного транспорта, оптовой и розничной торговли до услуг автомоек, продажи мороженого в палатках, подачи напитков на мероприятиях, курьерской доставки продуктов питания[2].

Чаще всего руководители субъектов Российской Федерации стараются ограничивать наем иностранных граждан, работающих по патенту, на предприятия торговли и общепита, пассажирских и грузовых перевозок, производства продуктов питания, т.е. в те сферы деятельности, где от работников не требуется высокая квалификация. Однако встречаются исключения. Например, Глава Республики Саха (Якутия)

---

[1] Указ Губернатора Пермского края от 30.03.2022 № 24 «Об установлении на 2022 г. запрета на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории Пермского края на основании патентов по видам экономической деятельности» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/578172212 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.06.2022 № 346 «Об установлении на 2022 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Краснодарского края, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2300202206200003 (дата обращения: 18.08.2022).

запретил в 2022 г. наем иностранцев — обладателей патента на предприятия, занимающиеся научными исследованиями и разработками, консультированием в области управления, исследованиями конъюнктуры рынка, деятельностью в области архитектуры и инженерно-технического проектирования[1].

Помимо запрета на наем иностранной рабочей силы, прибывшей в безвизовом порядке и осуществляющей свою деятельность по патенту, субъекты Российской Федерации имеют такой инструмент влияния на потоки трудовых мигрантов, как индексирование стоимости патента (фиксированного авансового платежа).

Право индексировать размер фиксированного авансового платежа на коэффициент, отражающий региональные особенности рынка труда, регионы получили с 1 января 2015 г. на основании Федерального закона от 24.11.2014 № 368-ФЗ «О внесении изменений в статьи 226 и 227.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»[2]. Тем же актом было принято решение целиком оставлять платежи за патенты в бюджете субъекта Российской Федерации, тогда как до 2015 г. половина собранных средств шла в федеральный бюджет.

Характерно, что регионы едва ли не мгновенно воспользовались этим инструментом. Например, закон Вологодской области об установлении коэффициента 2,32[3] появился через три дня после принятия вышеупомянутой поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации. Как отмечают эксперты, на тот момент коэффициент, установленный Вологодской областью, был самым высокой в Северо-Западном федеральном округе[4].

---

[1] Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 04.02.2022 № 2294 «Об установлении на 2022 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202202080005 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Федеральный закон от 24.11.2014 № 368-ФЗ «О внесении изменений в статьи 226 и 227.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171240/ (дата обращения: 18.08.2022).

[3] Закон Вологодской области от 27.11.2014 № 3491-ОЗ «Об установлении на территории Вологодской области коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда, на 2015 г.» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/423862080 (дата обращения: 18.08.2022).

[4] *Жестянников С. Г.* Формирование эффективных механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в современных условиях: опыт Вологодской области / С. Г. Жестянников, И. В. Екимов, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 53–57.

Как известно, базовая сумма фиксированного платежа установлена на федеральном уровне в размере 1200 рублей. Эта цифра подлежит индексации на коэффициент-дефлятор, принятый федеральным центром на соответствующий календарный год, и на коэффициент, устанавливаемый субъектами Российской Федерации.

На 2022 г. Минэкономразвития России установило коэффициент-дефлятор, необходимый в целях применения главы 23 «Налог на доходы физических лиц» Налогового кодекса Российской Федерации, в размере 1,980[1]. Соответственно, стоимость патента в 2022 г. равна *1 200 рублей * 1,980 коэффициент,* установленный соответствующим субъектом Российской Федерации.

Разница в размерах коэффициентов по регионам колеблется от 1,0 до 4,499. Наименьшая стоимость патента в 2022 г. установлена в республиках Северного Кавказа, а также на Алтае (Чеченская Республика — 2 376 руб., Республика Алтай — 3 329 руб., Республика Северная Осетия-Алания — 3 469 руб.). Самые дорогие патенты — в северных регионах России (Республика Саха (Якутия) — 10 690 руб., Ямало-Ненецкий автономный округ — 9 934 руб., Приморский край — 7 603 руб.).

Таким образом, увеличивая или снижая стоимость патента, а также пользуясь правом приостанавливать выдачу патентов, субъекты Российской Федерации имеют возможность адаптивного и довольно тонкого управления количеством и качеством иностранных работников, действующих на основании патента, как в экономике региона в целом, так и по отдельным видам экономической деятельности.

Анализ данных по 14 субъектам Российской Федерации, установивших с 2022 г. запрет на выдачу патента на определенные виды экономической деятельности, показывает, что большинство из указанных субъектов определили более высокую стоимость патента на 2022 г., чем остальные регионы (табл. 4.5.2).

Можно предположить, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, использовавших в 2022 г. механизм запрета на выдачу патентов и одновременно установивших большой региональный коэффициент, пытаются таким способом решить сразу несколько задач: с одной стороны, сократить количество трудовых мигрантов в экономические сферы, не требующие высокой квалификации, что, как предполагается, должно снизить уровень безработицы среди местного населения; с другой стороны, сохранить объем средств, поступающих в региональный бюджет от патента, за счет его высокой стоимости.

---

[1] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 28.10.2021 № 654 «Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2022 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111160047 (дата обращения: 18.08.2022).

Таблица 4.5.2

Данные о стоимости патента, количестве иностранных рабочих и безработице в субъектах Российской Федерации, установивших в 2022 г. запрет на выдачу патента по определенным видам экономической деятельности

Субъект РФ, установивший запрет на выдачу патента по определенным видам экономической деятельности в 2022 г.	Региональный коэффициент и стоимость патента (в руб.) в субъекте РФ в 2022 г.	Количество иностранных рабочих в субъекте РФ в 2022 г./ прогноз на 2023 г., тыс. человек	Безработица в субъекте РФ в 2022 г./ прогноз на 2023 г., тыс. человек
Центральный федеральный округ			
Воронежская область	2,21 / 5251	12,8 / 13,3	13,0 / 12,0
Калужская область	2,104378 / 5000	8,77 / 8,68	3,8 / 3,2
Южный федеральный округ			
Краснодарский край	2,5 / 5940	70,00 / н/д	18,91 / н/д
Приволжский федеральный округ			
Республика Марий Эл	2,05 / 4871	0,58 / 0,58	3,20 / 3,00
Пермский край	1,72559 / 4100	н/д / н/д	н/д / н/д
Уральский федеральный округ			
Тюменская область	2, 636 / 6263	5,59 / 5,58	7,64 / 6,52
Сибирский федеральный округ			
Республика Алтай	1,401 / 3329	1,5 / 1,5	3,3 / 2,9
Иркутская область	2,866 / 6810	39,3 / 39,3	15,0 / 13,9
Дальневосточный федеральный округ			
Республика Саха (Якутия)	4,499 / 10690	н/д / н/д	9,6 / 8,1
Забайкальский край	3,2 / 7603	н/д / н/д	н/д / н/д
Камчатский край	2,9 / 6890	13,5 / 15,7	2,9 / 2,7
Приморский край	3,2 / 7603	53,4 / 53,2	15,3 / 12,5
Сахалинская область	2,89 / 6867	31,8 / 31,2	1,5 / 1,5

Установление допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами

Важным инструментом регулирования трудовой миграции является ежегодное *установление допустимой доли иностранных работников,* используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности.

Правительство Российской Федерации на основании п. 5 ст. 18.1 Федерального закона № 115-ФЗ вправе ежегодно устанавливать допустимую долю иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность как на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, так и на всей территории Российской Федерации. Этот показатель должен учитывать региональные особенности рынка труда и необходимость приоритетного трудоустройства граждан России.

Размеры допустимой доли иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности, установленные Правительством Российской Федерации на 2022 г.[1], представлены в табл. 4.5.3:

Таблица 4.5.3

Размер допустимой доли иностранных работников на 2022 г. в отдельных видах экономической деятельности

Код по ОК 029–2014	Вид экономической деятельности	2022 г.	Исключения
01.13.1	Выращивание овощей	50%	Не распространяется на хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность на территории Астраханской области
02	Лесоводство и лесозаготовки	50%	н/д
16	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	50%	н/д

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706 «Об установлении на 2022 г. допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110080034 (дата обращения: 18.08.2022).

Продолжение табл. 4.5.3

Код по ОК 029–2014	Вид экономической деятельности	2022 г.	Исключения
Раздел F	Строительство	80%	Республика Бурятия, Амурская область и г. Москва вправе привлекать иностранную рабочую силу в строительство без ограничений. Для Республики Дагестан допустимая доля иностранных работников уменьшена до 50%, для Краснодарского края — до 60%.
46.73.1	Торговля оптовая древесным сырьем и необработанными лесоматериалами	50%	н/д
46.73.2	Торговля оптовая пиломатериалами	50%	н/д
47.25.1	Торговля розничная алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах	15%	н/д
47.26	Торговля розничная табачными изделиями в специализированных магазинах	15%	н/д
47.73	Торговля розничная лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках)	0%	н/д
47.8	Торговля розничная в нестационарных торговых объектах и на рынках	0%	н/д
47.99	Торговля розничная прочая вне магазинов, палаток, рынков	0%	н/д
49.3	Деятельность прочего сухопутного пассажирского транспорта	24%	н/д
49.41	Деятельность автомобильного грузового транспорта	24%	н/д

Окончание табл. 4.5.3

Код по ОК 029–2014	Вид экономической деятельности	2022 г.	Исключения
68.32	Управление недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе	70%	н/д
81	Деятельность по обслуживанию зданий и территорий	70%	н/д
93.19	Деятельность в области спорта	25%	н/д

Источник: Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706

Как видно из материалов таблицы, установленные Правительством Российской Федерации ограничения учитывают особенности субъектов Российской Федерации — для некоторых из них установлены исключения, как в виде снижения требований к доле иностранных работников, так и в виде их ужесточения.

Конкуренция принципов миграционной политики

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., государство считает, что «основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство», и видит в миграционной политике вспомогательное средство «для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем»[1]. При этом государственная миграционная политика должна быть направлена на «создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества»[2].

Эти два принципа представляются конкурирующими, если рассматривать их в контексте динамично меняющихся потребностей современной экономики и запросов региональных рынков труда. С одной стороны, отношение к миграции как к временному ресурсу трудовой силы в условиях проблем с естественным воспроизводством населения

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Там же.

предполагает, что иностранные граждане должны вернуться в страны-реципиенты после того, как страна-донор перестает нуждаться в иностранных рабочих руках. С другой стороны, задача стимулирования добровольного переселения в Россию иностранных граждан, способных «органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества», подразумевает закрепление мигрантов в стране-реципиенте безотносительно к их ценности как трудовой силы.

Анализ институционально-правовых механизмов «настройки» системы управления трудовой миграцией на потребности региональных рынков труда также показал влияние конкурирующих принципов государственной миграционной политики на практику привлечения трудовых мигрантов в регионы.

Субъекты Российской Федерации имеют ряд законодательно установленных возможностей влиять на отдельные аспекты федеральной миграционной политики с целью учета потребностей региональных рынков труда. В частности, регионы могут (при соблюдении ряда условий) регулировать (определять и корректировать):

— квоты на выдачу видов на жительство на своей территории;

— квоты на выдачу рабочих виз, в том числе разрезе профессионально-квалификационной структуры с учетом потребности экономики региона в рабочих кадрах;

— количество и профессионально-квалификационную структуру иностранных работников, прибывших в безвизовом порядке и осуществляющих деятельность на основании патента; и др.

Однако, как представляется, регионам сложно выполнять «тонкую настройку» профиля потока трудовой миграции, поскольку ключевым управляющим параметром, от которого зависит принятие конкретных решений о привлечении мигрантов, либо ограничении миграционного потока, является не столько запрос регионального рынка труда, сколько показатель под названием «уровень социальной напряженности на рынке труда» субъекта Российской Федерации. Выбор такого показателя в качестве ключевого является объективным, поскольку в основу деятельности органов государственной власти в сфере управления миграцией была положена доктрина взаимосвязи миграционного контроля и национальной безопасности[1]. Принцип его расчета установлен на федеральном уровне и ежемесячно отслеживается в рамках федерального мониторинга.

Следуя требованиям законодательства, федеральный центр (Минтруд России) осуществляет мониторинг ситуации на рынке труда

[1] См., напр., *Силантьева В. А.* Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3–1. С. 22–27.

в разрезе субъектов Российской Федерации «в целях поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов» (п. 7 ст. 18.1. Федерального закона № 115-ФЗ). При проведении мониторинга учитываются такие показатели как суммарная численность привлекаемых иностранных работников, общая безработица (по методологии МОТ), мнение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, оформленное в виде решения, а также осуществляется проверка того обстоятельства, что доля привлекаемых иностранных работников в численности экономически активного населения и численности занятых в экономике не должна превышать уровня социальной напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации.

Согласно утвержденным Правительством Российской Федерации Правилам проведения указанного мониторинга[1] Минтруд России, помимо официальной информации Росстата, ежемесячно получает для своих расчетов данные от МВД России и Роструда. Ежемесячные результаты мониторинга согласуются с Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, после чего они направляются высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации. Эти данные значимо влияют на решения, принимаемые руководителями регионов в отношении допуска трудовых мигрантов.

Уровень социальной напряженности на рынке труда Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, превышение которого *не допускается*, рассчитывается по формуле: *Уровень напряженности = = (Численность безработных + Численность иностранных работников) / Численность экономически активного населения * 100%*

Поскольку, согласно требованиям, доля привлекаемых иностранных работников в численности экономически активного населения и в численности занятых в экономике не должна превышать уровня социальной напряженности, то субъект Российской Федерации при неизменных показателях экономически активного населения, вправе увеличивать количество трудовых мигрантов при условии сокращения безработицы на местах. Очевидно, что необходимость выдерживать такого рода баланс в условиях структурной безработицы и неожиданных изменений ситуации на рынке труда осложняет управление качеством иностранной трудовой силы. А частое манипулирование допусками (запретами) для привлечения иностранных работников снижает пред-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2015 № 1106 «Об утверждении Правил проведения мониторинга ситуации на рынке труда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» (с изменениями на 13.10.2017) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420308762 (дата обращения: 18.08.2022).

сказуемость и стабильность миграционной политики на региональном уровне, затрудняя, в том числе, решение задач, связанных с созданием условий для адаптации иностранных граждан к условиям жизни в Российской Федерации.

Необходимость мониторинга эффективности регулирования

Представляется, что не только быстро меняющиеся вызовы экономики и политики, но и существование конкурирующих целей и задач миграционной политики (запросы экономики — обеспечение национальной безопасности; потребности во временной трудовой силе — потребности в постоянном населении и т.п.) ведет к тому, что регулирование миграционной политики неизбежно приобретает адаптивный характер и подчеркивает исключительную значимость развития механизмов обратной связи для динамичной корректировки процессов управления и сохранения баланса между многообразными параметрами.

В таких условиях совершенствование правового регулирования миграции, как и системы управления миграционной политики не может быть умозрительным и должно основываться на доказательной базе (evidence based policy). Во всех странах и региональных интеграционных объединениях, для которых миграционные процессы стали значимым пунктом политической и экономической повестки дня, ведется поиск подходов и инструментов, обеспечивающих возможность динамического управления трудовой миграцией на базе систематической оценки его эффективности.

Несмотря на невозможность (в силу различий национальных контекстов) прямого переноса зарубежного опыта оценки эффективности (иногда используется термин «адекватности») регулирования трудовой миграции, его анализ полезен, поскольку позволяет выявить основные подходы и методы, сложившиеся более чем за полвека[1].

В целом можно констатировать, что эффективность реализации трудовой миграционной политики оценивается с помощью двух ключевых характеристик:

---

[1] *Ushakov D.* Reforming of the State Immigration Policy in the Context of Globalization: On the Example of Russia / D. Ushakov, E. Rubinskaya // Immigration and the Current Social, Political, and Economic Climate: Breakthroughs in Research and Practice. Hershey, PA: IGI Global, 2018. P. 625–643; Evaluation of Existing Migration Forecasting Methods and Models. Report for the Migration Advisory Committee / G. Disney, A. Wiśniowski, J. J. Forster, P. W. F. Smith, J. Bijak Southampton: University of Southampton; ESRC Centre for Population Change, 2015. 61 p.; *Czaika M.* The Effectiveness of Immigration Policies / M. Czaika, H. G. de Haas // Population and Development Review. 2013. Vol. 39. P. 487–508; *Rinne U.* The Evaluation of Immigration Policies. Discussion Paper № 6369. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA), 2012. 27 p; Анализ подходов к проблеме оценки потребностей в трудящихся-мигрантах и планирование миграции рабочей силы: Российская Федерация и международный опыт / Междунар. орг. труда. Женева: Междунар. бюро труда, 2009 (Москва). 162 с.

а) *перспективы роста ее экономической отдачи* (например, за счет переориентации иммиграционных потоков в пользу высококвалифицированных специалистов, развития инвестиций, стабилизации условий бизнеса и балансирования национального и региональных рынков труда);

б) *снижение потенциального ущерба от иммиграции* (прежде всего, за счет противодействия нелегальной трудовой миграции и тенденциям дестабилизации национальных и региональных рынков труда). С этой точки зрения, наиболее эффективным текущим потребностям конкретной страны или региона выступает миграционный режим, максимально дифференцированный и избирательный по отношению ко всем потенциальным трудовым мигрантам. В то же время он должен быть достаточно ограничительным в отношении незаконной миграции и незаконного трудоустройства иностранцев.

Анализ также показывает, что существующие модели регулирования потоков трудовой миграции крайне разнообразны, и среди них нельзя выделить какую-то одну доминирующую[1]. Поскольку миграционная политика должна динамично откликаться на меняющиеся запросы экономики и внутренней политики стран-реципиентов, то универсальной модели попросту не существует. Происходит постоянный поиск методов более тонкой настройки иммиграционной политики: в результате использования различных программ и инструментов, обеспечивающих временные и постоянные потоки трудовых мигрантов, она становится все более сложной, диверсифицированной, селективной, способной обслуживать широкий спектр экономических целей. Соответственно, постоянно расширяется, уточняется, изменяется массив правовых актов, устанавливающих, либо легализующих новые управленческие практики. Как отмечают эксперты, регулирование трудовой миграции, управление этой сферой находится в состоянии непрерывного инновационного изменения. Этот процесс постоянного совершенствования объективно необходим для того, чтобы политика привлечения трудовых мигрантов становилась все более результативной, была способна быстро адаптироваться к меняющимся условиям, решать новые проблемы и оперативно реагировать, в том числе на изменения в политике других стран[2].

В том, что касается методов оценки эффективности регулирования трудовой миграции, можно выделить два доминирующих подхода, формирующих своеобразные полюса. Первый исходит из принципов

---

[1] *Егорова Е. Н.* Программы и стратегии развития миграционной политики Европейского союза: практика их реализации // Миграционное право. 2018. № 4. С. 17–20.

[2] *Dumont J.-C.* How to make Labour Migration Management Future-Ready? / J.-C. Dumont, J. Chaloff, T. Liebig // OECD Migration Policy Debates. 2020. № 21. URL: https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-21.pdf.

проектного управления и ориентирован на индивидуальную оценку (assessment) конкретной миграционной политики, позволяющую понять, насколько она в принципе реализуема (заявленные цели являются достижимыми) и результативна (достигнуты именно те результаты, которые планировались, а потраченные средства им соразмерны). Такой подход, в частности, использует Международная организация труда (МОТ), которая регулярно уточняет и совершенствует свои решения в этой области[1]. Методы оценки реализуемости (feasibility) и результативности (outcome) хорошо подходят для предварительного и последующего аудита эффективности конкретных (специализированных, селективных, ограниченных во времени) проектов по привлечению трудовых мигрантов. В качестве примера можно привести организованную МОТ процедуру оценки проекта по стимулированию роста эффективности управления трудовой миграцией из Южной Азии (South Asia Labour Migration Governance Project — SALM)[2].

Второй оценочный подход носит более академический характер и предполагает разработку некой аналитической (идеальной) модели эффективной политики в области трудовой миграции, описываемой комплексом характеристик, допускающих измерение в каких-то единицах (показатели). Анализ конкретных миграционных политик в единых координатах позволяет вести сравнительные исследования с формированием различных рейтингов эффективности и, соответственно, осуществлять мониторинг изменения тех или иных показателей эффективности управления трудовой миграцией как на межстрановом, так и на межрегиональном (внутри одной страны) уровне. В качестве примера использования такого подхода можно привести работу международного коллектива авторов (А. Х. Тран, Л. Т. Минь и Д. С. Ушаков), посвященную оценке эффективности миграционных режимов и их роли в развитии единого европейского рынка труда[3].

В Российской Федерации различные подходы к оценке эффективности регулирования миграции развиваются с конца 2000-х гг., когда

---

[1] См, напр., ILO Policy Guidelines for Results-Based Evaluation. Principles, Rationale, Planning and Managing For Evaluations. 4th edition. Geneva: International Labour Organization, 2020. 51 p.

[2] Independent Mid-Term Evaluation of Promoting the Effective Governance of Labour Migration from South Asia through Actions on Labour Market Information, Protection during Recruitment and Employment, Skills, and Development Impact (SALM) / E. McGregor, K. Marchand. Geneva: Evaluation Office International Labour Organization, 2016. 65 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—-asia/—-ro-bangkok/—-ilo-kathmandu/documents/publication/wcms_401565.pdf

[3] *Tran A. H.* Evaluating the Efficiency of Migration Regimes and Their Role in the Progress of Common European Labor Market / A. H. Tran, N. Le Thi Minh, D. Ushakov // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, № 2S11. P. 3883–3888.

были созданы ключевые элементы системы государственного стратегического управления, основанной на принципе управления по результатам. Этот подход предполагает установление не только прямых, но и обратных связей между процессами, обоснование целеполагания, систематическую оценку достижения органами исполнительной власти поставленных целей и задач[1].

Применительно к оценке деятельности регионов в сфере управления трудовой миграцией, в период 2007–2014 гг. в Российской Федерации действовала отраслевая Методика оценки эффективности использования иностранной рабочей силы, на основе которой проводилась ежегодная оценка вклада иностранных работников в социально-экономическое развитие регионов[2]. В короткий период 2014–2015 гг. отдельные субъекты Российской Федерации (в основном, национальные республики) продолжили проводить такую оценку на основе собственных методик[3].

С 2015 г. показатели «Численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность» и «Доля привлекаемых иностранных работников в численности экономически активного населения (рабочей силы) субъектов Российской Федерации» стали учитываться при мониторинге ситуации на региональных рынках труда[4]. Однако, как было показано выше, оценка реального вклада трудовой миграции в экономику региона «теряется» на фоне исключительной значимости такого показателя, как уровень социальной напряженности на региональном рынке труда, рассчитываемого с учетом данных об уровне безработицы среди местного населения[5]. Как следствие, на практике сложилось определенное противоречие между требованиями феде-

---

[1] *Попова С. М.* Измерения прогресса / С. М. Попова, С. М. Шахрай, А. А. Яник; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исследований. М.: Наука, 2010. С. 136–138.

[2] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 17.09.2007 № 604 «Об утверждении Методики оценки эффективности использования иностранной рабочей силы» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 21.12.2007 № 10793) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73827/ (дата обращения: 18.08.2022).

[3] См., напр., Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28.08.2015 № 345 «Об оценке эффективности использования иностранной рабочей силы на территории Республики Башкортостан» // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/430540979 (дата обращения: 18.08.2022).

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2015 № 1106 «Об утверждении Правил проведения мониторинга ситуации на рынке труда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» (с изменениями на 13.10.2017) // Техэксперт: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420308762 (дата обращения: 18.08.2022).

[5] *Андриченко Л. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практики применения / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 391 с.

рального центра к органам власти субъектов Российской Федерации по минимизации социальной напряженности на региональных рынках труда[1] и задачами стимулирования въезда определенных категорий иностранной трудовых мигрантов, особенно высококвалифицированной молодежи, на горизонте до 2025 г.[2]

Очевидно, что требуются специальные процедуры, позволяющие «увязывать» конкурирующие принципы миграционной политики. Не удивительно, что такого рода разработки ведутся именно на региональном уровне. В качестве примера можно привести основанную на индикативных подходах методологию оценки эффективности регулирования международной трудовой миграции в Уральском федеральном округе[3]. Характерно, что под эффективной международной трудовой миграцией в регионе понимается привлечение и использование в регионе иностранной рабочей силы в количестве (численность) и качестве (пол, возраст, состояние здоровья, этническая принадлежность, образование, профессия, квалификация и др.), необходимом для достижения оптимума между противоречащими интересами его устойчивого и безопасного развития[4].

Совершенствование регулирования трудовой миграции с учетом потребности региональных рынков труда и необходимости обеспечения национальной безопасности требует разработки более детальных

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711150027 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046 (дата обращения: 18.08.2022); Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. (утв. Президентом РФ 06.03.2020 № Пр-469) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348045/ (дата обращения: 18.08.2022).

[3] *Куклин А. А.* Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–1. С. 142–145; *Куклин А. А.* Социально-демографическая безопасность регионов России: проблемы диагностики и прогнозирования / А. А. Куклин, А. В. Черепанова, Е. В. Некрасова // Народонаселение. 2009. № 2. С. 121–133; *Васильева А. В.* Программное моделирование трудовой миграции, воспроизводства населения и экономического развития регионов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 389–411; *Васильева А. В.* Оценка эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 38 (413). С. 20–32.

[4] *Васильева А. В.* Методика оценки эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионе: разработка и реализация // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58. С. 260–286.

и многомерных показателей эффективности деятельности органов власти в указанной сфере. В частности, могут быть использованы структурные модели взаимосвязи миграции и безработицы, учитывающих как дополнительно квалификацию работников, так и оценки «эластичности» замещения рабочих мест мигрантами[1]. Еще один инструмент — разного рода «барометры» для мониторинга состояния межнациональных отношений (пример — «Мультикультурный барометр», разработанный учеными Карельского научного центра РАН[2]), использование которых позволяет оценивать ситуацию на региональном рынке труда с учетом уровня межэтнического согласия и пространственного распределения миграционной напряженности.

Также необходимо внедрение инструментов селективного отбора мигрантов в зависимости от запросов региональных рынков труда. Позитивным опытом является создание регионами вариантов каталога дефицитных профессий по примеру испанского каталога профессий с дефицитом рабочей силы[3]. Однако переход на практике к более диверсифицированной политике привлечения трудовых ресурсов в регионы требует, прежде всего, совершенствования правового регулирования этих процессов, в том числе закрепления права субъектов Российской Федерации на управленческие инновации в сфере управления трудовой миграцией на региональном уровне.

4.6. Оценка политики интеграции мигрантов с использованием российского индекса интеграции

Иммиграция является существенной поддержкой в экономическом развитии России, поскольку из-за отрицательного прироста населения в стране усугубляется дефицит трудоспособного населения в репродуктивном возрасте. Например, в течение 2020 г. население Российской Федерации впервые за последние 15 лет сократилось более, чем на 500 тыс. человек[4].

---

[1] *Лялина А. В.* Теоретические аспекты оценки и моделирования влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории / А. В. Лялина, И. М. Наумцева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 153–156.

[2] *Pitukhina M.* Foreign Labor Migration Control in Russian Regions Using Multicultural Barometer (By the Example of the Republic of Karelia) / M. Pitukhina, O. Tolstoguzov, L. Kulakova, E. Pitukhin, I. Radikov // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 284. Publication № 11008.

[3] Анализ подходов к проблеме оценки потребностей в трудящихся-мигрантах и планирование миграции рабочей силы: Российская Федерация и международный опыт / Междунар. орг. труда. Женева: Междунар. бюро труда, 2009 (Москва). 162 с.

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 27.07.2022).

В условиях неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации трудовая миграция (в данном случае мы рассматриваем под ней въезд в нашу страну иностранных граждан) является важным компонентом демографического развития страны, источником компенсации дефицита трудовых ресурсов, в том числе связанных с реализацией глобальных экономических проектов. Большинство прибывающих с целью осуществления трудовой деятельности иностранцев имеют низкий уровень образования. Чаще всего это молодые люди, характеризующиеся низким уровнем культуры, отсутствием опыта жизни в инокультурной среде, многие не владеют русским языком.

В данной связи при увеличивающихся потоках мигрантов, замещающих местное нетрудоспособное население, остро встает вопрос последующей интеграции мигрантов.

Интеграция является процессом вовлечения мигрантов в различные сферы принимающего общества и определяется как двусторонний процесс взаимной адаптации между мигрантами и принимающими обществами, в котором мигранты включаются в социальную, экономическую, культурную и политическую жизнь принимающего сообщества. Как таковая интеграция влечет за собой набор совместных обязанностей для мигрантов и принимающих сообществ и, в этом широком понимании, включает в себя другие связанные понятия, такие как социальная интеграция и социальная сплоченность. На интеграцию влияет множество факторов, в том числе причины миграции, продолжительность предполагаемого пребывания мигрантов в стране въезда и их социально-экономический статус, а также политический климат и преобладающие отношения к мигрантам и мнения о них в принимающих обществах. Среди основных путей интеграции мигрантов в РФ можно выделить культурную и языковую среду.

Процесс интеграции мигрантов сопоставим с принципами дифференцированной логике в соответствии с причинами, вызвавшими миграцию:

— правовым статусом, с которым человек въезжает в принимающую страну;

— уровнем образования, полученным в стране происхождения;

— новым статусом, приобретенным в стране назначения[1].

Эти факторы в значительной степени определяют тип занятости мигрантов (работа, учеба и т.д.). Кроме того, демографический профиль иммигранта: пол, возраст, этнос, семейное положение, состав-

[1] *Tuccio M.* International Migration as a Driver of Political and Social Change: Evidence from Morocco / M. Tuccio, J. Wahba, B. Hamdouch // Journal of Population Economics. 2019. Vol. 32. P. 1171–1203.

ляют группу характеристик, не менее важных для анализа того, каким образом происходит интеграция[1].

Еще один подход к определению интеграции переносит акцент на действия принимающего сообщества: объектом изучения становятся не результаты, а условия для интеграции, установленные на законодательном уровне. Интеграционная политика в этом случае оценивается при помощи индекса интеграции.

Использование основных индикаторов индекса отражает подход страны к интеграции по трем направлениям:

— *базовые права:* обладают ли мигранты теми же правами, что и граждане? Например, равные права на трудоустройство, образование, здравоохранение и отсутствие дискриминации;

— *равные возможности:* могут ли мигранты получить поддержку, чтобы воспользоваться возможностями, сопоставимыми с гражданами? Например, адресная поддержка в сфере образования, здравоохранения и участия в политической жизни;

— *безопасное будущее:* могут ли мигранты поселиться на долгое время и чувствовать себя в безопасности? Например, воссоединение семьи, постоянное место жительства и доступ к гражданству.

Самым авторитетным международным индексом-рейтингом интеграции мигрантов является индекс MIPEX. За основу данного индекса взяты факторы, связанные с социально-экономической динамикой миграционных процессов и принимающего общества. Данный индекс строится на основании восьми компонентов, включающих:

1) доступ к рынку труда;
2) возможность воссоединения с семьей;
3) доступ к образованию;
4) участие в политической жизни;
5) разработанные механизмы натурализации (легализации);
6) доступ к гражданству;
7) борьба с дискриминацией;
8) доступ к здравоохранению.

Все перечисленные индексы были разработаны для измерения интеграционной политики в странах Евросоюза. Они анализируют условия, создаваемые законодательно для интеграции иммигрантов, уже находящихся на территории страны приема, и исключает из анализа граждан стран ЕС. Индекс MIPEX рассчитывается регулярно, позволяя отследить изменения в законодательствах стран. Следует отметить, что в данном рейтинге, Российская Федерация имеет низкие показатели, т.к. мигранты сталкиваются с многочисленными проблемными ситуациями на пути к полной интеграции.

---

[1] *Portes J.* The Economics of Migration // Contexts. 2019. Vol. 18, № 2. P. 12–17.

Согласно *Российскому региональному индексу интеграции мигрантов (Russian Regional Index of Migrant Integration, RRIMI),* основными методами исследования интеграции мигрантов в РФ выступают:

1) экономико-статистический метод, включающий корреляционный анализ многомерной совокупности и методы классификации (кластерный анализ);

2) социологические методы;

3) метод моделирования.

Данный индекс создан с учетом того фактора, что в Российской Федерации имеется 85 субъектов, в которых процентное соотношение мигрантов существенно различается, ввиду различных социально-экономических условий. Так, индекс состоит из четырех компонентов:

1) IMI1j — показатели социально-экономического развития принимающего региона (демографические, социальные, экономические, развитости инфраструктуры);

2) IMI2j — уровень включенности мигрантов в принимающее общество (гражданская, экономическая, экологическая, социально-психологическая, религиозная и культурная сфера);

3) IMI3j — отношение принимающего общества к мигрантам;

4) IMI4j — экспертная оценка специалистов в области миграции, региональной экономики и муниципального управления[1].

Российский региональный индекс интеграции мигрантов учитывает региональную специфику интеграционных процессов в РФ, что позволяет наиболее точно оценить процесс интеграции. Тем не менее можно выделить некоторые факторы, разработка которых повысит качественную составляющую данного индекса.

Во-первых, остается неясно, насколько данный индекс разделяет понятия адаптации и интеграции мигранта. Необходимо разработать теоретико-методологические рамки данных процессов. Во-вторых, согласно методологической основе MIPEX, возможность воссоединения с семьей является одним из важнейших факторов успешной интеграции. Принимая во внимание тот факт, что большинство из трудовых мигрантов из стран СНГ приезжают в РФ на заработки, чтобы содержать семьи на родине, данный факт необходимо учитывать в одном из компонентов индекса. Также важно понимать не только то, каким элементом социума себя ощущает мигрант, но и как принимающее общество рассматривает данного индивида.

Миграционное законодательство определяет взаимодействие иммигрантов на рынке труда, при доступе к социальному сектору

---

[1] *Рязанцев С. В.* Российский региональный индекс интеграции мигрантов: теоретическое обоснование и практические подходы / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, В. И. Скоробогатова, З. К. Вазиров, А. В. Смирнов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2018. № 6. С. 5–19.

и социальной помощи. Таким образом, страна, которая содействует квалифицированной миграции, способствуя воссоединению семей, постоянному переселению и получению гражданства, предоставляет гораздо более благоприятные условия для интеграции мигрантов. Наличие у России особых миграционных режимов со странами СНГ, способствующих въезду трудовых мигрантов, и преимуществ, которые они имеют для продвижения своей трудовой интеграции, приводит к тому, что существует большой процент специалистов, которые не могут устроиться на работу, соответствующую их уровню образования, что становится результирующим фактором при понижении социального статуса мигранта из-за работы в низкоквалифицированных сферах. С другой стороны, важно подчеркнуть, что интеграция мигрантов в РФ не противоречит транснациональным практикам, которые в последнее время, как представляется, характеризуют динамику миграционных потоков.

Мигранты в транснациональном пространстве создают единые формы разных культур, как минимум двух, но, возможно, и больше, т.к. этнический мигрант может воспроизводить несколько культурных кодов[1]. Коммуникативные практики взаимодействия мигрантов с различными субъектами миграционных отношений, таких как государство, диаспоры, местное сообщество, общественные организации, само мигрантское сообщество, позволяют оценивать современную миграцию не просто как пространственную мобильность определенных этнических групп населения, но и как формирование новых культурных моделей на базе существующих культурных образцов и идентичностей.

В рамках транснациональной концепции миграции меняется идентификация мигранта, который перестает восприниматься как пассивно адаптирующийся. Он становится актором миграционного процесса с возможностью выбора различных сценариев миграции как индивидуальной, так и в рамках определенной группы. Одновременно поведение мигранта уже не зависит только от его индивидуальных желаний и потребностей. На мотивированность тех или иных действий оказывают влияние миграционные сети. Нет сомнения в том, что в транснациональных миграциях важно, как мигрант сумеет адаптироваться к новым условиям пребывания.

В целом, транснациональные практики мигрантов определяются как вид деятельности, который может осуществляться правительством, инициироваться мигрантами и их родственниками в стране происхождения. Эта деятельность не ограничивается экономическими факторами, но также включает в себя политические, культурные

[1] *Ledeneva V.* Communicative Practices of Migrants in the Transnational Space // KnE Social Sciences. 2021. Vol. 5, № 2. P. 55–64.

и религиозные. В этом и заключается процесс глобальной интеграции, который находится в постоянной эволюции и движении, главными действующими лицами которого являются мигранты. В данной связи, трансформируется идея о том, что мигранты являются пассивными субъектами интеграции. Данные факторы позволяют рассматривать мигрантов как активных участников интеграционного процесса, способных решать свои адаптационные стратегии.

Мигранты, приехавшие в Россию, составляют один из самых крупных потоков мигрантов в мире по численности. Мигранты сталкиваются со многими препятствиями и неблагоприятными условиями, не способствующими долгосрочной интеграции, поскольку интеграционная политика России является достаточно слабой среди всех 52 стран MIPEX. В целом Россия набрала 31 балл по 100-балльной шкале MIPEX, в то время как средний показатель MIPEX — 50 из 100. В общем рейтинге стран Россия занимает третье место с конца, наравне с Китаем и немного опережая Индонезию и Индию. Препятствия, с которыми сталкиваются мигранты в России, больше, чем в соседней Молдове, Украине или любой из стран ЕС или Центральной Европы[1].

Как и в большинстве стран MIPEX, иностранные граждане в России за последние пять лет выиграли от нескольких небольших улучшений. С 2014 по 2019 гг. рейтинг России по MIPEX вырос на два балла, что аналогично среднему показателю роста MIPEX по странам (также в среднем два балла). Эти изменения незначительные, что свидетельствует об очень небольших улучшениях в российской интеграционной политике. Участие в политической жизни — одна из тех проблем, которую начали решать за счет поддержки общественных организаций и фондов, работающих с мигрантами и включающих мигрантов, а также привлечения их в качестве консультантов при решении вопросов, связанных с интеграцией мигрантов. Еще одно направление улучшения — возможность иметь постоянное место жительства. Ряд категорий мигрантов получили возможность оформления вида на жительства и гражданства по упрощенным правилам.

Положительные изменения по индикаторам MIPEX:

— срок действия разрешения на постоянное место жительства;

— консультации общественных организаций, работающих с мигрантами, на государственном уровне;

— финансирование организаций, занимающихся проблемами мигрантов, за счет фондов.

Отрицательные изменения по индикаторам MIPEX:

— нет.

---

[1] Russia // Migrant Integration Policy Index (MIPEX): [site]. URL: https://www.mipex.eu/russia (accessed on: 27.07.2022).

Доступ к рынку труда является ключевым условием экономической интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Особенно это актуально для России, куда большинство мигрантов прибывают с целью работы, и где для большинства мигрантов отсутствует возможность пользоваться социальной поддержкой, ограничены перспективы при выборе сферы трудовой деятельности, а также опции самозанятости. В России отсутствует процедура нострификации — признание на территории пребывания дипломов об общем и профессиональном образовании, полученных в стране происхождения мигрантов. Такой термин в современном российском праве отсутствует.

Самую низкую оценку по индексу интеграции получил компонент «меры по интеграции в рынок труда», поскольку в России отсутствует системная государственная политика в сфере адаптации и интеграции мигрантов. Она не направлена на обеспечение возможности получения мигрантами специального образования или на облегчение их трудоустройства посредством организации языковых курсов.

Например, в Швеции мигрант имеет право на любой вид работы или предпринимательскую деятельность при наличии разрешения на работу сроком на один год. Государство содействует интеграции мигранта в рынок труда путем предоставления возможности посещать бесплатные языковые курсы (SFI) и профессиональные тренинги для безработных мигрантов. Все мигранты, которые проживают или работают в Швеции не менее двух лет, имеют доступ к образовательным грантам. Мигранты могут поменять разрешение на работу и сферы профессиональной занятости менее чем через год с момента первого трудоустройства.

Мобильность на рынке труда оценивается как «слегка неблагоприятная». Хотя иностранные граждане могут учиться, работать и пользоваться услугами государственных служб занятости, они получают рабочие места более низкого качества, поскольку им отказано в равном доступе ко всем секторам рынка труда, включая самозанятость, государственный сектор, социальное обеспечение и признание их квалификации. Россия занимает десятое место из 52 стран в рейтинге MIPEX по мобильности на рынке труда, наряду с Латвией и Польшей, но намного ниже Молдовы, Украины или среднего уровня по странам ЕС и Центральной Европы.

Воссоединение с семьей является важным направлением политики интеграции — право мигранта привезти в страну пребывания членов своей семьи. Право на воссоединение с семьей закреплено в Европейской Конвенции по защите прав человека и в Своде фундаментальных прав 1950 г. Важный тезис состоит в том, что воссоединение с семьей способствует лучшей интеграции мигранта в принимающий социум. В России в законодательной практике термин «воссоединение с семьей» не применяется как самостоятельное основание для приезда

в страну, а лишь уравнивают права мигранта и родственников, которые к нему переехали.

По рейтингу MIPEX, воссоединение семей иностранных граждан в России «средне благоприятное». Подход России к семьям мигрантов лишь частично благоприятен, потому что их права на воссоединение в стране резко различаются в зависимости от того, кто их обеспечивает. Например, высококвалифицированные рабочие и «безвизовые» иностранные граждане могут иметь возможность перевезти всех находящихся на иждивении членов семьи, в то время как другие трудящиеся-мигранты могут не иметь возможности для воссоединения со своей семьей. Политика более инклюзивна в соседних Молдове, Украине и ЕС. Например, в странах ЕС все документированные мигранты, которые могут соответствовать минимальным требованиям, имеют право воссоединиться с семьей, по крайней мере, со своими супругами и несовершеннолетними детьми, которые могут жить на иждивении или стать независимыми резидентами по истечении пяти лет.

Политическое участие. Важным условием интеграции мигрантов выступает наличие у них возможностей участия в делах принимающего общества. Консультативных органов, работающих с иностранными резидентами и представляющими их интересы, нет ни на федеральном, ни на региональном, ни на местном уровне; кроме того, государство никак не информирует иммигрантов об их политических правах.

Постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме. Отметим, что иммигранты не имеют права вступать в политические партии, согласно п. 2 ст. 23 Федерального закона «О политических партиях». Исходя из набора индикаторов, измеряющих интеграционную политику по направлению «политическое участие», России необходимо заполнить пробелы по таким компонентам, как «консультативные органы, представляющие интересы мигрантов» и «поддержка реализации политических прав». Расширение политических свобод и избирательных прав также стоят на повестке дня, однако, на наш взгляд, эти два компонента требуют селективного подхода, который бы принимал во внимание характеристики контингента мигрантов, находящихся в стране.

Политическая вовлеченность оценивается как «слегка неблагоприятная». Политическая вовлеченность является слабым местом не только в России, но и во всей Центральной Европе. Иностранные граждане в России имеют относительно мало возможностей для политического участия. В то время как общественные организации мигрантов могут получать доступ к информации, финансирование и консультации с правительственными комиссиями и советами, но создание полити-

ческих партий невозможно для иностранных граждан, а право голоса предоставляется только постоянным жителям из Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Институт вида на жительство — оценка для России «средне благоприятная». Шансы иностранного гражданина поселиться в России на постоянное место жительства лишь наполовину благоприятны, поскольку правила сложные и различаются в зависимости от категории мигрантов. Те, кто могут получить соответствующее разрешение или пройти сложные экономические, языковые и интеграционные проверки, могут постоянно проживать в России, но они не могут получить доступ к свободным поездкам или социальным услугам за пределами своего региона. Хотя процедуры были упрощены в соответствии с Федеральным законом № 115 от 2019 г., доступ к постоянному месту жительства по-прежнему является гораздо более ограничительным, чем в большинстве стран рейтинга MIPEX, включая страны ЕС, Молдову или Украину.

Гражданство. Натурализацию, или получение статуса гражданина страны пребывания, можно назвать последней ступенью интеграции, на которой исчезают все правовые различия между мигрантом и представителями принимающего сообщества.

Доступ к гражданству — «средне благоприятная» оценка. Препятствия для получения российского гражданства аналогичны препятствиям во многих постсоветских странах. Доступ к российскому гражданству оценивается как не совсем благоприятный для интеграции мигрантов, потому что Россия, как и ее соседи, не провела реформ, соответствующих международным тенденциям, чтобы сделать возможным получение двойного гражданства для всех иностранных граждан или получение гражданства по праву рождения для детей мигрантов, появившихся на свет в России.

Доступ к образованию — «неблагоприятный». Российские школы входят в десятку лучших по уровню образования в мире, однако не являются механизмом интеграции для детей мигрантов. Хотя существуют программы для определенных категорий мигрантов, например, иностранных граждан, получающих высшее образование (программы адаптации в вузах, обучения русскому языку и др.), система обязательного образования не предлагает систематическое дополнительное финансирование, обучение и поддержку школам с большим количеством детей-мигрантов. Не все дети-иностранцы могут даже иметь доступ к обязательному образованию из-за административных препятствий, связанных с документами родителей или юридическим статусом.

Здравоохранение оценивается как «слегка неблагоприятное», Россия занимает четвертое место с конца списка по здоровью мигрантов. Все законные резиденты страны должны выполнять определенные условия и принимать решения по своему усмотрению для доступа

к медицинскому обслуживанию и получают лишь небольшую целевую поддержку и информацию для доступа к этим услугам. Эти же проблемы наблюдаются в странах Центральной Европы, Балтии, Молдове и Украине.

Борьба с дискриминацией — «слегка неблагоприятная» оценка. По борьбе с дискриминацией Россия занимает пятое место с конца рейтинга, намного уступая Молдове, Украине, Турции или среднему показателю по странам ЕС или Центральной Европы. Жертвы этнической, расовой, религиозной и национальной дискриминации имеют мало шансов на доступ к правосудию в России, поскольку они могут полагаться только на расплывчатые формулировки в нескольких законах, отсутствуют механизмы прямого правоприменения и независимого специализированного органа по вопросам равенства (рис. 4.6.1).

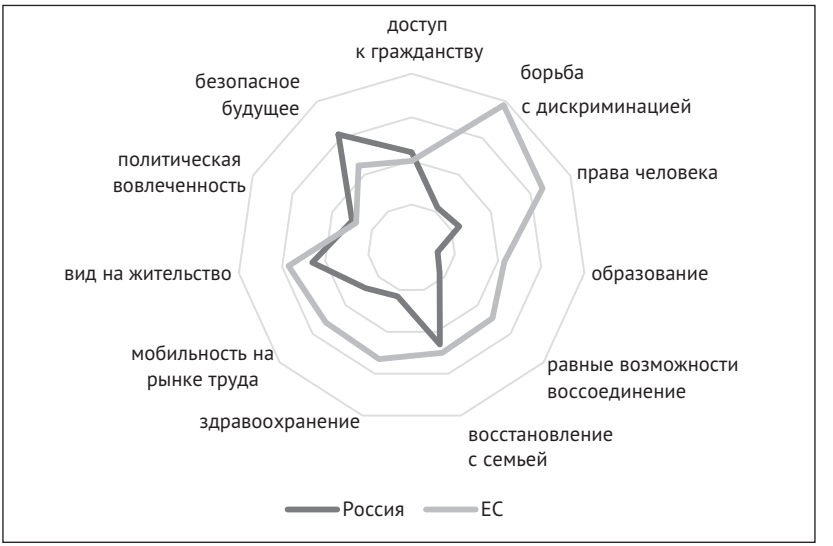

Рис. 4.6.1. *Сравнение MIPEX России со средними значениями MIPEX в 28 странах ЕС за 2019 г.*

В России пока еще не реализован потенциал миграционных амнистий, нацеленных на легализацию статуса незаконно находящихся в стране иностранцев и частично интегрировавшихся в новое общество. Такой опыт широко используется в странах Западной Европы, а также в ряде стран СНГ и показал свою высокую эффективность для достижения интеграционных целей.

В индексе интеграции важно учитывать участие российских неправительственных организаций, занимающихся решением проблем мигрантов, в том числе и в плане подготовки новых поправок

к нормативным актам по миграционному законодательству, а также содействие появлению и становлению специальных органов и комиссий, в которые мигрант мог бы обратиться по поводу нарушения его прав в связи с принадлежностью к этническим или религиозным меньшинствам. Данные индикаторы практически отсутствуют в российской миграционной политике. Успешность интеграции мигрантов во многом зависит от их активного и эффективного взаимодействия со всеми субъектами миграционного процесса.

Степень адаптивности человека также неодинакова на протяжении жизни. Поэтому и построение контактов мигранта в рамках различных институтов имеет свои особенности.

Здесь возможно обсуждение вопроса, насколько интенсивно должны развиваться подобные адаптационные и интеграционные процессы, особенно в отношении краткосрочных трудовых мигрантов, которые твердо намерены через несколько месяцев снова вернуться к себе на родину. Эта проблема, по-видимому, также должна стать предметом публичного обсуждения. Так, возможно, следует разработать и внедрять различные варианты программ по языково-культурной адаптации для трудовых мигрантов в зависимости от их сроков приезда.

Тем не менее, какие-то варианты адаптационных программ необходимы для всех видов трудовых мигрантов, так как оставшиеся вне фокуса подобных программ всегда могут стать из краткосрочных мигрантов постоянными, и из нелегальных — легальными. С другой стороны, именно подобные неадаптированные к новой среде люди, не знающие, куда они могут обратиться в случае возникновения различных проблем, включая и случаи дискриминации, в первую очередь могут становиться жертвами обмана и насилия, а также сами могут быть втянуты в деятельность преступных группировок.

Можно предложить также привлечение к программам социально-культурной адаптации трудовых мигрантов из конкретных стран и приехавших из этих же стран мигрантов учебных, у которых фаза адаптации к новой культуре проходит, как правило, быстрее и успешнее.

Подход России к интеграции классифицируется MIPEX как *«иммиграция без интеграции»,* поскольку в российской политике мало делается для интеграции мигрантов. Хотя иностранные граждане могут найти способ поселиться на долгое время и почувствовать себя в некоторой безопасности в России, доступ к основным правам и равным возможностям в России слабее, чем в большинстве стран MIPEX.

Тем не менее, подход России к интеграции имеет важное значение, потому что государственная политика может повлиять на то, будет ли интеграция двусторонним процессом. То, как правительства обращаются с международными мигрантами, сильно влияет на то, насколько хорошо мигранты и принимающее население взаимодействуют и воспринимают друг друга. При нынешнем подходе российская обще-

ственность противоречиво относится к мигрантам как потенциальным российским гражданам, которые скорее находятся в подчиненном положении и воспринимаются как чужие.

Согласно данным опросов общественного мнения, в России наблюдается высокий уровень как негативных, так и неопределенных чувств по отношению к мигрантам. Международные исследования показывают, что ограничительная политика, подобная российской, создает «порочный круг» отторжения, который усиливает страх и разделение. Принимающему населению свойственны ксенофобия и исламофобия, достаточно низкий уровень социального доверия, что приводит к меньшему количеству контактов и отсутствию положительного опыта взаимодействия с мигрантами.

Препятствия для иностранных граждан возникают во многих сферах жизни в России. По сравнению с политикой большинства 52 стран MIPEX, иностранные граждане в России находятся в неблагоприятных условиях на рынке труда и в сфере здравоохранения, а также испытывают дискриминацию в других сферах жизни. Улучшается поддержка общественных организаций, занимающихся проблемами мигрантов, однако условия, связанные с полноценным политическим участием мигрантов в России, не являются благоприятными, как, впрочем, и во многих европейских странах. Наряду с этим в России существует относительно благоприятная политика для воссоединения семей, постоянного проживания и доступа к гражданству.

С точки зрения интеграции можно выделить рамки по включению мигрантов в российское общество, которые являются гибкими и характеризуются преобладанием частичной или полной интеграции, до достижения успешной ассимиляции[1]. Необходимо отметить, что некоторые аспекты данной ассимиляции являются спорными. С одной стороны, перспектива ассимиляции предполагает наличие определенного направления и интернациональности, поскольку она дается как факт, что иммигранты должны ассимилироваться (интегрироваться) в принимающее общество, предполагая, что это односторонний путь, по которому общество реципиент представляет собой гегемонистскую модель для инкорпорации. В то же время, динамика интеграции иммигрантов в принимающем обществе представляет собой сложные процессы взаимодействия между устоявшимися принципами и иммигрантами, которые приводят к изменениям моделей поведения не только среди самих мигрантов, но и среди принимающего общества, делая этот процесс двухстороннем.

Нельзя не подчеркнуть ту роль, которую эти два социальных процесса приобрели в российском обществе. В первую очередь произошла

---

[1] *Илимбетова А. А.* Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144–155.

конфигурация поликультурных обществ, основанная на признании этнокультурного происхождения иммигрантского населения[1]. Во втором случае установились транснациональные связи мигрантов между местами назначения и местами происхождения, поскольку мигранты поддерживают различные связи со странами своего исхода, пока они инкорпорированы в России. В связи с этим можно заявить, что сам процесс миграции никогда не был и не будет односторонним процессом ассимиляции.

Ассимиляция связана с длительными социокультурными процессами. Имплицитно предполагается, что этот процесс делает необходимой интернационализацию культурных практик, достижение образовательных параметров и возможность участвовать в гражданских сферах и практиках, связанных со статусом гражданина. Степень интегрированности мигрантов напрямую зависит от продолжительности проживания в месте вселения, как правило, второе поколение иммигрантов полностью ассимилируется и становится местными уроженцами. Российские индексы позволят практически определять уровень интеграции мигрантов, однако на сегодняшний день они остаются малоизученными.

4.7. Региональные особенности развития рынка труда России как факторы миграции населения

Формирование основных компонентов региональных рынков труда обусловлено характером развития демографических процессов в нашей стране. Российская Федерация как наследница РСФСР после распада Советского Союза столкнулась с резким сокращением показателей рождаемости и ростом смертности населения, это кризисное явление даже получило название «русский крест»[2]. И несмотря на определенные успехи демографической политики в области рождаемости, пришедшиеся на многочисленные репродуктивные когорты в 2000-х гг., кризисные тенденции в области естественного движения населения не удается переломить до сих пор. Так, за десять лет (2011–2020 гг.) население России сократилось более чем на 1,4 млн человек за счет естественной убыли и за этот же период страна приняла 2,4 млн мигрантов, что позволило в целом достичь увеличения численности населения нашей страны. Поэтому для многих и политиков, и ученых,

---

[1] *Топилина А. В.* Социокультурные аспекты интеграции мигрантов в Российское общество // Философия права. 2021. № 4 (99). С. 107–111.

[2] *Халтурина Д. А.* Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России / Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев; Российская академия гос. службы при Президенте Российской Федерации, Каф. орг. социальных систем и антикризисного упр., Российская акад. наук, Центр цивилизационных и региональных исслед. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 127 с.

миграция стала рассматриваться как способ борьбы с демографическими проблемами[1]. Важнейшими последствиями для рынка труда являются не только сокращение численности населения, особенно его трудоспособной части, но и значительные территориальные диспропорции в размещении населения России, влияющие на развитие региональных рынков труда. Поэтому обратимся к изменениям общей численности населения России с 2010 по 2020 г., которые обуславливают изменение основных компонентов рынка труда (табл. 4.7.1).

Таблица 4.7.1

Численность населения в России и по федеральным округам в 2010 и 2020 гг. (млн человек)

Федеральные округа РФ	Численность населения в 2010 г.	Численность населения в 2020 г.	Изменение численности населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г.
Россия	142,9	146,2	3,3
Центральный ФО	38,4	39,3	0,9
Северо-Западный ФО	13,6	13,9	0,3
Южный ФО	13,9	16,5	2,6
Северо-Кавказский ФО	9,4	10,0	0,6
Приволжский ФО	29,9	29,0	–0,9
Уральский ФО	12,1	12,3	0,2
Сибирский ФО	17,2	17,0	–0,2
Дальневосточный ФО	8,3	8,1	–0,2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[2]

Данные табл. 4.7.1 показывают, что почти половина населения страны проживает в двух регионах: Центральном и Приволжском ФО (47% 2020 г.). Так, на Центральный ФО (17 областей и г. Москва) в 2020 г. пришлось 27%, а на Приволжский ФО (14 субъектов: 6 республик, 1 край, 7 областей) в этот же год — 20%.

Менее 10% населения России сосредоточено в Северо-Кавказском ФО (10,0 млн человек) и всего 5,5% населения страны (8,1 млн чело-

[1] *Ионцев В.А.* Международная миграция населения в контексте демографической теории / В.А. Ионцев, Ю.А. Прохорова // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3(193). С. 83–91.

[2] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

век) проживало в 2020 г. в Дальневосточном ФО. Это свидетельствует о неравномерном размещении населения по территории страны и, соответственно, неравномерности распределения трудовых ресурсов. Однако такая структура расселения сформировалось исторически по мере освоения новых территорий. При этом одни переселенцы приживались в новых условиях и создавали там основу постоянного населения, другие мигрировали, изменяя численность населения регионов прибытия или выбытия.

Статистика показывает, что численность населения в целом по России в 2020 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась более, чем на 3 млн человек. Рост населения осуществлялся за счет пяти федеральных округов: Центрального, Северо-Западного, Южного, Северо-Кавказского Уральского. В этих пяти округах население за 10 лет увеличилось в целом на 4,6 млн человек.

Однако даже в тех федеральных округах, где численность населения за десять лет (с 2010 по 2020 г.) увеличилась, рост населения отмечался не во всех областях округа (табл. 4.7.2). Например, Центральный ФО, где численность населения за рассматриваемый период увеличилась почти на миллион человек.

Рост населения наблюдался только в одном городе — Москве — на 1114 тыс. человек, а также в двух областях: Московской — 602 тыс. человек и Белгородской — на 9 тыс. человек. Как видим, только в одной Московской области население увеличилось более, чем на полмиллиона человек. В целом же численность населения в этих трех субъектах Центрального ФО увеличилась более, чем на полтора миллиона человек (1725 тыс. человек).

В остальных 15 областях этого округа за указанные 10 лет отмечалось сокращение численности населения. Максимальное сокращение населения в этом округе за 10 лет зафиксировано в Тверской и Тульской областях. В сумме это сокращение составило 205 тыс. человек.

Ведущую роль в росте общей численности населения России с 2010 по 2020 г. сыграл Южный ФО, в котором население выросло на 2,6 млн человек, что составило 39,7% от общего роста численности населения по стране в целом. В определенной мере такой рост населения был связан с вхождением в 2014 г. Республики Крым и города Севастополя в состав Южного федерального округа.

Однако за эти же 10 лет в двух федеральных округах: Сибирском и Приволжском общая численность населения сократилась на 1,1 млн человек. При этом основное сокращение численности населения наблюдалось в Приволжском ФО — почти на 1 млн человек. Это, соответственно, повлияло на общую численность населения страны, которое увеличилось только на 3,3 млн человек.

Таблица 4.7.2

Численность населения в Центральном ФО в 2010 и 2020 гг. (тыс. человек)

Территория	Численность населения в 2010 г.	Численность населения в 2020 г.	Изменение численности населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г.
Центральный ФО	38445	38251	–194
Белгородская обл.	1532	1541	9
Брянская обл.	1275	1183	–92
Владимирская обл.	1441	1342	–99
Воронежская обл.	2335	2306	–29
Ивановская обл.	1060	987	–73
Калужская обл.	1009	1001	–8
Костромская обл.	666	628	–38
Курская обл.	1126	1097	–29
Липецкая обл.	1172	1128	–44
Московская обл.	7106	7708	602
Орловская обл.	786	725	–61
Рязанская обл.	1152	1098	–54
Смоленская обл.	983	921	–62
Тамбовская обл.	1090	995	–95
Тверская	1350	1246	–104
Тульская обл.	1550	1449	–101
Ярославская обл.	1271	1241	–30
г. Москва	11541	12655	1114

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Приволжский ФО занимает второе место в стране по численности населения. С 2010 по 2020 г. здесь также было зафиксировано сокращение населения, но меньше миллиона, а только на 900 тыс. человек. Это уменьшение численности населения не повлияло на значимость региона в стране в плане размещения населения. В Приволжском ФО и в 2020 г. проживала третья часть населения страны.

Итак, сокращение численности населения в трех федеральных округах: в Приволжском, Сибирском и Дальневосточном с 2010 по 2020 г. на 1,3 млн человек заметно повлияло на рост общей числен-

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

ности населения России. Значительную роль здесь сыграл миграционный отток населения в другие регионы, устойчивое направление которого даже получило название «западный дрейф»[1].

Соотношение демографических и миграционных процессов оказывает значительное влияние на распределение трудоспособной части населения России в региональном разрезе. Большую часть всего населения России (56,5%) составляет лица в трудоспособном возрасте. Более 40% населения этой возрастной группы как в 2010 г., так и в 2020 г. проживало в Центральном и Приволжском ФО. Более 8% трудоспособного населения страны было сосредоточено на Северном Кавказе и Дальнем Востоке (табл. 4.7.3).

Таблица 4.7.3

Численность населения в трудоспособном возрасте по федеральным округам в 2010, 2020 гг. (млн человек)

Федеральные округа РФ	Численность населения в трудоспособном возрасте в 2010 г.	Численность населения в трудоспособном возрасте в 2020 г.	Изменение численности трудоспособного населения в 2020 г. в сравнении с 2010 г.
Россия	84,25	81,88	–2,37
Центральный ФО	23, 47	22, 00	–1,47
Северо–Западный ФО	8, 72	7, 86	–0,86
Южный ФО	4, 32	9,15	4,83
Северо–Кавказский ФО	4,48	5,78	1,30
Приволжский ФО	18, 87	16,02	–2,85
Уральский ФО	7, 77	6,91	–0,86
Сибирский ФО	12, 40	9,48	–2,92
Дальневосточный ФО	4, 22	4, 68	0,46

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[2]

По данным статистики на июнь 2010 г., трудоспособное население в общей численности населения России составляло 61,6%, а в 2020 г. только 56,5%, т.е. уменьшилось на 11%. Сокращение численности

[1] *Вишневский А. Г.* Вызовы внутренней миграции / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php

[2] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

трудоспособного населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г. отмечалось в пяти округах: Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском ФО. Минимальное сокращение было отмечено в Северо-Западном и Уральском ФО.

Однако в трех федеральных округах: Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном численность трудоспособного населения за 10 лет увеличилось: в Южном ФО — на 4,8 млн человек (более чем в два раза), в Северо-Кавказском — на 1,3 млн человек, а на Дальнем Востоке — на 0,46 млн человек, в целом по этим трем регионам — более, чем на 6,5 млн человек. Причем, если в первых двух округах это было обусловлено естественным приростом населения, то в последнем — миграционным обменом с другими регионами.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте в пяти округах страны с 2010 по 2020 г. привело, соответственно, к снижению общей численности этой категории по стране в целом на 8,96 млн человек. Соответственно сократилась и доля этой категории населения в общей численности населения по стране. В 2020 г. по сравнению с 2010 г. она снизилась на 5,1% (табл. 4.7.4).

Сокращение доли трудоспособного населения в общей численности населении регионов в этот период также отмечалось в шести из восьми федеральных округов. Максимальное снижение доли трудоспособного населения фиксировалось в Дальневосточном ФО (на 12,1%), а минимальное — в Сибирском ФО (на 0,5%).

Интересен тот факт, что численность населения в трудоспособном возрасте в Дальневосточном ФО за десять лет увеличилась на 230 тыс. человек, но в общей численности всего населения региона доля этой категории населения она уменьшилась на 12,1% (табл. 4.7.4).

Одновременно в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах доля трудоспособного населения в составе всего населения за десять лет выросла соответственно на 22,7% и 12,3% (табл. 4.7.4). Это позволило затормозить темпы снижения доли трудоспособного населения в общей численности населения по России в целом.

Численность трудоспособного населения влияет на его занятость, которая является важнейшим экономическим показателем, определяющим благосостояние народа. Занятость понимается как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход.

Занятость зависит от демографических процессов, социальной и экономической политики государства. Чтобы считать человека занятым, ему достаточно иметь рабочее место — быть членом какого-то производственного коллектива, работать в порядке индивидуальной трудовой деятельности, частного предпринимательства и т.д. Гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими

способностями к производительному, творческому труду. Занятость создает необходимые предпосылки эффективного использования трудового потенциала общества, определяет уровень жизни и благосостояния людей. Изменение занятости населения в России за период 2010–2020 гг. приведено в табл. 4.7.5.

Таблица 4.7.4

Доля трудоспособного населения в общей численности населения по федеральным округам в 2010, 2020 гг. (%)

Федеральные округа РФ	Доля трудоспособного населения в общей численности населения в 2010 г.	Доля трудоспособного населения в общей численности населения в 2020 г.	Изменение доли трудоспособного населения в общей численности населения в 2020 г. в сравнении с 2010 г.
Россия	61,6	56,5	–5,1
Центральный ФО	61,1	58,3	–2,8
Северо-Западный ФО	64,1	59,8	–4,3
Южный ФО	31,1	53,8	+22,7
Северо-Кавказский ФО	47,6	59,9	+12,3
Приволжский ФО	63,1	59,9	–3,2
Уральский ФО	64,2	59,7	– 4,5
Сибирский ФО	64,2	63,7	–0,5
Дальневосточный ФО	67,0	54,9	–12,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

В целом по России численность занятого населения за 10 лет (с 2010 по 2020 г.) уменьшилась почти на 2 млн человек. Рост численности этой категории населения за рассматриваемый период осуществлялся только в двух федеральных округах: в Южном и Северо-Кавказском. За счет этих округов численность занятого населения в стране в этот период увеличилась на 939 тыс. человек. При этом максимальный рост численности занятого населения за указанные 10 лет отмечался в Южном ФО.

Следует подчеркнуть, что рост занятого населения в федеральных округах осуществлялся в основном за счет областных центров. Особенно ярко это выражено в Центральном районе, где уменьшение среднегодовой численности занятого населения сдерживалось в значительной степени за счет Москвы.

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Таблица 4.7.5

Среднегодовая численность занятого населения по федеральным округам в 2010, 2020 гг. (тыс. человек)

Территории	Среднегодовая численность занятого населения в 2010 г.	Среднегодовая численность занятого населения в 2020 г.	Изменение среднегодовой численности занятого населения в 2020 г. в сравнении с 2010 г.
Россия	71493,1	69550,3	–1942,8
Центральный ФО	20782,3	20765,6	–16,7
г. Москва	7871,8	8641,0	769,2
Северо-Западный ФО	7286,3	6954,2	–332,1
г. Санкт-Петербург	2953,7	3161,1	207,4
Южный ФО	6478,6	7328,9	850,3
Северо-Кавказский ФО	3650,4	3739,1	88,7
Приволжский ФО	14579,5	13114,1	–1465,4
Уральский ФО	6458,3	6177,7	–280,6
Сибирский ФО	8121,2	7572,0	–549,2
Дальневосточный ФО	4136,5	3898,6	–237,9

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Такую же значимую роль в формировании занятого населения Северо-Западного округа играет Санкт-Петербург. Среднегодовая численность занятого населения за 10 лет (2010–2020 гг.) в этом городе выросла на 207,4 тыс. человек. Всего в Санкт-Петербурге количество официально занятого населения в 2020 г. составило более 3 млн человек.

Такой рост занятого населения в этом городе заметно сдерживал общее сокращение численности занятого населения по Северо-Западному округу в целом. Однако этот ФО вошел и в группу из шести федеральных округов, где с 2010 по 2020 г. наблюдалось сокращение занятого населения: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный.

Общее представление о занятости населения по федеральным округам РФ в 2020 г. по сравнению с 2010 г. дает табл. 4.7.6.

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Таблица 4.7.6

Распределение территорий России по федеральным округам в зависимости от увеличения или уменьшения количества занятых в 2020 г. по сравнению с 2010 г.

Федеральные округа РФ	Количество территорий в округе	Количество территорий, в которых увеличилась численность занятых	Перечень территорий, в которых увеличилось количество занятых	Количество территорий, в которых уменьшилось количество занятых.	Перечень территорий, в которых уменьшилось количество занятых
Россия	85	16		69	
Центральный ФО	18	4	Белгородская, Владимирская, Московская обл., г. Москва	14	Брянская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская обл.
Северо-Западный ФО	11	1	г. Санкт-Петербург	10	Респ. Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская обл., Ненецкий АО
Южный ФО	8	2	Краснодарский край, г. Севастополь	6	Респ. Адыгея, Калмыкия, Крым, Астраханская, Волгоградская, Ростовская обл.
Северо-Кавказский ФО	7	3	Респ. Ингушетия, Чеченская, Ставропольский край,	4	Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания

Окончание табл. 4.7.6

Федеральные округа РФ	Количество территорий в округе	Количество территорий, в которых увеличилась численность занятых	Перечень территорий, в которых увеличилось количество занятых	Количество территорий, в которых уменьшилось количество занятых.	Перечень территорий, в которых уменьшилось количество занятых
Приволжский ФО	14	0	—	14	Респ. Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чувашская, Пермский край, Кировская Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская обл.
Уральский ФО	6	3	Челябинская обл., Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО	3	Курганская, Свердловская, Тюменская обл.
Сибирский ФО	10	2	Респ. Тыва, Новосибирская обл.	8	Респ. Алтай, Хакассия, Алтайский край, Красноярская, Иркутская, Кемеровская, Омская, Тюменская обл.
Дальневосточный ФО	11	1	Респ. Саха (Якутия)	10	Респ. Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Камчатская, Амурская, Магаданская, Сахалинская обл., Еврейская АО, Чукотский АО

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Из табл. 4.7.6 следует, что во всей стране в 69 из 85 территорий среднегодовая численность занятых в 2020 г. по сравнению с 2010 г. уменьшилась. Одновременно в 16 территориях страны среднегодовая численность занятых увеличилась. Следует отметить, что в Приволжском ФО ни в одной территории не произошло увеличение численности занятого населения. А в Дальневосточном ФО среднегодовая численность занятых увеличилась за эти годы только в одной территории округа — Республике Саха (Якутия).

Самая низкая доля занятых среди трудоспособного населения и самая высокая доля безработных отмечается в Северо-Кавказском ФО, одновременно самая высокая доля занятых зафиксирована в Центральном ФО (табл. 4.7.7). При этом следует отметить, что в Северо-Кавказском ФО только 64% от трудоспособного населения составляют занятые. В то время как в Центральном ФО практически все трудоспособное население (94%) занято в народном хозяйстве. Это связано со спецификой экономического развития этих регионов. В наиболее промышленно развитых регионах (Уральском, Северо-Западном ФО) занятость составляет соответственно 89 и 88%.

Таблица 4.7.7

Уровень занятости и безработицы по федеральным округам за 2020 г. (тыс. человек)

Федеральные округа	Численность населения в трудоспособном возрасте в 2020 г.	Занятые	Безработные	Доля занятого населения и безработных в составе трудоспособного населения, %	
				занятые	безработные
Россия	81880	69550	2772	85	3
Центральный ФО	22000	20766	470	94	2
Северо-Западный ФО	7860	6954	265	88	3
Южный ФО	9150	7329	336	80	4
Северо-Кавказский ФО	5780	3739	480	64	8
Приволжский ФО	16020	13114	466	81	2
Уральский ФО	6910	6178	261	89	4
Сибирский ФО	9480	7572	358	79	4
Дальневосточный ФО	4680	3899	136	83	3

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Минимальное число безработных в составе трудоспособного населения территорий зафиксировано в Центральном и Приволжском ФО. На Северо-Западе и Дальнем Востоке доля безработных в составе трудоспособного населения такая же, как и в целом по России. Одновременно Южный, Уральский и Сибирский ФО имеют более высокий, чем в целом по стране процент безработных. Возможно, в 2020 г. это было связано с более простой регистрацией безработных во время пандемии COVID-19.

Следует отметить, что за указанные десять лет максимальное сокращение численности занятого населения фиксировалось в Уральском ФО. Второе место после Урала занимал Приволжский ФО и только третьим шел Северо-Западный ФО. Меньше всего численность занятого населения сократилось в Дальневосточном ФО.

Самый высокий уровень занятого населения в России отмечался в 2020 г. в Сибирском ФО, за ним следует Центральный, Северо-Западный и Дальневосточный ФО. Следует отметить, что по уровню занятости Сибирский и Дальневосточный ФО лидируют среди остальных федеральных округов.

Одновременно самый низкий уровень занятости населения наблюдался в Северо-Кавказском ФО. Это связано со спецификой экономического развития этого региона. Здесь зафиксирована самая высокая долю занятых в сельском хозяйстве — 17,8%. В это же время в соседнем Южном федеральном округе занято — 10,4%, а в среднем по России — всего — 6,5% от всех занятых в народном хозяйстве.

Важным компонентом рынка труда является численность безработных, которая в России за последние 10 лет (2010–2020 гг.) увеличилась в 1,7 раза (табл. 4.7.8).

Максимальное число безработных как в 2010 г., так и в 2020 г. фиксировалась в Южном ФО, второе место после него занял Центральный ФО. В этом округе особое положение занимает Московская область, в которой число безработных в 2020 г. по сравнению с 2010 г. увеличилось в 3,9 раза. В это же время в Москве количество неработающих выросло в 2,1 раза. Похожая ситуация сложилась и в Северо-Западном ФО, где в это десятилетие в Санкт-Петербурге количество безработных выросло в 5,8 раз. Минимальное возрастание численности безработных отмечалось на Дальнем Востоке. Увеличение этой категории в составе трудовых ресурсов этого ФО составило всего 21 тыс. человек, что в пять раз меньше, чем на Северном Кавказе и в несколько раз меньше, чем в других округах. Что свидетельствует о том, что по мере развития и роста масштабов региональных рынков труда, растет и значения безработицы, за счет сокращения ее скрытой формы и совершенствования учета.

Таблица 4.7.8

Численность зарегистрированных безработных в 2010, 2020 гг. (тыс. человек)

Федеральные округа РФ	Численность безработных в 2010 г.	Численность безработных в 2020 г.	Изменение численности безработных в 2020 г. в сравнении с 2010 г.
Россия	1589,4	2773,1	1183,7
Центральный ФО	256,4	469,8	213,4
Северо-Западный ФО	114,7	265,3	150,6
Южный ФО	99,2	335,9	236,7
Северо-Кавказский ФО	378,4	480,1	101,7
Приволжский ФО	282,5	465,8	183,3
Уральский ФО	127,7	261,4	133,7
Сибирский ФО	215,7	358,4	142,7
Дальневосточный ФО	114,7	136,5	21,8

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Следует отметить, что только в 20 территориях России из 85 (четвертая часть) число зарегистрированных безработных за десять лет не увеличилось (табл. 4.7.9). Максимальное число таких территорий отмечалось на Дальнем Востоке, где в 7 территориях из 11 количество безработных за эти годы не возросло. Можно предположить, что люди приезжают в эти регионы, имея информацию о свободных вакансиях.

Одновременно в Уральском ФО не было зарегистрировано таких территорий. Во всех его шести субъектах отмечался рост числа безработных. В Приволжском и Сибирском ФО фиксировалось по одной такой территории. В одном из наиболее промышленно развитых федеральных округов России — Центральном ФО — за десять лет число территорий, в которых не увеличилось число безработных, составило 22% (4 из 18).

Важным компонентом восполнения дефицита рынков труда являются выпускники высших и средних специальных учебных заведений, численность которых дифференцируется по регионам России и требует определенной политики по ее распределению.

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Таблица 4.7.9

Число территорий в федеральных округах, в которых не увеличилось число зарегистрированных безработных в 2020 г. по сравнению с 2010 г.

Федеральные округа РФ	Количество территорий в округе	Количество территорий, в которых не увеличилось число безработных	Перечень территорий в которых не увеличилось число безработных
Россия	85	20	–
Центральный ФО	18	4	Белгородская Орловская, Тамбовская, Ярославская обл.
Северо-Западный ФО	11	3	Псковская, Мурманская обл., Ненецкий АО
Южный ФО	8	2	Ростовская обл., Краснодарский край
Северо-Кавказский ФО	7	2	Респ. Ингушетия, Чеченская Респ.
Приволжский ФО	14	1	Удмуртская Респ.
Уральский ФО	6		–
Сибирский ФО	10	1	Алтайский край
Дальневосточный ФО	11	7	Камчатская Амурская, Магаданская, Сахалинская обл., Приморский, Хабаровский край, Чукотский АО

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Следует отметить, что по данным статистики за 2020 г. в России выпускников высших учебных заведений на 53 тыс. больше, чем выпускников средних специальных учебных заведений (табл. 4.7.10).

Как можно видеть из табл. 4.7.10, больше всего территорий (9) входят в Северо-Западный федеральный округ, на втором месте Дальневосточный ФО (6). При этом только в Дальневосточном ФО количе-

[1] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

ство выпускников средне специальных и высших учебных заведений одинаковое, во всех остальных округах выпускников высших учебных заведений больше. В Южном ФО территорий, в которых количество выпускников средне специальных больше количества выпускников высших учебных заведений вообще нет.

Таблица 4.7.10

Количество территорий в федеральных округах, где выпускников средних специальных учебных заведений больше, чем высших

Федеральные округа РФ	Количество территорий	Территории
Центральный ФО	3	Калужская, Костромская, Московская обл.
Северо-Западный ФО	9	Респ. Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская обл., Ненецкий АО
Южный ФО	–	–
Северо-Кавказский ФО	3	Респ. Дагестан, Ингушетия, Чеченская
Приволжский ФО	2	Пермский край, Оренбургская обл.
Уральский ФО	2	Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО
Сибирский ФО	3	Респ. Алтай, Тува, Кемеровская обл.
Дальневосточный ФО	6	Респ. Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский края, Сахалинская обл., Чукотский АО

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Больше всего выпускников приходится на город Москву — более 195 тыс. человек. Причем более 165 тыс. — это выпускники высших специальных учебных заведений, а выпускников средних специальных учебных заведений немного более 30 тыс. На втором месте находится город Санкт-Петербург, где в 2020 г. общее число выпускников составило больше 81 тыс. (63 тыс. выпускников высших учебных заведений и 18 тыс. выпускников средних специальных учебных заведений).

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 27.07.2022).

Следует отметить, что в Российской Федерации всего в 25 территориях отмечается численное превосходство выпускников средних специальных учебных заведений над выпускниками высших учебных заведений.

Рассмотрим ситуацию по федеральным округам с количеством выпускников высших и средне-специальных учебных заведений и потребностью в работниках, заявленную работодателями в органы службы занятости населения на конец 2020 г. (табл. 4.7.11).

Таблица 4.7.11

Потребность в работниках и количество выпускников средних и высших учебных заведений по Федеральным округам России в 2020 г. (тыс. человек)

Федеральные округа РФ	Сумма выпускников высших и средних специальных учебных заведений	Потребность в работниках, заявленная работодателями в службу занятости населения
Российская Федерация	1402,2	1735,6
Центральный ФО	404,0	399,3
Северо-Западный ФО	130,6	171,4
Южный ФО	155,0	176,5
Северо-Кавказский ФО	86,6	51,7
Приволжский ФО	290,0	327,5
Уральский ФО	109,9	145,8
Сибирский ФО	158,1	277,8
Дальневосточный ФО	70,2	185,5

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

Как можно видеть из табл. 4.7.11, количество выпускников высших и средне-специальных учебных заведений превосходит потребность в работниках в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах. Во всех остальных округах количество выпускников не покрывает потребности в работниках. Причем меньше всего выпускников может компенсировать эту потребность в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Например, в Дальневосточном округе потребность в работниках в два раза, а в Сибирском в 1,5 раза выше, чем количество выпускников (табл. 4.7.12).

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 27.07.2022); Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Таблица 4.7.12

Распределение территорий России, в которых выпускников высших и средних специальных учебных заведений больше потребности в работниках в 2020 г.

Федеральные округа РФ	Количество территорий, в которых выпускников высших и средних специальных учебных заведений больше потребности в работниках в 2020 г.	Территории
Российская Федерация	27	–
Центральный ФО	7	Брянская, Воронежская, Курская, Орловская, Смоленская, Тамбовская обл., г. Москва
Северо-Западный ФО	1	г. Санкт-Петербург
Южный ФО	3	Респ. Крым, Краснодарский край, г. Севастополь
Северо-Кавказский ФО	6	Респ. Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, Чеченская
Приволжский ФО	6	Респ. Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Пермский край, Оренбургская, Самарская обл.
Уральский ФО	1	Челябинская обл.
Сибирский ФО	2	Респ. Тыва, Томская обл.
Дальневосточный ФО	1	Респ. Саха (Якутия)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата[1]

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 27.07.2022); Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

Данные табл. 4.7.12 демонстрируют, что в Российской Федерации всего 27 субъектов из 85, в которых выпускников высших и средних специальных учебных заведений больше потребности в работниках в 2020 г. Больше всего таких территорий в Центральном ФО (7), по шесть — в Приволжском и Северо-Кавказском. Меньше всего (по одному) — в Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном. Как можно видеть из таблицы, это в основном крупные и промышленно развитые территории. Интересен факт, что в Северо-Кавказском ФО почти все за исключением, Ставропольского края в 2020 г. выпускников высших и средних специальных учебных заведений больше потребности в работниках.

Таким образом можно констатировать, что характер демографических процессов определяет основные параметры развития региональных рынков труда и формирования трудовых ресурсов. Подготовка кадров в регионах страны не всегда совпадает с потребностями в работниках как в количественном, так и в качественном отношении. Поэтому для решения региональных проблем восполнения дефицита трудовых ресурсов должны использоваться как выпускники высших и средних специальных учебных заведений, так и безработные из других регионов. Для решения данных задач необходимо интенсифицировать миграционную политику на региональном уровне для привлечения населения в регионы востребованных категорий трудовых ресурсов, опираясь как на внутренние, так и на внешние источники восполнения дефицита трудовых ресурсов.

С целью проверки гипотезы о том, что благоприятная ситуация на рынке труда может служить одним из факторов притяжения мигрантов, нами использовалась модель множественной линейной регрессии. Данные представляют собой пространственную выборку, в которую вошли все 85 субъектов Российской Федерации. В качестве факторов в модели использовалась основные показатели, характеризующие спрос на рабочую силу и ее предложение, а также уровень оплаты труда в регионе. Они были отобраны на основе анализа научных публикаций по исследуемой проблеме[1]. Источником данных послужила статистика Росстата за 2020 г.[2]

---

[1] *Вакуленко Е. С.* Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. Т. 50, № 4. С. 89–83; *Гневашева В. А.* Модели миграции // Социология и право. 2020. № 3. С. 6–11; *Сугоняев К. В.* Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 2. С. 57–75.

[2] Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210 (дата обращения: 07.09.2022).

В качестве зависимой переменной (Y) использовалась доля внутренних трудовых мигрантов в общей численности рабочей силы, в процентах (обозначение — LabMigrShare).

Оценивалась степень ее зависимости от следующих факторов:

X_1 — доля рабочей силы в общей численности населения, в процентах (обозначение — LabForceShare);

X_2 — уровень участия в составе рабочей силы (отношение численности рабочей силы (занятых и безработных) к общей численности населения в трудоспособном возрасте), в процентах (обозначение — LabForcePartic);

X_3 — уровень безработицы, в процентах (обозначение — Unemployment);

X_4 — удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест, в процентах (обозначение — DemandShare).

X_5 — среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, в рублях (обозначение — Salary).

В целом модель получилась статистически значимой. Коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}67$. Мультиколлинеарность отсутствует. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4.7.13.

Таблица 4.7.13

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1–85
Зависимая переменная: LabMigrShare

	Коэффициент	Ст. ошибка	*t*-статистика	*p*-значение
const	–0,984884	6,31618	–0,1559	0,8765
LabForceShare	–0,617680	0,231315	–2,670	0,0092***
LabForcePartic	0,510375	0,210132	2,429	0,0174**
Unemployment	–0,462148	0,144942	–3,189	0,0021***
DemandShare	–0,734012	0,286346	–2,563	0,0123**
Salary	0,000196430	3,03379e-05	6,475	<0,0001***

Среднее завис. перемен	2,478650	Ст. откл. завис. перем	5,527050
Сумма кв. остатков	846,1143	Ст. ошибка модели	3,272661
R-квадрат	0,670267	Исправ. *R*-квадрат	0,649397
F(4, 80)	32,11750	*P*-значение (*F*)	1,01e-17
Лог. правдоподобие	–218,2749	Крит. Акаике	448,5498
Крит. Шварца	463,2057	Крит. Хеннана—Куинна	454,4448

Все факторы модели оказались значимыми на 5%-м уровне. Самые сильные корреляционные связи показала средняя заработная плата по региону. Предиктор имеет ожидаемо положительный знак, т.е. доля мигрантов в общей численности рабочей силы больше в тех регионах, где выше уровень оплаты труда. Вывод о том, что трудовых мигрантов привлекает высокая заработная плата самоочевиден и полностью согласуется с результатами абсолютного большинства аналогичных исследований.

Высокую степень корреляции показал такой фактор, как уровень безработицы. Он вошел в модель с отрицательным знаком, т.е. доля трудовых мигрантов больше в тех регионах, где безработица ниже. Этот результат тоже легко интерпретировать логически. Ситуация на рынке труда, когда местное население сталкивается с трудностями при поиске рабочих мест и остается безработным, не привлекает мигрантов.

Значимым на 1%-м уровне также оказался фактор доли рабочей силы в общей численности населения. Он получил отрицательный знак, т.е. доля трудовых мигрантов больше в тех регионах, где доля рабочей силы ниже. Действительно, низкая численность рабочей силы снижает предложение на рынке труда и порождает потребность в ее притоке извне, который и обеспечивает миграция.

На 5%-м уровне показал значимость такой фактор «удельный вес потребности в работниках», однако его знак неожиданно оказался отрицательным, т.е., согласно полученным результатам, при прочих равных условиях доля мигрантов выше в тех регионах, где относительно ниже потребность в работниках. Такой результат, на наш взгляд, следует интерпретировать помня о том, что хорошие условия трудоустройства одинаково привлекательны и для местного населения, и для мигрантов, поэтому в тех регионах, где работодатели предлагают работникам лучшие условия, главным образом, более высокую оплату, и где ниже уровень структурной безработицы, потребность в рабочей силе более полно удовлетворяется за счет постоянного населения, и потребность в работниках оказывается ниже. Но мигрантов привлекают все те же выгодные условия трудоустройства, поэтому они вступают в конкуренцию с местными жителями за рабочие места. При этом ряды мигрантов, очевидно, пополняет население тех субъектов федерации, где условия найма менее привлекательны.

Этот же вывод подтверждает еще один фактор — уровень участия в рабочей силе, который имеет в модели положительный знак, т.е. доля трудовых мигрантов выше там, где выше уровень участия в рабочей силе. Этот результат можно интерпретировать аналогичным образом: в регионах, где условия на рынке труда привлекательны для работников, бóльшая часть трудоспособного населения желает участвовать

в рабочей силе, т.е. имеет или ищет работу. Такие регионы привлекают и работников из других субъектов Российской Федерации.

Настоящее исследование не свободно от своих ограничений. В частности, в нашу модель не были включены какие-либо иные факторы притяжения трудовых мигрантов, помимо показателей, описывающих ситуацию на рынке труда, в то время как все многообразие их мотиваций, разумеется, не исчерпывается только одной областью трудоустройства, хотя они и играет решающую роль в случае переезда с целью работы. Также при построении модели нами использовались данные только по внутренней трудовой миграции, иностранные работники не были включены. Такой выбор был обусловлен стремлением обеспечить наиболее точное сопоставление в разрезе регионов РФ, поскольку наше исследование не охватывало ситуацию на рынках труда в странах выхода внешних мигрантов. Кроме того, доступные статистические сведения не дают возможности отделить неорганизованную трудовую миграцию от организованной.

Тем не менее полученные нами результаты регрессионного анализа позволяют сделать несколько значимых выводов:

1. Трудовых мигрантов привлекают регионы, где наблюдается благоприятная ситуация на рынке труда, в частности, высокий уровень заработной платы и низкий уровень безработицы.

2. Позитивным следствием этого является их приток в те регионы, где доля рабочей силы в общей численности населения невысока. Таким образом миграция компенсирует сокращение численности населения в трудоспособном возрасте.

3. С другой стороны, мигранты направляются в те регионы, где потребность в работниках может быть достаточно полно удовлетворена и за счет местного населения, вступая с ним в конкуренцию за рабочие места.

Ценность поученных в ходе исследования выводов состоит в возможности их практического применения для разработки программ по регулированию трудовой миграции в целях обеспечения демографической безопасности Российской Федерации, в частности, привлечения населения в стратегически важные, но страдающие от депопуляции регионы, такие как Сибирь и Дальний Восток. Факторы рынка труда поддаются целенаправленной регуляции, что делает возможным управление ими для управления миграцией и корректировки тренда на сосредоточение населения в «основной полосе» за счет его западного дрейфа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность изучения проблемы демографического развития и поиска его детерминант не вызывают сомнений. На современном этапе приобретают особую значимость и остроту вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, преодолением экспансии западной цивилизации и утверждением права на собственную идентичность и уникальный исторический путь развития России. Значение демографического фактора в данных условиях трудно переоценить.

Реализация установки на демографическое благополучное развитие России с опорой на традиционные российские ценности есть наиболее надежное противодействие разрушительным факторам среды: терроризму, экстремизму, политическому радикализму, национализму, ксенофобии, русофобии, политическому абсентеизму и т.д. Авторы справедливо отмечают *в первой главе*, что демографическая составляющая является ключевой в системе национальной безопасности России.

Основополагающим лейтмотивом исследования является предположение о возможности достижения *демографической стабильности и демографической устойчивости* как на уровне семьи (микроуровень), так и на уровне страны или территории (макроуровень), о чем свидетельствуют материалы *второй главы*. При этом ключевыми факторами воспроизводства населения выступают семья, рождаемость и самосохранительное поведение. Так, формирование позитивного вектора динамики демографических процессов, по мнению авторов, невозможно без осознания роли благополучной российской семьи в структуре современного общества, формирования установки на рождение в ней нескольких детей, улучшения здоровья и формирования самосохранительного поведения, стимулирования занятости населения.

В *третьей главе* авторы представили результаты исследования исторических, социокультурных, демографических и гендерных аспектов миграционных процессов в России. Подробный обзор имеющихся подходов и точек зрения на структурно-содержательные компоненты миграционных процессов позволил авторам интегрировать такие его сущностные характеристики, через которые раскрываются его содержательные и динамические составляющие.

Также авторами продемонстрированы в *третьей главе* проблемы, тенденции, направления демографической политики в контексте адаптации и интеграции этнических групп мигрантов в принимающее сообщество и представлены рекомендации по ее совершенствованию, в том числе в условиях формирования системы подготовки специалистов-демографов.

В *четвертой главе* приводятся материалы исследований, характеризующих особенности трансформации демографической и миграционной политики России и их приоритеты, а также представлены рекомендации для решения тактических задач в неблагоприятных демографических условиях. Особый исследовательский интерес представляют стратегии пространственного развития России в контексте осмысления международного и российского опыта городских агломераций и оценке их влияния на рождаемость. Авторами на основе социологического анализа сделан вывод о том, что «потенциал <...> России дает возможность построить такую модель суверенного социально-экономического развития, которая позволит ей развиваться, минимизируя влияние транснациональных корпораций. Для этого необходимо опираться на внутренние силы, которые лучше всего будут задействованы повсеместно на всей территории через кооперацию малых семейных фирм как в сельском хозяйстве, так в перспективе и в промышленном производстве».

Таким образом, сформулированные авторами коллективной монографии подходы к всестороннему изучению демографической ситуации в 2022 г. отвечают ключевым направлениям Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдурахманов К. Х.* Экономико-демографические аспекты внешней миграции Узбекистана / К. Х. Абдурахманов, Б. Б. Исламова // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 5. С. 376–382. С. 379. DOI 10.55186/2413046X_2022_7_5_275. EDN KPVSUH.
2. *Авдашкин А. А.* Узбекские мигранты на Южном Урале: между локальным сообществом и транснациональными практиками (2002–2019 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 6–12. DOI 10.14529/ssh210301. EDN CQJABQ.
3. *Авдеев А. А.* Демографические вызовы в развитии Кыргызской Республики (анализ демографической ситуации в Кыргызстане: обновление 2020 г.) Бишкек: ЮНФПА, 2021. 45 с.
4. *Аганбегян А. Г.* Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А. Г. Аганбегян, А. Н. Клепач, Б. Н. Перфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широв // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18–26. DOI 10.47711/0868-6351-183-18-26. EDN VDIIXR.
5. *Агеева А. Ф.* Иммиграционная политика в условиях глобализации: выбор стратегии с помощью агентного моделирования // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 553–572. DOI 10.18334/eo.9.2.40508. EDN DXATWG.
6. Анализ подходов к проблеме оценки потребностей в трудящихся-мигрантах и планирование миграции рабочей силы: Российская Федерация и международный опыт / Междунар. орг. труда. Женева: Междунар. бюро труда, 2009 (Москва). 162 с. ISBN 978-92-2-422393-8.
7. *Ананьев Б. Г.* К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 280 с.
8. *Андриченко Л. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практики применения / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 391 с. ISBN 978-5-91768-989-0.

9. *Андрюшина Е. В.* Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. / Е. В. Андрюшина, Н. С. Григорьева, Е. А. Панова // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 99–113. DOI 10.21064/WinRS.2020.2.9. EDN GXQGFK.
10. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 357 с. ISBN 5-8188-0001-6.
11. *Артюхов И. П.* Здоровье беременных мигранток: анализ и возможности управления / И. П. Артюхов, С. Ю. Ли-Ги-Ру, Н. А. Горбач, В. Ф. Капитонов, В. Б. Цхай // Здравоохранение Российской Федерации. 2016. Т. 60, № 1. С. 27–30. DOI 10.18821/0044-197X-2016-60-1-27-30. EDN VOCBHT.
12. *Арутюнова Е. М.* Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере республики Саха (Якутия)) / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 83–100. DOI 10.19181/vis.2021.12.2.725. EDN OHJEFZ.
13. *Архангельский В. Н.* Демографическое поведение и его детерминация / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, Н. В. Зверева, Л. Ю. Иванова. М.: Теис, 2005. 352 с. EDN KZVJJF.
14. *Архангельский В. Н.* Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов: сб. ст. Сер. Демографические исследования. Вып. 21 / под ред. Н. В. Зверевой и В. Н. Архангельского. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 5–30. ISBN 978-5-317-04241-7. EDN QOPPEF.
15. *Асланов Д. И.* Гуманистические аспекты экономического развития / Д. И. Асланов, М. И. Голубова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 12 (60). С. 74. EDN SBDWHX.
16. *Ахапкин Н. Ю.* Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 6. С. 52–65. DOI 10.24411/2073-6487-2020-10069. EDN NMUYIF.
17. *Барис Е. А.* Феминизация миграции: к постановке проблемы // Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции с международным участием, 29–30 мая 2018. Ч. 2 / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: СибАГС, 2018. С. 216–220. EDN VDRLVM.
18. *Батенева Е. В.* Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 90–94. EDN PWUFQV.
19. *Безвербный В. А.* Демографические тенденции в муниципальных образованиях Московской области и способы их корректиров-

ки (на примере г. Зарайска) / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // Человеческий капитал. 2019. № 12 (132). С. 115–121. DOI 10.25629/HC.2019.12.10. EDN GWDDZW.

20. *Безвербный В. А.* Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 45–65. DOI 10.26653/2076-4685-2021-6-05. EDN JNCGWP.
21. *Безвербный В. А.* Тенденции формирования городских агломераций в мире и в России: причины концентрации, последствия, поиск альтернативы / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // Сегодня и завтра Российской экономики. 2021. № 103–104. С. 22–42. DOI 10.26653/1993-4947-2021-103-104-02. EDN HISSDE.
22. *Безгодов А. В.* Формирование концепции устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2004. № 3. С. 48–60.
23. *Бессчетнова О. В.* Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи / О. В. Бессчетнова, О. А. Волкова, Ш. И. Алиев, П. И. Ананченкова, Л. Н. Дробышева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 462–467. DOI 10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467. EDN PHQGGD.
24. *Бобылев С. Н.* В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС / С. Н. Бобылев, Л. М. Григорьев, М. Ю. Белецкая // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 13, № 1. С. 25–51. DOI 10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51. EDN NWRFDB.
25. *Бобырев В. В.* Незаконная миграция, ее влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с незаконной миграцией // Право и безопасность. 2007. № 1–2 (22–23).
26. *Бойков В. Э.* Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации // Социология власти. 2009. № 2. С. 37–52. EDN KVDOJH.
27. *Бондаренко Н. Е.* Российский рынок труда в условиях пандемии коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 63–70. EDN VRUEEH.
28. *Борисов С. Н.* Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья / С. Н. Борисов, О. А. Волкова, О. В. Бессчетнова, Р. Ю. Доля // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68–73. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73. EDN MDUTAT.
29. *Борисюк А. А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. М.: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2017. 231 с. ISBN 978-5-91862-046-5.

30. *Боркова Е. А.* Организационные аспекты реализации государственной политики устойчивого развития // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 4. С. 431–444. DOI 10.18334/ce.14.4.100802. EDN UZVNMR.
31. *Бормотова Т. М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2017. С. 15–20. (Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 1). EDN WUMAAD.
32. *Бреев Б. Д.* Безработица в современной России. М.: Наука, 2005. 269 с. ISBN 5-02-033411-1.
33. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
34. *Бурда М. А.* Миграционная политика России: российский рынок труда иностранной рабочей силы // Фундаментальные исследования. 2014. № 9 (3). С. 673–677. EDN SKFIDP.
35. *Вакуленко Е. С.* Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. Т. 50, № 4. С. 89–83. EDN VKADOL.
36. *Варшавер Е. А.* Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318–363. DOI 10.14515/monitoring.2017.6.04. EDN YLYOGK.
37. *Васильева А. В.* Методика оценки эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионе: разработка и реализация // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58. С. 260–286. EDN WZQXQR.
38. *Васильева А. В.* Оценка эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 38 (413). С. 20–32. EDN ULQSCH.
39. *Васильева А. В.* Программное моделирование трудовой миграции, воспроизводства населения и экономического развития регионов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 389–411. EDN ZRWCWV.
40. *Васильева Е. Н.* Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) / Е. Н. Васильева, Т. К. Ростовская, А. Сулейманлы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 255–272. DOI 10.15688/jvolsu4.2021.2.20. EDN KTIERL.
41. *Вахненко Р. В.* Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф. (20–24 сент. 1994) / Рос. АН, Дальневост. отд-ние,

Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Благовещ. гос. политехн. ин-т; Уссурийск. гос. пед. ин-т; Хабаровск. гос. пед. ун-т. Владивосток, 1994. С. 110–111. EDN TOKNIF.

42. *Ващук А. С.* Трудовые мигранты из Узбекистана в приморье: власть — мигранты — принимающее сообщество (начало XXI в.) / А. С. Ващук, Г. Г. Ермак // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 194–210. DOI 10.24411/2658-5960-2020-10029. EDN LFWZFN.
43. *Верещагина А. В.* Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи / А. В. Верещагина, А. П. Бандурин, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 24–28. EDN XBVPLX.
44. *Винокурова А. В.* Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 95–104. EDN FLSFOU.
45. *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. М.: б.и., 1996. 151 с. (Научные доклады / Моск. центр Карнеги; вып. 11).
46. *Витковская Г. С.* Вынужденные мигранты в России. Беда или благо? // Человек и труд. 1995. № 11. С. 9–12.
47. *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2015. 516 с. ISBN 978-5-7598-1264-7.
48. *Вишневский А. Г.* Вызовы внутренней миграции / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php
49. *Вишневский А. Г.* Русский или прусский? Размышления переходного периода. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 384 с. ISBN 5-7598-0305-0.
50. *Вишневский Ю. Р.* Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) / Ю. Р. Вишневский, М. В. Ячменева // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141. DOI 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141. EDN XPCVPF.
51. *Волкова О. А.* Профессиональная маргинализация в условиях глобального экономического кризиса // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 3. С. 86–94. С. 86. EDN LPTVWY.
52. *Волосенкова Е.* Миграционная политика. Управление миграционными процессами / Е. Волосенкова, П. Кабаченко, Е. Тарасова // Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Центр миграционных исслед. при

содействии Программы поддержки высш. образования Ин-та Открытое О-во (Hesp Osi) и Бюро ЮНЕСКО в Москве; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодниковой, В. Мукомеля. М.: Адамантъ: Центр миграционных исслед., 2007. С. 213–236. ISBN 5-86103-046-4. EDN TVKXXD.

53. Всемирный доклад о старении и здоровье. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2015. 310 с. ISBN 978-92-4-456504-9.
54. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: в 3-х т. Т. 1 / В. М. Катцов, С. М. Семенов, А. Н. Кренке [и др.]; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет, 2014. 1008 с. ISBN 978-5-9631-0322-7. EDN UKLXXH.
55. *Выготский Л. С.* Психология. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 1006 с. ISBN 5-04-004708-8.
56. Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / В. А. Тишков, О. Д. Комарова, Н. А. Воронина и др.; отв. ред. В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук. М.: ИЭА, 1997. 308 с. ISBN 5-201-13725-3.
57. *Гареева И. А.* Социальные проблемы современной молодой семьи / И. А. Гареева, С. А. Косойкина, Д. С. Нам, Н. А. Огарева // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Т. 12. № 2. С. 254–259. EDN FWQNZZ.
58. Гендерная панорама современной России [монография] / В. Г. Доброхлеб [и др.]; отв. ред. В. Г. Доброхлеб, З. А. Хоткина, М. В. Беликова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с. ISBN 978-5-89697-389-8. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022.
59. *Глушкова В. Г.* Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // Вестник финансового университета. 2014. № 3. С. 14–25. EDN SGMFWB.
60. *Глушкова В. Г.* Региональные особенности реализации государственной миграционной политики в России / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // Финансы: теория и практика. 2012. № 2 (68). С. 73–78. EDN OXDIWT.
61. *Гневашева В. А.* Модели миграции // Социология и право. 2020. № 3. С. 6–11. DOI 10.35854/2219-6242-2020-3-6-11. EDN YZXWRY.
62. *Гневашева В. А.* Новые режимы воспроизводства и миграции трудовых ресурсов // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 8. Порядковый номер: 37. DOI 10.55186/2413046X_2022_7_8_480. EDN KWCTCB.
63. *Гольцова Е. В.* Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости / Е. В. Гольцова, Я. А. Лещенко // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130. EDN LTOKOV.
64. *Григорьева Н. С.* Ограничения и возможности для достижения целей Национального проекта «Здравоохранение» в борьбе с сердечно-

сосудистыми заболеваниями в условиях современной модели государственного устройства / Н. С. Григорьева, А. Е. Демкина // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 258–278. DOI 10.24411/2070-1381-2019-10012. EDN ZUGWIS.

65. *Гриценко Г. Д.* Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки. 2014. № 6(7). С. 2. EDN SFVQRH.
66. *Дацышен В. Г.* Проблемы семьи и социального положения студентов на примере советских востоковедов / В. Г. Дацышен, Т. К. Ростовская // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 68–79. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-68-79. EDN LXYNXV.
67. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 79 с. ISBN 978-5-907057-98-2. EDN TRHGUC.
68. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве: монография / К. С. Гаджиев и др.; отв. ред. К. С. Гаджиев, Э. Г. Соловьев; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. Москва: ИМЭМО РАН, 2006. 141 с. ISBN 5-9535-0105-6. EDN QOPCJN.
69. Дискриминация женщин Беларуси в трудовой сфере. Альтернативный отчет о соблюдении Конвенции по ликвидации дискриминации женщин Республикой Беларусь / Антидискриминационный центр «Мемориал» при информационной поддержке центра «Ее права» для 65-й сессии КЛДЖ ООН, 2016. 12 с.
70. *Доброхлеб В. Г.* Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС / В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондакова // Женщина в российском обществе. 2022. № S1. С. 4–18. DOI 10.21064/WinRS.2022.0.1. EDN WALVKR.
71. *Доброхлеб В. Г.* Современные факторы ухудшения демографической ситуации в России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 декабря 2015 г.) / отв. ред.-сост.: С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная. М.: Изд-во «Экономическое образование», 2015. С. 13–17. EDN UWIPHH.
72. *Довгалева И. В.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана: результаты включенного наблюдения // Инновационная наука. 2015. № 10–2. С. 250. EDN SLSHLK.
73. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации / Е. М. Акентьева, Е. И. Александров, Г. В. Алексеев [и др.]; под ред. В. М. Катцова; Федеральная служба по гидрометеорологии

и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова. Санкт-Петербург, 2017. 106 с. ISBN 978-9500833-1-5. EDN NTXQWA.

74. Доклад о мировом развитии 2009: Новый взгляд на экономическую географию. Вашингтон: Всемирный банк, 2008. 404 с. ISBN 978-0-8213-7607-2.
75. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2019. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2019. 61 с. ISBN 978-92-1-047892-2.
76. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2021 год / Е. И. Александров [и др.]; Росгидромет. Москва, 2022. 104 с. ISBN 978-5-906099-58-7.
77. *Друзяка А. В.* Российско-китайский туристический обмен и возрождение приграничной «народной торговли» в период 1988–1990-х гг. / А. В. Друзяка, Е. Н. Корнейчук, И. А. Попова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции / М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Благовещенский гос. пед. ун-т»; редкол.: А. В. Друзяка (отв. ред.) и др. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 69–73. EDN ZHDQCD.
78. *Дудченко Г. Б.* Отраслевая и территориальная структура китайской трудовой миграции в России на современном этапе // Российское Приморье и Китайская Народная Республика на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса, 1999.
79. *Егорова Е. Н.* Программы и стратегии развития миграционной политики Европейского союза: практика их реализации // Миграционное право. 2018. № 4. С. 17–20. EDN YMNWMH.
80. *Жестянников С. Г.* Формирование эффективных механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в современных условиях: опыт Вологодской области / С. Г. Жестянников, И. В. Екимов, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 53–57. EDN ULSXQL.
81. *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с. ISBN 978-5-9950-0294-9.
82. *Журавлева И. В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 237 с. ISBN 5-02-035368-X.
83. *Зайончковская Ж.* Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. М.: б.и., 1996. 151 с. (Научные доклады / Моск. центр Карнеги; вып. 11).

84. *Зайончковская Ж. А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 22–34. EDN OFVSHF.

85. *Залкинд А. Б.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви: В 2 т. / сост. А. А. Ивин; предисл. Д. П. Горского, А. А. Ивина. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. С. 224–255. ISBN 5-250-01393-7.

86. *Захаров С. В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

87. *Захаров С. В.* Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 12–13. EDN YNVXPN.

88. *Земцов С. П.* COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России / С. П. Земцов, В. Л. Бабурин // Известия Российской академии наук (серия географическая). 2020. Т. 84, № 4. С. 485–505. DOI 10.31857/S2587556620040159. EDN AYWGPU.

89. *Зотова Н.* Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. С. 94–101. С. 101. EDN HGMAHT.

90. *Иванова А. Е.* Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России / А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). С. 1. EDN ZSVYFB.

91. *Иванова А. Е.* Потребность населения в долголетии и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 120–129. EDN PWUQRJ.

92. *Иванова А. Е.* Старт национальных проектов в сфере демографии и здравоохранения: региональные особенности // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66, № 5. С. 4. DOI 10.21045/2071-5021-2020-66-5-4. EDN LEPFCD.

93. *Иванова М. М.* Социальное положение женщин-мигрантов в России // Социальное обслуживание семей и детей. 2020. № 19. С. 88–98. С. 96. EDN EZOWAU.

94. *Ивахнюк И., Дауров Р.* Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски // Миграция в России, 2000–2012: хрестоматия: т. 1, ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / Российский совет по международным делам; гл. ред. И. С. Иванов; сост. Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова. М.: Спецкнига, 2013. 878 с. ISBN 978-5-91891-075-7.

95. *Илимбетова А. А.* Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии

наук. 2021. № 2. С. 144–155. DOI 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. EDN TSSPGZ.

96. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева [и др.]; под ред. М. А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с. ISBN 978-5-98269-266-5. EDN WCLEPY.
97. *Ионцев В. А.* Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах / В. А. Ионцев, А. Г. Магомедова // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102. DOI 10.17059/2015-3-8. EDN UISFRL.
98. *Ионцев В. А.* Международная миграция населения в контексте демографической теории / В. А. Ионцев, Ю. А. Прохорова // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3(193). С. 83–91. EDN SOBTOD.
99. *Исакова Ж. К.* Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья женщин-мигрантов (обзор литературы) / Ж. К. Исакова, Г. Д. Бейшенбиева // Вестник КГМА им. И. К. Ахунбаева. 2015. № 1. С. 43–48. EDN TMVCGT.
100. *Исакулов Ш. Н.* Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 161–174. DOI 10.19181/population.2021.24.4.13. EDN JKUQJC.
101. *Кадыркулова Ж. К.* Трудовая миграция в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 186–189. EDN YSUNCX.
102. *Казенин К. И.* Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан / К. И. Казенин, Э. Ш. Идрисов, М. М. Имашева // Женщина в российском обществе. 2018. № 2 (87). С. 75–88. DOI 10.21064/WinRS.2018.2.7. EDN XPBFJZ.
103. *Карамзина А. Г.* Системный анализ и моделирование процесса разработки программ дополнительного профессионального образования / А. Г. Карамзина, С. В. Сильнова // Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2021. № 2. С. 94–98. DOI 10.17308/sait.2021.2/3507. EDN EOFFJW.
104. *Карманов М. В.* Демографическая безопасность: теория, методология, оценка / М. В. Карманов, О. В. Кучмаева, О. Л. Петрякова // Экономика, Статистика и Информатика. Вестник УМО. 2015. № 4. С. 123–128. EDN ULFJMR.
105. *Кельчевская Н. Р.* Интеграция образовательных и профессиональных стандартов в условиях реформирования: проблемы и пути решения / Н. Р. Кельчевская, Е. В. Ширинкина // Университетское управле-

ние: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 1. С. 16–25. DOI 10.15826/umpa.2018.01.002. EDN XODKLZ.

106. *Киреев Е. Ю.* Армянская молодежь в России в период пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140) С. 87–90. DOI 10.17922/2071-3665-2021-20-3-87-98. EDN SLLKJF.
107. Китайская Народная Республика...: политика, экономика, культура: ежегодник / Кол. авт.; Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1970–...
108. Клиническая психология. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. Д. Твороговой. 2-е изд. М.: Практическая медицина, 2016. 608 с. ISBN 978-5-9292-0136-3.
109. *Клупт М.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 34–56. EDN TLMUWF.
110. *Клупт М. А.* Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60–70. EDN MTHAJR.
111. *Клупт М. А.* Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149. EDN OOVGVX.
112. *Кобозева Н. Н.* Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Кобозева Наталья Николаевна; науч. рук. Т. Ф. Маслова; Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 184 с.
113. *Ковальчук О. В.* Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43, № 2. С. 349–360. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-2-349-360. EDN XSBPVJ.
114. *Кованова Е. С.* Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции / Е. С. Кованова, Е. П. Тенетова, Н. А. Эльдяева // Вестник университета. 2019. № 1. С. 128–131. DOI 10.26425/1816-4277-2019-1-128-131. EDN VWAWUM.
115. *Козлова О. А.* Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты / О. А. Козлова, В. Н. Архангельский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 845–855. DOI 10.31857/S0869587321090061. EDN NENHJW.
116. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение: избранные произведения: в 2-х кн. / Н. Д. Кондратьев; сост. В. В. Симонов; РАН, Институт экономики; Международный фонд Н. Д. Кондратьева. М.: Наука, 1993. ISBN 5-02-012125-8.
117. *Кононкова Н. В.* Международные политические связи Амурской области с сопредельными территориями КНР // Вестник АмГУ. 1997. № 2. С. 18–20.

118. *Кононов Л. А.* Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы / Л. А. Кононов, В. Ю. Леденева // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103–112. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. EDN BDHOAF.

119. *Корнилов М. Н.* Оцу Садаеси: Представляет ли угрозу миграция китайской рабочей силы на российский дальний восток? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 10: Китаеведение. Реферативный журнал. 2002. № 4. С. 89–92. EDN BBWRZD.

120. *Коровкин А. Г.* Количественная оценка соотношения циклической, фрикционной и структурной безработицы в России / А. Г. Коровкин, В. А. Шурпиков // Научные труды ИНП РАН. 2018. Т 16. С. 163–176. DOI 10.29003/m259.sp_ief_ras2018/163-176. EDN SETJEE.

121. *Коулмен Д.* Третий демографический переход // Демоскоп Weekly. 2007. № 299–300. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php

122. *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / Е. С. Красинец; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. М.: Наука, 1997. 191 с. ISBN 5-02-013609-3.

123. *Красинец Е. С.* О миграционной политике России в области трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 3. С. 139–152. DOI 10.18334/migration.1.3.38088. EDN ZDDRMT.

124. *Куклин А. А.* Социально-демографическая безопасность регионов России: проблемы диагностики и прогнозирования / А. А. Куклин, А. В. Черепанова, Е. В. Некрасова // Народонаселение. 2009. № 2. С. 121–133. EDN OCBDIB.

125. *Куклин А. А.* Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–1. С. 142–145. EDN SDZBPH.

126. *Куричев Н. К.* Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. № 4 (34). С. 3–16. EDN OXLQQT.

127. *Кучмаева О. В.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 85–90. EDN UCQHSB.

128. *Кучмаева О. В.* Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С. В., д.с.н. Ростовской Т. К., д.с.н. Зубок Ю. А. М.: Экон-информ, 2019. С. 82–87. EDN YTWKLZ.

129. *Кучмаева О. В.* Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования / Кучмаева О. В., Золотарева О. А. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 135–149. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-135-149. EDN XURWKG.

130. *Кучмаева О. В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования / О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 20 (3). С. 527–545. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545. EDN MMCWJT.

131. *Лайкам К. Э.* Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 5. С. 49–57. DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-5-49-57. EDN INWTKD.

132. *Лаппо Г. М.* География городов. М.: Гуманитар. изд. центр «Владос», 1997. 478 с. ISBN 5-691-00047-0.

133. *Лаппо Г. М.* Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.

134. *Левашов В. К.* Российское общество и государство в условиях пандемии / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] // Россия: Центр и регионы: сборник статей / Отв. ред. В. Н. Иванов, Х. В. Дзуцев; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. Вып. 28. С. 7–46. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-345-4.2021.1. EDN LURRSU.

135. *Леденева В. Ю.* Опыт работы этнических сообществ, содействующих социальной адаптации и интеграции мигрантов // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: Издательство ООО Объединенная редакция, 2020. С. 188–190. EDN DZBDWK.

136. *Леденева В. Ю.* Эффективность реализации политики адаптации мигрантов, направленной на противодействие этнической сегрегации // V Нижневолжские чтения «Социально-политические, экономические и демографические аспекты развития современного общества»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 8–9 окт. 2021 г. / редкол.: В. А. Дзедик (отв. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. С. 92–97. С. 92. ISSN 978-5-9669-2138-5.

137. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. I. М.: Книга по требованию, 2021. 392 с. ISBN 978-5-458-36861-2.

138. *Листенгурт Ф. М.* Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Серия географическая. 1975. № 1. С. 41–49.

139. *Логинов Д. М.* Дистанционная занятость в период коронавируса: масштабы распространения и результативность внедрения / Д. М. Логинов,

М. В. Лопатина // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 107–121. DOI 10.19181/population.2021.24.4.9. EDN IIRGXC.

140. *Локтюхина Н. В.* Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России / Н. В. Локтюхина, Е. А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 80–95. DOI 10.19181/lsprr.2020.16.4.7. EDN YMHGUS.
141. *Ломоносов М. В.* О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с. ISBN 978-5-902725-88-6.
142. *Лукьянец А. С.* Социально-экономические и демографические последствия климатических изменений в прибрежных районах Вьетнама / А. С. Лукьянец, Т. Ш. Ле // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 19–20 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Антипова (гл. ред.), А. П. Безрученок, А. В. Дыдышко. Минск: БГУ, 2022. С. 190–192. ISBN 978-985-881-260-7. EDN UHCWQC.
143. *Лялина А. В.* Теоретические аспекты оценки и моделирования влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории / А. В. Лялина, И. М. Наумцева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 153–156. EDN VRAPUL.
144. *Магун В. С.* Молодежь: высокие притязания и новые стратегии / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Менеджер по персоналу. 2008. № 9. С. 6–16.
145. *Макарова Л. В.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 95–100.
146. *Макконелл К. Р.* Экономикс / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю. М.: Республика, 1992. 399 с. ISBN 5-250-01534-4.
147. *Метелев С. Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Метелев Сергей Ефимович; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 2006. 52 с.
148. Мировая статистика здравоохранения, 2020 г: мониторинг показателей здоровья в отношении ЦУР, целей в области устойчивого развития. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. 77 с. ISBN 978-92-4-001197-7.
149. *Монастырская Т. И.* Образ молодой семьи в представлении студентов / Т. И. Монастырская, А. В. Цветкова // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–3. С. 91–96. EDN TMLHXZ.
150. Мониторинг выполнения обязательств по борьбе с неинфекционными заболеваниями в Европе. Основная тема: индикаторы прогресса. Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения, Европейское региональное бюро, 2017. 27 с.

151. *Морозова Г. Ф.* Влияние миграции на формирование рынка труда // Социологические исследования. 1993. № 5.

152. *Мотрич Е. Л.* Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX В. До середины 1980-х гг. / Е. Л. Мотрич, С. А. Кравчук // Вестник Дальневосточного отделения академии наук. 2006. № 6 (130). С. 120–128. EDN HZMSTD.

153. *Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4 (36). С. 186–204. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8614. EDN ENAWUT.

154. *Мукомель В. И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты / В. И. Мукомель; Ин-т социологии РАН. М.: Диполь-Т, 2005 (ГУП Коломен. тип.). 350 с. ISBN 5-901144-15-5. EDN QOPBGR.

155. Население и кризисы. Вып. 2 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Экономический фак.; под ред. Б. С. Хорева. М.: Ассоц. «Гуманитарное знание», 1996. 108 с. ISBN 5-89209-023-X.

156. Население России 1997: Пятый ежегодный демографический доклад / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека; ред. А. Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 1998. 144 с.

157. *Насонов Д. В.* Климатические риски и адаптация земледелия // Сельскохозяйственные вести. 2011. № 1. С. 36–37.

158. *Нацун Л. Н.* Оценка показателей общественного здоровья в России в контексте выполнения целей устойчивого развития ООН // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 4. С. 5–13. DOI 10.17922/2071-3665-2019-18-4-5-13. EDN QUJAUD.

159. Неинфекционные заболевания: информационный бюллетень о Целях в области устойчивого развития (ЦУР): задачи, связанные со здоровьем. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2018. 11 с.

160. *Немцов А. В.* Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России / А. В. Немцов, Р. В. Гридин // Общественное здоровье. 2021. № 1 (2). С. 28–47. DOI 10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49. EDN HJYKYI.

161. *Нефедова Т. Г.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23. EDN ZDREZZ.

162. *Новоселова С. В.* Основы демографии: пособие для государственных служащих / С. В. Новоселова, М. Б. Денисенко; ред. С. В. Лапина; Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Минск: ООО «Альтиора — живые краски», 2012. 133 с. ISBN 978-5-9908353-2-0. EDN VMWKZA.

163. *Одегов Ю. Г.* Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть первая) / Ю. Г. Одегов, А. Е. Разинов // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 9–20. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.1.1. EDN ULHAMX.

164. *Одегов Ю. Г.* Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть вторая) / Ю. Г. Одегов, А. Е. Разинов // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 2. С. 216–227. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.2.5. EDN YFRYWZ.

165. *Омран А. Р.* Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 177–216. EDN AWGHUZ.

166. *Осадчая Г.* Адаптационный потенциал молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве / Г. Осадчая, Е. Киреев, Е. Киселева, А. Черникова // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 4. С. 126–139. DOI 10.37178/ca-c.21.4.11. EDN MYUYYG.

167. *Осадчая Г. И.* Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–235. DOI 10.15838/esc.2022.3.81.12. EDN RGRTSF.

168. *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021. EDN FJASSX.

169. *Осадчая Г. И.* Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационные стратегии / Г. И. Осадчая, И. В. Лескова, Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 135–145. DOI 10.17922/2071-3665-2021-20-3-135-145. EDN TBJRDQ.

170. *Осадчая Г. И.* Межнациональные отношения мигрантов — граждан государств Евразийского экономического союза в московском мегаполисе / Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Лескова И. В., Киреев Е. Ю. // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 2 (135). С. 98–106. DOI 10.17922/2071-3665-2020-19-2-98-106. EDN EOXLAN.

171. *Осадчая Г. И.* Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве / Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 129–148. DOI 10.21064/WinRS.2021.2.10. EDN FCTDZY.

172. *Осадчая Г. И.* Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 46–59. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-46-59. EDN ATUSYW.

173. Основы теории систем и системного анализа: учебное пособие для студентов очной и заочной форм обучения, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров, магистров / Б. Г. Ильясов, И. Б. Герасимова, Е. А. Макарова [и др.]; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный авиационный технический университет». Уфа: РИК УГАТУ, 2017. 292 с. ISBN 978-5-9912-0249-7. EDN RBAXET.

174. *Павлов Ю. М.* Региональная политика капиталистических государств. М.: Наука, 1970. 388 с.
175. *Панеш Э. Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции: (На примере Зап. Кавказа). СПб.: Европ. Дом, 1996. 302 с. ISBN 5-85733-046-7.
176. *Панова Е. А.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) / Е. А. Панова, Е. В. Андрюшина, Н. С. Григорьева // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 246–273. DOI 10.24411/2070-1381-2019-10027. EDN YPWKRU.
177. *Переслегин С. Б.* VI технологический уклад: пространство возможностей // Экономические стратегии. 2019. № 3. С. 24–33. DOI 10.33917/es-3.161.2019.24–33. EDN MALWFM.
178. *Петров В. Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России / В. Н. Петров; М-во образования Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004 (Тип. ООО «Просвещение-Юг»). 265 с. EDN QOOYFB.
179. *Пешкова В.* Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы / В. Пешкова, А. Рочева // Демоскоп Weekly. Электронный журнал. 20 мая — 2 июня 2013. № 555–556. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0555/analit03.php.
180. *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2. С. 129–151. EDN TPUAPP.
181. *Пилька М. Э.* Глобальные города США как центры размещения иностранных транснациональных корпораций: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Пилька Мартин Эдуардович; науч. рук. Н. И. Слука; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2017. 25 с.
182. *Пилясов А. Н.* Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17. EDN OBUKVD.
183. *Пирожков С.* Украина и Россия в демографическом измерении / С. Пирожков, Г. Сафарова // Демоскоп Weekly. Электронный журнал. 1–24 января 2010. № 405–406. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/tema04.php
184. *Пономарев Н. В.* Обзор кустарных промыслов России: сост., по поручению М-ва земледелия и гос. имуществ, чл.-делопроизводителем Кустар. ком. означ. М-ва Н. В. Пономаревым, под ред. Д. А. Тимиря-

зева / М. З. и Г. И. Санкт-Петербург: Паровая скоропеч. М. М. Гутзац, 1902. 150 с.

185. *Попова С. М.* Измерения прогресса / С. М. Попова, С. М. Шахрай, А. А. Яник; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исследований. М.: Наука, 2010. С. 136–138. ISBN 978-5-02-037108-8. EDN SXUOQD.
186. *Портяков В.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 39–49.
187. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1985-1. EDN STOTFS.
188. *Рачипа А. В.* «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде / А. В. Рачипа, С. И. Самыгин, А. В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 122–126. EDN WMIHQJ.
189. *Ревич Б. А.* Новая эпидемиологическая модель по оценке воздействия аномальной жары и загрязненного атмосферного воздуха на смертность населения (на примере Москвы 2010 г.) / Б. А. Ревич, Д. А. Шапошников, Г. Першаген // Профилактическая медицина. 2015. Т. 18, № 5. С. 29–33. EDN VJGHTR.
190. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию: монография / М. Алексеев и др.; науч. ред. С. В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 350 с. EDN SDOOPZ.
191. Региональный рынок труда в условиях социально-экономической трансформации российской экономики (на материалах Южного Федерального округа) / под ред. П. В. Акинина, С. В. Степановой. Сервисшкола, 2002. 368 с.
192. *Резаев А.* Транснациональные мигранты в пространстве современного города / А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 254–275. DOI 10.17323/1728-192X-2020-2-254-275. EDN EBAAHL.
193. *Реэр Д.* Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 41–67. EDN TTGXTX.
194. *Римашевская Н. М.* «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
195. *Ростовская Т. К.* Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22–31. DOI 10.21064/WinRS.2022.1.2. EDN YTJZQV.
196. *Ростовская Т. К.* Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 6–18. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18. EDN SWXZSE.

197. *Ростовская Т. К.* Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, Л. А. Давлетшина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 55–72. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.4. EDN LUBLQN.

198. *Ростовская Т. К.* Институциональные основы становления и развития студенческой семьи как ресурса демографического развития России / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179. EDN XVZFAX.

199. *Ростовская Т. К.* Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, Е. А. Князькова // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 103–117. DOI 10.22394/2304-3369-2021-1-103-117. EDN CGPHOI.

200. *Ростовская Т. К.* Информационное поле формирования самосохранительного и репродуктивного поведения акторов (по результатам контент-анализа СМИ) / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Информационное общество. 2022. № 5. С. 99–105. DOI 10.52605/16059921_2022_05_99. EDN BSSBIQ.

201. *Ростовская Т. К.* Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева, Е. Н. Васильева // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2. С. 214–229. DOI 10.18255/2412-6519-2022-2-214-229. EDN YVYAYE.

202. *Ростовская Т. К.* На пути к возрождению демографического образования в современной России / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 1. С. 3–14. DOI 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1. EDN IOQXTI.

203. *Ростовская Т. К.* Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты Всероссийского исследования / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 236–248. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.1.20. EDN EVHTAO.

204. *Ростовская Т. К.* Профессиональный стандарт «Демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 128–142. DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8865. EDN URGDIW.

205. *Ростовская Т. К.* Профессиональный стандарт «Демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала / Т. К. Ро-

стовская, О. А. Золотарева // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 2. С. 82–95. DOI 10.19181/snsp.2021.9.2.8106. EDN FKORYY.

206. *Ростовская Т. К.* Разработка инструментария для проведения контент-анализа федеральных и региональных СМИ в России по вопросам отражения демографической ситуации и политики / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, Е. А. Князькова, Е. О. Данилова // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 2. С. 56–73. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2020.2.6. EDN ELZPBY.
207. *Ростовская Т. К.* Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России / Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 2. С. 7–16. С. 7. DOI 10.20339/AM.02-22.007. EDN RQINGL.
208. *Ростовская Т. К.* Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 73–81. EDN TLWAAU.
209. *Ростовская Т. К.* Студенческая семья — ресурс демографического развития России // Ректор ВУЗа. 2022. № 5. С. 4–9. EDN NTTVUY.
210. *Ростовская Т. К.* Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, О. В. Кучмаева, С. А. Судьин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 430–436. DOI 10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436. EDN HMLUNJ.
211. *Рочева А. Л.* «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 367–380. С. 367. EDN TMZWQF.
212. *Рочева А. Л.* Исследование позиций «Карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50. EDN TZKIED.
213. *Рыбаковский Л. Л.* Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М.: Экон-Информ, 2003. 55 с. ISBN 5-9506-0047-9.
214. *Рыбаковский Л. Л.* Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 89–95.
215. *Рыбаковский О. Л.* Миграционная политика современной России: структура и направления / О. Л. Рыбаковский, С. В. Мартыненко // Народонаселение. 2013. № 2 (60). С. 51–62. EDN QILJMX.
216. *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.

217. *Рязанцев С. В.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, С. Н. Перемышлин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53–65. DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5. EDN HRVZXP.

218. *Рязанцев С. В.* Демографическая цена лесных пожаров лета 2010 года в России // Сборник научно-популярных статей победителей конкурса РФФИ 2011 года. Вып. 15 / под ред. чл.-корр. РАН В. А. Шахнова. М.: Молнет, 2012. С. 321–332. ISBN 978-5-9903422-5-5.

219. *Рязанцев С. В.* Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России / С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 23–30. DOI 10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30. EDN CPXGPX.

220. *Рязанцев С. В.* Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI 10.19181/demis.2021.1.4.1. EDN HNFXKJ.

221. *Рязанцев С. В.* Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819. DOI 10.31857/S0869587321090085. EDN VHNSDJ.

222. *Рязанцев С. В.* Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19 / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 150–152. DOI 10.31857/S013216250019220-5. EDN TTRYKU.

223. *Рязанцев С. В.* Российский региональный индекс интеграции мигрантов: теоретическое обоснование и практические подходы / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, В. И. Скоробогатова, З. К. Вазиров, А. В. Смирнов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2018. № 6. С. 5–19. DOI 10.26653/2076-4650-2018-6-01. EDN ZHCWXR.

224. *Рязанцев С. В.* Социально-экономическое положение и правовой статус кыргызских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС / С. В. Рязанцев, А. А. Байков, В. М. Морозов // Миграционное право. 2019. № 1. С. 3–8. EDN YZRAGT.

225. *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Формула права, 2007. 572 с. ISBN 978-5-8467-0049-9. EDN QSOKDX.

226. *Рязанцев С. В.* Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику / С. В. Рязанцев, З. К. Вазиров, С. Ю. Сивоплясова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 7–20. DOI 10.17213/2075-2067-2021-6-7-20. EDN GDEEUR.

227. *Сабгайда Т. П.* Тенденция смертности Российского населения от сахарного диабета / Т. П. Сабгайда, Д. О. Рощин // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2014. Т. 39, № 5. EDN TBGCHJ.

228. *Сакаев В. Т.* Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 2 (164). С. 141–153. EDN ZAYWCL.

229. Святая Русь. Русская литература: большая энциклопедия русского народа / гл. ред. и сост. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2004. 1101 с. ISBN 5-902725-01-1. EDN RVIMCT.

230. *Се Линь.* Проблемы китайской трудовой миграции в Забайкальском крае // Проблемы социально-культурной адаптации интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона:материалы международной научно-практической конференции, Чита, 15 апреля 2016 г. / редкол.: Л. Б. Ковальчук (науч. ред.) и др. Иркутск:Изд-во БГУ, 2016. С. 98–102. EDN WELAAR.

231. *Семенова В. Г.* Обратный эпидемиологический переход в России. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. 270 с. ISBN 5-98201-007-5. EDN QLMKMX.

232. *Семенова В. Г.* Первые последствия пандемии COVID-19 в мегаполисе: рост алкоголизма и наркомании как результат социального стресса / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, Г. Н. Евдокушкина // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / отв. ред. Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 184–188. DOI 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.40. EDN HPNQLS.

233. Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930): [сборник] / отв. ред. А. А. Николаев; сост.: А. А. Николаев, В. А. Ильиных, Л. С. Пащенко. М.: Academia, 2008. 718 с. ISBN 978-5-87444-286-6.

234. *Сигарева Е. П.* Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плес, 16–18 мая 2019 г. / Ред. совет: О. А. Хасбулатов (отв. ред.) и др. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 281–287. EDN KDLIPI.

235. *Сиденко А. Г.* Обеспечение экономической безопасности мегаполиса инструментами миграционной политики: на примере г. Санкт-Петербурга: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Сиденко Александр Георгиевич; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. Санкт-Петербург, 2014. 23 с.

236. *Силантьева В. А.* Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая

и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3–1. С. 22–27. DOI 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-22-27. EDN WGXYLD.

237. *Слука Н. А.* Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов / Н. А. Слука, В. В. Карякин, Е. Ф. Колясев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 1. С. 203–226. DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11. EDN SCLRJH.
238. *Смирнов А. Г.* Народные способы заключения брака: Чит. в заседании юрид. о-ва 28 марта 1878 г. М.: Типография К. Индриха, ценз. 1878. 33 с.
239. *Смирнов А. Г.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. 259 с.
240. *Соболева С. В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153. EDN XIRSQR.
241. *Соболева С. В.* Положение мигрантов на сибирском рынке труда: оценка экспертов // Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России: сборник статей / гл. ред. В. А. Ионцев. М.: ТЕИС, 2005. С. 67–74. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир; вып. 14). ISBN 5-7218-0810-1. EDN ZGREIJ.
242. *Содномпилова М. М.* Тотальный контроль или вседозволенность: положение женщины-мигрантки в Байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 18. С. 116–122. EDN WNDMCH.
243. *Сугоняев К. В.* Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 2. С. 57–75. DOI 10.19181/demis.2022.2.2.5. EDN GMBQSS.
244. *Султонова Т. И.* Защита прав женщин-мигрантов как наиболее уязвимой категории лиц // Юридический вестник. 2021. № 3 (7). С. 118–122. С. 118.
245. *Сущий С. Я.* Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы: (геодемографический аспект) / С. Я. Сущий; Федеральный исследовательский центр, Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2019. 342 с. ISBN 978-5-4358-0181-1.
246. *Сюпова М. С.* Демографическая политика: опыт зарубежных стран // Ученые заметки ТОГУ. 2018. № 9 (1). С. 272–278. EDN UQVDDG.
247. *Тарасов А. П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей / А. П. Тарасов; Забайк. гос. пед. ун-т. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с. ISBN 5-9566-0026-8. EDN QOWEHB.
248. *Тарханова Е. С.* Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 187–193. EDN TZVETL.

249. *Терновский И.* В Советском Союзе в 20-е годы вполне легально существовало движение «Долой стыд» // Троицк литературный: литературно-критический журнал / ред. кол.: А. Мильков и др. Троицк: Тровант, 2007. № 2. 28 с.

250. *Ткаченко А. А.* История и современные проблемы преподавания курса «Демография»: российская специфика // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. С. 195–203. EDN SDZQOC.

251. *Тойнби А. Д.* Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии / А. Тойнби; пер. с англ. с предисл. А. И. Чупрова. М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1898. 331 с.

252. *Топилин А. В.* Миграция и сбалансированность региональных рынков труда // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 79–96. DOI 10.18334/migration.1.2.38084. EDN ZDDRLF.

253. *Топилина А. В.* Социокультурные аспекты интеграции мигрантов в Российское общество // Философия права. 2021. № 4 (99). С. 107–111. EDN XJKJDO.

254. Трудные вопросы отечественной истории: учебно-методическое пособие / Д. М. Володихин, Г. А. Елисеев, О. И. Елисеева, А. А. Музафаров; под ред. Д. М. Володихина. М.: НБФ «Наследие», 2018. 288 с. EDN RNTVYJ.

255. *Тюрин Г. В.* Как поднять нашу глубинку: локальная экономика в России и в мире / Г. В. Тюрин, В. Г. Тюрин. Санкт-Петербург: Живая провинция, 2018. 307 с. ISBN 978-5-6041434-0-7.

256. *Уварова Н. Н.* Современное студенчество и его ценностное отношение к семье // Прикладная психология и психоанализ. 2012. № 3. EDN QBNIQZ.

257. *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 310 с.

258. *Флоринская Ю. Ф.* Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 78–90. DOI 10.47711/0868-6351-190-78-90. EDN UHKZIA.

259. *Фурман Е. Г.* Поражение нижних дыхательных путей и легких при коронавирусной инфекции COVID-19 у детей и взрослых: сходства и отличия (обзор литературы) / Е. Г. Фурман, М. Н. Репецкая, И. П. Корюкина // Пермский медицинский журнал. 2020. Т. 37, № 2. С. 5–14. DOI 10.17816/pmj3725-14. EDN QWOJDW.

260. *Хабриева Т. Я.* Роль субъектов Российской Федерации в государственном управлении в сфере миграции // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 3–16. EDN NTZPQV.

261. *Халтаев Н. Г.* Как достичь целей устойчивого развития ООН в области неинфекционных заболеваний к 2030 г., по данным исследований в 49 странах / Н. Г. Халтаев, С. В. Аксельрод // Общественное здоровье. 2021. Т. 1, № 3. С. 13–25. DOI 10.21045/2782-1676-2021-1-3-13-25. EDN KYRMCC.

262. *Халтурина Д. А.* Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России / Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев; Российская академия гос. службы при Президенте Российской Федерации, Каф. орг. социальных систем и антикризисного упр., Российская акад. наук, Центр цивилизационных и региональных исслед. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 127 с. ISBN 978-5-397-03414-2.

263. *Храмова М. Н.* Реакция российского рынка труда на «первую» и «вторую» волны пандемии COVID-19 / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 61–73. DOI 10.26653/2076-4650-2021-3-05. EDN TXHBJB.

264. *Ци С.* Женская миграция в азиатских обществах как механизм эмансипации // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 1714–1716. EDN HFSGAD.

265. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд., заново перераб. и доп. М.: Книгосоюз, 1927. V, 383 с.

266. *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства / проф. А. Н. Челинцев; Харьковский обл. союз с.-х. кооперативов; отд. орг. хоз-ва. Харьков: Агрономия, 1919. 177 с.

267. *Чернова К. В.* Развитие демографического образования в высших учебных заведениях России / К. В. Чернова, Е. Б. Бедрина // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 4. С. 125–139. DOI 10.19181/population.2020.23.4.12. EDN TBURVT.

268. *Чупров А. И.* Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельною общиною // Речи и статьи. Т. I. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1909. 548 с.

269. *Шабунова А. А.* Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Шабунова Александра Анатольевна; Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. М., 2011. 42 с.

270. *Шафаревич И. Р.* Русофобия; Две дороги — к одному обрыву. М.: Товарищество рус. художников, 1991. 142 с. ISBN 5-85025-019-0.

271. *Шафаревич И. Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 932 с. ISBN 978-5-902725-62-6.

272. *Шахотько Л. П.* Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. Минск: Беларуская навука, 2009. 437 с. ISBN 978-985-08-1109-7.

273. *Шилова Л. С.* Самосохранительное поведение пациентов в условиях модернизации первичной медицинской помощи: автореферат дис. ...

кандидата социологических наук: 22.00.04 / Шилова Людмила Сергеевна; Ин-т социологии РАН. М., 2012. 26 с.

274. *Щелакова В. А.* Оценка демографической ситуации для обеспечения национальной безопасности России / В. А. Щелакова, В. В. Негреева, А. Б. Салманов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 77–92. DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-3-77-92. EDN CMJQQT.
275. *Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 554 с. ISBN 5-7155-0035-4.
276. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1 / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние, Ин-т природ. ресурсов, экологии и криологии [и др.]; гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 114. ISBN 5020319724.
277. *Эренберг Р. Дж.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика / Р. Дж. Эренберг, Р. С. Смит; под науч. ред. Р. П. Колосовой и др. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 777 с. ISBN 5-211-03607-7.
278. *Юдина Т. Н.* Молодые трудовые мигранты из Кыргызстана в г. Москве: занятость, работа, оплата труда // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: Издательство ООО Объединенная редакция, 2020. С. 264–266. С. 266. EDN JHAGHO.
279. *Юрков Д. В.* Регулирование трудовой миграции: научный взгляд // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 115–117. EDN ULQYWL.
280. *Якшибаева Г. В.* Сущность трудовой миграции как экономической категории и ее значение для социально-экономического развития региона / Г. В. Якшибаева, У. А. Назарова // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 44–54. EDN XCGSHN.
281. *Яник А. А.* Механизмы корректировки государственной миграционной политики с учетом потребностей региональных рынков труда: институционально-правовые аспекты / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова, А. Ю. Нестеров // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 30–57. DOI 10.7256/2306-9945.2022.3.38474. EDN GDCZCQ.
282. *Abella M. I.* Commentary: Labor Migration Policy Dilemmas in the Wake of COVID-19 // International Migration. 2020. Vol. 58. P. 255–258. DOI 10.1111/imig.12746.
283. Alcohol Policy Impact Case Study. The Effects of Alcohol Control Measures on Mortality and Life Expectancy in the Russian Federation. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. 74 P. ISBN 9789289054379.

284. Ambient Air Pollution: A Global Assessment of Exposure and Burden of Disease. Geneva: World Health Organization, 2016. 121 P. ISBN 9789241511353.

285. *Anderson B.* Servants and Slaves: Europe's Domestic Workers // Race & Class. 1997. Vol. 39, No. 1. P. 37–49. DOI 10.1177/030639689703900104.

286. Assessing National Capacity for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases: Report of the 2019 Global Survey. Geneva: World Health Organization, 2020. 101 p. ISBN: 978-92-4-000231-9.

287. *Baccini M.* Heat Effects on Mortality in 15 European Cities / M. Baccini, A. Biggeri, G. Accetta [et al.] // Epidemiology. 2008. Vol. 19. No. 5. P. 711–719. DOI 10.1097/EDE.0b013e318176bfcd.

288. *Bairoch P.* Factors of Urbanisation in the Nineteenth Century Developed Countries: A Descriptive and Econometric Analysis / P. Bairoch, G. Goertz // Urban Studies. 1986. Vol. 23, No. 4. P. 285–305. DOI 10.1080/00420988620080351.

289. *Bauder H.* Labor Movement: How Migration Regulates Labor Markets. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p. ISBN 9780195180886.

290. *Beer T.* Environmental Risk Assessment: An Australian Perspective. Supervising Scientist Report 102 / T. Beer, F. Ziolkowski // Risk and Uncertainity in Environmental Management. Canberra: Office of the Supervising Scientist for the Alligator Rivers Region, 1995. 125 p. ISBN 0-642-24301-8.

291. *Bjerre L.* Conceptualizing and Measuring Immigration Policies: A Comparative Perspective / L. Bjerre, M. Helbling, F. Römer, M. Zobel // International Migration Review. 2015. Vol. 49, No. 3. P. 555–600. DOI 10.1111/imre.12100.

292. *Bourdrel T.* The Impact of Outdoor Air Pollution on COVID-19: A Review of Evidence from In Vitro, Animal, And Human Studies / T. Bourdrel, I. Annesi-Maesano, B. Alahmad // European Respiratory Review: An Official Journal of the European Respiratory Society. 2021. Vol. 30, No. 159. Article No. 200242. DOI 10.1183/16000617.0242–2020.

293. *Carling J.* Gender Dimensions of International Migration // Global Migration Perspectives. 2005. No. 35. 26 p.

294. Climate Change Risk and Vulnerability Promoting an Efficient Adaptation Response in Australia / Allen Consulting Group. Canberra: Australian Greenhouse Office, Department of the Environment and Heritage, 2005. 159 P. ISBN 10-920840-94-X.

295. *Coletti P.* Relaunching Labour-Market Integration for Migrants: What Can We Learn from Successful Local Experiences? / P. Coletti, N. Pasini // Journal of International Migration and Integration. 2022. DOI 10.1007/s12134-022-00933-6.

296. *Czaika M.* The Effectiveness of Immigration Policies / M. Czaika, H. G. de Haas // Population and Development Review. 2013. Vol. 39. P. 487–508. DOI 10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x.

297. *De Haas H.* Conceptualizing and Measuring Migration Policy Change/ H. De Haas, K. Natter, S. Vezzoli // Comparative Migration Studies. 2015. Vol. 3. Article No. 15. DOI 10.1186/s40878-015-0016-5.

298. *Dumont J.-C.* How to make Labour Migration Management Future-Ready? / J.-C. Dumont, J. Chaloff, T. Liebig // OECD Migration Policy Debates. 2020. No. 21. 7 p. URL: https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-21.pdf.

299. *Eraliev Sh.* Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia / Sh. Eraliev, R. Urinboyev // Current History. 2020. Vol. 119, No. 819. P. 258–263. DOI 10.1525/curh.2020.119.819.258.

300. Evaluation of Existing Migration Forecasting Methods and Models. Report for the Migration Advisory Committee / G. Disney, A. Wiśniowski, J. J. Forster, P. W. F. Smith, J. Bijak Southampton: University of Southampton; ESRC Centre for Population Change, 2015. 64 p.

301. External Youth Migration in the Countries of Central Asia: Risk Analysis and Minimization of Negative Consequences. Astana: International Organization for Migration, Subregional Coordination Office in Central Asia, 2019. 81 p.

302. *Florida R.* The Geography of COVID-19 in Sweden / R. Florida, C. Mellander // CESIS Electronic Working Paper Series. 2022. Vol. 487. P. 125–150. DOI 10.1007/s00168-021-01071-0.

303. *Fujita M.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. Cambridge: The MIT Press, 2001. 384 p. DOI 10.7551/mitpress/6389.001.0001. ISBN 9780262561471.

304. *Goss J.* Conceptualizing International Labor Migration: A Structuration Perspective / J. Goss, B. Lindquist // International Migration Review. 1995. Vol. 29, No. 2. P. 317–351. DOI 10.2307/2546784.

305. *Hofferth S. L.* Family Structure and the Transition to Early Parenthood / S. L. Hofferth, F. Goldscheider // Demography. 2010. Vol. 47, No. 2. P. 415–437. DOI 10.1353/dem.0.0102.

306. *Hondagneu-Sotelo P.* Gender and Immigration: A Retrospective and Introduction // Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2003. P. 2–18. DOI 10.1525/california/9780520225619.003.0001.

307. *Houseknecht S. K.* Voluntary Childlessness // Handbook of Marriage and the Family / Ed. by M. B. Sussman, S. K. Steinmetz. Boston: Springer, 1987. P. 369–395. DOI 10.1007/978-1-4615-7151-3_14.

308. Human Development Report 2020: The Next Frontier — Human Development and the Anthropocene. New York: United Nations Development Programme, 2020. 397 p. ISBN 9789210055161.

309. ILO Policy Guidelines for Results-Based Evaluation. Principles, Rationale, Planning and Managing For Evaluations. 4th edition. Geneva: International Labour Organization, 2020. 51 p. ISBN 9789221277750.

310. Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations / Ed. by D. Raphael. Canadian Scholars Press, 2016. 392 p. ISBN 978-1551309279.

311. Independent Mid-Term Evaluation of Promoting the Effective Governance of Labour Migration from South Asia through Actions on Labour Market Information, Protection during Recruitment and Employment, Skills, and Development Impact (SALM) / E. McGregor, K. Marchand. Geneva: Evaluation Office International Labour Organization, 2016. 65 p.

312. *Irnazarov F.* The Impact of Russian Re-Entry Bans on Central Asian Labor Migrants: Coping Strategies // Eurasia on the Move: Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region / Ed. M. Laruelle, C. Schenk. Washington, D. C.: George Washington University, Central Asia Program, 2018. P. 98–106.

313. Key Indicators of the Labour Market, Ninth edition. Geneva: International Labour Office, 2016. 140 p. ISBN 978-92-2-130121-9.

314. *Ko F. W.* Effects of Air Pollution on Asthma Hospitalization Rates in Different Age Groups In Hong Kong / F. W. Ko, W. Tam, T. W. Wong // Clinical and Experimental Allergy: Journal of the British Society for Allergy and Clinical Immunology. 2007. Vol. 37, No. 9. P. 1312–1319. DOI 10.1111/j.1365–2222.2007.02791.x.

315. *Kritz M. M.* International Migration Policies: Conceptual Problems // International Migration Review. 1987. No. 21 (4). P. 947–964. DOI 10.2307/2546499.

316. *Ledeneva V.* Communicative Practices of Migrants in the Transnational Space // KnE Social Sciences. 2021. Vol. 5, No. 2. P. 55–64. EDN BBKCRZ.

317. *Lesthaeghe R.* The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation — A Global Update // Genus. 2020. Vol. 76. Article No. 10. DOI 10.1186/s41118-020-00077-4.

318. *Liefbroer A. C.* Changes in Family Size Intentions Across Young Adulthood: A Life-Course Perspective // European Journal of Population. 2009. Vol. 25, No. 4. Pp. 363–386. DOI 10.1007/s10680-008-9173-7.

319. *Ljubinković M.* Values Such as Marriage and Family Among Young People: MA thesis / Marijana Ljubinković; [University of Novi Sad]. Novi Sad, 2014. 108 p. URL: http://research.rs/wp-content/uploads/2015/01/8-Ljubinkovic-engl.pdf.

320. *Lutz H.* Gender in the Migratory Process // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36, No. 10. P. 1647–1663. DOI 10.1080/1369183X.2010.489373.

321. *Mahler S.* Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces / S. Mahler, P. R. Pessar // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2001. Vol. 7, No. 4. P. 441–459. DOI 10.1080/1070289X.2001.9962675.

322. *Mckibbin W. J.* The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios / W. J. Mckibbin, R. Fernando // CAMA Working Paper. 2020. No. 19. 45 P. DOI 10.2139/ssrn.3547729.

323. *Molodikova I.* Trends in the Field of Social Policies and Welfare Reforms in Ukraine and Moldova / I. Molodikova, O. Malinovskaya, E. Libanova, R. Rusu. CeSPI Background Report 3/2008. Roma: Centro Studidi Politica Internazionale, 2008. 33 p.

324. *Nurdinova Sh. R.* Migratsiyaning feminizatsiyalashuvi: Turkiyadagi O'zbek migrantlar // Iqtisodiyot: Tahlillar va Prognozlar. 2021. № 2 (13). P. 187–194. EDN CZWZTU.

325. *Oishi N.* Gender and Migration: An Integrative Approach. UC San Diego Working Paper No. 49. La Jolla: University of California-San Diego, 2002. 18 p.

326. *Omran A. R.* The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // The Milbank Memorial Fund Quoterly. 1971. Vol. 49, No. 4. Pp. 509–538.

327. *Petersen A. H.* Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation. New York: Dey Street Books. 2020. 304 p. ISBN 978–0358315070.

328. *Pinkus G.* The 'War' on COVID-19: What Real Wars Do (and Don't) Teach Us About the Economic Impact of the Pandemic / G. Pinkus, S. Ramaswamy. Mckinsey Global Institute, 2020. 6 p.

329. *Pitukhina M.* Foreign Labor Migration Control in Russian Regions Using Multicultural Barometer (By the Example of the Republic of Karelia) / M. Pitukhina, O. Tolstoguzov, L. Kulakova, E. Pitukhin, I. Radikov // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 284. Publication No. 11008. EDN VYZKPT.

330. *Porcheddu R.* Similarity in Case Fatality Rates (CFR) of COVID-19/SARSCOV-2 in Italy and China / R. Porcheddu, C. Serra, D. Kelvin, N. Kelvin, S. Rubino // Journal of Infection in Developing Countries. 2020. Vol. 14, No. 2. P. 125–128. DOI 10.3855/jidc.12600.

331. *Portes J.* The Economics of Migration // Contexts. 2019. Vol. 18, No. 2. P. 12–17. DOI 10.1177/1536504219854712.

332. Quantitative Risk Assessment of the Effects of Climate Change on Selected Causes of Death, 2030s and 2050s / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014г. 115 p. ISBN 978-92-4-150769-1.

333. *Rean A. A.* The Family in the Structure of Values of Young People // Russian Education & Society. 2018. Vol. 60, No. 1. Pp. 43–57. DOI 10.1080/10609393.2018.1436294.

334. *Rigaud K.* Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration / K. Rigaud, A. de Sherbinin, B. Jones, J. Bergmann, V. Clement, K. Ober, J. Schewe, S. Adamo, B. McCusker, S. Heuser, A. Midgley. Washington, DC: World Bank, 2018. 222 p. DOI 10.1596/29461.

335. *Rinne U.* The Evaluation of Immigration Policies. Discussion Paper No. 6369. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA), 2012. 27 p. DOI 10.2139/ssrn.2015185.

336. *Rizwan A. M.* A Review on the Generation, Determination and Mitigation of Urban Heat Island / A. M. Rizwan, L. Y. C. Dennis, Ch. Liu // Journal of Environmental Sciences. 2008. Vol. 20, No. 1. P. 120–128. DOI 10.1016/S1001-0742(08)60019-4.

337. *Rocheva A.* Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation / A. Rocheva, E. Varshaver // Asia-Pacific Population Journal. 2017. Vol. 32. No. 2. P. 87–136. DOI 10.18356/e617261d-en.

338. *Samper Mejia C.* The Interplay Between the Early Work and Family Trajectories of Young Adult Women Born in West Germany: Differences by Parental Origins // International Migration and Integration. 2021. DOI 10.1007/s12134-021-00882-6.

339. *Selezneva E.* Struggling for New Lives: Family and Fertility Policies in the Soviet Union and Modern Russia. IOS Working Papers, No. 355. Regensburg: Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, 2016. 40 p.

340. *Sera F.* How Urban Characteristics Affect Vulnerability to Heat and Cold: A Multi-Country Analysis / F. Sera, B. Armstrong, A. Tobias [et al.] // International Journal of Epidemiology, 2019. Vol. 48, No. 4. P. 1101–1112. DOI 10.1093/ije/dyz008.

341. *Sexton K.* Assessing Cumulative Health Risks from Exposure to Environmental Mixtures — Three Fundamental Questions / K. Sexton, D. Hattis. Environmental Health Perspectives. 2007. Vol. 115, No. 5. P. 825–832. DOI 10.1289/ehp.9333.

342. *Shamurzaeva A. S.* Gender-Specific Patterns of Remittance Behavior of Labor Migrants from the Kyrgyz Republic // Alatoo Academic Studies. 2021. No. 2. P. 318–332. P. 319. DOI 10.17015/aas.2021.212.37. EDN GEAWFS.

343. *Solano G.* Migration Policy Indicators / G. Solano, T. Huddleston // Introduction to Migration Studies. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2022. P. 389–407. DOI 10.1007/978-3-030-92377-8_24.

344. *Spoonley P.* Responding to Regional Labour Demand: International Migration and Labour Markets in New Zealand's Regions / P. Spoonley, R. Bedford // Journal of International Migration and Integration. 2008. No 9. P. 203–223. DOI 10.1007/s12134-008-0056-x.

345. *Stafoggia M.* Factors Affecting In-Hospital Heat-Related Mortality: A Multi-City Case-Crossover Analysis // Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. Vol. 62. No. 3. P. 209–215. DOI 10.1136/jech.2007.060715.

346. *Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe. Fort Mill: Quill, 1992. 538 p. ISBN 978–0688119126.

347. The Global Risks Report 2022, 17th Edition / E. G. Franco, M. Kuritzky, R. Lukacs, S. Zahidi [et al.]; World Economic Forum. Geneva: World Economic Forum, 2022. 116 p. ISBN 978-2-940631-09-4.

348. *Tran A. H.* Evaluating the Efficiency of Migration Regimes and Their Role in the Progress of Common European Labor Market / A. H. Tran, N. Le Thi Minh, D. Ushakov // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, No. 2S11. P. 3883–3888. DOI 10.35940/ijrte.b1516.0982s1119.

349. *Tuccio M.* International Migration as a Driver of Political and Social Change: Evidence from Morocco / M. Tuccio, J. Wahba, B. Hamdouch // Journal of Population Economics. 2019. Vol. 32. P. 1171–1203. DOI 10.1007/s00148-019-00734-9.

350. *Ullah A.* Introduction: Migration Policy — Theoretical and Conceptual Issues / A. Ullah, M. Rahman // Asian Migration Policy: South, Southeast and East Asia / Ed. M. Rahman, A. Ullah. New York: Nova Science Publishers, 2012. P. 1–17. ISBN 978-1-62257-020-1.

351. *Ushakov D.* Reforming of the State Immigration Policy in the Context of Globalization: On the Example of Russia / D. Ushakov, E. Rubinskaya // Immigration and the Current Social, Political, and Economic Climate: Breakthroughs in Research and Practice. Hershey, PA: IGI Global, 2018. P. 625–643. DOI 10.4018/978-1-5225-3856-1.ch012. ISBN 9781522538578.

352. *Van Bavel J.* Choice of Dtudy Discipline and the Postponement of Motherhood in Europe: The Impact of Expected Earnings, Gender Composition, and Family Attitudes // Demography. 2010. Vol. 47. Pp. 439–458. DOI 10.1353/dem.0.0108.

353. *Van de Kaa D. J.* Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol. 50, No. 3. Pp. 389–432. DOI 10.1080/0032472031000149546.

354. *White-Newsome J. L.* Climate Change and Health: Indoor Heat Exposure in Vulnerable Populations / J. L. White-Newsome, B. N. Sánchez, O. Jolliet [et al.] // Environmental Research. 2012. Vol. 112. P. 20–27. DOI 10.1016/j.envres.2011.10.008.

355. World Employment and Social Outlook: Trends 2022. Geneva: International Labour Office, 2022. 124 p. ISBN 9789220356982.

356. World Migration Report 2020. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 477 p. ISBN 978-92-9068-789-4.

357. *Wu Z.* Characteristics of and Important Lessons from the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Outbreak in China: Summary of a Report of 72 314 Cases from the Chinese Center for Disease Control and Prevention / Z. Wu, J. M. McGoogan // Journal of the American Medical Association. 2020. Vol. 323, No. 13. P. 1239–1242. DOI 10.1001/jama.2020.2648.

358. *Yang J.* Prevalence of Comorbidities in the Novel Wuhan Coronavirus (COVID-19) Infection: A Systematic Review and Meta-Analysis / J. Yang,

Y. Zheng, X. Gou, K. Pu, Z. Chen, Q. Guo, R. Ji, H. Wang, Y. Wang, Y. Zhou // International Journal of Infectious Diseases. 2020. Vol. 94. P. 91–95. DOI 10.1016/j.ijid.2020.03.017.

359. *Yeatman S.* Young Women's Dynamic Family Size Preferences in the Context of Transitioning Fertility / S. Yeatman, C. Sennott, S. Culpepper // Demography. 2013. Vol. 50, No. 5. Pp. 1715–1737. DOI 10.1007/s13524-013-0214-4.
360. *Zheng Y. Y.* COVID-19 and the Cardiovascular System / Y. Y. Zheng, Y. T. Ma, J. Y. Zhang, X. Xie // Nature Reviews Cardiology. 2020. Vol. 17, No. 5. P. 259–260. DOI 10.1038/s41569-020-0360-5.
361. *Zubko A.* Network of Vascular Centers in the Russian as a Way to Reducing Mortality in the Working Population / A. Zubko, T. Sabgaida, P. Scelekhov, V. Zaporozhchenko, E. Zemlyanova // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29, Supplement 4. P. 464–465. DOI 10.1093/eurpub/ckz186.220.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом семьи и семейно-демографической политики, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, заведующий отделом рождаемости и репродуктивного поведения, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

БЕЗВЕРБНЫЙ Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по стратегическому развитию и кадровой политике, заведующий отделом геоурбанистики и пространственной демографии, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

БОРЗУНОВА Татьяна Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

БРАГИН Алексей Дмитриевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ВАНГОРОДСКАЯ Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ВАРТАНОВА Марина Львовна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Николаевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ВОЛКОВА Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ВОРОБЬЕВА Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ГНЕВАШЕВА Вера Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ДОБРОХЛЕБ Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЗОЛОТАРЕВА Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЗУБКО Александр Владимирович, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ИВАНОВА Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом здоровья и самосохранительного поведения, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КАРПОВА Светлана Федоровна, инженер-исследователь, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КИРЕЕВ Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КНЯЗЬКОВА Екатерина Александровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КУБЛИЦКАЯ Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КУЗНЕЦОВ Никита Григорьевич, стажер-исследователь, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

КУЧМАЕВА Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЛУКЬЯНЕЦ Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, заместитель директора по инновационному проектированию, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

МАКЕЕВА Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

МАНЬШИН Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом миграции и миграционной политики, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

МИРЯЗОВ Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

МОИСЕЕВА Евгения Михайловна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

МОРОЗОВА Галина Федоровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

НЕСТЕРОВ Артем Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ОСАДЧАЯ Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь, заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ПОПОВА Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

РАХМОНОВ Абубакр Хасанович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

САБГАЙДА Тамара Павловна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

СЕМЕНОВА Виктория Георгиевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

СИВОПЛЯСОВА Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

СИГАРЕВА Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ТКАЧЕВ Сергей Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ТОПИЛИН Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ТЫШКЕВИЧ Анна Ивановна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ШАХРАЙ Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом правового обеспечения социально-демографических процессов, главный научный сотрудник, институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель директора по международной и образовательной деятельности, заведующий отделом демографической безопасности и моделирования демографических процессов, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЮДИНА Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ЯНИК Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1.1.1. *Динамика численности населения России в 2019–2020 гг. (%). (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.2. *Динамика численности населения России в 2020–2021 гг. (%) (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.3. *Регионы России с положительным естественным и миграционным приростом, 2020 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.4. *Регионы России с положительным естественным и миграционным приростом, 2021 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.5. *Регионы России с положительным естественным приростом, 2020 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.6. *Регионы России с положительным естественным приростом, 2021 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

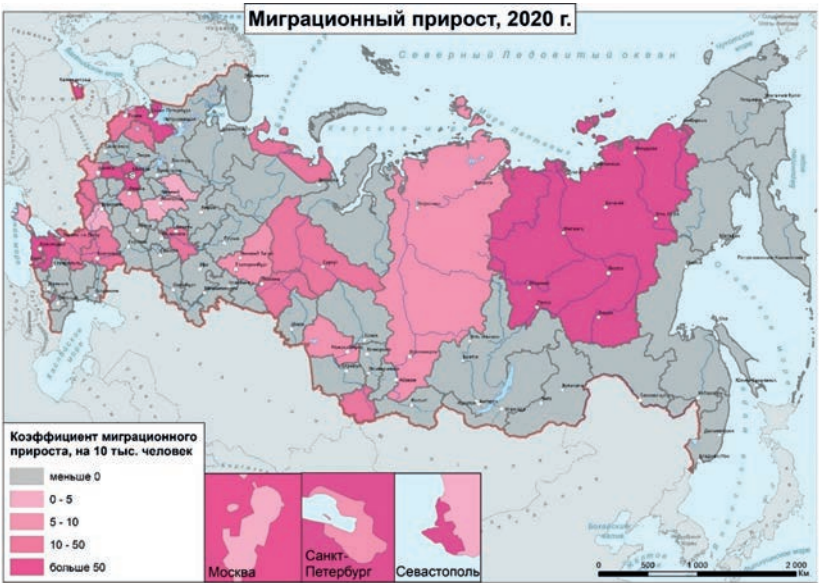

Рис. 1.1.7. *Регионы России с положительным миграционным приростом, 2020 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

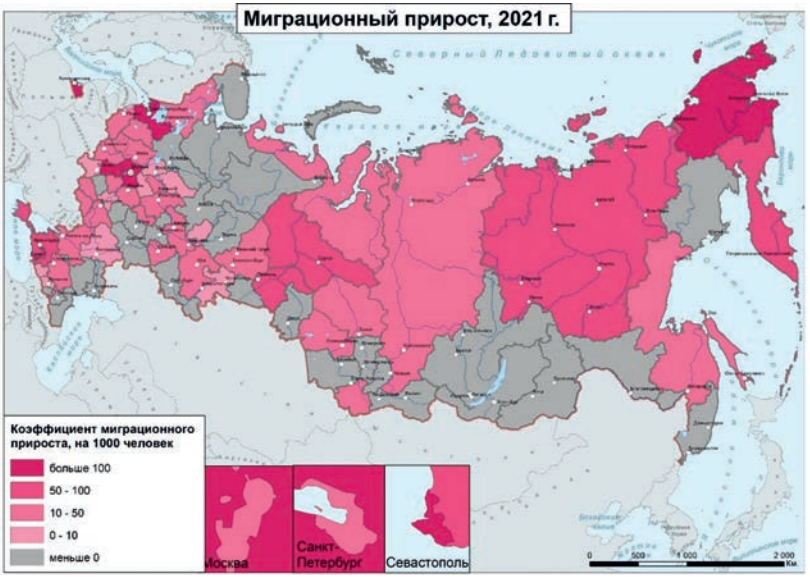

Рис. 1.1.8. *Регионы России с положительным миграционным приростом, 2021 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.9. *Суммарный коэффициент рождаемости в России, 2020 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

Рис. 1.1.10. *Суммарный коэффициент рождаемости в России, 2021 г. (Государственные границы Российской Федерации показаны на 31 декабря 2021 г.)*

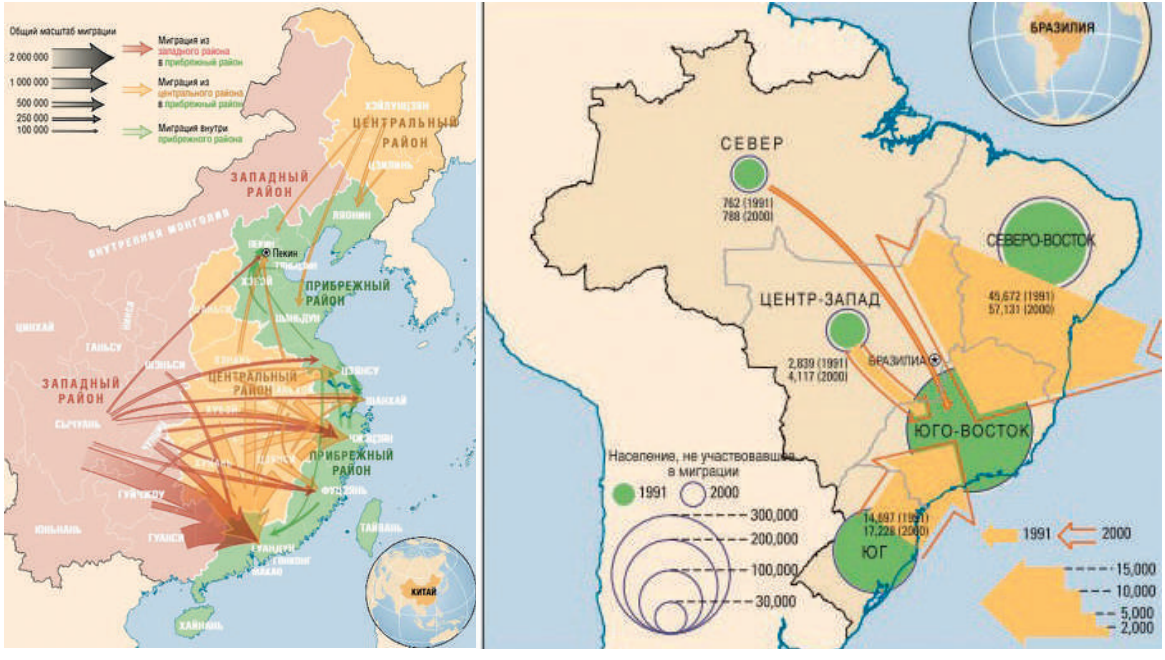

Рис. 4.2.1. *Карты роста крупнейших приморских агломераций в Китае и в Бразилии за счет миграции из внутренних регионов страны*

Источник: Доклад Всемирного Банка о мировом развитии 2009 г.[1]

[1] Доклад о мировом развитии 2009: Новый взгляд на экономическую географию. Вашингтон: Всемирный банк, 2008. 404 с.

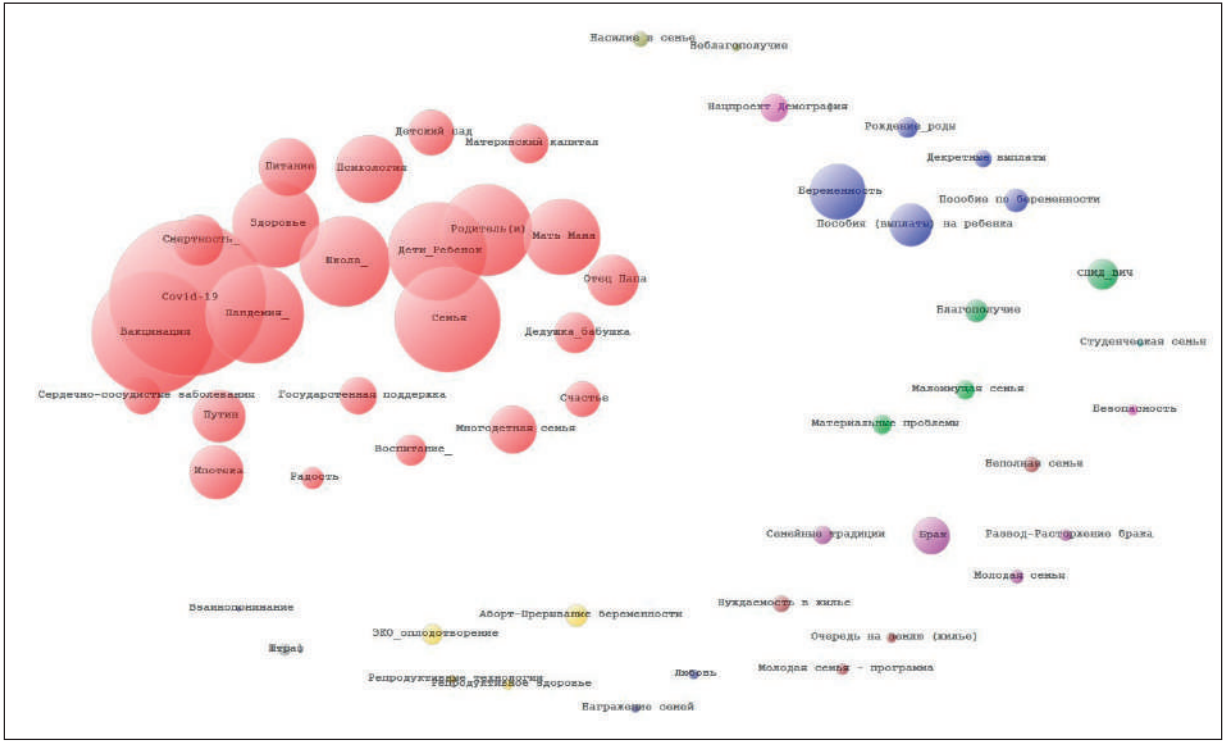

Рис. 4.3.1. *Карта связанности единиц счета по основным категориям исследования*

Источник: составлено авторами на основе анализа текстовых данных в специализированной программе QDA Miner

Научное издание

РЯЗАНЦЕВ С. В., **РОСТОВСКАЯ** Т. К., **АРХАНГЕЛЬСКИЙ** В. Н., **БЕЗВЕРБНЫЙ** В. А., **БОРЗУНОВА** Т. И., **БРАГИН** А. Д., **ВАНГОРОДСКАЯ** С. А., **ВАРТАНОВА** М. Л., **ВАСИЛЬЕВА** Е. Н., **ВОЛКОВА** О. А., **ВОРОБЬЕВА** О. Д., **ГНЕВАШЕВА** В. А., **ДАЦЫШЕН** В. Г., **ДОБРОХЛЕБ** В. Г., **ЗОЛОТАРЕВА** О. А., **ЗУБКО** А. В., **ИВАНОВА** А. Е., **КАРПОВА** С. Ф., **КИРЕЕВ** Е. Ю., **КНЯЗЬКОВА** Е. А., **КУБЛИЦКАЯ** Е. А., **КУЗНЕЦОВ** Н. Г., **КУЧМАЕВА** О. В., **ЛЕДЕНЕВА** В. Ю., **ЛУКЬЯНЕЦ** А. С., **МАКЕЕВА** С. Б., **МАНЬШИН** Р. В., **МИКРЮКОВ** Н. Ю., **МИРЯЗОВ** Т. Р., **МОИСЕЕВА** Е. М., **МОРОЗОВА** Г. Ф., **НЕСТЕРОВ** А. Ю., **ОСАДЧАЯ** Г. И., **ПОПОВА** С. М., **РАХМОНОВ** А. Х., **САБГАЙДА** Т. П., **СЕМЕНОВА** В. Г., **СИВОПЛЯСОВА** С. Ю., **СИГАРЕВА** Е. П., **ТКАЧЕВ** С. В., **ТОПИЛИН** А. В., **ТЫШКЕВИЧ** А. И., **ЧЕРНЫШЕВА** Н. В., **ШАХРАЙ** С. М., **ХРАМОВА** М. Н., **ЮДИНА** Т. Н., **ЯНИК** А. А.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2022 ГОДУ

Редактор Е. М. Моисеева

Текст публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-392-38629-1

Подписано в печать 20.01.2023. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Печать цифровая. Печ. л. 28,0. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз. Заказ №

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.